

**ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА**

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., О. А. Козадеров, д-р хим. наук, доц.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ.-мат. наук, доц. Члены совета: В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., С. А. Куролап, д-р геогр. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., А. А. Сирота, д-р техн. наук, проф., Ю. Н. Старилов, д-р юрид. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., С. А. Шабров, д-р физ.-мат. наук, доц., А. И. Шашкин, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, доц.; ответственный секретарь – М. Е. Новичихина, д-р филол. наук, проф. Члены редколлегии: А. В. Сосновский, д-р гуманитарных наук, проф. (г. Берлин, Германия); Б. Я. Мисонжников, д-р филол. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); А. В. Млечко, д-р филол. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); В. Ф. Олешко, д-р филос. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); Т. А. Тернова, д-р филол. наук, доц.; Г. Ф. Ковалев, д-р филол. наук, проф.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Журнал принимает к публикации статьи по специальностям: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 5.9.4 Фольклористика (филологические науки).

Адрес редакции,
издателя:

394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика»
E-mail: vlvtul@mail.ru
Тел.: +7 (473) 274-52-71

© Воронежский государственный университет, 2022

Вестник Воронежского государственного университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА
Выходит 4 раза в год

Серия: Филология. Журналистика. 2022. № 3. Июль – сентябрь

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Бердникова О. А., Голицына Т. Н.</i> «МЕСТО ЧЕЛОВЕКА ВО ВСЕЛЕННОЙ»: ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЛОКАТИВНОЙ СФЕРЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	5
<i>Васильева И. В., Булгакова И. В.</i> РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ: ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ	10
<i>Грязнова А. Ю.</i> ПОЭЗИЯ И ТАНЕЦ В ПЕРФОРМАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ 2010–20-Х ГГ.	14
<i>Дегтева Я. Н.</i> ОСОБЕННОСТИ ВИЗУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ГЕРОЕВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО.....	19
<i>Краснова О. Н.</i> ДЕФОРМАЦИЯ КАК ПРИЕМ ВЫЯВЛЕНИЯ ПОДТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ О ГЛУБИННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ ОБРАЗА ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В «БЕДНОЙ ЛИЗЕ» Н. М. КАРАМЗИНА	23
<i>Михиенко С. А.</i> ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ “DEATH”/«СМЕРТЬ» В РОМАНЕ Б. АНСВОРТА «МОРАЛИТЕ»	26
<i>Никонова Т. А.</i> ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ РОМАНА Ф. А. АБРАМОВА «БРАТЯ И СЕСТРЫ».....	31
<i>Петрова О. О.</i> МОДЕЛИ МЕТОНИМИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»	35
<i>Полтавец М. А.</i> ГИБЕЛЬ ТАМАРЫ КАК НРАВСТВЕННАЯ СМЕРТЬ ДЕМОНА.....	38
<i>Сатарова Л. Г., Стюфляева Н. В.</i> ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕЦ, ТРИДЦАТЬ СЕРЕБРЕННИКОВ И НРАВСТВЕННЫЙ ВЫБОР ЧЕЛОВЕКА В ПЬЕСАХ А. Н. ОСТРОВСКОГО (В СВЕТЕ УЧЕНИЯ СВТ. ТИХОНА ЗАДОНСКОГО)	43
<i>Соу Умар.</i> МАРКСИСТСКИЙ ФЕМИНИЗМ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В РОМАНЕ «МАТЬ» МАКСИМА ГОРЬКОГО	49
<i>Тун Баохуэй.</i> ФУНКЦИЯ АРХЕТИПА ТЕНИ В ЛИТЕРАТУРЕ («ИСТИННЫЙ И ФАЛЬШИВЫЙ ЦАРЬ ОБЕЗЬЯН» В «ПУТЕШЕСТВИИ НА ЗАПАД» У ЧЭН-ЭНЯ, «ТЕНЬ» Х. К. АНДЕРСЕНА И «НОС» Н. В. ГОГОЛЯ)	52
<i>Чэнь Сюецин.</i> ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ПРЕДЛОЖНОЙ КОНСТРУКЦИИ «ПО ПУТИ».....	58

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Аргылов Н. А., Фомина Е. В.</i> РЫНОК ЖУРНАЛИСТСКОГО ТРУДА: ЗАПРОСЫ РАБОТОДАТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИАСИСТЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА).....	62
<i>Балашова К. А.</i> ОСВЕЩЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ В «ЖУРНАЛЕ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ».....	68
<i>Вахрушев А. А.</i> О ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ МИССИИ ЖУРНАЛИСТИКИ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВЯТСКОЙ ПЕЧАТИ) ...	73
<i>Гладков С. А.</i> ГОТИЧЕСКИЕ МЕДИА В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ: МЕДИАСТРАХИ КАК ОТРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «TERROR» И «HORROR»	78
<i>Гордиенко Н. Н.</i> ЖАНРЫ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.....	83
<i>Городничева М. А.</i> «НОВОЕ ИСКУССТВО» В ВОСПРИЯТИИ А. М. ГОРЬКОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ НИЖЕГОРОДСКОЙ ПРЕССЫ 1896 Г.).....	87
<i>Донских А. Г.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРОДВИЖЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА В ТВ-ПРОГРАММЕ «БОЛЬШАЯ СТРАНА».....	95
<i>Желновакова М. Ф., Евтеев П. М.</i> ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРЕССЫ В РОССИИ 1900–1920 ГГ.....	99
<i>Землянский А. В.</i> ПРОПАГАНДИСТСКИЕ ЗАДАЧИ МЕДИА США В ПЕРИОД ВОЙНЫ В ИРАКЕ	103
<i>Каминская Т. Л.</i> НОВАЯ РОССИЙСКАЯ МЕДИАРЕАЛЬНОСТЬ: ПРОЦЕССЫ АДАПТАЦИИ.....	109
<i>Козлова Н. Н.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» РУБЕЖА XIX–XX ВВ.	114
<i>Кузьмич С. В.</i> КОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ИСПАНСКИХ ГАЗЕТ «EL MUNDO» И «EL PAIS».....	118
<i>Ли Инин.</i> КОРОТКОЕ ВИДЕО КАК ИСТОЧНИК ИНФОДЕМИИ В УСЛОВИЯХ ЭПИДЕМИИ COVID-19	122
<i>Мельник Н. Д.</i> ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЖУРНАЛОВ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ «МИРА ИСКУССТВА»)	125
<i>Овчаренко Е. Ф.</i> ИЗ ИСТОРИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ КАНАДЫ: ЖУРНАЛИСТ МЕДЕРИК ЛАНКТО И ЕГО ИЗДАНИЯ	131
<i>Панюкова С. А.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА АРКАИМА КАК НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ФЕНОМЕНА В ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСУРСА «ПИКАБУ»)	136
<i>Соколова А. А., Иткулова А. А.</i> К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ ВОЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	140
<i>Тажудинова Г. Н.</i> ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕМА В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ КИНО КАРАКАЛПАКИИ.....	145
<i>Таказов В. Д., Загоскина К. С.</i> СМИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»	148
<i>Трищенко Н. Д.</i> КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ В НАУКЕ КАК ПОСЛЕДСТВИЕ МЕДИАТИЗАЦИИ.....	152
<i>Тулупов В. В.</i> ИЗМЕНЕНИЯ ТЕМАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СПОРТИВНЫХ ТЕЛЕКАНАЛОВ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ	156
<i>Чжан Мэн.</i> КОРОТКИЕ ВИДЕО ТЕЛЕКАНАЛА «CGTN-РУССКИЙ» КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ ОБРАЗА КИТАЯ В СОЗНАНИИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ	158
<i>Шилова М. А.</i> ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ИНОСТРАННЫХ БРЕНДОВ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СВО.....	161
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	165

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2022. № 3. July – September

CONTENTS

PHILOLOGY

<i>Berdnikova O. A., Golitsyna T. N.</i> "THE PLACE OF MAN IN THE UNIVERSE": ABOUT THE PECULIARITIES OF THE LOCATIVE SPHERE IN THE WORKS OF MODERN RUSSIAN LITERATURE.....	5
<i>Bulgakova I. V., Vassilyeva I. V.</i> RUSSIAN LANGUAGE IN MODERN INFORMATION SYSTEMS: SPIRITUAL AND MORAL ASPECT	10
<i>Gryaznova A. Yu.</i> POETRY AND DANCE IN PERFORMATIVE PRACTICES OF 2010-2020S.....	14
<i>Dyogteva Y. N.</i> PECULIARITIES OF THE VISUAL BEHAVIOUR OF THE CHARACTERS IN DOSTOEVSKY'S WORKS	19
<i>Krasnova O. N.</i> DEFORMATION AS A METHOD OF REVEALING SUBTEXT INFORMATION ABOUT THE DEEP ARTISTIC AND PSYCHOLOGICAL PROPERTIES OF THE NARRATOR'S IMAGE IN "POOR LISA" BY N. M. KARAMZIN	23
<i>Mikhienko S. A.</i> ARTISTIC CONCEPT OF "DEATH" IN BARRY UNSWORTH'S "MORALITY PLAY"	26
<i>Nikonova T. A.</i> HISTORICAL CONTEXTS OF F. A. ABRAMOV'S NOVEL "BROTHERS AND SISTERS"	31
<i>Petrova O. O.</i> MODELS OF METONYMIC TRANSFERS IN LEO TOLSTOY'S NOVEL "ANNA KARENINA"	35
<i>Poltavets M. A.</i> TAMARA'S DEATH AS THE MORAL DEATH OF A DEMON.....	38
<i>Satarova L. G., Styuflyayeva N. V.</i> THE GOLDEN CALF, THIRTY PIECES OF SILVER AND THE MORAL CHOICE OF MAN IN THE PLAYS OF A. N. OSTROVSKY (IN THE LIGHT OF THE TEACHINGS OF SVT. TIKHON ZADONSKY)	43
<i>Sow Oumar.</i> MARXIST FEMINISM AND ITS REALIZATION IN THE NOVEL "MOTHER" BY MAXIM GORKY	49
<i>Tong Baohui.</i> THE FUNCTION OF THE SHADOW ARCHETYPE IN LITERATURE ("THE TRUE AND FALSE MONKEY KING" IN "JOURNEY TO THE WEST" WU CHENG-EN, "SHADOW" BY H. K. ANDERSEN AND "NOSE" BY N. V. GOGOL)	52
<i>Chen Xueqing.</i> GRAMMATICALIZATION THE PREPOSITIONAL UNITS PO PUTI	58

JOURNALISM

<i>Argylov N. A., Fomina E. V.</i> JOURNALISTIC LABOR MARKET: EMPLOYERS' REQUESTS (ON THE EXAMPLE OF THE MEDIA SYSTEM OF THE FAR EAST).....	62
<i>Balashova K. A.</i> INVOLVE OF THE ACTIVITIES OF PEDAGOGICAL PUBLICATIONS IN THE «JOURNAL OF THE MINISTRY OF PUBLIC EDUCATION».....	68
<i>Vakhrushev A. A.</i> ABOUT THE EDUCATIONAL MISSION OF JOURNALISM (HISTORICAL EXPERIENCE OF THE VYATKA PRESS)	73
<i>Gladkov S. A.</i> GOTHIC MEDIA IN TYPOLOGICAL ASPECT: MEDIAFEARS AS REFLECTION OF TERROR AND HORROR ...	78
<i>Gordienko N. N.</i> GENRES OF CULTURAL AND EDUCATIONAL JOURNALISM	83
<i>Gorodnicheva M. A.</i> «NEW ART» IN THE PERCEPTION OF A.M. GORKY (BASED ON THE MATERIALS OF THE NIZHNY NOVGOROD PRESS IN 1896)	87
<i>Donskikh A. G.</i> FEATURES OF THE PROMOTION OF CULTURAL AND EDUCATIONAL TOURISM IN THE «BIG COUNTRY» PROGRAM ON THE «PUBLIC TELEVISION OF RUSSIA»	95
<i>Zhelnovakova M. F., Evteev P. M.</i> FORMATION OF THE RELIGIOUS MASS MEDIA SYSTEM IN RUSSIA IN 1900–1920.....	99
<i>Zemlyanskiy A. V.</i> PROPAGANDA TASKS OF THE US MEDIA DURING THE IRAQ WAR.....	103
<i>Kaminskaya T. L.</i> NEW RUSSIAN MEDIA REALITY: ADAPTATION PROCESSES.....	109
<i>Kozlova N. N.</i> EVOLUTION OF THE LIBERAL AGENDA IN THE JOURNAL «BULLETIN OF EUROPE» AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES.....	114
<i>Kuzmich S. V.</i> THE COMPETITIVE ADVANTAGES OF SPANISH NEWSPAPERS «EL MUNDO» AND «EL PAIS».....	118
<i>Li Yingying.</i> SHORT VIDEOS AS A SOURCE OF INFODEMY IN THE CONDITIONS OF THE COVID-19 EPIDEMIC.....	122
<i>Melnik N. D.</i> FEATURES OF THE DESIGN OF ART MAGAZINES IN RUSSIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF THE «WORLD OF ART»)	125
<i>Ovcharenko E. F.</i> FROM THE HISTORY OF THE REGIONAL PRESS OF CANADA: JOURNALIST MEDERIC LANKTO AND HIS PUBLICATIONS	131
<i>Paniukova S. A.</i> FORMATION OF THE IMAGE OF ARKAIM AS A POPULAR SCIENCE PHENOMENON IN THE USER ENVIRONMENT (ON THE EXAMPLE OF THE «PICABOO» RESOURCE).....	136
<i>Sokolova A. A., Itkulova A. A.</i> ON THE ISSUE OF THE BOUNDARIES OF MILITARY PHRASEOLOGY	140
<i>Tajadinova G. N.</i> ENVIRONMENTAL THEME IN THE DOCUMENTARY FILM OF KARAKALPAKSTAN	145
<i>Takazov V. D., Zagoskina K. S.</i> MASS MEDIA AS A PROMOTION TOOL «SOFT POWER» POLICY.....	148
<i>Trishchenko N. D.</i> CANCEL CULTURE IN SCIENCE AS A CONSEQUENCE OF MEDIATIZATION	152
<i>Tulupov V.V.</i> CHANGES IN THE THEMATIC STRUCTURE OF DOMESTIC SPORTS TV CHANNELS UNDER SANCTIONS...156	
<i>Zhang Meng.</i> SHORT VIDEOS OF THE CGTN-RUSSIAN TV CHANNEL AS A TOOL FOR PROMOTING THE IMAGE OF CHINA IN THE MINDS OF THE RUSSIAN-SPEAKING AUDIENCE.....	158
<i>Shilova M.A.</i> FEATURES OF THE COMMUNICATION POLICY OF DOMESTIC AND FOREIGN BRANDS ON THE RUSSIAN MARKET DURING THE SPECIAL MILITARY OPERATION	161
SUBMISSION GUIDELINES.....	165

«МЕСТО ЧЕЛОВЕКА ВО ВСЕЛЕННОЙ»: ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЛОКАТИВНОЙ СФЕРЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О. А. Бердникова, Т. Н. Голицына

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 4 августа 2022 г.

Аннотация: в статье исследуются виды и способы создания сакральных пространств в произведениях современной русской прозы. В центре внимания частотный локус «остров», рассмотренный в ряде произведений русской литературы и эссеистики 1990-х 2020-х годов. Выявлены символические и собственно сакральные характеристики данного локуса.

Ключевые слова: современная проза, локативная сфера, локус «остров», Л. Бородин, З. Прилепин, Евг. Водолазкин.

Abstract: The article examines the types and methods of creating sacred spaces in the works of modern Russian prose. The focus is on the frequency locus "island", considered in a number of works of Russian literature and essays of the 1990s-2020s. The symbolic and actually sacred characteristics of this locus are revealed.

Keywords: modern prose, locative sphere, locus "island", L. Borodin, Z. Prilepin, Evg. Vodolazkin.

Изучение пространственно-временной сферы художественного произведения имеет в нашей науке прочные основания, заложенные М. М. Бахтиным и Ю. М. Лотманом. М. М. Бахтин, давший основной термин — «хронотоп», видит в нем «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время сгущается, уплотняется, становится художественно зримым; пространство интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, пространство осмысливается и измеряется временем» [1, 235]. Концепция Ю. М. Лотмана базируется на принципиальном различии между художественным пространством и временем и главенством пространства над временем. Вместе с З. Г. Минц Ю. М. Лотман обосновал понятия структуры пространства и языка пространственных отношений: «Структура пространства — это система координат, включающая в себя вертикальную и горизонтальную ось, уровни и сферы, т.е. предельно обобщенные характеристики художественного мира. Язык пространственных отношений — это то образно-семантическое наполнение, которое получают абстрактные топографические координаты поэтического мира. Способность структуры пространства приобретать или моделировать непространственные значения является универсальным свойством и дифференцирующим признаком художественного пространства» [2, 187].

В течение последнего времени ученые пытались найти термины и понятия, фиксирующие разные

формы взаимодействия времени и пространства. Так, Н. В. Пращерук и другие исследователи отмечают ведущую роль пространства, главенство пространства над временем в целом ряде произведений русских и зарубежных авторов XX и начала XXI веков и в ряде исследований используют термин «топохрон» [3]. В последнее время появилось понятие «хоротопа», использованное для описания сакральных пространств. А. Лидов вводит понятие иеротопии: «Иеротопия — это создание сакральных пространств, рассмотренное как особый вид творчества, а также как специальная область исторических исследований, в которой выявляются и анализируются конкретные примеры данного творчества... Иеротопический подход позволяет увидеть художественные объекты в контексте другой модели мира и прочесть их по-новому» [4, 38]. Ученый подтверждает утверждение В. Н. Топорова о том, что в литературе и искусстве в целом пространство предстает не в ньютоновском или лейбницеvском понимании, как нечто относительное, самодостаточное, «пустое» или «объектно-заполненное» ущербное пространство, а является пространством — «чувствилищем Бога», отражающим сознание художника, «бросающим луч света на его ценности, памятные для души одухотворенные места» [5, 228].

Безусловно, усложнение теоретического языка понятий, вводимых для исследования литературы XX-XXI веков, обусловлено происшедшей в XX веке модернизацией всех художественных форм и новым типом художественного мышления, определившего основные черты «неклассического» искусства. В основании модернизма как новой парадигмы ху-

дожественности оказались нарушение гармонии, отклонение от правил, множественность и разнонаправленность творческого поиска, сопротивление устоявшимся нормам религии и морали, утрата целостности представлений о человеке и мире, то есть отвержение того, что являлось мировоззренческим и художественным основанием реализма.

«Тоска по мировой культуре» (О. Мандельштам), столь остро ощущаемая в начале XX века и реализовавшаяся в модернистском типе творчества, привела к осознанию культурной реальности как вполне действительному и действенному художественному опыту. Во многих произведениях современной прозы заметно желание писателей разных творческих устремлений освоить реальность, «зараженную литературой» (О. Славникова). В таких произведениях действительно доминирующим нередко становятся образы пространств, созданных на основе аллюзивных связей с предшествующей культурой.

Активность модернизма проявилась в актуализации и востребованности жанра антиутопии в литературном процессе конца XX века. Причинами стали многие факторы: кризисная рубежная эпоха, эсхатологические настроения, пересмотр исторического прошлого и перестройка всех форм общественного сознания, постутопическое (посткоммунистическое) состояние российского общества, возвращение в русскую литературу первой классической антиутопии романа Е. Замятина «Мы» и зарубежных антиутопий XX века. В конце 1980-х годов появляется целый ряд произведений, близких по жанру к антиутопии: романы Вл. Орлова «Аптекарь» (1988), Вл. Крупина «Спасение погибших» (1989), повесть В. Пелевина «Желтая стрела» (1993), Вл. Личутина «Любостай» (1989). На рубеже 1980–1990-х годов — рассказ Л. Петрушевской «Новые Робинзоны» (1989), киносценарий А. Кабакова «Невозвращенец» (1989), повесть В. Маканина «Лаз» (1991), роман А. Кима «Поселок кентавров» (1993), повесть Л. Бородина «Ловушка для Адама» (1994) и другие.

Доминирующие в этих произведениях мотивы бегства от катастрофической реальности, спасения, поиска убежища, равно как специфика самого жанра антиутопии, привели к актуализации локативной образности. Писатели создавали художественные модели реальностей, которые могут стать основанием для личностного самоопределения героев литературы того времени. Деревня, пещера, подземелье, лесная глушь, поселок, населенный мифическими существами, остров — вот лишь некоторые локусы «спасения» в произведениях тех лет.

При этом самым перспективным и востребованным последующей литературой оказался образ острова, по лексическому определению содержащего многозначную семантику. Это не только «часть суши, со всех сторон окруженная водой, но и «участок, выделяющийся чем-либо из окружающей его местно-

сти» [6, 707]. Семантика лексемы — то, что выделяется, стоит особняком среди остального мира, и эта обособленность, отделенность более других пространственных образов содержит потенцию спасительного локуса.

Едва ли не впервые в литературе 1990-х годов образ острова появился в повести Л. Бородина «Ловушка для Адама» (1994) [7]. Стремясь покончить с криминальным прошлым, герой повести, от лица которого ведется повествование, попадает на некий остров — в чистую природу и к нравственно чистым людям — в идеальные условия для исправления. Однако в апокалиптической обстановке конца века героя, назвавшего себя Адамом и решившего покаяться и вернуться в «рай», подстерегают многочисленные ловушки: лжеучителя, прячущие злые намерения под благими пожеланиями, тени прошлого, приходящие к герою из инобытия. Но самой коварной ловушкой для человека, по мысли Л. Бородина, были и остаются гордыня, страсти, забвение христианских заповедей. Герою повести, открытому для рефлексии и нравственного поиска, искренне желающему победить зло в себе самом, оставлена возможность для очищения и возвращения к добру. Идущая от Библии и собственно Апокалипсиса символика имен, чисел, образов пронизывает произведение эсхатологическими мотивами и придает повести Л. Бородина мистериальный характер.

Через двенадцать лет на экраны страны выходит кинофильм «Остров» (2006) режиссера Павла Лунгина, который в полном смысле слова получил всенародное признание. Здесь реализуются все основные значения этого слова: со всех сторон окруженная водой часть суши становится сакральным — иеротопическим — пространством, стоящим особняком среди остального мира, но притягивающим остальной мир. В фильме «Остров» судьба оступившегося, предавшего в сложнейших ситуациях войны человека повернута в сторону покаянного подвига, возможности искупления тяжкого греха. Та внутренняя Голгофа, на которую обрекает себя главный герой фильма, столь убедительно показана Петром Мамоновым, что у зрителей не остается сомнений в реальности совершившегося на их глазах подвига души, очистившейся в духовной «бане» раскаяния. В этом фильме по сути два острова — тот, где расположен монастырь, и другой, где происходят самые сокровенные события духовной жизни отца Анатолия, где он изгоняет бесов из больной девушки и где обретает вечный покой. К этому сокровенному острову раскаяния всегда стремился герой, и столь многозначен и символичен финальный эпизод фильма, изображающий путь на этот остров враждовавшего с ним отца Иова, становящегося духовным приемником старца Анатолия.

Еще через восемь лет появляется роман З. Прилепина «Обитель» (2014) [8], в котором остров, пред-

назначенный для исправления преступивших закон людей, становится антиутопической моделью новой государственной и общественной структуры. Мотив обособленности, отделенности в этом произведении об островах Соловецкого архипелага усиливается заголовком, несущим значение «монастырь» и обозначающим конкретно и реально существовавший на протяжении нескольких веков Соловецкий монастырь.

Между тем Соловецкий монастырь стал предметом изображения как место, где был в начале 1920-х годов создан СЛОН, то есть Соловки сразу вошли в литературу как «последний монастырь — первый концлагерь» (Б. Ширяев) [9]. Конечно, Соловки как русская Голгофа не являются открытием З. Прилепина. Предшественниками романа «Обитель» явились книги бывших соловецких узников: «Путь» О. Л. Адамовой-Слиозберг (издана в России в 1989 и не раз переиздавалась), «Неугасимая лампада» Бориса Ширяева (написана в начале 1950-х и опубликована в России в 1991), «Воспоминания» (1995) Д. С. Лихачева, «Соловецкие острова» (1927–1929 гг.) Г. А. Андреева (Хомякова) (издана в России в 2005), «Соловецкая каторга. Записки бежавшего» А. Клингера (издана в России в 2013). Автобиографическая и мемуарная стратегия доминирует в этих произведениях, посвященных описанию страданий заключенных и противостоянию бесчеловечной системе.

Вместе с тем почти все авторы воспринимали Соловки не только «как новую тюрьму, а как святое место» [10, 149], причем святость шла уже не от монастырских стен и к тому времени уже поруганных храмов. Не случаен эпиграф к книге «Неугасимая лампада» Б. Ширяева: «Посвящаю светлой памяти художника Михаила Васильевича Нестерова, сказавшего мне в день получения приговора: «Не бойтесь Соловков. Там Христос близко» [9, 5]. Акцент смещается с сакрального места на «гения места», то есть на человека, в данном случае — тех десятков и сотен священнослужителей и мирян, которые пострадали и приняли мученическую кончину за Христа в Соловецком лагере. Почти во всех произведениях о Соловках, в том числе художественных, есть образы персонажей, имеющих вполне реальные прототипы.

В романе З. Прилепина обитель как монастырь сохраняет, как это ни парадоксально, свои основные функциональные значения. Действительно, в обитель приходят, чтобы обрести веру в Бога, для покаяния, являющегося путем к спасению души.

Прилепин моделирует разные — причем сугубо «островные» — пути спасения для героев, поэтому исторически точные детали и события приобретают символические характеристики: собирание ягод в лесу, келья Мезерницкого и лазарет могут быть истолкованы как своего рода «острова спасения». Более того, временное переселение Артема на Лисий остров, бегство с Галиной и короткое пребывание с ней на од-

ном из островов Соловецкого архипелага — разные варианты «островного» спасения, отделяющие их от остальных узников и хотя бы на время выключающие героев из тюремной реальности. Но единственно верный путь спасения — через веру — Артем так и не принимает, отвергая Евангелие и соскабливая «своего князя» со стены в карцере на Секирке после гибели владычки Иоанна и Афанасьева.

В Соловецкой островной обители каются, так что и эти функции монастыря, даже в таком — лагерном его варианте — сохраняются, причем сцена всеобщего покаяния в карцере на Секирной горе — духовная кульминация всего романа. Примечательно, что Артем не участвует в общем покаянии на Секирке, то есть он внутренне фиксирует в себе все называемые грехи, но не исповедует их священнику, подтверждая «диагноз» того духовного недуга, который так точно обозначил владычка Иоанн: «Только обида и сердечное смятение, вместо того чтоб покаяться — и если не за те грехи, что вменили нам неразумные судьи, так за другие» [8, 568].

Вместе с тем Артем, постоянно отделяющий себя от других людей и спасительных путей, не раз в романе демонстрирует готовность помочь человеку, даже отдать жизнь «за други своя», как он встает на место десятого, обреченного на расстрел. Поступок этот может иметь в романе ряд различных сюжетных и психологических мотивировок: равнодушие к смерти после гибели друзей, желание поддержать приговоренную к расстрелу Галину, внутренняя усталость от страданий. На уровне автора есть даже некий элемент игры с именем того, кого герой спасает — Захара (имя автора романа). Но в сюжете романа этот его шаг — в прямом и переносном смысле этого слова — высвечивается жертвенной гибелью владычки Иоанна, поэтому сохраняет в контексте всего повествования высокий смысл. Артем был готов в нечеловеческих условиях проявить высшую степень христианского подвига — способность отдать жизнь за ближнего. И гибель в конечном итоге от ножа уголовника не отменяет этот — сделанный им — шаг ко спасению души.

Литературная — пушкинская аллюзия — «обитель дальняя трудов и чистых нег» [11, 346] — так же, правда в профанном виде, получает подтверждение в сюжете романа: в «дальней» обители Артем получает в полной мере и трудов, и «неги» — не случайно столь подробно прописан любовный сюжет романа. Сохраняет свой смысл и собственно пушкинское значение образа: обитель становится и местом его (и всех основных героев романа) вечного упокоения.

Остров как художественная модель общественно-го устройства и духовного подвига вновь актуализируется в последних произведениях одного из самых читаемых современных авторов Евгения Водолазкина. Евгений Водолазкин — не только автор романов, но и блистательный эссеист, привлечший внимание

читателей книгой «Дом и остров, или Инструмент языка», изданной в Москве в 2020 году. Эссе, написанные в разные годы, посвящены его «дому бытия» — Пушкинскому Дому, учителям и коллегам. В названии этого сборника заявлены основные категории художественного мира Евг. Водолазкина, обозначенные в ставших бестселлерами романах «Лавр (2012)» и «Авиатор (2015)».

Будучи и писателем, и ученым-филологом, Евг. Водолазкин считает Пушкинский Дом — Институт русской литературы Академии наук — сакральным местом, имеющим духовное воздействие на людей. Отдел древнерусской литературы, в котором работает автор, обладает «гением места», и этим «гением» для нескольких поколений сотрудников Пушкинского Дома становится учитель автора, академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. Не случайно именно Д. С. Лихачев назвал отдел древнерусской литературы островом: «Вы не понимаете, что живете на острове» [12, 116]. И сам автор пишет, что он стремился туда, как «стремятся к острову во время шторма [12, 116]». Там происходят главные события не только его научной, но и личной жизни: знакомится с будущей женой, с коллегами, в частности, одной из самых ярких фигур ИРЛИ академиком А. М. Панченко. Отдел древнерусской литературы убедил автора в значимости и великой ценности древнерусской, а затем русской литературы, научил жить в разных культурных эпохах. Поэтому так убедителен Водолазкин в романе «Лавр» в воссоздании атмосферы средневековья и так легко перемещает читателя из одного времени в другое.

В его эссе можно найти и другие обоснования для сакрализации этого пространства, причем это происходит не только в сознании автора, сотрудника ИРЛИ, но, что самое значимое — в народном восприятии. И тут «гением места» становится уже само «имя Пушкинского дома». Так, многие люди считают Пушкинский Дом домом, где жил А. С. Пушкин, путают его с домом на Мойке 12. И одно это имя имеет мощное одухотворяющее воздействие на людей.

Кроме того, Евг. Водолазкин приводит интересный факт: фотографию Спасской башни московского Кремля в одном немецком издании приняли за Пушкинский Дом, что наводит автора на мысль о глубинной и не иссякшей литературоцентричности сознания современного жителя России. Пушкинский Дом есть точка отсчета на шкале ценностей, служит критерием и ориентиром глубинной нравственности, культурным, интеллектуальным и моральным центром. И семантика имени Спасской башни дает тот сакральный мотив спасения, который закрепился за локусами «остров» и «дом», объединившихся для автора в образе Пушкинского Дома.

Через год Евг. Водолазкин сознательно повторяет образ своего предшествующего произведения в романе «Оправдание Острова» (2021) [13]. И зада-

ча «оправдания Острова» может быть осознана как «инструмент языка», что имеет свои корни именно в образе Пушкинского Дома. Ведь место как таковое в оправдании не нуждается, то есть акцент переставлен на людей, не случайно все главы романа именованы антропонимами, да и само слово «Остров» становится именем собственным.

Этот антропологический принцип был заявлен еще в первом романе «Лавр» (2012), принесшим его создателю всероссийскую популярность. Создание «Лавра», по замыслу самого автора, было мотивировано необходимостью дать читателю такую тему для размышлений, которая сможет вернуть его в систему традиционных нравственно-этических ценностей и ориентиров. По мнению Евг. Водолазкина, основная задача литературы — проявление интереса к отдельной личности на фоне историко-культурных декораций. Именно личность является движущей силой исторического прогресса, поэтому отображение сильной, духовно обогащенной личности в литературе является одним из важнейших заданных ориентиров» [14].

В «Оправдании Острова» действует тот же принцип, при этом более условными, игровыми становятся как «историко-культурные декорации», так и «отдельные личности». В прямом смысле преодолевающие время и живущие более трехсот лет князья, законные правители Острова, Парфений и Ксения, становятся для автора — опять-таки в прямом смысле — праобразами, которых воссоздают современные режиссеры и актеры, причем в чужой стране. По сути жизнь основных героев его нового романа строится в контурах уже опробованной в «Лавре» парадигмы духовного пути: познание, отречение, путь и покой. В этом отношении «Оправдание Острова», как и «Лавр», несомненно, «проза филологическая», как справедливо замечает Павел Басинский [15], причем, можно уточнить, по причине игровой авторской повествовательной стратегии — абсолютная филологическая.

Изображение Острова в романе дает писателю возможность моделировать мир в его целостности, неоднозначности, многомерности, это мироустройство, модель мира в его противоречиях. Но моделирование именно в данном романе более всего открыто, рационалистично и оттого менее всего убедительно, поэтому роман не смог повторить счастливую судьбу первых произведений Водолазкина. Одна студентка в своем исследовании употребила термин «хронотоп», который, по мнению автора романа, как нельзя лучше отражает его замысел [14]. Речь шла о романе «Лавр», но, на наш взгляд, этот «термин» более всего отражает авторские игры со временем и пространством в «Оправдании Острова», в полной мере использовавшим потенциал неомодернистского текста.

Введенный А. Большаковой термин неомодернизм предназначен для дефиниции промежуточных

художественных явлений. Современный немодернистский текст — промежуточный уровень между элитарной и массовой культурой, который выполняет «функцию передатчика культурных символов, способствует упрощению и стандартизации информации, передаваемой от одной культуры к другой» [16, 38]. Подобное упрощение не предполагает полное вытеснение из таких текстов социально-нравственных и даже духовных проблем. Другое дело, что метафоризация и символизация, свойственные модернистскому повествованию, приобретают в таких произведениях открытый и общедоступный характер.

И все-таки самым ценным и в высшей степени актуальным становится в последнем романе Евг. Водолазкина открыто заявленная в названии идея оправдания, необходимости в оправдании и отставании права личности и общества жить по своим национально-культурным и духовно-нравственным ценностям, в русле своей духовной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М. М. Бахтин. — М.: Худож. лит., 1975. — 502 с.
2. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — М.: Искусство, 1970. — 384 с.
3. См.: Пращерук Н. В. Феноменология И. А. Бунина: автореф. дис. ... доктора филол. наук / Н. В. Пращерук. — Екатеринбург, 1999. — 38 с.; Бердникова О. А. Иеротопия в романе Евг. Водолазкина «Лавр» / О. А. Бердникова, Т. Н. Голицына // Слово и образ. Сборник материалов научно-богословской конференции кафедры филологии Московской духовной академии «Таинство слова и образа» 3–4 октября 2018 года. — Издательство Московской духовной академии; Издательский отдел Переславской епархии. — Сергиев Посад — Переславль, 2019. С. 243–254.
4. Лидов А. М. Создание есакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования / А. М. Лидов // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси; [ред.-сост. А. М. Лидов]. — М.: Индрик, 2006. — С. 9–32.
5. Топоров В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. — М., 1983. — С. 227–284.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Репринтное издание. В четырех томах / В. И. Даль. — М.: Русский язык, 1990. — Т. II.
7. Бородин Л. Ловушка для Адама / Л. И. Бородин // Юность. — 1994. — № 9.
8. Прилепин Захар. Обитель: роман / Захар Прилепин. — Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. — 746 с.
9. Ширяев Б. Неугасимая лампада / Борис Николаевич Ширяев. — М.: ДАРЪ. — 2009. — 448 с.
10. Лихачев Д. С. Воспоминания / Д. С. Лихачев. — СПб.: Logos, 1995. — 519 с.
11. Пушкин А. С. Избранные сочинения. В 2 томах / А. С. Пушкин. — М.: Художественная литература, 1978. — Т. 1.
12. Водолазкин Евг. Дом и остров, или Инструмент языка / Евгений Водолазкин. — М.: АСТ: редакция Елены Шубиной, 2020. — 384 с.
13. Водолазкин Евг. Оправдание Острова: роман / Евгений Водолазкин. — М.: АСТ: редакция Елены Шубиной, 2021. — 405 с. — (Новая русская классика)
14. Поньрко Н. В. Водолазкин Евгений Германович / Н. В. Поньрко // ОДРЛ ИРЛИ РАН. — Режим доступа: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=1965> (2008 г).
15. Басинский П. Светящаяся тьма / П. Басинский // Российская газета. Выпуск № 5945 (272). — Режим доступа: <http://rg.ru/2012/11/26/basinskij.html> (26.11.2012 г).
16. Большакова Алла. Современная русская проза: между реализмом и модернизмом / Алла Большакова // Русская словесность. 2008. — № 2. — С. 36–41.

Воронежский государственный университет

Бердникова О. А., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы XX и XXI вв., теории литературы и гуманитарных наук, профессор
E-mail: berdnikova@phil.vsu.ru

Голицына Т. Н., кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, доцент
E-mail: golitsina.tatiana@mail.ru

Voronezh State University

Berdnikova O. A., Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature of XX–XXI Centuries, the Theory of Literature and Humanities
E-mail: berdnikova@phil.vsu.ru

Golitsyna T. N., Associate Professor, Department of Russian language
E-mail: golitsina.tatiana@mail.ru

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ: ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ

И. В. Булгакова

Воронежский институт ФСИИ России

И. В. Васильева

Академия права и управления ФСИИ России

Поступила в редакцию 27 мая 2022 г.

Аннотация: статья посвящена актуальной проблеме применения цифровых технологий в речевой коммуникации. В статье рассматривается проблема трансформации языка и его существенных функций в связи с функционированием в информационных системах. Показывается заместительный характер передачи эмоций, применяемый в цифровой языковой среде. Доказывается важность живого общения на русском языке как важнейшем социальном явлении, орудии познания, формирующем духовно-нравственные качества личности. Анализируются изменения характера речевой коммуникации на русском языке, возникшие в результате процессов цифровизации языковой среды. Наряду с преимуществами использования Интернет-коммуникации авторами статьи отмечаются негативные в цифровой языковой среде признаки размывания одной из важнейших функций русского языка как средства формирования нравственных качеств личности.

Ключевые слова: русский язык, естественный язык, цифровая языковая среда, языковая картина мира, информационная система, информационные технологии, речевая коммуникация, Интернет-коммуникация.

Abstract: the article is devoted to the urgent problem of the use of digital technologies in speech. The article deals with the problem of language transformation and its essential functions in connection with operating in information systems. The substitutive nature of the emotions transfer in the digital language environment is considered. The significance of real-life communication in Russian as the most important social phenomenon, a means of cognition forming the spiritual and moral qualities of a personality is proved. Changes in the nature of speech communication in Russian arisen as the result of the language environment digitalization process are analyzed. Besides the advantages of Internet communication the authors of the article note in the digital language environment the signs of blurring of one of the most important functions of the Russian as a means of moral qualities forming.

Keywords: Russian, natural language, digital language environment, linguistic world-image, information system, information technology, speech, communication, Internet communication.

Конструируемая с помощью цифровых технологий языковая среда отражает характерные черты жизни современного человека — утилитаризм и стремление к комфорту. Доступность информации, возможность обмена мгновенными онлайн-сообщениями с использованием приложений способствуют формированию нового цифрового языка.

Понятие язык для нас определяется как основное средство человеческого общения, язык-код, представляющий собой набор знаков и символов, несущих определенный смысл, с помощью которых происходит кодирование информации при ее передаче. Язык рассматривается нами как социальное явление, «хранилище огромного массива знаний и жизненного опыта, совершенное и важнейшее средство форми-

рования мировоззрения и человеческого общения, неразрывно связанное с мышлением и социальными взаимодействиями» [1]. Язык играет огромную роль в процессах познания нового, в процессах становления, развития и ментальной репрезентации человеческих знаний о мире. Как пишет один из видных специалистов в области когнитивной лингвистики З. Д. Попова: «Язык — одно из средств доступа к сознанию человека, его концептосфере, к содержанию и структуре концептов как единиц мышления. Через язык можно познать и эксплицировать значительную часть концептуального содержания сознания» [2, 19].

В своем исследовании мы исходим из того, что «каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира, или языковую картину мира» [3, 11]. Она дается носителю языка в виде априорных представлений, заложенных

в значении языковых единиц. Говорящий эксплицирует свои представления о мире с помощью языковых средств, смысловые компоненты значения которых в форме непосредственных утверждений определяют концептуальное содержание его сознания.

Применение цифровых технологий в речевой коммуникации привело к глубокому изменению коммуникационного ландшафта, начало которому было положено в XX веке. Данные изменения констатируют многие лингвисты, философы, социологи. В частности, в статье Е. М. Николаевой и Е. А. Дюкиной рассматривается явление «вынужденной» многозадачности языка, возникшей в новой языковой среде под влиянием процесса цифровизации общественной жизни [4]. Исследованию проблемы функциональной трансформации языка в современном российском обществе посвящено диссертационное исследование О. А. Лобачевой [1].

Фиксируемые изменения в языке как средстве кодирования информации ученые, прежде всего, связывают с внедрением информационных технологий, приводящим к трансформации языка и речевой коммуникации.

Как мы видим, проблема использования русского языка в информационных системах является актуальной и заслуживает пристального внимания.

Согласно российскому ГОСТ РВ 51987, под информационной системой мы понимаем, автоматизированную систему, результатом функционирования которой является представление выходной информации для последующего использования [5].

Информационная система (ИС) — совокупность технических и программных средств, организационных методик и персонала, предназначенная для сбора, хранения и передачи данных. Примерами информационных систем являются сайты, мобильные приложения, интернет в целом. Использование информационных систем управления имеет ряд преимуществ: 1) легкость использования; 2) экономия времени на поиск нужной информации; 3) возможность создания собственного классификатора, направленного на удовлетворение индивидуальных потребностей в поиске нужных документов.

Новый цифровой язык, применяемый в информационных системах и лежащий в основе современной Интернет-коммуникации, позволяет, по мнению лингвиста Т. Ю. Виноградовой, «манипулировать лингвистическими знаками-символами, которым приписан некоторый смысл». Исследователь подчеркивает, что «естественный язык... занимает фактически центральное место в информатике» [6]. Действительно, многие перспективные направления развития программного и аппаратного обеспечения компьютера связаны с предоставлением пользователю все больших возможностей по использованию естественного языка при работе за компьютером: системы речевого ввода команд (речевой интерфейс),

лингвокорректоры, программы компьютерного перевода текстов, системы контекстного поиска информации в компьютерных сетях.

Цифровой язык в информационных системах фактически выполняет основные функции естественного языка: коммуникативную (функция общения); когнитивную (познавательная функция); эмоциональную (функция формирования личности); директивную (функция воздействия). Однако одним из существенных недостатков Интернет-коммуникации является неэмоциональный характер общения. Отсутствие невербальных средств общения в такой речевой коммуникации делает невозможным расстановку логических акцентов на определенных словах и выражениях. Недостаток эмоций в Интернет-сообщениях компенсируется введением различных эмоциональных реакций — смайликов (от англ. Smile — улыбка). Знаковыми заместителями эмоций в игровом пространстве цифрового языка являются «лайки», восклицательные знаки, большое количество которых может свидетельствовать об интонационном выделении отдельных слов в тексте Интернет-сообщения, круглые скобки (например, правая скобка обозначает улыбку, а левая — огорчение), различные пиктограммы.

В Интернет-коммуникации есть и способы усложной передачи громкости голоса. Например, повышение голоса в виртуальном общении передается нажатием клавиши Caps Lock (от англ. «Caps Lock» — блокировка верхнего регистра клавиатуры).

Тем не менее, такой заместительный характер передачи эмоций не позволяет сформировать эмоциональный интеллект ребенка, научить его культуре общения. Только родное слово, как писал великий русский педагог К. Д. Ушинский, знакомит ребенка с «характером окружающих его людей, с обществом, среди которого он живет ... дает такие логические понятия и философские воззрения, которые, конечно, не мог бы сообщить ребенку ни один философ» [7,137].

Живое общение на родном языке формирует личность индивида, так как язык как важнейшее средство человеческого общения является орудием познания, инструментом мышления, благодаря чему, как считают О. Я. Гойхман и Т. М. Надеина, «коммуникация между людьми является основным механизмом становления человека как социальной личности, средством влияния общества на личность» [8, 7].

Цифровая языковая среда, ориентированная на западную культуру с ее псевдоценностями, во многом утрачивает способность быть «источником умственного и нравственного воспитания», **«величайшим народным наставником»**, как писал о русском языке К. Д. Ушинский в книге «Родное слово» [7, 137]. Доступность и манипулятивный характер информации, свобода самовыражения личности в виртуальной Интернет-коммуникации позволяют субъектам

речевой деятельности в различных интерактивных формах общения (чаты, форумы, конференции, вебинары и т.д.) пользоваться информационными источниками, как отечественными, так и зарубежными, иногда содержащими сомнительную, непроверенную информацию, опасную с точки зрения духовных последствий ее принятия и усвоения.

Русский язык, используемый в современных информационных системах в качестве средства общения, является средством социализации индивида в сети Интернет, сетевой культуризации (освоение норм культуры сети) и самопрезентации личности. В языковом сознании носителей русского языка существует установка на преимущественно фатическое общение в языковой среде Интернета. По результатам опроса, проведенного в 2013 году Центром коммуникативных исследований Воронежского государственного университета, посвященного выявлению уровня медиаграмотности студентов Воронежа, для большинства респондентов Интернет в настоящее время является отдыхом (60% опрошенных) и средством приятного неформального общения, половина испытывает чувство зависимости от интернета (желание, придя домой, скорее включить), причем отмечается отчетливая тенденция к предпочтению визуальных текстов, облегченных по содержанию текстов (светская хроника, небольшие тексты с яркими заголовками, бытовые сенсации). Опрошенные предпочитают не создавать в Интернете тексты, а выкладывать в социальных сетях фотографии [9, 126].

Как мы видим по приведенным результатам исследования, виртуальное общение на русском языке в цифровой языковой среде носит для носителей русской языковой картины мира вторичный характер и не имеет тенденции к замещению общения на естественном языке, определяющем способ восприятия и устройства мира, формирующем нравственные и духовные качества человека. Категории духовность и нравственность являются ключевыми для русской языковой картины мира, в которой духовно-нравственная составляющая человеческой личности является самым главным среди всех качеств, определяющих поведение человека [10, 171–172]. Как отмечает А. Д. Шмелев: «Русская языковая картина мира определяется противопоставлением идеального и материального, а также интеллектуального и эмоционального» [7, 96].

Виртуальное общение в электронной языковой среде, носящее характер игры, не имеет целью формирование нравственных качеств личности, так как самопрезентация в Интернет-коммуникации не означает правдивого и реального представления себя. Индивид, участвуя в виртуальном общении, имеет возможность представлять себя выдуманными именами или псевдонимами, скрывая свою личность за своеобразной маской. Анонимность цифрового языка Интернет-коммуникации, с одной стороны,

позволяет субъекту общения освободиться от психологических барьеров, объективировать фантазии, раскрыть своей внутренний мир, с другой стороны, устраняет нравственные границы в общении, позволяет индивиду опуститься до оскорблений, лжи и клеветы. Об актуальности данной проблемы для современного российского общества свидетельствует тот факт, что в отношении клеветы в соцсетях как уголовно наказуемого деяния в соответствующую статью Уголовного кодекса в 2021 году были внесены поправки, ужесточающие наказание за распространение заведомо ложных сведений, порочащих чью-то честь, достоинство или репутацию [11].

Таким образом, в ходе проведенного исследования было обнаружено, что процессы цифровизации, затронувшие в последние десятилетия русский язык как средство общения, воспитания и формирования личности, привели к глубоким изменениям характера речевой коммуникации: интерактивность и анонимность общения, графическая символизация человеческих эмоций (смайлики, «лайки», восклицательные знаки, круглые скобки, пиктограммы), преобладание визуальных текстов над письменными и устными, отказ от создания текстов в пользу обмена фотографиями, отдавание предпочтения облегченным по содержанию текстам, зависимость от общения в социальных сетях. Использование русского языка в современных информационных системах в рамках конструируемой Интернетом новой языковой среды, виртуальной реальности, создает предпосылки для размывания одной из сущностных функций языка — быть средством формирования личности, ее нравственных качеств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лобачева О. А. Функциональная трансформация языка в современном российском обществе (теоретико-методологический аспект): автореф. дис. ... канд. социол. наук [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/389290> (дата обращения: 16.05.2022).
2. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 314 с.
3. Зализняк А. А. Константы и переменные русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — М.: Языки славянских культур, 2012. — 696 с.
4. Николаева Е. М. Цифровизация языка в условиях «вынужденной» многозначности: проблема идентификации / Е. М. Николаева, Е. А. Дюкина / — Режим доступа: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-yazyka-v-usloviyah-vynuzhdennoy-mnogozadachnosti-problema-identifikatsii> (дата обращения: 16.05.2022).
5. ГОСТ РВ 51987–2002. Информационная технология. Комплекс стандартов на АС. Типовые требования и показатели качества функционирования информационных систем. Госстандарт России. Москва.
6. Виноградова Т. Ю. Специфика общения в Интернете / Т. Ю. Виноградова // Русская и сопоставительная

филология: Лингвокультурологический аспект. — 2007. — № 11. — С. 63–67.

7. Алексеева О. В. К. Д. Ушинский о родном языке как средстве национального воспитания / О. В. Алексеева // Нравственные императивы в праве, науке, образовании и культуре. Сборник научных статей по итогам II Международного молодежного форума. Выпуск II / Под ред. Е. В. Сафроновой, М. А. Кулабуховой, С. В. Полторацкой. — Белгород: ЛитКараВан, 2014. — С. 137–139.

8. Гойхман О. Я. Речевая коммуникация: Учебник / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина / под ред. проф. О. Я. Гойхмана. — М.: ИНФРА-М, 2003. — 272 с.

Воронежский институт ФСИН России

*Булгакова И. В., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского и иностранных языков инженерно-технического факультета*

E-mail: irina-v-bulgakova@yandex.ru

Академия права и управления ФСИН России

*Васильева И. В., кандидат педагогических наук, доцент
кафедры иностранных языков*

E-mail: irina-vas2009@yandex.ru

9. Стернин И. А. Сопоставительный анализ медиаграмотности студентов гуманитариев и негуманитариев / И. А. Стернин // Лингвоконцептология и психолингвистика: сб. науч. статей. — Вып. 6. / Науч. ред. И. А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2013. — 148 с.

10. Барболин М. П. Социализация личности: методология, теория, практика / М. П. Барболин; науч. ред. В. Т. Пуляев. — Санкт-Петербург: Петрополис, 2008. — 371 с.

11. О клевете в уголовном праве. — Режим доступа: <https://www.63.mvd.rf/document/3456256> (дата обращения: 17.05.2022).

*Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia,
Bulgakova I. V., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Russian and Foreign Languages Department of the
Engineering and Technical
Faculty*

E-mail: irina-v-bulgakova@yandex.ru

*Academy of the Federal Penal Service of Russia Russia,
Vassilyeva I. V., Candidate of Pedagogy, Associate Professor
of the Foreign Languages Department
E-mail: irina-vas2009@yandex.ru*

ПОЭЗИЯ И ТАНЕЦ В ПЕРФОРМАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ 2010–20-Х ГГ.¹

А. Ю. Грязнова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 августа 2022 г.

Аннотация: в статье рассматриваются способы взаимодействия поэзии и танца в перформативных практиках 2010–20-х гг. Выявлено, что современный танцевально-поэтический перформанс экспериментирует с разными вариантами интермедиального перевода (с языка поэзии на язык танца и обратно), но может и совмещать телесные формы искусства и звучащее слово в рамках одного спектакля. Синтез поэзии и танца, взаимопроникновение их языков преследует цель максимально сблизить перформера и зрителя, открыв обоим возможность целостного, а не только логического или только чувственного восприятия.

Ключевые слова: современная поэзия, поэтический перформанс, танцевальный перформанс.

Abstract: the article discusses the ways of interaction between poetry and dance in the performative practices of the 2010–2020s. It has been revealed that modern dance and poetic performance experiments with different variants of intermedia translation (from the language of poetry to the language of dance and vice versa), but it can also combine corporeal forms of art and the sounding word within one performance. The synthesis of poetry and dance, the interpenetration of their languages, aims to bring the performer and the viewer as close as possible, opening up for both parties the possibility of a holistic, and not only logical or only sensual perception.

Keywords: modern poetry, poetic performance, dance performance.

В XXI веке одной из главных тенденций поэзии становится выход за пределы исключительно словесных форм бытования. Для современных поэтов в слове оказывается значимой не столько его семантика, сколько звучание, графический облик или возможность «перекодирования» его в другую семиотическую систему. В поисках новых форм существования поэзия активно обращается к разным медиальным практикам, в результате чего появляются или вновь актуализируются такие синтетические виды творчества, как визуальная поэзия, саунд-поэзия, видео-поэзия. Поэтическое слово, утрачивая самодостаточность, становится одним из инструментов создания арт-объектов и перформансов.

Активное освоение поэтами перформативных практик, с одной стороны, часто связывают с возвращением поэзии к ее изначальным истокам — до-словесному, синкретичному искусству. Так, Роман Осминкин [1] обращает внимание на то, что поэзия вышла из живого, звучащего слова и потом была «заперта в книгу» с изобретением печатного станка. Только в XX веке, начиная с опытов авангардистов, стремившихся к преодолению «книжных» границ поэтического текста, к вовлечению аудитории в процесс поэтического высказывания, осуществился ее обратный поворот.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19–18–00205–П.

С другой стороны, есть мнение, что распространность перформанса в современном искусстве — проявление реакции на избыточность аудиовизуальной информации, которая, создавая иллюзию близости зрителя изображаемому, заставляет человека воспринимать мир отстраненно и безучастно: «Аудиовизуальная информация клиширует и форматирует наше сознание, и мы начинаем воспринимать всё в модусе безучастности к нашему телесному опыту. Даже реальные катастрофы, войны и теракты в информационных блоках телевидения воспринимаются нами клипированным взглядом, взглядом застывшим и остекленевшим от экрана. Анемия зрителей прогрессирует, появляются первые симптомы “скорбного бесчувствия”» [2]. Перформанс, критикуя или обнаруживая недостаточность визуального способа восприятия, обращается именно к телесному, воздействуя на зрителя через жест, движение, прикосновение, танец. Он не столько просматривается, сколько «проживается» аудиторией, нацеливаемой на телесное чувствование состояния, которое испытывает перформер. А поскольку вырвать современного человека из состояния «скорбного бесчувствия» способны только наиболее острые переживания, частыми (но не единственными) темами перформанса оказываются боль, травма, насилие — то, что с наибольшей вероятностью вызовет у зрителя соматический и эмоциональный отклик.

Таким образом, перформативизация поэзии отражает общее для современного искусства ощущение недостаточности какого-либо одного способа комму-

никации с читателем / зрителем и может быть воспринята, с одной стороны, как поиск новых форм такой коммуникации, с другой — как попытка возвращения к синкретичному искусству, в котором неразделимы индивидуальное и коллективное, телесное и духовное, жест и слово. Признание того, что поэзия вышла из «живого» (то есть не только звучащего, но и действующего) слова, а само слово — лишь один из возможных ее инструментов, ставит перед современными исследователями вопрос об определении сущности поэзии и ее границ, заставляя воспринимать не как литературу, а как часть актуального искусства [3, 25].

Смещение акцентов с аудиовизуального на тактильный способ восприятия во второй половине 2010-х годов привело к появлению волны перформативных практик, в которых поэзия сочетается с, казалось бы, наиболее далеким от нее видом искусства — танцем. Среди такого рода экспериментов в течение последних трех лет можно отметить: «Тело поэзии» (Екатеринбург, 2019) — перформанс, совмещающий чтение стихов, позирование и рисование; «Симфония между строк» (Москва, 2021) — попытка создания поля взаимопроникновения танца, музыки и стихотворной речи; перформанс лаборатории morphing dance (Нижний Новгород, 2021), представляющий собой создание танца на основе поэтических текстов, репрезентирующих понятие «прикосновение»; «Стихоплетение» (Москва, 2021 г.) — 34-часовой танцевально-поэтический перформанс, в течение которого поэтесса, хореограф, музыкант и дизайнер создавали стихотворение, танец и фото по историям, рассказанным гостями из зала; «Поэзия действия» (Москва, 2022) — дипломный проект студентки НИУ ВШЭ Полины Звягинцевой, представляющий собой групповую танцевально-словесную импровизацию и ставящий своей целью исследовать возможности «перевода» поэзии на язык танца.

Общим моментом для всех перечисленных выше проектов является высокая доля импровизации. Так, одна из партитур перформанса «Поэзия действия» предполагает контакт двух участников, один из которых произносит произвольные реплики, а другой совершает движение. «Стихоплетение» и «Симфония между строк» предполагают создание танца и стихотворного произведения на глазах у зрителей.

Кроме того, современный танцевально-поэтический перформанс стремится не просто сочетать слово и движение, а именно искать точки их соприкосновения и взаимопроникновения, изучает возможности «перекодирования» языка поэзии в танец и наоборот. Самым показательным примером здесь является перформативный спектакль лаборатории morphing dance, представленный на фестивале Epithelium Fest 15 мая 2021 года и ставший результатом сотрудничества нижегородских поэтов и арт-группы 23МАРТ. Работа лаборатории предполагала написание поэтических текстов, так или ина-

че передающих смыслы движения, прикосновения, положения в пространстве; их последующее преобразование в графические схемы при помощи сервиса InfraNodus и, наконец, создание танца на основе получившихся текстов и схем. Целью эксперимента при этом было не столько создание самого спектакля, сколько изучение способов взаимодействия двух видов коммуникации: «Такое сотрудничество дало двум системам выражения (текст-танец) другие модусы существования. Танец, который изначально закрепляет за собой тактильность, движение, передал указанные свойства тексту... текст здесь вернулся в поле зрения иным. У него реализовались новые свойства, которые он принял от танца... Перераспределение свойств позволило увидеть, насколько могут быть открытыми, способными к гибридизации разные системы» [4], — описывает результаты проекта morphing dance одна из его участниц, Оли Цве.

Подобные проекты являются, как правило, результатом совместной деятельности поэтов, хореографов, танцоров и музыкантов. Однако есть и примеры того, как современные арт-деятели совмещают роли поэта и танцора в одном лице. Один из них — творчество Инны Краснопер, поэтессы и танц-художницы, выпускницы петербургской Школы Вовлеченного искусства «Что Делать» и Университета Искусств Берлина. Стихи И. Краснопер публиковались на многочисленных онлайн-площадках, а в 2021 г. был опубликован ее первый поэтический сборник «Нитки торчат», вызвавший широкое обсуждение в критике.

Основной прием, используемый в стихотворениях И. Краснопер, был обозначен многими критиками при помощи музыкального термина «репетитивность», обозначающего многократное повторение музыкальных фраз с незначительными изменениями: «Каждое стихотворение построено на ограниченном наборе просодических единиц, служащих триггерами, запускающими весь цикл текстопорождения... Слова присоединяются, распадаются и заново сливаются, проходя в течение одного и того же текста путь возвратно-поступательных вращений и колебаний... доходя до дрожания асимметричных дробных метров» [5].

В поэтических опытах И. Краснопер значимой оказывается не столько семантическая наполненность слова, сколько его морфемный состав. Используются многочисленные варианты словесных игр: разделение слова на морфемы («Регулирую часто час то» [6, 48]), замена букв или слогов в слове (там: тело и слово / слева и с лова [6, 31]), многократные повторы языковых единиц разного уровня: слов, морфем, даже отдельных звуков. Поэзия И. Краснопер напоминает известную всем детскую забаву, когда одно и то же слово повторяется до тех пор, пока в нем не начинают обнаруживаться новые смыслы, а затем смысл пропадает вовсе, оставляя только звуковую оболочку.

Детский взгляд на мир вообще характерен для творчества И. Краснопер. Он проявляется как в тематике отдельных стихотворений сборника, так и в лексике: «*Каки делали мы*» [6, 70], «Я беру это слово и укладываю его *спатеньки*» [6, 31], «Давайте я сделаю для вас книжку-*плевалочку* / давайте — книжку-*считалочку*» [6, 9]. «Детскость» можно заметить и в некоторых танцевальных перформансах художницы, например в сольном выступлении 13 октября 2017 г. в Uferstudios (Берлин), — в спонтанности, резкости, непредсказуемости движений, в настойчивом повторении одних и тех же жестов и в «уставании» от них. Стремление к непосредственности, живости детского восприятия, к состоянию максимальной раскрепощенности как в танцевальных, так и в поэтических экспериментах И. Краснопер совпадает с основным направлением поиска в современных телесных арт-практиках, которые преследуют две цели. С одной стороны — освобождение от ограничений, накладываемых на тело человека обществом и властью и неосознанно закрепленных на соматическом уровне. С другой — поиск нового способа коммуникации со зрителем, сообщения ему переживаемого художником аффекта.

В творчестве И. Краснопер мы имеем дело скорее с изживанием этого аффекта через прием повтора: «Репетативные тексты... позволяют зафиксировать еще один режим аффектации: от перечисления однообразных эмоциональных состояний аффект, потенциально освобождающий, как будто затухает, поскольку эмпатия не справляется с массивом однородных чувств. Однако та же повторяемость становится залогом телесного раскрепощения — два эти модуса репетативности резонируют, то заглушая друг друга, то действуя на равных» [7, 289]. Безэмоциональность, рождающаяся из постоянных колебаний между полярными состояниями, находит отражение и в авторском прочтении стихотворений, для которого характерен полный отказ от интонирования. Значимыми являются не интонация и даже не само звучащее слово, а паузы, выстраивающие уникальный ритм каждого стихотворения и еще в большей степени акцентирующие связь между поэзией и танцем.

Поэтический текст И. Краснопер рождается не через использование слова в качестве «проводника мысли», а, наоборот, — из попытки дистанцироваться от языка, признать его как нечто, существующее отдельно от субъекта речи. Эта дистанция оказывается возможной благодаря «телесному» восприятию языка, очень точно описанному в рецензии Игоря Гулина: «Тексты Краснопер делают время осязаемым физически — кажется, что их чтение требует мышечных усилий. Это время — время движения. Больше, чем любой автор в современной русской поэзии, Краснопер раскрывает язык как телесную вещь — орган, наделенный моторикой и способный к акробатике. Речь здесь прежде всего не производство высказы-

ваний, а череда жестов; вербальная коммуникация проживается как невербальная — слово рождается из напряжения тела» [8].

Десемантизация слова в текстах И. Краснопер, его выпадение из пространства культуры, отказ от эмоционального и осмысленного высказывания ставят под вопрос само существование субъекта речи: «Словарь Краснопер предельно бедный, почти детский, налицо невозможность сделать ни одно дело, довести его до конца, субъект рассеян в инфинитивах и предикативах» [5]; «Такая речь не подразумевает уверенной в себе фигуры говорящего, субъекта» [8]. Бессубъектность позволяет соотносить творчество И. Краснопер с пониманием перформанса как практики саморазрушения, реагирующей на обезличенность информационного общества и ищущей способы «сборки» нового субъекта: «Аутодеструктивность — реплика мифологического первочеловека, расчленяемого с тем, чтобы, собрав тело, вновь обрести уверенность, прибавление силы, плодородия, жизни» [2]. Дебютный сборник И. Краснопер — это демонстрация «удаления» автором себя из процесса собственного творчества с тем, чтобы дать свободу рождающемуся высказыванию (отсюда и название «Нитки торчат», подчеркивающее одновременно незавершенность и несовершенство произведения).

«Перевод» с языка танца на язык поэзии, осуществляемый И. Краснопер, — редкий случай на фоне обратной тенденции: как правило, большая часть экспериментов, связанных с синтезом вербального и телесного, представляет собой попытки «станцевать» текст (перформансы *morphing dance*, «Стихоплетение», «Поэзия действия»). Таким образом, практика современного искусства ставит под сомнение устоявшееся представление об универсальности слова как средства, способного выразить все виды чувственного опыта, включая тактильный и обонятельный. Современный экспериментальный танец, сущностной чертой которого является индивидуальность и ситуативность чувствования, с трудом кодируется словом, в котором каждый раз воспроизводится накопленный и сохраненный в языке коллективный опыт.

Современный танцевально-поэтический перформанс может представлять собой не только разные варианты интермедийных переводов, но и просто совмещение телесных практик и звучащего текста в рамках одного спектакля. Так устроены, например, «Тоннель памяти голодного лиса» Алексея Нарутто и Ольги Тимошенко и «Укол для изъятия» Вали Луценко, Карины Лукьяновой и Антона Стешенко. Оба перформанса состоялись в 2021 году и исследуют телесные реакции человека на состояние несвободы.

«Тоннель памяти голодного лиса», по признанию авторов, вдохновлен социально-политическими событиями в современной России и в период оттепели: «Спектакль... о том, что в любой ситуации давления

нам необходимо высказаться, и после любого периода регрессии, отката наступит “новая оттепель”, новый период свободы качественно другого уровня» [9]. Текст для перформанса был создан медиапоэтом Андреем Черкасовым и представляет собой ряды словосочетаний, полученные в результате частотного анализа текстов русской поэзии 1954–1964 гг. Таким образом, важным оказывается не смысл полученного текста, а его первоисточник (поэзия периода «оттепели») и способ систематизации его единиц (от менее к более частотным), что в совокупности дает зрителю / слушателю материал для размышлений о языке эпохи, о том, как отразился в нем переход от цензуры к возможности свободного высказывания, почему те или иные слова оказались наиболее востребованными в поэзии середины XX века и т.д.

В «Тоннеле памяти голодного лиса» танец доминирует, именно он является главным проводником замысла авторов — показать, как социальные процессы, казалось бы, не затрагивающие человека напрямую, отражаются на его теле. Поэтический текст здесь присутствует, однако большее значение имеет не он сам, а способ его создания. Таким образом, с одной стороны, перформанс может быть воспринят имманентно, поскольку предполагает эмоциональное «подключение» к зрителю при помощи танца, с другой — нуждается пусть и в минимальном, но все же комментарии хотя бы относительно самого названия (по словам Алексея Нарутто, образ голодного лисенка, ищущего спасения, появляется в воспоминаниях некоего художника и является в восприятии авторов спектакля метафорой России).

В перформансе «Укол для изъятия», посвященном жертвам домашнего насилия, поэтический текст и танец призваны дополнять друг друга. Их синтез преследует несколько целей, обозначенных в анонсе спектакля. Это, во-первых, исследование продуктивности самого этого синтеза: «Что такое телесность? Каким образом мы можем сказать через танцевальный перформанс о передаче особого опыта, используя при этом и другие языки искусства? Чем является в данном случае поэзия?...» [10] Во-вторых, это выражение «сестринской эмпатии» [10] женщинам, столкнувшимся с ситуацией домашнего насилия, — то есть попытка включить довольно узко очерченную зрительскую аудиторию в общее с перформером чувственное и эмоциональное переживание. Наконец, это цель «терапевтическая»: «домашнее насилие рефлексивируется через формы перформативного языка, посредством которого тело обретает трансгрессию и свободу» [10].

Текстовой основой перформанса стал поэтический цикл Карины Лукьяновой «Скрытые публикации», в котором в разных проекциях рассматривается взаимодействие скрытого и публичного; телесно переживаемого человеком травматического опы-

та — и того, что доступно глазу. Стихотворения Карины Лукьяновой — это размышления и о природе взгляда, обедняющего опыт телесного восприятия («опытный глаз взрывает событие анестезирует прячет» [11]); и о том, что переживание события его непосредственными участниками и его фиксация средствами медиа имеют разную логику (стихотворение «Все заходило за отступ: ландшафтное фото...» [11]); и о том, что человеку иногда сложно разграничить абьюзивные отношения и любовь («как я люблю тебя когда я не слышу как ты кричишь в сторону шкафа в котором я плачу» [11]).

«Скрытые публикации» начинаются с посвящения и вполне четко артикулированного призыва («не жди / боли / беги»), однако дальнейший текст говорит о центральной теме цикла исключительно через намеки и умолчания. Поэтический язык то сгущается до образной конкретики («Всплеск кортизола на летней площадке у магазина»), то распыляется набором абстрактных понятий («Что же такое абьюз?»); текст то делится на привычные синтаксические единицы, то сливается в нерасчленимый поток. Взаимопроникают и смешиваются телесный и визуальный способы восприятия: «осыпание земляных покровов / зафиксировать в ходе взгляда», «скрытая камера изготовлена из сознания», «...ты касаешься. Я смотрю / в твоё промедление», «глаз неймёт / не съедает зрелища не оставляет травы на коленях так же / как волосы были сжаты / в его руке» [11].

Ставя целью изучить возможности синтеза разных языков искусства, перформанс «Укол для изъятия» в то же время отвечает на вопрос о том, почему проблема домашнего насилия до сих пор продолжает существовать, а его случаи повторяются, несмотря на то, что они многократно, «до песочного вывиха» [11] разобраны в массмедиа. Анестезирующий эффект визуальных медиа делает невозможной передачу персонального телесного опыта человека, пережившего травму. И именно эту задачу в «Уколе для изъятия» выполняет танец.

Точно так же, как поэтические тексты Карины Лукьяновой строятся на дихотомии видимого и чувствуемого телесно, «танцевальная» часть «Укола для изъятия» строится на контрастном сочетании повседневных действий, воспроизводимых танцовщицей (пьет воду, смотрит в зеркало, одевается, наносит макияж), с экспрессивными движениями, репрезентирующими реакцию на травму (обматывает голову пледом, стоя на четвереньках; лежа на полу, ставит на себя стул, опирая его ножками на грудь и лоб). Движения перформера при этом далеки от танца в его привычном понимании, не позволяют судить о мастерстве исполнителя и являются сугубо индивидуальным и импровизированным действием, которое невозможно «расшифровать» или пересказать. При этом, в отличие от танца в «Тоннеле памяти го-

лодного лиса», в «Уколе для изъятия» он обогащается поэтическим текстом и создает с ним органическое единство.

Танцевальный критик и исследователь современного танца Анна Козонина пишет, что современный российский танц-перформанс наследует двум тенденциям. Первая — это концептуальный танец, который, не ориентируясь на аутентичность тела, видел его «как производное от языка, превращая танцевальный перформанс в продуманно организованную систему знаков» [12, 66] и ставя перед зрителем задачу их «разгадывания». Вторая — это соматические практики, которые развивали внимание к телесным ощущениям, к индивидуальным паттернам движения, к «внутренним процессам в их связи с внешним пространством перформанса» [12, 90]. В отличие от европейского танца, в котором обе эти линии развивались длительно и системно, российский экспериментальный танец, по наблюдениям А. Козониной, заимствовал их хаотично и почти одновременно, наложив на национальную специфику и привлекая к осмыслению локальных исторических, культурных и политических процессов.

В «Тоннеле памяти голодного лиса» текст в большей степени приглашает к «концептуалистскому», рациональному «прочтению», тогда как сам танец призван вызывать эффект сопричастности публики перформеру и в этом плане является самодостаточным. В «Уколе для изъятия», как и в творчестве И. Краснопер, поэзия и танец с разных сторон подходят к общей задаче — сообщить зрителю одновременно и переживание в его телесном воплощении, и осмысление этого переживания. Синтез поэзии и танца, взаимопроникновение их языков преследует цель максимально сблизить перформера и зрителя, открыв обоим возможность целостного, а не только логического или только чувственного восприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лекция-перформанс Романа Осминкина «Вне-литературные формы бытования современной поэзии» // Культура.РФ. — Режим доступа: <https://www.culture.ru/events/167865/lekcija-performans-romana-osminkina>

Воронежский государственный университет

Грязнова А. Ю., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук

E-mail: gryaznova@phil.vsu.ru

vneliteraturnye-formy-bytovaniya-sovremennoi-poezii (дата обращения 19.09.2022).

2. Савчук В. Что исполняет перформанс? / В. Савчук. — Режим доступа: http://www.intelros.ru/subject/figures/valeriy-savchuk/13593-chto-ispolnyaet-performans.html#_ftn1 (дата обращения 19.09.2022).

3. Житенев А. А. Поэтология Евгении Суслевой / А. Житенев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2020. — № 3. — С. 25–29.

4. Оли Цве. Опыт гибридизации: как лаборатория morphing dance формирует новые отношения между текстом и танцем / Оли Цве. — Режим доступа: <https://litteratura.org/actual/4550-v-aktualnoe-oli-cve-opyt-gibridizacii-kak-laboratoriya-morphing-dance-formiruet-novye-otnosheniya-mezhdu-tekstom-i-tancem.html?ysclid=l5adui1wkt161679740> (дата обращения 19.09.2022).

5. Осминкин Р. «Пролегомены к поэзии незавершенного (без)действия» / Р. Осминкин. — Режим доступа: <https://syg.ma/@nikita-sunghatov/inna-krasnopier-zatkrivaet-to-chto-ieshchie> (дата обращения 19.09.2022).

6. Краснопер И. Нитки торчат / И. Краснопер. — М.: Центр Вознесенского, 2021. — 112 с.

7. Лепехин М. Буквально — танец / М. Лепехин // Новое литературное обозрение. — 2020. — № 1. — С. 287–291.

8. Гулин И. Песня забвения, она же — памяти / И. Гулин. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4938477> (дата обращения 19.09.2022).

9. Павлова А. Хореографический перформанс о «новой оттепели» покажут в Театре Наций / А. Павлова. — Режим доступа: <http://teatron-journal.ru/2019/12/04/news-tanec-narutto-nacii/> (дата обращения 19.09.2022).

10. Перформанс «Укол для изъятия». Фестиваль «Особый взгляд». — Режим доступа: <https://alexandrinsky.ru/afisha-i-bilety/performans-ukol-dlya-izyatiya-festival-osobyu-vzglyad/> (дата обращения 19.09.2022).

11. Лукьянова К. Скрытые публикации / К. Лукьянова. — Режим доступа: <https://syg.ma/@stanislavamoghilieva/karina-lukianova-skrytye-publikatsii> (дата обращения 19.09.2022).

12. Козонина А. Странные танцы: Теории и истории вокруг танцевального перформанса в России / А. Козонина. — М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. — 240 с.

Voronezh State University

Gryaznova A. Yu., Doctor of Philology, lecturer of the Department of the Russian Literature of the 20th and 21st Centuries, Theory of Literature and the Humanities

E-mail: gryaznova@phil.vsu.ru

ОСОБЕННОСТИ ВИЗУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ГЕРОЕВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Я. Н. Дегтева

Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова

Поступила в редакцию 4 августа 2022 г.

Аннотация: Настоящая статья является продолжением исследования особенностей визуальности в художественных произведениях Ф. М. Достоевского и посвящена изучению функционирования прямых и косых взглядов героев.

Ключевые слова: Достоевский, прямой взгляд, косой взгляд, визуальность, невербальная коммуникация.

Abstract: *the present article is the research's continuation of special aspects of visuality in F. M. Dostoevsky's artistic works, and this paper is about observation of functioning for characters' direct gazes and indirect views (or side glances).*

Keywords: *Dostoevsky, direct gaze, indirect view, side glance, visuality, nonverbal communication.*

Невербальное общение в творчестве Ф. М. Достоевского достаточно активно исследовалось и исследуется в настоящее время, основное внимание уделяется жестам и позам, но не вызывает сомнений значимость визуального поведения героев в поэтике писателя [1; 2; 3]. Как отмечалось ранее, визуальные образы художественных произведений этого автора в большинстве своем миметичны реалиям XIX в., многие из них принадлежат традиции «петербургского текста», что дает основания рассматривать визуальность в контексте общественных и межличностных отношений [4]. С учетом антропоцентричности прозы Ф. М. Достоевского обращение к оптической теме представляется одним из наиболее перспективных направлений исследований его творчества. Анализ визуальности в художественной прозе писателя требует междисциплинарного подхода, поскольку в текстах отражены закономерности невербальной коммуникации, значительно позже открытые и подробно изложенные учеными-психологами.

Взгляды, изображенные автором, классифицируются по различным основаниям: по принадлежности субъекту, соответствию скопическому режиму, отношению к действительности, направленности, интенсивности и т.д. Большую информативность несут прямые и косые взгляды персонажей. Упоминаний первых достаточно много, но целесообразно обратить внимание и на вторые, статистическая частота которых относительно мала, что, однако, не снижает их значимости для нарратива [5].

В современном русском языке слово «косой» является антонимом «прямого» [6]. Обращение к толковому словарю В. И. Даля показывает, что к такому пониманию пришли не сразу. Словосочетание «прямой взгляд»

не отражено отдельно, но лексема «прямоглазый» объяснена через противопоставление «кривому». Перечислены разновидности взглядов: исподлобья, прямой, резкий, скрытный и пр. Слову «косой» (ограничимся рамками окуlesiки, исключив при этом аномалии развития) уделено больше внимания. Например, приведена пословица «Косой не кривой», что в общем виде указывает на отсутствие явной оппозиции понятий «прямой» и «косой». По коммуникативному значению косой взгляд аналогичен взгляду исподлобья и связан с негативными состояниями человека — недоверием, неудовольствием, враждебностью. В этом контексте выделяется слово «косоуриться» (синоним — «коситься») — сердиться на кого-либо или выражать нежелание доброжелательно контактировать [7].

Современник Ф. М. Достоевского, святитель Филарет Московский (Дроздов), оставивший обширное научное и литературное наследие, исключительно грамотный человек и знаток русского языка, также связывал косые взгляды и межличностное общение: «Косые взгляды, несправедливо бросаемые, сносите, не отвечая косыми взглядами, а просто. Не бойтесь: это не стрелы. Для избежания косых взглядов не должно же впадать в человекоугодие и поощрять честолюбцев» [8]. Цитата отражает христианское отношение к подобным взорам и содержит совет, как на них реагировать.

Таким образом, в словоупотреблении XIX в. отсутствовало явное противопоставление понятий «прямой» и «косой», но очевидны негативные коннотации второй лексемы в описании невербальной коммуникации, а «косой взгляд» как фразеологическая единица и в настоящее время обозначает в речи неодобрение или недоверие [9].

Современное толкование прямого взгляда акцентирует не столько его траекторию и направленность, сколько выражение откровенности и правдивости.

В то же время косой взор предполагает направленность в сторону и транслирует недовольство, недоверие, подозрительность, недружелюбность [10; 11].

Эти определения отчасти согласуются с данными окулесики. Г. Е. Крейдлин приводит примеры из русской культуры: беседы развлекательного характера стимулируют прямые взгляды (рассказчик контролирует реакцию слушателя), в то время как разговор на «щекотливую для адресата тему» вынуждает отводить глаза [Цит. по: 12, 384]. Это объясняется, во-первых, соблюдением этикета, во-вторых, стремлением снизить напряжение от обсуждения волнующих тем за счет успокаивающего коммуникативного сигнала — отведения глаз от собеседника [12]. Естественно, эти примеры не универсальны, в силу чего не отражают значения различных видов взглядов, закрепленных в тезаурусе.

Известный специалист по невербальной коммуникации А. Пиз также отмечает напряжение, которое испытывают люди от прямого взгляда, однако делает акцент на отношениях между ними: родственники, друзья или влюбленные раздражаются меньше. То есть, чем ближе люди духовно, тем проще им смотреть друг на друга прямо. В то время как взгляд искоса передает интерес (вплоть до флирта) или недружелюбие. Для конкретизации необходимо оценить мимику собеседника и соотнести с коммуникативной ситуацией [13].

С позиции феноменологии логичным представляется избегание прямого (особенно продолжительного) взгляда в общении с лицом, превосходящим смотрящего по статусу, так как он символически сокращает социальную дистанцию, предписанную общепринятыми нормами поведения, т.е., по мнению М. Мерло-Понти, «приближает его к себе взглядом...» [Цит. по: 14, 14]. Отсюда следует, что направлять прямой взгляд на человека — значит вторгаться в его личное пространство.

Итак, реакция на взгляд обусловлена не только личностными характеристиками человека и отношениями с окружающими, но и регулируется культурно-специфическими представлениями о приличиях. Кроме того, при анализе невербальных компонентов коммуникации необходимо учитывать хронотоп [15]. Ориентация на него помогает интерпретировать взоры адекватно описываемой реальности. Один и тот же взгляд в отличающихся пространственно-временных условиях воспринимается героями по-разному.

Прямой взгляд в целом связывается с доверительными отношениями, хотя может вызвать дискомфорт, и регулируется правилами этикета. Косой взгляд сложнее в интерпретации — здесь и избегание прямого контакта глаз, и интерес (потребность в получении информации), и враждебность или недоверие. Одними и теми же словами, характеризующими визуальное поведение, могут быть обозначены различные состояния, поэтому толкование косого взгляда требует учета коммуникативного контек-

ста и хронотопа. Несмотря на все отличия, явной оппозиции прямых и косых взглядов не наблюдается.

В текстах Ф. М. Достоевского обнаруживаются следующие смыслы. Прямой, особенно пристальный взгляд, на собеседника, с одной стороны, коррелирует со степенью интимности отношений, с другой, отвечает характеру аксиологической картины мира современников автора [4]. Целесообразно отметить, что прямой взгляд на «вышестоящего» человека — начальника, родителя — или незнакомца в художественной реальности писателя включается как маркер личностных особенностей персонажа. Обобщенно — это или бунтарь, противоречивая личность, или человек с патологиями.

Естественно, прямой взгляд на должностное лицо или специалиста при исполнении им обязанностей вполне оправдан с точки зрения культуры общения. Возможно, поэтому Крестьян Иванович и Порфирий Петрович сдержанно реагируют на поведение явно отклоняющихся (и не только в скопическом режиме) оппонентов [16; 17]. Доктор медицины и хирургии Рутеншиц, несмотря на неудовольствие от визуального поведения Голядкина, сохраняет самообладание и продолжает выполнять свою работу. То же касается и следователя — он реагирует на прямые взгляды, обращенные к нему как к должностному лицу, адекватно, не показывая недовольства.

Иеросхимонах Зосима, неся духовное служение, также подвергается воздействию пристальных взоров, которые не только не смущают, но дают ориентир, помогают общаться с теми, кто к нему обратился. Смотрящих не осуждают, и представляется естественным, что кто-то пришел не просить исцеления или благословения, а просто увидеть старца [18].

Каторжный хронотоп в произведениях писателя отличается напряженностью и ритуальностью общения, персонажи отвечают за каждый поступок, поэтому пустословы и «добровольные весельчаки» не одобряются. Один из таких весельчаков, Варламов, заглядывает в глаза «старичку» Горянчикову, чтобы показать свое особое расположение, уважение и выпросить деньги [19]. Естественно, Александр Петрович удовлетворяет его просьбу. Показательны взоры Настасьи Ивановны, бесконечно доброй с арестантами и заботящейся о них. Ей можно прямо смотреть на своих гостей (не просто в их сторону — в глаза), и это часть той поддержки, которую она оказывает [19, 68].

Соня Мармеладова тоже посылно благодетельствует полюбившим ее каторжанам, которые, не скрываясь, смотрят ей вслед, провожают взглядами [17]. И это никого не смущает, не вызывает напряжения.

Иными словами, в произведениях Ф. М. Достоевского допустимым представляется прямой взгляд, изображенный в контексте откровенного признания или исповеди, следственных действий или оказания помощи. Даже если персонаж, на которого направлен взгляд, чувствует дискомфорт, он не прерывает обще-

ние, учитывая ситуацию. И наоборот, человек, помогающий или выполняющий свои обязанности, может смотреть на гостя, собеседника, пациента и т.д., используя прямой взор как инструмент коммуникации.

Однако художественная реальность автора не ограничивается изображением соблюдения правил скопического режима: не все герои согласны сокращать дистанцию между собой и кем-то, по их мнению, недостойным этого. Порох, несмотря на нахождение «в присутствии», так обиделся на прямой и продолжительный взгляд Раскольникова, что вступил в перепалку [17]. Этому есть некоторое объяснение: во-первых, Илья Петрович честолюбив, имеет сложный характер, вполне соответствующий его фамилии, во-вторых, он с нескрываемым удовольствием вспоминает свой полк, вероятно, не до конца еще идентифицируя себя с новой должностью и местом службы, поэтому и реакции поручика отличаются от поведения Порфирия Петровича или Никодима Фомича.

Голядкин-младший, помогая Голядкину-старшему, делает это «для <...> насмешки», поэтому, как следует из рефлексии последнего, смотрит «с высоты лестницы, прямо и не смигнув глазом, в глаза» не потому, что хочет удостовериться в благополучии провожаемого или поддержать его, а «по свойственной ему подлости» [Цит. по: 16, 218]. Формально «близнец» не нарушает этикета, но понимание его мотивов дает основания для негативной оценки такого коммуникативного сигнала.

Присутствуют в произведениях и откровенно невежливые взгляды, сопровождающиеся комментарием рассказчика. Герой повести «Двойник», находясь в кризисе, «почти неприличным, невежливым образом смотрит на одного весьма почтенной наружности старичка, который, <...>, тоже не сводил глаз с» нарушающего его личные границы человека в «неприличном костюме» [Цит. по: 16, 207–208].

Может показаться, что дело здесь исключительно в одежде и социальной дистанции, однако респектабельного вида Свидригайлов перед «отъездом в Америку» пристально смотрел на совершенно незнакомого человека, выбранного им в «официальные свидетели», не произнося ни слова: «Ахиллеса наконец показалось непорядком, что человек не пьян, а стоит перед ним в трех шагах, глядит в упор и ничего не говорит» [Цит. по: 17, 394].

Таким образом, человеку приличному и трезвому не подобает продолжительное время смотреть на незнакомца, не отводя глаз.

Неприемлемо выглядят и дерзкие взгляды прислуги в повестях «Двойник» и «Записки из подполья», они свидетельствуют не только о непочтительном отношении к хозяевам, но и о несостоятельности последних как членов общества, указывает на их неумение поддерживать полученный статус [4; 16; 20].

Прямой взгляд, соответствующий хронотопу и коммуникативной ситуации, помогает воздействовать на собеседника, устанавливая с ним контакт

(в том числе эмоциональный), контролировать общение, получать информацию и не требует пояснений. Автор комментирует в основном прямые взгляды, не вписывающиеся в аксиологическую картину того времени, потому что их функция и роль в повествовании зависят от контекста.

Косые взгляды в тексте однозначно расширяют пространство интерпретации, но нередко нуждаются в оценке рассказчика или персонажа.

От лица Макара Девушкина отмечена одна важная особенность визуальности «бедного» человека, который «и на свет-то божий иначе смотрит, и на каждого прохожего косо глядит» [Цит. по: 16, 68]. Буквально, люди смущают героя, ожидающего насмешки или другого вреда, и сам он не стремится обратить прямой взор им навстречу, не приближается взглядом. Отметим, что и «подпольный» человек несет эту черту визуального поведения, избегая прямых взглядов, постоянно отводя или опуская глаза.

В художественных текстах писателя встречаются формы слова «накоситься» [20, с. 145, 171; 21, с. 17]. Приставка «на» придает глаголу «коситься» несколько иной смысл, обозначая действие, направленное на поверхность или исчерпанность действия (удовлетворенность). Показательно, что камердинер осматривает Мышкина, оценивая материальное положение князя, а Аполлон «накосился» на деньги [Там же]. Эти персонажи обратили поверхностный взор, достаточный для оценки ситуации, на неодушевленные предметы. «Положительно прекрасный» герой тоже получает косые взгляды от Гаврилы Ардалионовича и генерала Епанчина, которые, однако, следят за ним, скрывая недоверие, как за человеком. Для сравнения, Трудолюбов, уделяя внимание парадоксалисту, исполнен презрения («накосясь в мою сторону»), т.е. смотрит на «подпольного» человека, будто перед ним вещь [Цит. по: 20, 145].

Исследование упоминаний невербального общения в «Записках из Мертвого дома» показывает, что косой взгляд помогает арестантам контролировать ситуацию и выражать свое отношение, в основном негативное. Горянчиков переносит эту особенность визуального поведения и в посткаторжную жизнь, косясь даже на женщину, у которой квартирует [19].

Раскольников постоянно привлекает взгляды, выражающие недовольство или неприязнь окружающих. На него косо смотрят многие, в том числе Порох, Лужин и некий мещанин. Когда поручик пытается воздействовать взглядом на Родиона Романовича, тот не идет на поводу и не меняет свое поведение в угоду честолюбцу. Это выглядит, с одной стороны, вызывающе, с другой, позволяет показать различия в мировоззрении героев. Мещанин косится «пристально и внимательно», т.е. пристальным в произведениях Ф. М. Достоевского может быть не только прямой взгляд [Цит. по: 17, 209]. Сам Раскольников взглядом искоса чаще контролирует ситуацию,

а не выражает эмоции, что несколько сближает его с острожными персонажами.

Таким образом, косой взгляд не всегда выражает негативное отношение к собеседнику, но может выступать и как черта визуальности героя, и как следствие избегания зрительного контакта, если прямой взор неуместен или неудобен в конкретной ситуации. Посредством косого взгляда можно также контролировать партнера по общению, не вызывая напряжения, и показывать нежелание сокращать дистанцию, приближаться к нему.

Несмотря на активное обращение к языковым стереотипам для описания визуального поведения героев, Ф. М. Достоевскому удалось создать уникальную в психологическом и культурно-историческом плане картину. Функционирование прямых и косых взглядов в художественной прозе автора обусловлено этикетными нормами XIX в. и связано с раскрытием внутреннего мира личности. Изучение оптических реакций персонажей, находящихся в различных хронотопах, позволяет не только расширить представления о поэтике писателя, но и уточнить художественную антропологию в его текстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон Р. О визуальной композиции «Преступления и наказания» / Р. Андерсон // Достоевский: Материалы и исследования. — Т. 11. — СПб.: Наука, 1994. — С. 89–95.
2. Zabukovec U. Neverbalni Dostojevski / U. Zabukovec. — Ljubljana: Literarno-umetniško društvo Literatura, 2014. — 342 с.
3. Пухачев С. Б. Поэтика жеста в произведениях Ф. М. Достоевского: на материале романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. / С. Б. Пухачев. — Великий Новгород, 2006. — 224 с.
4. Дегтева Я. Н. Чужой взгляд и социальная иерархия в творчестве Ф. М. Достоевского / Я. Н. Дегтева // Славянский сборник. Материалы XIII Всероссийских (с международным участием) Славянских Чтений. — Орел: Орловский гос. ин-т культуры, 2018. — С. 87–90.
5. Шайкевич А. Я. Статистический словарь языка Достоевского / А. Я. Шайкевич, В. М. Андрющенко, Н. А. Ребечка; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — М.: Языки славян. культуры (Кошелев), 2003. — 832 с.
6. Словарь антонимов русского языка: около 3200 антонимических пар / М. Р. Львов // Электронная версия, «ГРАМОТА.РУ» [сайт], 2002. — Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?lv=x&word=косой> (дата обращения: 15.06.2022)
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. — М.: Рус. яз. — Медиа, 2006.
8. Святитель Филарет Московский (Дроздов). Письма к архиепископу Иннокентию // Православная энциклопедия «Азбука веры» [сайт]. — Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Filaret_Moskovskij/prizovite-boga-v-pomoshh/2 (дата обращения: 15.06.2022).
9. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеол. единиц / А. И. Федоров. — 3-е изд., испр. — М.: АСТ: Астрель, 2008. — 878 с.
10. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. К. С. Горбачевич. — М.; СПб.: Наука. — Т. 8: Каюта-Кюрины, 2007. — 839 с.
11. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2001. — 1534 с.
12. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. — М.: НЛЮ, 2002. — 592 с.
13. Пиз А. Язык жестов: О характере и мыслях человека / А. Пиз; Пер. с англ. — Воронеж: МОДЭК, 1992. — 218 с.
14. Мерло-Понти М. Око и дух / М. Мерло-Понти; пер. с фр., предисл. и коммент. А. В. Густыря. — М.: Искусство, 1992. — 63 с.
15. Андреева Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. — Изд. 5-е, испр. и доп. — М.: Аспект-пресс, 2006. — 365 с.
16. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский; АН СССР Ин-т рус. литературы. Пушкинский дом; под ред. В. Г. Базанова. — Л.: Наука. — Т. 1: Бедные люди; Повести и рассказы, 1846–1847. — 1972. — 519 с.
17. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский; АН СССР Ин-т рус. литературы. Пушкинский дом; под ред. В. Г. Базанова. — Л.: Наука. — Т. 6: Преступление и наказание: роман: в 6 ч. с эпилогом. — 1973. — 423 с.
18. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский; АН СССР Ин-т рус. литературы. Пушкинский дом; под ред. В. Г. Базанова. — Л.: Наука. — Т. 14: Братья Карамазовы: роман: кн. 1–10. — 1976. — 512 с.
19. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский; АН СССР Ин-т рус. литературы. Пушкинский дом; под ред. В. Г. Базанова. — Л.: Наука. — Т. 4: Записки из Мертвого дома. — 1972. — 326 с.
20. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский; АН СССР Ин-т рус. литературы. Пушкинский дом; под ред. В. Г. Базанова. — Л.: Наука. — Т. 5: Игрок; Повести и рассказы, 1862–1866. — 1973. — 407 с.
21. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский; АН СССР Ин-т рус. литературы. Пушкинский дом; под ред. В. Г. Базанова. — Л.: Наука. — Т. 8: Идиот: роман. — 1973. — 511 с.

Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова

*Дегтева Я. Н., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук
E-mail: Degtevayn@vglta.vrn.ru*

*Voronezh State University of Forestry and Technologies
named after G. F. Morozov*

*Dyogteva Y. N., Candidate of Sciences in Philology, Senior Lecturer of the Department of Social Sciences and Humanities
E-mail: Degtevayn@vglta.vrn.ru*

ДЕФОРМАЦИЯ КАК ПРИЕМ ВЫЯВЛЕНИЯ ПОДТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ О ГЛУБИННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ ОБРАЗА ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В «БЕДНОЙ ЛИЗЕ» Н. М. КАРАМЗИНА

О. Н. Краснова

Алтайский государственный университет

Поступила в редакцию 28 марта 2022 г.

Аннотация: на уровне текстовой динамики рассматриваются деформации с целью обнаружения подтекстовой информации, ведущей к глубинным художественно-психологическим качествам образа повествователя. Выделяются блоки подтекстовой информации, раскрывающей художественно-психологические свойства героя. На материале подтекста, обозначенного с помощью деформаций, прослеживается процесс художественно-психологического превращения неосознанных намерений героя в осознанные. Анализируются проявляемые деформациями подтекстовые установки героев в их соотношении с установками повествователя.

Ключевые слова: деформация, подтекстовая информация, повествователь, глубинные художественно-психологические свойства, установки, текст.

Abstract: at the level of textual dynamics, deformations are considered in order to detect subtext information leading to the deep artistic and psychological qualities of the narrator's image. There are blocks of subtext information that reveal the artistic and psychological properties of the hero. Based on the material of the subtext indicated by deformations, the process of artistic and psychological transformation of the unconscious intentions of the hero into conscious ones is traced. The authors analyze the subtext attitudes of the characters manifested by deformations in their relation to the narrator's attitudes.

Keywords: deformation, subtext information, narrator, deep artistic and psychological properties, attitudes, text.

В настоящее время литературоведением, лингвистикой, коммуникативистикой, психологией и рядом других гуманитарных наук активно изучается подтекст и его возможности, связанные с углублением содержания текста, внесением дополнительной информации, воздействием на читателя, отражением авторского сознания.

Маркером, обозначающим наличие подтекста в художественном тексте, является текстовая деформация. Вслед за К. А. Долининым мы будем понимать деформацию как «сближение в тексте несовместимых языковых единиц, любое нарушение нормы» [1, 57].

В рамках статьи, написанной на стыке литературоведения, теории текста и психологии, нами будут проанализированы в порядке развертывания текста различные случаи деформации с точки зрения возможностей обнаружения подтекстовой информации, связанной с глубинными художественно-психологическими свойствами образа повествователя в «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина.

Рассмотрим фрагмент, включающий сцену объяснения в любви Эраста и Лизы, а также их последующий диалог и эпизод расставания. Подтекст назван-

ного фрагмента, организованный вокруг деформаций, дает возможность проследить динамику художественно-психологической осознанности намерений Эраста относительно Лизы.

Начало этого процесса обозначается высказыванием повествователя, содержащим деформацию. «Эраст узнал, что он любим, любим страстно *новым*, чистым, открытым сердцем» [2, 506]. Лексически избыточное слово «новым» является художественно-психологически обоснованным, проявляя антистетическое подтекстовое значение: «новизна» для Эраста связана лишь со сменой предмета увлечения и по сути представляет для героя весьма «старый» элемент привычного образа жизни¹.

Итак, видим, что деформация, «заданная» повествователем, привлекает внимание читателя к художественно-психологической неустойчивости чувств Эраста.

¹ Д. В. Хворостин [3] рассматривает в качестве принципа выявления скрытых компонентов смысла высказывания построение антонимичных данному высказываний, исходя из того, что фрагменты действительности, представленные в содержательной стороне высказывания имплицитно, противопоставлены вербализованной ситуации.

В начале последующего диалога наблюдается столкновение художественно-психологических представлений героев, связанных с любовью: открытость и брак у Лизы; скрытность и «удовольствия» у Эраста. «Как я счастлива, и как обрадуется матушка, когда узнает, что ты меня любишь!» — Ах нет, Лиза! Ей не надобно ничего сказывать» [2, 516].

Резкое противоречие воззрений героев сразу после объяснения в любви приводит к дальнейшей невольной вербализации Эрастом собственных интенций, приписанных им матери Лизы: «Старые люди бывают подозрительны. Она вообразит себе что-нибудь худое» [2, 506]. В таком подготовленном контексте появляется завершающая диалог фраза Эраста «*Однако ж* прошу тебя не говорить ей об этом ни слова», содержащая деформацию «однако ж» в значении «тем не менее, все же, все-таки» [4, 594]. Указанная деформация устанавливает подтекстовую связь реплик «Она вообразит себе что-нибудь худое». — «Нельзя стать». — «Однако ж² прошу тебя не говорить ей об этом ни слова». То есть, несмотря на то, что нельзя допустить, чтобы мать вообразила себе что-нибудь худое, не нужно ей ничего говорить.

Посредством контекстуальной деформации проявляются художественно-психологические поведенческие стереотипы героя, связанные с привычным для него образом жизни и отсутствием обязательств. В случае же, если бы декларированная забота о матери и любовь к Лизе были истинными для Эраста, завершающая реплика могла звучать примерно так: «*Поэтому* прошу тебя пока не говорить ей об этом ни слова», причем с объяснением причины задержки.

Кроме того, деформация обнаруживает резкое противоречие между требованиями общих нравственных норм по отношению к другому человеку, с которыми совпадают и нормы семьи Лизы («нельзя допустить, чтобы мать вообразила себе что-нибудь худое»), и собственными желаниями Эраста («не нужно ей ничего говорить»), причем последние являются для героя доминирующими.

Итак, по мере развертывания диалога высвобождается подтекст об актуальном интересе Эраста, направленном не к охране спокойствия матери, а к не потревоженному ею временному пребыванию с Лизой. Повторение просьбы Эраста о сохранении тайны перед матерью свидетельствует о растущей в процессе диалога осознанности его намерений.

Завершающим текстовый фрагмент эпизодом, изложенным повествователем, является прощание героев. «Они простились, поцеловались в последний раз и обещались всякий день ввечеру видеться или на берегу реки, или в березовой роще, или где-нибудь близ Лизиной хижины, только верно, непре-

менно видеться. Лиза пошла, но глаза ее сто раз обращались на Эраста, который все еще стоял на берегу и *смотрел вслед за нею*» [2, 506]. Словоупотребление «смотрел вслед за нею» содержит деформацию, состоящую в наличии избыточного предлога «за», что обуславливает использование творительного падежа при управлении, в то время как в норме «смотрел вслед ей» управление дательным беспредложное.

Указанные изменения формы связаны с семантическими изменениями. Контекстуально ожидаемым значением было бы «устремлять, направлять взгляд куда-либо, иметь глаза направленными на кого-, что-либо; глядеть» [4, 158]. Употребление конструкции с деформацией актуализирует значение «иметь надзор, попечение, заботиться о ком-, чем-либо» (там же), при этом словосочетание маркируется как окказиональное, так как контекст предложения построен для первого значения.

То есть, деформация создает эффект особого выделения «надзорного» поведения Эраста, что позволяет проявить подтекстовую информацию о сознательных установках героя. За счет того, что эпизод представлен в видении повествователя, подтекстовая информация воспринимается художественно-психологически «верифицированно». Описанный эффект усиливается включением всего текстового фрагмента в рамку взгляда повествователя.

Итак, деформация, данная в речи повествователя, высвобождает подтекстовую информацию, подготавливающую читателя к восприятию, во-первых, процесса художественно-психологического превращения намерений Эраста относительно Лизы из неосознанных в осознанные. Во-вторых, на протяжении рассматриваемого текстового фрагмента посредством деформации выделяются блоки подтекстовой информации, раскрывающей следующие художественно-психологические свойства Эраста: неустойчивость его чувств; устойчивость представлений о жизни как удовольствии при отсутствии ответственности.

В текстовой ситуации проводов на войну Эраста в ответ на «слезные» слова Лизы тот говорит: «Думай о приятной минуте, в которую опять мы увидимся» [2, 516]. Присоединение придаточного определительного союзным словом с предлогом «в которую» является сигналом наличия деформации, так как нормой было бы употребление «когда» [увидимся].

Деформация обнаруживает подтекстовую установку героя на обман, так как в данной ситуации приведенная реплика выполняет функцию контекстуального обещания, поддерживающего представление героини о якобы предполагаемой Эрастом встрече³. Ответ героини: «Ах, если бы она [приятная

³ Уточнение повествователя «прошло около двух месяцев» подтверждает такое представление Лизы о встрече, которая приобретает для героини событийно-хронологическую конкретизацию ожидания.

² В данном случае проявляется свойство смысловой компрессии подтекста ХТ, о чем говорит Н. В. Пушкирева [5, 27].

минута встречи] пришла скорее! Буду, буду думать об ней!» — является откликом на указанное художественно-психологическое подтекстовое содержание.

В ситуации прощания с матерью Лизы перед уходом Эраста на войну деформация, касающаяся установок семьи Лизы, содержится в словах матери, обращенных к Эрасту: «Как бы я благодарила бога, если б ты приехал к нашей свадьбе!» [2, 516]. Норма выглядит так: «к свадьбе Лизы». Указанная деформация обнаруживает крайне высокую соединенность, нерасторжимость для матери ее жизни и жизни дочери, достигающую степени эмоциональной «подмены» матерью дочери. Данное обстоятельство может служить дополнительным объяснением того, почему после смерти дочери мать сразу же умирает.

Ситуация последней встречи и объяснения героев сопровождается также наличием деформации. «Прежде нежели Лиза могла опомниться, он вывел ее из кабинета и сказал слуге: «Проводи эту девушку со двора». Сердце мое обливается кровью в сию минуту. Я забываю человека в Эрасте — готов проклинать его — но язык мой не движется — смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему» [2, 516].

Деформация «забываю человека в Эрасте» (при нормативном варианте «не вижу человека в Эрасте») материализует подтекст о неравноценности предыдущих указанных в тексте повести проявлений «добротного сердца» героя и его теперешнего поступка, после которого повествователь по велению собственного сердца (слеза как «кровь сердца» «катится по лицу» его) предаёт эмоциональному забвению (неверию) представления Эраста о себе как о «человеке», то есть порядочном человеке. И поскольку оценка повествователя связана с его духовными ощущениями, он «смотрит на небо», его язык «не движется», предоставляя вершить окончательный суд богу.

Подводя итог, скажем, что подтекстовая информация, маркированная текстовыми деформациями, данными в речи повествователя, отражает особен-

ности художественно-психологического восприятия и осмысления им внутритекстовой действительности.

Отмеченная с помощью деформаций подтекстовая информация о художественно-психологических свойствах героев и обоснование их поступков характеризует мировоззренческие и ценностные представления повествователя.

Деформация создает условия для привлечения внимания читателя к блокам подтекстовой информации, связанной с глубинными художественно-психологическими свойствами героя (его чувства, представления, установки, поведенческие стереотипы) и маркированностью формы способствует их фиксации в сознании читателя, что формирует его восприятие по опорам на указанные свойства.

Подтекстовая информация, содержащаяся в текстовом фрагменте, данном с точки зрения повествователя или включенном в рамку его взгляда, воспринимается как художественно-психологически «объективная».

ЛИТЕРАТУРА

1. Долинин К. А. Интерпретация текста. Французский язык / К. А. Долинин. — М.: Просвещение, 1985. — 288 с.
2. Карамзин Н. М. Собрание сочинений в 2-х т. Т. 1. / Н. М. Карамзин. — Л.: Художественная литература, 1984. — 672 с.
3. Хворостин Д. В. Скрытые компоненты смысла высказывания: Принцип выявления. Дис. ... канд. филол. наук / Д. В. Хворостин. — Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2006. — 145 с. — Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/skrytye-komponenty-smysla-vyskazyvaniya-princip-vyyavleniya> (дата обращения: 25 марта 2022).
4. Словарь русского языка. АН СССР В 4-х т. / Словарь русского языка. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1985–1988.
5. Пушкарева Н. В. Языковое выражение подтекстовых смыслов в прозаическом тексте (на материале русской прозы XIX–XXI вв.). Автореф. дис. ... доктора филол. наук / Н. В. Пушкарева. — СПб, 2013. — 30 с.

Алтайский государственный университет

Краснова О. Н., аспирант кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка

E-mail: olg.isupowa@yandex.ru

Altai State University

Krasnova O. N., postgraduate student of the Department of General and Applied Philology, Literature and Russian Language

E-mail: olg.isupowa@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ “DEATH” / «СМЕРТЬ» В РОМАНЕ Б. АНСВОРТА «МОРАЛИТЕ»

С. А. Михиенко

Ставропольский государственный аграрный университет

Поступила в редакцию 27 мая 2022 г.

Аннотация: статья посвящена художественному концепту “death”/«смерть» в произведении Барри Ансворта (Barry Unsworth) «Моралите» (“Morality Play”). Подробный анализ данного концепта выявляет составляющие его парадигмы в романе, метафорические связи, в частности, с концептом “theatre”/«театр», а также позволяет говорить о нем как об одном из ключевых в произведении.

Ключевые слова: концепт “death”/«смерть», роман Б. Ансворта «Моралите», художественный концепт, парадигма концепта в произведении, метафорические связи концепта.

Abstract: the article focuses on the artistic concept of “death” in Barry Unsworth’s “Morality Play”. The detailed analysis of this concept reveals the components of its paradigm in the novel, as well as metaphorical connections, in particular with the concept of “theater”. It also leads us to a conclusion that the artistic concept of “death” is a key one in the novel.

Keywords: concept of “death”, Barry Unsworth’s “Morality Play”, artistic concept, paradigm of a concept in a literary work, metaphorical connections of a concept.

Понятие «концепт» закрепилось в отечественной и зарубежной гуманитарной науке с начала 1990-х годов. Разработке понятия концепта посвящены работы таких авторов как С. А. Аскольдов, Н. Ф. Алефиренко, А. П. Бабушкин, Г. И. Берестнев, Н. Н. Болдырев, А. В. Бондарко, С. Г. Воркачев, А. А. Залевская, В. И. Карасик, В. В. Колесов, Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачев, Е. В. Лукашевич, В. А. Лукин, С. Х. Ляпин, Е. В. Нагайцева, А. И. Новиков, Е. В. Сергеева, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, В. А. Пищальникова, З. Д. Попова, М. Р. Проскуряков, Г. В. Токарев, Л. О. Чернейко и др.

Выделяя наиболее общее из многочисленных дефиниций [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9 и др.], мы определяем *концепт* как когнитивную единицу человеческого сознания, зафиксированную в языке в форме слова и выражающую как национальный, так и личный опыт восприятия действительности.

Соотношение индивидуального и универсального становится ключевым в формировании понятия *художественного концепта*. Так, Л. В. Миллер определяет данный феномен как «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и <...> психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества», как «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [10, 41–42].

О. В. Беспалова рассматривает художественный концепт как «единицу сознания поэта или писателя,

которая получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» [11, 6].

Очевидно, что в вышеизложенных взглядах на художественный концепт основной акцент делается на доминировании универсального (национального) или индивидуального (авторского). Мы полагаем, что именно художественное пространство авторского текста позволяет концепту обрастать новыми ассоциациями и приобретать дополнительные смыслы, создавая таким образом *художественный концепт*.

Наша статья посвящена художественному концепту “death”/«смерть» в романе Барри Ансворта (Barry Unsworth) «Моралите» (“Morality Play”). Для любого художественного концепта характерна высокая степень ассоциативности [12, 45]. Поэтому, наряду с базовым, мы рассмотрим образный слой данного концепта, являющегося одним из ключевых в произведении.

1. Смерть как умирание, конец жизни.

В толковом словаре английского языка первое значение лексемы “death”/«смерть» определяется как *the act of dying; the end of life; the total and permanent cessation of all the vital functions of an organism* [13] — *умирание, конец жизни, полное прекращение всех жизненных функций организма* (здесь и далее перевод наш. — С. М.). Именно в этом значении реализуется анализируемый концепт на первых страницах романа: *... before I saw Brendan die ...* [14, 1] — *... до того, как я увидел смерть Брендана...; The man was dying unshriven...* [14, 3] — *Мужчина умирал без отпущения*

грехов...; ... I had come upon them at the moment of a **death**. [14, 4] — Я наткнулся на них в момент смерти.

Данное узуальное значение семы "death"/«смерть» вербализуется с помощью разных частей речи:

- **существительные**, рисующие процесс прекращения жизни и разложения или связанные с похоронным обрядом: **death** (смерть), **dissolution** (распад, разложение), **decay** (гниение), **cross** (распятие; могильный крест), **grave** (могила), **grave-digger** (гробкопатель, могильщик), **burial** (похороны);
- **глагольные формы**: **die** (умирать), **bury** (хоронить, предавать земле), **rot** (гнить, разлагаться);
- **прилагательные**: **dying** (умирающий), **dead** (мертвый);
- **эвфемизмы, связанные со смертью и похоронным обрядом**: **hallowed ground** (освященная земля = кладбище), **a home in the earth** (пристанце в земле = могила), **a poor husk of flesh** (бренная телесная оболочка);
- **действия и события, приводящие к смерти**: **sins** (грехи), **famine** (голод (стихийное бедствие)), **want** (нужда; нищета, бедность).

2. Смерть как кровопролитие или убийство.

Еще одним значением лексемы "death"/«смерть» в толковом словаре английского языка является *bloodshed or murder* [13] — кровопролитие или убийство.

Роман открывается смертью актера странствующей труппы Брендана, однако в центре произведения другая смерть — убийство Томаса Уэллса, мальчика из небольшого городка на пути актеров: *Thomas Wells has been murdered*. [14, 32] — Томас Уэллс убит; *I thought we would have no more to do with this murder, but I was wrong*. [14, 33] — Я думал, что мы больше не будем иметь дела с этим убийством, но ошибался; *But the shadow of this crime was over us already, though I did not know it then*. [14, 36] — Но тень этого преступления уже накрыла нас, хотя тогда я этого не знал.

Однако смерть Томаса Уэллса — не единственное убийство в романе. Здесь и насильственная смерть монаха-бенедиктинца, важного свидетеля преступления: *And for some moments, until I came into my proper mind again, I shared this rage against the players, a fury that had risen like a sudden storm at the passing of a dead Monk*. [14, 137] — И в течение некоторых мгновений я, пока снова не пришел в себя, разделял этот гнев против актеров, эту ярость, которая поднялась, как внезапная буря, когда мимо везли мертвого монаха.

И смерть молодого рыцаря на турнире: *I thought again of the Knight, how he came riding slowly up the hill through the falling snow with the red breath of the Beast above him. ... I know now that it was his own death that he bore about him... The knights are a killing class ...* [14, 70] — Я снова подумал о рыцаре, как он медленно поднимался на холм сквозь падающий снег с красным

дыханием Зверя над головой. ... Теперь я знаю, что он вез собственную смертью... Рыцари — это сословие тех, кто убивает ...

Действие романа происходит в смутное время, для которого характерен дух насилия и убийства: *There is a passion of violence in the people; where several are gathered the spirit of murder is never far*. [14, 4] — В людях присутствует страсть к насилию; там, где собираются несколько, уже витает дух убийства; ... *men who have known nothing but murder from earliest life ...* [14, 17] — ... люди, которые с самого раннего детства не знали ничего, кроме убийства ...; ... *in a time of plague and blood like ours...* [14, 17] — ... во времена чумы и кровопролития, как сейчас ...

И, наконец, убийство в произведении оказывается у самых истоков человеческого бытия: *The story of Cain and Abel is completed by the wisdom of God, it is not only a murder...* [14, 64] — История Каина и Авеля получает свое завершение через мудрость Бога, это не только убийство ...

К языковым единицам, репрезентирующим данное значение концепта «смерть» относятся: **death** (смерть), **dead** (мертвый), **murder** (убийство), **blood** (кровь), **killing** (убивающий), **violence** (насилие), **pillage** (грабеж, мародерство), **sword** (меч), **dagger** (кинжал), **knife** (нож), **rope** (веревка), **crime** (преступление).

3. Смерть как болезнь (чума).

Архаичным значением лексемы "death"/«смерть» в толковом словаре английского языка выступает *pestilence; plague* [13] — чума; мор. Хотя в «Моралите» нет точных дат, однако упоминание о «черной смерти» (The Black Death), которая в 1348–1350 гг. убила до половины всего населения страны и спустя несколько лет вернулась, позволяет предположить, что события в романе разворачиваются в 1360–1370 гг.: *The Black Death had returned to these northern parts after a fallow-time of a dozen years*. [14, 57] — Черная Смерть вернулась в эти северные края после двенадцати лет затишья; *He died of the Plague when I was the age Springer has now*. [14, 50] — Он умер от чумы, когда я был в том же возрасте, что и Прыгун; ... *villages were reduced to hamlets (деревня, деревушка) by pillage (грабеж, мародерство) and plague ...*[14, 19] — деревни были превращены в маленькие селения грабежом и чумой ...; *in a time of plague and blood like ours, when we have seen the dead piled in the streets ...*[14, 17] — в наши времена чумы и кровопролития, когда мы видим мертвых, сваленных в кучи на улицах...

4. Смерть как угасание, исчезновение чего-либо.

В толковом словаре английского языка среди дефиниций лексемы "death"/«смерть» присутствует такое как *extinction; destruction* [13] — угасание, исчезновение; разрушение. Данное значение реализуется в произведении Б. Ансворта для описания реакций и индивидуальных особенностей человека, таких как смех, улыбка, запах, лицо, словно подчеркивая смертность их обладателей: *The laughter died*

*away soon into silence and this quick dying away was a disturbing thing. [14, 89] — Смах вскоре замер, наступила тишина, и это быстрое угасание было тревожным знаком; The smile **died** on his face and I knew that he would not forgive us for having brought him into our play. [14, 144] — Улыбка исчезла с его лица, и я знал, он не простит нам того, что мы вовлекли его в нашу пьесу; It clamoured after us like a creature cheated and grew fainter and **died away**. [14, 152] — Он (запах плоти умирающего) рвался за нами, словно обманутая тварь, становился слабее и, наконец, угас; And this face was less real than either, it was **lost in death**. [14, 183] — И это лицо было менее реальным, чем те оба, оно потерялось в смерти.*

Кроме значений, зафиксированных в толковом словаре английского языка, в романе присутствуют и другие, дополнительные смыслы концепта “death”/«смерть», которые, в сущности, и делают его художественным.

5. Смерть как сон.

Данная метафора является довольно распространенной в литературе. Следует отметить, что в «Моралите» автор использует ее зеркальный аналог: не только «смерть как сон», но и «сон как смерть». Например: “Here in the dark wood Brendan will sleep well here.” — “**The dead sleep well enough anywhere ...**” [14, 15] — «Здесь, в темном лесу, Брендану будет хорошо спать здесь». — «Мертвые спят хорошо где угодно...»; Margaret **lay like one dead** under a heap of red curtain-cloth. (about Margaret sleeping) [14, 86] — Маргарет лежала, как мертвая, под грудой из красного занавеса. (о спящей Маргарет)

6. Смерть как зима (сон природы).

События в произведении разворачиваются на фоне зимних пейзажей, где ассоциации со смертью достигаются, в частности, через использование характерной для данного концепта лексики: ... *that gleam of light touching the **dead** oak leaves ...* [14, 17] — ... этот отблеск света, касающийся мертвых дубовых листьев ...

Одним из аспектов сна является отсутствие активности, которая составляет основу бытия. Именно представление сна как небытия приравнивает сон к смерти. Интересно, что в одном из описаний в романе снег позиционирован как послание из небытия (из смерти): ... *the **snow** had drifted and heaped to make shapes that seemed unfinished in that pale radiance of moonlight, shapes of animals and men **not yet formed into being**, with blunt heads and limbs, folds where eyes **might one day be**, pocks and dimples **waiting to be moulded**. The **snow** was softening at last, the hoofs of the mounts in front cast up a **dust of white** that rose to their knees.* [14, 181] — ... намело снежные сугробы странных форм, которые казались незавершенными в этом бледном сиянии лунного света, формы животных и людей, еще не принявшие форму бытия, с грубо очерченными головами и конечностями, со складками, где однаж-

ды могли открыться глаза, отметинами и ямками, ждущими сотворения. Снег, наконец, стал мягким, копыта лошадей впереди поднимали белую пыль до колен всадников.

Любопытно, что снег здесь назван «белой пылью», ведь «пыль,— по замечанию Н. Л. Карпичевой,— (как плоть времени) беспамятна к прошлому, бесплотна в настоящем, и бесплодна на будущее» [15, 53]. В романе Б. Ансворта снег (как и пыль) становится веществом смерти, ср.: ... *with **the dead man lying in our midst staring up at a sky that was **darkening with snow****.* [14, 6] — с мертвецом, лежащим перед нами и смотрящим в небо, все больше темнеющее от надвигающегося снега.

7. Смерть как маска.

На первых страницах романа лицо умершего актера Брендана сравнивается с маской: ... *with a **blubbery (зареванный) face like a mask of lard** and his mouth was crooked and hung open a little at the lower end.* [14, 3] — ... с распухим лицом, похожим на маску из сала, и его рот был искривлен и слегка приоткрыт вниз.

Маска бездушна по определению: «У маски ни души, ни звания нет,— есть тело» (Лермонтов). Как отмечает Л. А. Софронова, «граница, пролегающая между тем, что живо, и тем, что мертво, между меняющимся и движущимся и тем, что застыло в единой форме, отделяет мир лица от мира масок» [16, 351]. Так в статичной маске, активизирующей мысль о прочности вещного и уязвимости живого, проступают мифологические коннотации со смертью. Недаром свой путь к последнему пристанищу мертвый Брендан совершает в окружении театральных масок и костюмов: *He was laid among the **masks and costumes**...* [14, 18] — Его уложили среди масок и костюмов...

8. Смерть как представление.

Произведение Б. Ансворта открывается сценой смерти странствующего актера Брендана. Беглый священник Никлас Барбер, от лица которого ведется повествование, замечает театральность происходящего: *It was as if they **played his death** for me ...* [14, 1] — *Казалось, они сыграли его смерть для меня...* Последние мгновения жизни умирающего вызывают у рассказчика ассоциации с эпизодом из пьесы: *It was like that **scene in the Morality Play** when the besieged soul flies free at last.* [14, 3] — *Это было похоже на ту сцену в моралите, когда осажденная душа освобождается наконец и улетает.*

Неслучайность подобного восприятия смерти раскрывается более поздними событиями романа, когда Мартин, лидер актеров, предлагает своим товарищам дать представление, основанное на недавнем убийстве: “Good people,” he said, “we must **play the murder**.” [14, 63] — «Добрые люди,— сказал он,— мы должны сыграть убийство».

Театральность не только жизни, но и смерти, являющейся неотъемлемой частью пути человека,

подчеркивается мыслями Никласа Барбера о рыцарских турнирах: *They deck themselves out to kill in play, as this one was decked out. [14, 71]* — Они наряжаются, чтобы убивать в игре, как нарядился и этот. Заметим, что причиной смерти молодого рыцаря Роджера Ярма стал редкостной формы шлем, закрывающий лицо подобно маске: *Had he been wearing a helm of more customary make, this might have succeeded. But the point of the lance, blunted by its coronet, must have hooked in the filigree of the crest and sprung the pins that hinged his visor, so that he received a raking blow along the crown of his head and pitched heavily sideways from his horse to the ground, where he lay without moving. [14, 150]* — Носи он более привычный шлем, это могло бы получиться. Но острое копьё, затупленное коронкой, очевидно, зацепилось за филигрань гребня и вырвало штифты, закрепляющие забрало, поэтому он получил скользящий удар ото лба к затылку и тяжело упал боком с коня на землю, где и остался лежать без движения.

9. Персонафикация смерти.

Среди дефиниций лексемы "death"/«смерть» в толковом словаре английского языка присутствует следующее определение: *(usually initial capital letter) the agent of death personified, usually represented as a man or a skeleton carrying a scythe [13]* — (обычно с большой буквы) персонафицированный агент смерти, представляемый обычно в виде человека или скелета с косой.

Персонафикацию смерти в произведении Б. Ансворта мы наблюдаем как в пьесе, которую ставят странствующие актеры, так и в их повседневной жизни, однако происходит это по-разному.

Смерть как персонаж пьесы.

Моралите — это название романа Б. Ансворта и вместе с тем это пьеса средневекового театра, которая в аллегорической форме показывала борьбу добра и зла. В произведении актеры ставят моралите, основанное на реальном событии (убийство 12-летнего мальчика). Среди персонажей фигурирует Смерть, чей образ представлен вполне традиционно и соответствует тому, что зафиксирован в толковом словаре английского языка: *Straw was Death, in a hooded robe, his face whitened with chalk paste. [14, 79]* — Соломинка был Смертью в плаще с капюшоном, его лицо было выбелено пастой из мела; *The demon danced, Death made sorties accompanied by the gesture of reaping ... [14, 80]* — Демон пританцовывал, Смерть бросалась вперед, взмахивая невидимой косой...

Смерть как персонаж романа.

События в романе вполне соответствуют содержанию моралите, показывая борьбу добра и зла, обличая виновных в убийстве и освобождая невинных, и Смерть оказывается одним из действующих лиц. Этот персонаж мужского пола (автор использует местоимение *he*). И хотя он ни разу не визуализирован на страницах произведения, информации о нем достаточно.

Как и человек, он обладает личным пространством и свиреп, если оно ограничено: *... I saw them shift back to make space for Death, a thing very wise to do, Death being less provoked when at large than when confined. [14, 3]* — ... я увидел, как они отпрянули, освобождая место для Смерти, что было очень разумно, ведь Смерть сложнее спровоцировать на просторе, чем в замкнутом пространстве.

Он здесь и всюду, может путешествовать с вами и в то же время поджидать вас в пункте назначения: *We brought Death into the town, so much is certain. Death rode with us on the cart, he was there in the midst of our panoply and fanfares while we wooed the staring folk for their custom. Certain too that Death waited for us there, for he can be here and there together at the same time. By God's grace I came out from the town again, Death waits for me still. [14, 27]* — Мы привезли в город Смерть, это бесспорно. Смерть ехал с нами в повозке, он был среди наших нарядных одежд и фанфар, пока мы приглашали зевак прийти на наше представление. И также же верно, что Смерть уже ждал нас там, потому что он может быть здесь и там одновременно. Слава Богу, я покинул этот город, а значит, Смерть все еще ждет меня.

Его голод неутолим, и он неразборчив в средствах: *Death is never sated. [14, 57]* — Смерть никогда не испытывает насыщения; *"Death does not wait for meanings," he said. "Sword or rope or plague, it is all one to him." [14, 65]* — «Смерть не ждет смыслов, — сказал он. — Меч, петля или чума — ему все едино».

Он приходит незаметно, без предупреждения: *Death would come in stealth to take the Knight in his youth. [14, 164]* — Смерть придет незаметно, чтобы унести рыцаря в цвете лет.

Он сам назначает встречу, направляя события и подсказывая актерам слова для их пьесы: *The town had seemed to offer itself to us in our need. But it was Death that made this need and sharpened it with Brandan's carrion smell. It was Death that made the appointment for us here. Who then had given us the words of our play? Perhaps we had served Death's purpose now and the play would not be done again. [14, 144]* — Казалось, город предложил себя нам в минуту нашей нужды. Но именно Смерть сотворила эту нужду и обострила ее трупным запахом, исходившим от Брендана. Именно Смерть назначила нам встречу здесь. Кто же тогда подсказал нам слова для нашей пьесы? Возможно, мы уже сослужили службу Смерти, и пьеса не будет сыграна снова? Возникает реминисценция знаменитого афоризма У. Шекспира (*Весь мир — театр. // В нем женщины, мужчины — все актеры.*), позиционирующая Смерть как незримого режиссера событий, происходящих в романе.

Подчеркнем, что произведение Барри Ансворта открывается сценой смерти. Смерть становится точкой отсчета и движущей силой событий, которые в процессе развития делают ее одним из центральных персонажей романа.

Итак, парадигма художественного концепта “*death*”/«*смерть*» в романе Барри Ансворта (Barry Unsworth) «Моралите» (“*Morality Play*”) включает следующие элементы: 1) смерть как умирание, конец жизни; 2) смерть как кровопролитие или убийство; 3) смерть как болезнь (чума); 4) смерть как угасание, исчезновение чего-либо; 5) смерть как сон; 6) смерть как зима; 7) смерть как маска; 8) смерть как представление; 9) персонификация смерти (Смерть как персонаж пьесы и Смерть как персонаж романа).

Три последних составляющих тесно связывают концепт “*death*”/«*смерть*» в произведении Барри Ансворта с концептом “*theatre*”/«*театр*», анализ которого в романе «Моралите» может стать предметом дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов (Алексеев) С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов (Алексеев) // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. — М.: Academia, 1997. — С. 267–279.
2. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / Бабушкин А. П. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. — 104 с.
3. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. 2001. № 1. — С. 64–72.
4. Залевская А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. — М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. — 382 с.
5. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла / В. И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2010. — 422 с.
6. Колесов В. В. Философия русского слова / В. В. Колесов. — СПб.: ЮНА, 2002. — 448 с.
7. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения; Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
8. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1993. № 1. — С. 4–10.
9. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2001. — 191 с.
10. Миллер Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л. В. Миллер // Мир русского слова. 2000. № 4. — С. 39–45.
11. Беспалова О. Е. Концептосфера поэзии Н. С. Гумилева в ее лексическом представлении: Автореферат канд. филол. наук / О. Е. Беспалова. — Санкт-Петербург, 2002. — 24 с.
12. Тарасова И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте: монография / И. А. Тарасова. — М.: ФЛИНТА, 2012–196 с.
13. Толковый словарь английского языка. — Режим доступа: Источник: <http://www.dictionary.com/browse/death> (дата обращения 12.10.2021).
14. Unsworth B. *Morality Play* / B. Unsworth. — London: Windmill Books, 2014. — 188 p.
15. Карпичева Н. Л. Витальное и мотальное в концептосфере поэзии И. А. Бродского. Концепт «смерть». Симптомы «болезни к смерти» / Н. Л. Карпичева // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 32 (286). Филология. Искусствоведение. Вып. 71. — С. 51–55.
16. Софронова Л. А. Маска как прием затрудненной идентификации / Л. А. Софронова // Культура сквозь призму идентичности. — М., 2006. — С. 343–359.

Ставропольский государственный аграрный университет

Михиенко С. А., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, факультет социально-культурного сервиса и туризма

E-mail: sam777sam@yandex.ru

Stavropol State Agrarian University
Mikhienko S. A., Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Foreign Languages Department, Faculty
of Hospitality Business and Tourism
E-mail: sam777sam@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ РОМАНА Ф. А. АБРАМОВА «БРАТЬЯ И СЕСТРЫ»

Т. А. Никонова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 сентября 2022 г.

Аннотация: *статья рассматривает первый роман Ф. А. Абрамова «Братья и сестры» не только в контексте традиции советского романа о колхозной деревне (М. Шолохов, «Поднятая целина»), но отмечает в нем и «оттепельные» тенденции, которые рассмотрены как первые подступы к «деревенской» прозе второй половины XX века.*

Ключевые слова: *Абрамов, Шолохов, «деревенская» проза.*

Abstract: *the article examines F. A. Abramov's first novel "Brothers and Sisters" not only in the context of the tradition of the Soviet novel about a collective farm village (M. Sholokhov, "Raised Virgin Land"), but also notes in it "thaw" tendencies, which the article considers as the first approaches to the "village" prose of the second half of the twentieth century.*

Keywords: *Abramov, Sholokhov, the "village" prose.*

Литературоведение уже не один десяток лет говорит о «текучести» понятия «жанр» в теоретическом плане, о «непроясненности» предмета обсуждения.

Соглашаясь с этой общей оценкой, заметим, что «непроясненность» и «текучесть» заложены в природе этого феномена. Еще Ю. Н. Тынянов, считавший динамику самым филологическим понятием, отметил в далекие 1920-е годы, что «жанр — не постоянная, не неподвижная система» [1, 255]. С этой очевидной истиной не спорил и Аверинцев, расширяя это качество теоретической дефиниции на историко-литературный процесс в целом, ибо «любой писатель — современник своих современников, товарищей по эпохе, но также продолжатель своих предшественников» [2, 6]. Его замечание особенно уместно для нашей темы, ибо включает рассмотрение жанра в диахронический и синхронический ряды, не зачеркивает и верное, часто используемое литературоведением утверждение М. Бахтина о «памяти жанра». Обратим лишь внимание на то, что все эти, казалось бы, противоречивые утверждения апеллируют к разным сторонам явления, обеспечивая его кажущуюся неоднозначность. М. Бахтин отмечает родовую природу жанра, его диахронию, опирающуюся на фундамент рода (эпос, лирика, драма), Ю. Тынянов, Аверинцев, многие и многие исследователи конкретных текстов говорят о динамических составляющих жанра, вписывают конкретное явление в синхронию литературного процесса, в цепочку «товарищей по эпохе» — воспользуемся определением Аверинцева.

В обозначенном плане любое крупное литературное явление может быть рассмотрено в двойной

перспективе — как уже устоявшееся явление, вполне сознательно вписываемое автором в осознаваемую традицию, и как динамическая часть живого литературного процесса.

Посмотрим с этих позиций на роман Ф. А. Абрамова «Братья и сестры» (1958). Выбором жизненного материала первое произведение молодого писателя включалось в разработку тем «колхозной жизни». И, оценивая его, в своем большинстве критики романа предсказуемо находили переклички с «Поднятой целиной» М. Шолохова, с ее первой частью. К такому выводу подталкивала и биография будущего писателя-деревенщика. Ф. А. Абрамов защитил кандидатскую диссертацию с незатейливым для сегодняшнего дня названием «О романе М. Шолохова "Поднятая целина"» (1951), до 1960 года был заведующим кафедрой советской литературы ЛГУ, писал критические статьи и методические работы для студентов и аспирантов. Например, в 1958 году им было опубликовано учебное пособие «М. Шолохов. Семинарий» (соавтор — известный шолоховед В. 4В. Гура), а в 1954 году в «Новом мире» увидела свет резонансная статья «Люди колхозной деревни в послевоенной литературе». Все эти факты убедительно свидетельствовали о зависимости писателя от советских стереотипов, о предсказуемом для писателя, имеющего устойчивый аналитический навык, идти от идеи, от оформившейся концепции к художественному воплощению.

Однако реальный анализ первого романа, основывающийся на изучении его синхронных и диахронных связей, в том числе и динамично формирующегося пространства абрамовской тетралогии, позволяет если не отвергнуть это априорное утверж-

дение, то во всяком случае существенно его уточнить.

Второе замечание касается современного прочтения романа «Поднятая целина». Советское литературоведение, школьная практика в особенности, узаконили его в статусе «классического произведения социалистического реализма». Подобное нормативное определение в советские годы исключало переоценку «образцового» текста, освобождало от необходимости рассмотрения тех особенностей, какие могли вывести за канонические требования. Постсоветские времена, как ни странно, сохраняли прежние подходы, сменив лишь приоритеты оценок. А между тем пересмотр диахронных связей первой книги романа «Поднятая целина» позволяет увидеть ее в более сложной связи с особенностями «текущего момента» 1930 года [3].

В частности, в «Поднятой целине» легко обнаруживается «странное» равнодушие автора к детальной проработке «вредительского» сюжета, неперемного для времени коллективизации. Его завязка обозначена приездом в Гремячий Лог героев-антагонистов Половцева и Давыдова, но в дальнейшем развитии действия они надежно скрыты друг от друга почти демонстративным нелюбопытством гремиченцев. Например, в хуторе, пусть и крупном, но вполне обозримом для его жителей [4], Яков Лукич легко прячет в обычном казачьем курене двух всадников на боевых конях. И это при том, что весь скот уже обобществлен. Досушие соседки не замечают странного исчезновения матери Якова Лукича и пр.

И тем не менее перечень фабульных и обусловленных ими смысловых «странностей» «вредительского» сюжета «Поднятой целины» нельзя отнести к числу авторских просчетов. М. Шолохов точно знал, как будет прочитан роман. Все действия организаторов колхоза в нем синхронизированы с партийными постановлениями конца 1929 — начала 1930 годов. Так, четко обозначена завязка «колхозного» сюжета: двадцатипятилетний Семен Давыдов появляется в хуторе Гремячий Лог во исполнение решений ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) о направлении передовых рабочих в районы сплошной коллективизации.

Кульминация сюжета — статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов» (март 1930 года). Появившаяся как раз накануне весенних полевых работ, она совпадает с ожиданиями земледельцев, а потому легко выбивает почву из-под ног белогвардейцев-заговорщиков. «Три экземпляра «Молота» (со статьей «Головокружение от успехов». — Т. Н.) за день обошли все дворы, к вечеру превратились в засаленные, влажные, лохматые куски. Никогда за время существования Гремячего Лога газета не собирала вокруг себя такого множества слушателей, как в этот день» [5, 220].

Каждый гремиченец прочел в статье И. В. Сталина то, что он больше всего хотел прочесть. И речь Давыдова на общем собрании после «бабьего бунта»

воспринимается в контексте этих ожиданий: «...Повольнили, граждане, и будет! Зябь переставается, время уходит...» На его слова «из задних рядов, из сумеречной темноты» откликается «теплый и веселый басок»: «Любушка Давыдов!.. За то, что зла на сердце не носишь... Народ тут волнуется... А ить нам *вместе жить*...» [5, 302. Курсив мой. — Т. Н.].

Даже при выборочном анализе важных сюжетных узлов шолоховского романа нетрудно заметить, что он далек от канонических советских образцов *предметом* изображения. История создания гремиченского колхоза соотнесена в романе М. Шолохова с очевидной невозможностью избежать предложенной новой формы жизни: «...нам *вместе жить*...»

Глубинные особенности сюжета «Поднятой целины», как мы видим, подпитываемые естественными народными ожиданиями, уточняют и позицию Федора Абрамова в его первом романе. Писатель-фронтовик, как и некогда М. Шолохов, отталкивался от жизненной реальности. Начиная прозаик делал первые шаги к будущей «деревенской» прозе, не уклоняясь и от ориентации на особенности шолоховского сюжета.

Нетрудно заметить, что абрамовский Лихачев, председатель колхоза в «Братьях и сестрах», есть некий вариант Макара Нагульнова, но лишь во внешнем контуре — «говорящая» фамилия, внешний вид: «...коренастый мужичина в кубанке, лихо заломленной на самый затылок, в стеганке защитного цвета, туго перетянутой военными ремнями» [6, 23].

Но на этом сходство и заканчивается. Нагульнов у Шолохова все-таки подан с известной долей авторской симпатии, не без попытки воспроизведения внутреннего мира наивного и бескорыстного человека. Лихачев у Абрамова — фигура второго плана в силу явной личностной ничтожности. Карьерист и позер мало интересуется Ф. Абрамова. Довершает характеристику Лихачева им самим изготовленная заметка в газету «Пинежский колхозник», авторство которой обозначено прозрачным заключительным призывом: «Следуйте за тов. Лихачевым!».

Фигурой Лихачева Ф. Абрамов в «Братьях и сестрах» разрабатывает уже сложившуюся в «романе о колхозной деревне» реальную коллизию формирования советской элиты. Вариантом лихачевского самовосхваления во второй части абрамовской тетралогии «Две зимы и три лета» (1968) станет заметка о Егорше Суханове, надиктованная самим Егоршей записному журналисту и названная уже по-новому — «Наш рабочий парень». Название заметки отражает ожидания Егорши, существенно отличающиеся от тщеславных заявлений Лихачева. Суханов хочет быть «*рабочим парнем*». Он стремится покинуть Пинегу — коллизия, чуждая сознанию шолоховских героев и не входившая в планы Лихачева.

За послевоенные десятилетия, показывает Ф. Абрамов, существенно изменилось отношение

к деревне, к земле, к работе на ней. Коренная переоценка деревни вызвала к жизни новый для русской литературы сюжет, связанный с иными приоритетами. Их остро почувствовал Михаил Пряслин, «первый колхозник», как благодарно воспринимают его односельчане. Заметка в газете больно ранила его не тщеславием Егорши: «Согласен. Пускай Егорша новый да передовой». Ранило нескрываемое пренебрежительное отношение к колхознику: «Ты, дескать, рылом в землю зарылся, света белого не видишь, а я где, засучивши рукава? На передовой линии фундамент закладываю... И-эх! — кабы это был только Егоршин треп. А то ведь не один Егорша так думает» [6; 500, 501].

Герой и его поступок вписаны в динамическую перспективу формирующегося сюжета тетралогии. Цель Ф. Абрамова в романе «Две зимы...», откуда взят цитируемый сюжет, уже не та, что в первом романе. Неуклюжее тщеславие Лихачева в исполнении Егорши стало обдуманной и результативной социальной акцией. Ее результаты совершенно очевидно выходят за пределы отношений Егорши и Михаила, их фабульного противостояния. Изменившаяся самооценка участников «колхозного сюжета» — отчетливая примета радикально изменившегося мира, превратившего вчерашних друзей, почти братьев, если не во врагов, то уж точно в разные варианты народного характера. На этом примере отчетливо видно, как роман «Братья и сестры», имевший выраженные жанровые приметы повести, в формирующемся пространстве тетралогии обретает романное мышление, развивает ее центростремительные интенции.

Это первый вывод, который напрашивается при анализе романа «Братья и сестры» в диахронной проекции. Второй также связан с шолоховским опытом, хотя и его трудно обозначить словом «влияние». Речь пойдет о так называемых массовых сценах.

Безусловно, важный сюжетный и смысловой узел обозначен Ф. Абрамовым сценой избрания Анфисы Петровны председателем колхоза. Типологизированная советской практикой сцена предсказуемо включает в число участников районного уполномоченного, героиню, недостойного председателя и даже прописывает ситуативное поведение каждого участника.

Обратим внимание на глубинную основу написанной Абрамовым сцены. Лукашин, присланный провести перевыборы председателя колхоза, — фронтовик. Уже одно это вызывает к нему уважение собрания, в том числе и Анфисы Петровны, и жены фронтовика и, по фразеологии тех лет, «труженицы тыла». Для читателя романа «Две зимы и три лета» в 1968 году внутренняя связь с событиями Отечественной войны была хорошо осознаваемой жизненной реальностью. О «безмерной тяжести» (М. Исаковский) военной ноши, легкой на женские плечи в военные и послевоенные годы, первым заговорил не Ф. Абрамов, но он не мог не откликнуться на эту

ситуацию уже в силу своего гражданского темперамента и детального знания деревенской жизни [7]. И в этом случае мы можем фиксировать реальный «исторический контекст» романа «Братья и сестры», а не переключку с литературной традицией. Напомним к тому же, что председателя колхоза в «Поднятой целине» не выбирали. Двадцатипятилетний Семен Давыдов на собрании гремяченской бедноты сразу конституировал решение, не подлежащее обсуждению: «Меня послала к вам наша коммунистическая партия и рабочий класс, чтобы помочь вам организовать колхоз и уничтожить кулака как общего нашего кровососа» [5, 28].

На этом фоне сцена из романа Ф. Абрамова прочитывается иначе. Лукашин, отправляясь в Пекашино для переизбрания председателя колхоза, получил четкие инструкции относительно оставления Лихачева в прежней должности: «Старый, опытный кадр. Номенклатура райкома...» [6, 58. Курсив мой. — Т. Н.]. Знает об этом решении и сам «опытный кадр», вполне освоившийся со своей номенклатурной ролью. Перепоясанный ремнями, картинно-стремительный председатель представлен в атакующей роли. Услышав критику в свой адрес, «Лихачев до хруста стиснул зубы, выпрямился:

— Понятно... Советская власть не нравится?...» [6, 60].

Напомним, что в шолоховском романе Давыдову противники колхоза угрожали физической расправой. И герой реагировал на реальную угрозу из «задних рядов»: «Будто плетью Давыдова хлестнули. Он в страшной тишине с минуту стоял молча, бледнея, полураскрыв щербатый рот, потом хрипло крикнул:

— Ты! Вражеский голос! Мне мало крови пустили!...» [5, 74].

Лихачев ведет себя принципиально иначе. Он демагогически укрупняет собственную персону до государственной значительности: «Советская власть не нравится?» Однако Ф. Абрамов переводит сцену выборов из традиции советского «номенклатурного» канона в новый регистр. Лукашин, отчетливо представляя «все непоправимые последствия» невыполненных инструкций, однако, в духе ранней «оттепели», принимает сторону колхозников.

В духе тех же тенденций следует оценить и реакцию секретаря райкома партии Новожилова, не отменившего решения колхозников. Что этот эпизод характеризует время историческое, а не жанровые особенности «колхозного романа», покажут последующие сюжеты тетралогии. Уже во втором ее романе «Две зимы и три лета» (1968) «мягкотелого» Новожилова, допустившего «самоуправство» фронтовика в отношении номенклатурного работника, сменил жесткий и авторитарный Подрезов: «Уж если Подрезов возьмет кого в работу — щепка летит» [6, 300].

Отметим еще одну особенность, объединяющую шолоховский роман и формирующуюся романисти-

ку «деревенской» прозы. В ней, как и в шолоховском романе, человеческая жизнь, ее драмы развиваются на мощном фоне природы и земли. В романе Ф. Абрамова, как и в романе М. Шолохова, они живут своей жизнью. «По влажным, курящимся легким паром полям с проклюнувшимися всходами, по обочинам дорог и тропинок, опущенных нежнейшей зеленью, по ожившим перелескам — повсюду шагало ликующее лето. *И не было ему никакого дела ни до войны, ни до человеческих горестей*» [6, 109. Курсив мой. — Т. Н.].

Подобный поворот темы, более характерный для философских текстов, чем для нормативных советских сюжетов, лишний раз подтверждает мысль, что «деревенская» проза явилась новым важным этапом в развитии русской литературы, что ее появление в «оттепельные» годы было неизбежным и не связанным с требованиями соцреалистического канона. И как всякая литература, отражающая особенности национального сознания, «деревенская» проза второй половины XX века не прошла и мимо опыта самосохранения народа в советские годы. И в этом плане формирующий опыт Ф. Абрамова может и должен быть соотнесен с непростыми поисками и решениями М. Шолохова.

Воронежский государственный университет

Никонова Т. А., доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук.

E-mail: nikonova@phil.vsu.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Тынянов. — М.: Наука, 1977. — 574 с.
2. Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография / С. С. Аверинцев. — М.: Наука, 1973. — 320 с.
3. См. об этом: Никонова Т. А. О сюжете, названии и контекстах первой книги романа М. Шолохова «Поднятая целина» / Т. А. Никонова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Филология. Журналистика. — 2022. — № 1. — С. 60–64.
4. Хутор — малый населенный пункт, состоящий из одного, иногда нескольких домохозяйств; отдельная крестьянская усадьба с обособленным хозяйством. У донских и кубанских казаков хутор — поселение на территории станицы, не имеющее отдельного административного управления.
5. Шолохов М. Собр соч. в 9 тт. / М. Шолохов. — Т. 6. — М: ГИХЛ, 1966. — 368 с.
6. Абрамов Ф. Избранное. В двух томах / Ф. Абрамов. — Т. 1 — Л.: Художественная литература, 1975. — 568 с.
7. См., например, эмоциональный фрагмент из рассказа Ф. А. Абрамова «Старухи» (1969): «Встаньте, люди! Русская крестьянка идет. С восьмидесятилетним рабочим стажем. Да, да, да! На пятом году взяла тетка грабли в руки, да так до сих пор и не выпускает их»

Voronezh State University

Nikonova T. A., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of XX–XXI Centuries, the Theory of Literature and Humanities

E-mail: nikonova@phil.vsu.ru

МОДЕЛИ МЕТОНИМИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

О. О. Петрова

Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского

Поступила в редакцию 5 сентября 2022 г.

Аннотация: в статье на материале художественного текста (романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина») рассмотрены примеры реализации метонимических переносов. Отмечены наиболее продуктивные модели преимущественно субстантивной и реже адъективной метонимии. Зафиксирована как неактантная, так и актантная метонимия (прямо направленная и обратно направленная). Встречающиеся в тексте метонимические переносы в основном построены по регулярным, общеязыковым моделям, хотя представлены и малочастотные, менее продуктивные модели метонимического переноса.

Ключевые слова: лексическая метонимия, модели метонимического переноса, неактантная метонимия, прямая актантная метонимия, обратная актантная метонимия.

Abstract: in the article, based on the material of a literary text (Leo Tolstoy's novel "Anna Karenina"), examples of the implementation of metonymic transfers are considered. The most productive models of mainly substantive and less often adjectival metonymy are noted. Both non-actant and actant metonymy (directly directed and inversely directed) have been recorded. The metonymic hyphenations found in the text are mainly constructed according to regular, common-language models, although low-frequency, less productive models of metonymic transference are also presented.

Keywords: lexical metonymy, metonymic transfer models, non-actant metonymy, direct actant metonymy, reverse actant metonymy.

В определении лексической метонимии мы следуем за формулировкой Н. Д. Арутюновой: «Метонимия (от греч. *metonymia*, букв. — перенаименование) — троп или фигура речи, перенос имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности... Основой метонимии служат пространственные, событийные, ситуативные, семантические, синтаксические и логические отношения между самыми различными категориями объектов... Метонимия служит сокращению, сжатию речи. В ней взаимодействуют мыслительные (ассоциативные) и языковые (словообразовательные, синтаксические) механизмы» [1, 236].

Теоретические аспекты и модели метонимии подробно описаны в работах многих ученых: [2,3,4,5,6,7,8,9,10,11,12].

Лексические значения определялись по толковому словарю под ред. Н. Ю. Шведовой [13].

I. Метонимические модели *неактантной метонимии*:

1) наименование жилища → обозначение домоладцев. — Все смешалось в *доме* Облонских»;

2) название периодического издания → люди, работающие в нем и задающие политическое направление

газете. — И, несмотря на то, что ни наука, ни искусство, ни политика, собственно не интересовали его, он твердо держался тех взглядов на все эти предметы, каких придерживалось большинство и его *газета*...;

3) название профессионального пространства → название должности, связанной с данным пространством: — *Место* это он получил чрез мужа сестры Анны, Алексея Александровича Каренина...;

4) название населенного пункта → люди определенного социального статуса, проживающие в данном населенном пункте: — Половина *Москвы* и *Петербурга* были родня и приятели Степана Аркадьевича...;

5) имя собственное → обозначение социального статуса: — У подъезда рядами стояли кареты, сани, *ваньки*, жандармы...;

6) имя собственное → название ресторана: — Ну, в «*Англию*», сказал Степан Аркадьевич, выбрав «*Англию*» потому, что там он, в «*Англии*», был более должен, чем в «*Эрмитаже*»...;

7) названия рыб, птиц → обозначение блюд из них: ... он (Степан Аркадьевич) подошел к буфету, закурил водку *рыбкой* и что-то такое сказал раскрашенной... французенке... — Потом *тюрбо* под густым соусом ...*Да каплунов*...;

8) имя собственное → обозначение легкодоступной женщины: — От этого-то большинство и предпочитает знаться с *Кларами*...;

9) обозначение лица женского пола → обозначение социального статуса: — *Девушка* взяла мешок и собачку, дворецкий и артельщик другие мешки...;

10) обозначение протяженности дороги → обозначение времени пребывания в дороге: — Всю длинную *дорогу* до брата Левин живо припоминал себе все известные ему события из жизни брата Николая;

11) обозначение отвлеченной оценки в восприятии объекта → обозначение объекта в свете оценки: — Прощай, моя *прелесть!*;

12) обозначение отвлеченного понятия по прилагательному *неверный* → обозначение супружеской измены: — ...подозрения *неверностей* постоянно мучали Долли...;

13) обозначение места, на котором преобладают деревья ... → обозначение деревьев как строительного материала: — В конце сентября был свезен *лес* для постройки двора...;

14) родовое обозначение лица → оценочное обозначение этим именем слуги: — Он (Вронский) позволил *человека*, поспешно оделся и вышел на крыльцо...;

15) цвет платья → цветовой образ человека: — Военный, застегивая перчатку, сторонился у двери и, поглаживая усы, любовался на *розовую* Кити;

16) внешние атрибуты образа человека → обозначение человека по данным атрибутам: — На правой стороне теплой церкви в толпе *фраков* и *белых галстуков*, *мундиров* и *штофов*, *бархата*, *атласа*, *волос*, *цветов*, *обнаженных плеч* и *рук* и *высоких перчаток*, шел сдержанный и оживленный говор.

II. Метонимические модели *прямой актантной метонимии*:

1) название действия → название объекта-результата: — *Прическа* ее (Анны) была незаметна;

2) название действия → название места действия: — Гости выходили на широкий *подъезд*... и тучный швейцар беззвучно открывал эту огромную дверь, пропуская мимо себя приезжавших.

— Приехав однажды на *покос* и рассердившись на приказчика, Левин употребил свое средство успокоения — взял у мужика косу и стал косить;

3) имеющий свойство → выражающий свойство: — Только когда встречались их *удивленные* и *робкие* взгляды, он (Левин) верил этому, потому что чувствовал, что они уже были одно.

— Что всегда радовало в ней, это выражение ее (Долли) *глаз*, *кротких*, *спокойных* и *правдивых*.

III. Метонимические модели *обратной актантной метонимии*:

1) название блюда (напитка) → название действия, обусловленного данным блюдом (напитком): — ... Степан Аркадьевич... за *кофеем*... развернул еще сырую утреннюю газету и стал читать ее;

2) название периодического издания → название действия, обусловленного данным изданием: — Окончив *газету*... он встал...страхнул крошки кала-

ча с жилета и, расправив широкую грудь, радостно улыбнулся...;

3) название напитка → время и процесс потребления напитка: — К *чаю* больших Долли вышла из своей комнаты...;

4) название металлического сосуда для кипячения воды и приготовления чая → процесс наливания чая из самовара: — Хозяйка села за *самовар* и сняла перчатки;

5) обозначение конкретно-предметных объектов → обозначение действий, связанных с такими объектами: — Были и *рысаки*, и *блины*, и медвежьи охоты, и *цыгане*, и кутежи с русским битьем посуды.

В заключение отметим: представленные материалы демонстрируют разные типы и модели метонимии в тексте Л. Н. Толстого. Проведенный анализ показал, что в основном встречаются общеязыковые модели переноса, но не только. С другой стороны, и общеязыковые модели в тексте Л. Н. Толстого получают дополнительную эстетическую нагрузку. Можно отметить не только собственно номинативные метонимии, но и метонимии, включающие социальную оценку (*человек*, *девушка*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Метонимия // Русский язык, Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов, 2-е изд., перераб. и доп., М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. — С. 236–237.

2. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Издание 7 / А. М. Пешковский. — М.: Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1956. — 511 с.

3. Покровский М. М. Семасиологические исследования в области древних языков // М. М. Покровский Избранные работы по языкознанию / М. М. Покровский. — М.: Издательство Райт, 2018/1959. — С. 63–162.

4. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелев. — М.: Просвещение, 1964. — 244 с.

5. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке / О. П. Ермакова. — М.: Русский язык, 1984. — 152 с.

6. Гинзбург Е. Л. Конструкции полисемии в русском языке. Таксономия и метонимия / Е. Л. Гинзбург // Конструкции полисемии в русском языке. — М.: Наука, 1985. — 224 с.

7. Апресян Ю. Д. Избранные труды, т. 1. Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп. / Ю. Д. Апресян. — М.: Школа: Языки русской культуры: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. — 472 с.

8. Бирих А. Метонимия в современном русском языке. Семантический и грамматический аспекты / А. Бирих // Slavistische Beiträge. München, 1995. Band 326. — 191 p.

9. Королева О. Э. Метонимия как тип значения: семантическая характеристика и сферы употребления / О. Э. Королева. — Обнинск: Институт муниципального управления, 2002. — 158 с.

10. Падучева Е. В. К когнитивной теории метонимии // Доклады международной конференции диалог 2003

/ Е. В. Падучева. — Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/media/2674/paducheva.pdf>.

11. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. — М.: Языки славянской культуры. 2004. — 608 с. — (Studia philologica).

12. Еремин А. Н. Субстантивная метонимия в современном русском языке (теоретические основания и моде-

ли реализации): учебно-методическое пособие / А. Н. Еремин, О. О. Петрова. — 2-е изд., стер. — Москва: ФЛИНТА, 2018. — 65 с.

13. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М., 2011: Издательский центр «Азбуковник». — 1175 с.

*Калужский государственный университет имени
К. Э. Циолковского*

*Петрова О. О., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка*

E-mail: poks1990@yandex.ru

*Kaluga State University named after K. E. Kaluga
Petrova O. O., Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor of the Russian Language Department
E-mail: poks1990@yandex.ru*

ГИБЕЛЬ ТАМАРЫ КАК НРАВСТВЕННАЯ СМЕРТЬ ДЕМОНА

М. А. Полтавец

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 17 мая 2022 г.

Аннотация: в настоящей статье приводится история создания перевода либретто «Демон» П. А. Висковатова/А. Г. Рубинштейна на немецкий язык, проводится сопоставительный анализ последних сцен оригинального либретто и немецкого перевода, выполненного А. фон Офферманом. Особое внимание уделяется идейному пафосу ключевых сцен немецкого либретто, концептуализирующих идею нравственной гибели Демона как следствия физической гибели Тамары.

Ключевые слова: либретто, перевод, Тамара, Демон, Ангел, духовный конфликт.

Abstract: the article describes the creative history of the translation of the libretto "Demon" by P. A. Viskovatov/A. G. Rubinstein into German, and a comparative analysis of the last scenes of the original libretto and the German translation which was made by A. von Offerman. Mainly the focus is on the ideological pathos of the key scenes of the German libretto, which conceptualize the idea of the moral death of the Demon as a consequence of the physical death of Tamara.

Keywords: libretto, translation, Tamara, Demon, Angel, spiritual conflict.

В настоящей статье в центре анализа находятся последние сцены либретто к опере «Демон» П. А. Висковатова/А. Г. Рубинштейна (1879) и его немецкий перевод «Der Dämon» А. фон Оффермана (1880), написанные по поэме М. Ю. Лермонтова «Демон». Выбор сцен обусловлен значением недостаточно изученного фрагмента либретто по поэме — *поединка* Ангела с Демоном за душу Тамары. В. Н. Аношкина-Касаткина отмечает, что «мотив «встречи с Ангелом» — сквозной в творчестве Л., еще более «неизбывный», нежели его «демонизм», о котором много говорилось в XX веке» [1, 117]. «Соединение имен Лермонтова и Рубинштейна сделало оперу чрезвычайно популярной. <...> Демон обошёл все русские оперные сцены и многие заграничные» [2, 39].

Либретто «Демон» Висковатова и Рубинштейна было закончено в 1871 году, но ввиду того, что постановка оперы не могла быть осуществлена в осеннем сезоне 1871 года, у композитора возникла идея о переводе либретто на немецкий язык. Свидетельством этого намерения может служить письмо Рубинштейна к Б. Зенфу, владельцу типографии в Германии: «Я нашел в Вене переводчиков для «Демона», они ... требуют, однако, за это 200 талеров — много денег, но работа трудная, очень благодарная; при этом очень трудно найти людей, которые умеют это делать...» [3, 29]. На предложение Рубинштейна откликнулся известный своей переводческой деятельностью Альфред Офферман, в результате чего в типографии Зенфа был выпущен перевод «Демона».

Для творческой истории немецкого либретто характерны следующие положения:

Написание либретто затянулось примерно на год; Написано оно было не одним человеком (см. письма ниже), возможно, дописывалось Рубинштейном; Партитура была переписана, соответственно немецкий оперный текст отличается от русского.

Подготовка партитуры и либретто «Демона» к печати развивается в такой последовательности:

15 июня из Петергофа Рубинштейн отправляет письмо Б. Зенфу, в котором сказано: «...с нашим бедным «Демоном» дело обстоит совсем плохо; перевод в том виде, как он сделан, неприемлем... И так, нечего и думать об его издании раньше, чем приблизительно через год. Печально, но это так. Чтобы утешить Вас, я отдельно перепису для Вас балетную музыку (из 2-го акта) и пришлю ее...» [3, 30].

20 декабря 1875 года Рубинштейн пишет: «Демон» меня мучает!! Я его просмотрел и нахожу, что он плачевно плох, — его следовало бы теперь передать немецкому поэту (который вместе с тем и музыкант) для того, чтобы он переделал текст и более музыкально расположил акценты, — не найдется ли такой?..» [4, 33].

В апреле 1876 года: «...Я надеюсь, что смогу окончить 4-й акт в Лондоне...» [4, 36].

12 июля 1876 г. было отправлено следующее письмо: «...Я сейчас переписываю партитуру Демона, немецкий текст которого жду с нетерпением, чтобы самому его подставить...» [4, 37].

6 сентября 1876 г. в письме было сказано: «... «Демон» стал очень хорош, но он требует много времени, так как вписать все в партитуру и, кроме того, приготовить еще клавираусцуг — трудная задача. С ним Вам будет много возни, я должен был в нем многое изменить. Но не щадите труда и хорошо из-

дайте вещи; все это, надеюсь, принесет нам еще некоторую радость...» [4, 38].

В конце 1876 года с немецким текстом сначала был издан кливир, а после партитура. Опера была поставлена в Гамбурге в Городском театре 22 октября/3 ноября 1880 года, дирижером был сам Рубинштейн. Он отмечал, что постановка пользовалась большим успехом, по сравнению с Петербургом и Москвой. «Опера шла также в Кёльне (1882), Кёнигсберге (1883), Шверине (1884)» [5, 16].

В основе русского и немецкого либретто — оригинальный текст поэмы, прошедший через ряд трансформаций¹, которые, на наш взгляд, существенно изменили первоначальные идеи М. Ю. Лермонтова. Мы полагаем, что идейную кульминацию поэмы Демон представляет последняя сцена либретто, означившая феномен нравственной гибели Демона. Отмеченная сцена играет в полной мере главную роль не только в русском либретто, но и в немецком переводе. Особое значение в этой сцене приобретает гибель Тамары — событие, определяющее развязку литературного конфликта как в поэме, так и в созданном по ней либретто: возвращение Демона в лоно Божье или его окончательное падение.

В обоих текстах на пути достижения высокой цели Демон встречает два препятствия: во-первых, он не может обрести любовь Тамары, во-вторых — Демон не внемлет увещаниям Ангела.

Если понимать путь Демона как духовное испытание, то условием его выполнения является сохранение душевной чистоты Тамары. Ангел: «До всего, что небу мило, / Не касайся ты, смотри!»² [6, 7].

В либретто можно выделить несколько *вех* духовного пути Демона, последовательных по его осуществлению, имеющих возрастающее значение по отношению к кульминации действия.

1. Первая встреча с Тамарой. В сюжетном плане эта встреча является завязкой конфликта Демона и Тамары, которая представляет начало духовного пути героя. В либретто актуализируется восприятие Демоном Тамары как ангела. Демон: «Что вижу я!.. меня смущают / Давно забыты мечты, / Красою ангельской сияют / Ея прекрасныя черты» [6, 8].

2. Появление Ангела, представляющего мир вышших иерархий, покинутый Демоном, вводит в сюжет образ некоего *духовного наставника* Падшего духа, и, в таком случае, их диалог можно рассматривать

как своего рода идейную проекцию пути Демона. Пафос наставничества Ангела изменяется от мягкого увещания до жесткого предостережения:

— совет, выраженный «мягким» императивом («Не кляни, а люби» [6, 5]);

— обещание как награда за выполненное условие («И простит тебя Тот, в Ком Любви нет конца / И опять для тебя / Он свой рай отопрёт» [6, 5]);

— напоминание о прошлом, о любви к миру и небесной братии («Божий мир полюби. / Какъ бывало любилъ / Прежнихъ братій своих. / Вспомяни и люби!» [6, 6]);

— усвоение как вера в промысел Божий («Всё обновляется / Всё побеждается / Силой любви» [6: 6]);

— полемика как развенчание позиции Демона («Твои познания — отрицанья, / И ненависть любовь твоя» [7: 6]);

— предостережение, выраженное «грозным» императивом («До всего, что небу мило, / Не касайся ты, смотри!» [6: 7]).

3. Демону важно смутить разум Тамары, поэтому в последующих сценах либретто Демон воздействует на чувства Тамары по принципу возрастающей градации: от таинственного голоса до появления *во плоти*, что проявляется в ремарках для актёров («Тамара прислушивается», «Тамара подняла голову, увидя Демона...» [6, 11]).

4. Убийство Князя Синодала — преступление против природы, инспирированное Демоном. («Спи! Не видать тебѣ Тамары / Бѣгут часы, бѣгут... / Ночная тьма бѣдой чревата / И врагъ твой тутъ, как тутъ, (исчезает)» [6, 18]);

5. Демон обволакивает душу Тамары ласковой речью, обещанием, утешает её. («Не плачь дитя, не плачь напрасно» [6: 27]); «Тебя я, вольный сын эфира, / Возьму в надзвѣздные края» [6, 28]); «Будь к земному безъ участия» [6, 29]); «Къ тебѣ я стану прилетать» [6, 29]);

6. Пик колебаний Демона перед финальной сценой приходится на появление сомневающегося у порога монастыря Духа («и я пришел — но страшно мне \ Войти в обитель»). У Демона нет намерения погубить Тамару, но следующий диалог с Ангелом, напоминающий схватку, делает исход неизбежным («Она моя!» [6, 35]). В этой связи Е. Пульхритудова пишет: «В сцене между Демоном и ангелом в келье Тамары герой лермонтовской поэмы уже отдаёт себе отчет в полной невозможности примирения и возвращения к прошлому» [8, 101].

Таким образом, представлен путь, по которому Демон проходит к выбору между отказом от своей сути и возвращением к Богу. Именно с этого момента обнаруживаются значительные разночтения между русским и немецким либретто.

Обратимся к сцене гибели Тамары. Казалось бы, одно слово девушки «люблю» способно спасти Падшего. Однако было бы неверно утверждать, что только

¹ А. Н. Майков начал совмещать части либретто, ранее написанные А. Г. Рубинштейном, Я. П. Полонский продолжил работу над либретто, а П. А. Висковатов закончил писать текст. См. [11].

² Все цитаты в настоящей статье приводятся по либретто А. Г. Рубинштейна (1879). Случаи обращения к другому источнику оговариваются отдельно.

Тамара решает судьбу Демона. Если в поэме главная роль принадлежит Тамаре, то в либретто в равной позиции оказываются Ангел и Тамара. Демон отвергнут небом и землей и, находясь в этом бессильном положении, он встречает чистую душу, пробудившую в нем воспоминания о небесном рае («Лишь только я её увидѣлъ/Какъ тайно вдругъ возненавидѣлъ/Безсмертіе, и власть мою» [6, 34]). Его еще способная на возрождение душа готова откликнуться на призыв смущенной любопытством девушки. Но его терзают сомнения, связанные с воспоминаниями о прошлом: «И я пришел – но страшно мне/ Войти в обитель, и на дне/Старинной раны, как змея/Зашевелилась грусть моя, /И даже плакать мог бы я». Здесь возникает вопрос о природе этого чувства: тоска ли это по ангельской братии или — по утраченной чистоте души. В немецком переводе эта грусть переходит в чувство иного качества — в глубокую боль («In alter Bunde fühl'ich tiefen Schmerz» [10, 196]), связанную с воспоминаниями о прошлом. Под *Bunde (связи)* узнается песня Ангела в раннем стихотворении Лермонтова «Ангел» («Он пел о блаженстве безгрешных духов/ Под кущами райских садов»). Демон чувствует в себе, что от его решения может зависеть его будущее. У него ещё сохраняется возможность отказаться от рокового намерения, он может не губить душу Тамары, тем самым сохранив свою.

В цитате: «Seit dem ich die Geliebte sah,/ seit dem ist mir mein ewig Leben, der Hölle, macht verhasst» [9, 44] обращает на себя название девушки «возлюбленная» — «Geliebte», что означает, что она желанна и необходима ему. В русском же тексте мы читаем «лишь только я её увидел» [6, 38]. Ввиду двойственности восприятия у местоимения «её» сложная семантика. Так, «её» содержит в себе отношение к ней как к святому видению. В то же время «её» может иметь собственно объектное значение, имплицитное в тексте стремление к обладанию девушкой.

В русском монологе Демона проявляется его ненависть по отношению к своей власти («Какъ тайно вдругъ возненавидѣлъ/Безсмертіе, и власть мою» [6, 34]), в немецком же тексте не просто к власти, но даже к адской власти (der Hölle), к неполной его земной жизни (ewig Leben).

Обращает на себя внимание изменившееся отношение к земной жизни: «ich begann seit jener Stunde Der Erde flüchtig Glück zu lieben» [9:40] (С этого часа я начал любить быстро уходящее земное счастье). Благодаря Тамаре для него ценен каждый час, проведенный на земле, ибо у него появляется надежда на обретение любви. Во власти Тамары находится его существование, если же погибнет она, то это будет означать и его гибель. Физическое существование Демона даже после смерти Тамары будет возможно, но духовное — навеки потеряно.

В III действии Демон убеждает себя в своей любви к Тамаре, и уверившись в этом заблуждении, реша-

ется войти в обитель. И в этот же решающий момент появляется Ангел, представляющий собой false Deus ex machina, *последнюю веку* на пути нравственного падения Демона. Появление Ангела оказывает сильное влияние на Демона, пробуждает в нем страх потери Тамары, что обуславливает пафос его восклицания: «Она моя! Вот мой ответ». В немецком тексте поступок Демона видится как жесткий и импульсивный, словно тот прогоняет Ангела: «Heb' dich hinweg, denn sie ist mein!» [9, 51] (уйди прочь, так как она моя).

В основе отношения Ангела к Тамаре заложено понятие святости, Тамара – храм Ангела, его любовь, которую он стремится защитить и от которой старается отвести порочного Демона. Ангел называет его «Geist der Empörung, Geist der Sünde (дух возмущенный, мятежный и порочный) Lass ab von ihr, Du drohst vergebens! Zu meiner Liebe heil'gem Tempel' führt seine lasterhafte Spur!» [9, 40] (Отстань от нее, Ты напрасно угрожаешь! К храму исцеления моей любви/ Ведите свой злой/порочный след!).

В русском либретто Демон впервые называет Ангела — вечным врагом: «Враг вечный, не гляди так грозно,/Явился защитить ты поздно!/ И ей, как мне, ты не судья!» [6, 35]. Обращает на себя внимание последнее предложение: «и ей, как мне, ты не судья!». В сравнении с немецким текстом: И ей, как и мне, ты не хозяин./ «Und ihr, wie mir, bist Du nicht Herr» [9, 40]. В немецком переводе *Herr* связано как со словом хозяин, так и со словом Бог. Для немецкого либретто характерна критика Бога Демоном, в частности его обвинения в том, что отношения Бога и ангельской братии основаны на подчинении, а не на любви. Эти обвинения в либретто относятся и непосредственно к Богу: «Хвалите вы Его творенья/ Вы всѣ рабы. «...» Когда без рабства, угнетенья/Поймешь любовь» [6: 6]; «Dein Gott will herrschen über Sklaven — / Will Liebe nicht» [9: 6].

Падший по изъяснению Бога, Демон теперь боится потерять надежду на любовь и воссоединение, что в некотором смысле поясняет резкость его отпора Ангелу. «Wer rief dich her, mir zu gebieten? Zu spät kommt Du, sie zu beschützen! Und ihr, wie mir, bist Du nicht Herr» [7, 40]. (Кто позвал тебя сюда, чтобы приказывать мне? Слишком поздно ты пришел, чтобы защитить ее! И ей, как и мне, ты не хозяин).

Предупреждение Ангела, казалось бы, вторит опасениям Демона нарушить святой покой Тамары: «Не приближайся ты к святыне/ И не порочь обитель ты мою». В немецком переводе примечательно использование слова «Heiligtum», что значит «святылище» или «храм»: «Von meinem Heiligtum bleib' ferne, Berühr' die Heilige (statte) Schwelle nicht» — произнося это, тем самым Ангел *проводит границу* между собой, Тамарой и Демоном, при этом Тамара — источник святости, а Демон — порока [9, 41]. Эти слова оказывают сильное влияние на Демона. Если раньше его терзали сомнения, то сейчас он без ко-

лебаний принимает решение: «Doch Sie ist mein! (Der Dämon stürzt zornig zur Pforte des Klosters, der Engel verlässt gesenkten Hauptes das Kloster)» (она все еще моя! (Демон гневно бросается к воротам обители ангелов, опускающий голову Ангел покидает обитель. Демон в очередном возбуждении бросается к монастырским воротам)) [10, 200]. Обратим внимание на комментарии авторов либретто к сцене: «гневно бросается в обитель».

Диалог Демона и Тамары выстроен по модели разговора охотника и жертвы. Демон управляет чувствами Тамары, ослабленной недавней потерей жениха и расставанием с семьей. Во время их кратких встреч Демон усиливал свое влияние на ее мысли и чувства. Сначала появлялся только его голос, что пробуждало как страх, так и интерес Тамары. Затем во время потрясения от смерти Князя он дал ей надежду («к тебе я стану прилетать [6, 29]). После этого Тамара внутренне начинает тянуться к Демону, голос которого она слышала и мимолетное видение которого она видела. Готовность встретиться с ним является вершиной её смущенного сознания. Таким образом, Тамара проходит несколько стадий привыкания к Демону — начавшегося с пробуждения интереса, а закончившегося ожиданием встречи.

Желание узнать, кто он такой, занимает все мысли Тамары, эти мысли смущают ее разум, но любопытство оказывается сильнее страха. Появление Демона пугает Тамару, она впервые видит его, тем самым она чувствует, что это не обычный человек, а некая древняя сила, неподвластная ее разуму.

Монолог Демона включает представление себя и своих достоинств и отличается от произносимых им ранее речей. Главное отличие состоит в том, что Демон является врагом Неба, его могущество — сила адская: «Die Geißel bin ich meiner Sklaven, ich bin der Fürst des freien Wissens, bin kühn and böse — der Feind des Himmels» [9, 43].

Тамара не случайно говорит, что речь Демона опасна. Будучи *представителем* вездомной силы, он может «сломить» её слабую человеческую волю. Так, Демон, с целью добиться желаемого, манипулирует Тамарой: «Меня добру и небесам ты возвратить могла бы словом». Падший взывает к жалости, представляет себя жертвой, которая нуждается в спасении. Для Тамары же Демон — дух лукавый: «O schweige! Dem Feinde glaub'ich nicht!» (Не верю я врагу) [9, 43]. Демон не только является грешным духом, но и врагом неба, а значит, и врагом Творца. Страх перед Богом и дальнейшими наказаниями — муками ада останавливают слабеющую духом Тамару от совершения греха: «Strafe? Die Qual der Hölle?» (Наказания? Агония Ада?) [9, 46]. Демон же успокаивает её страхи, утверждая, что даже в Аду она будет с ним. Тем самым, Демон словно бы прибегает к одной из известнейших *тактик* классических сюжетов обольщения — добивается доверия невинной

девушки. Таким образом, развитие доверия является определяющим моментом в построении этого диалога. Тамара должна довериться ему и довериться добровольно: «Ist nichts! dort weilest du mit mir. Durch seinen Blick magnetisiert fühlt sie sich allmählich zu ihm herangezogen» (Ничего! там ты останешься со мной. Примагнитченная его взглядом, она постепенно чувствует, что притягивается к нему) [9: 46]. Демон оказывает сильное воздействие на сознание Тамары, она постепенно чувствует, что более она не может противиться высшей силе. Она подчиняется Демону будто под гипнозом, что передается в немецком переводе глаголом «magnetisiert». Очарованная и обманутая, она называет его «печальным другом», что отличает Тамару в русском тексте от немецкого: «Gramvolle Freund, wer immer da sei est! Verliere ich auch mein Seelenheil, ich fühle geheimnisvolle Wonne, höre ich dich Vielgel qualten an! Печальный друг, кто бы ты ни был! Я тоже теряю душевное равновесие, я испытываю таинственное блаженство, я вся во власти твоей речи!» [9, 46]. Тамара просит пощадить её, Демон же прибегает к решающему средству — своего рода *шантажу*, говоря: «Судьба земли в твоих руках» [6, 44]. Речи Демона губительны для Тамары, однако её душевная борьба играет важную роль в развязке всего сюжета. Её сопротивление злу угодно небу — она до последней минуты проявляет стойкость, вознагражденную свыше. Демон же, ослепленный желанием обновления, не осознаёт, что подчиняет себе слабую земную женщину, но не овладевает чистой душой. Упоенный победой, он запечатлевает роковой поцелуй на устах Тамары, восклицая «Gnade», что означает милость, помилование или пощаду, но в то же мгновение он застывает, пораженный, над трупом Тамары [9, 51]. И тогда посланник неба забирает душу Тамары. В немецком тексте её спасителем выступает Ангел, а в русском — и образ убитого Князя, и Гений. Ангел/Гений спасает Тамару, обрекая Демона на вечное одиночество.

Таким образом, мы наблюдаем в обоих либретто — в русском и в немецком — физическую гибель Тамары и нравственную гибель Демона. Демон, принадлежащий высшей силе, переступивший границу, не смог пройти достойный путь от скитания до обновления. Ненависть, желание подчинить любовь, а не открыться ей, ослепили Демона, навеки обрекли его на невозможность быть помилованным небом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аношкина-Касаткина В. Н. «Демон» / М. Ю. Лермонтов Энциклопедический словарь. — М.: Индрик, 2014. — С. 114–119.
2. Направник Э. Ф. Автобиографические, творческие материалы, документы и письма / Э. Ф. Направник. — Л.: МУЗГИЗ 1939. — 448 с.
3. Литературное наследие. В 3-х т. Т. 2. Письма (1850–1871) / Сост., текстолог. подготовка, коммент. и вступит.

статья Л. А. Баренбойма. — М.: Музыка, 1984. — 213 с.

4. Литературное наследие. В 3-х т. Т. 3. Письма (1872–1894) / Сост., текстолог. подготовка, коммент. и вступит. статья Л. А. Баренбойма. — М.: Музыка, 1986. — 213 с.

5. Барсова И. А. К истории постановки «Демона» А. Г. Рубинштейна в Венской придворной опере. Краткая переписка Густава Малера с Мариинским театром / И. А. Барсова, Д. Р. Петров // Научный вестник Московской консерватории. 2011. № 3. — С. 5–23.

6. «Демон» А. Г. Рубинштейна: Опера в 3-х д., 7 карт.: Либретто П. А. Висковатова по одноименной поэме М. Ю. Лермонтова. — М., 1879. — 47 с.

7. «Демон» опера в 3-х действиях, либретто по Лермонтову составлено П. А. Висковатовым, музыка А. Рубин-

штейна. Новое издание. Собственность издателей. Клавираусzug. Спб.: В. Бессель и Ко., 1874. — 245 с.

8. Пульхритудова Е. «Демон» как философская поэма / Е. Пульхритудова // Творчество М. Ю. Лермонтова. 150 лет со дня рождения 1814–1964. — М.: Наука, 1964, С. 76–105.

9. Der Dämon. Phantastische Oper in drei Acten. Nach dem Russischen von Alfred Offermann. Musik von Anton Rubinstein — libretto. — L.: Leipzig & Bartholf Senff, 1800. — 32 с.

10. Der Dämon. Phantastische Oper in drei Acten. Nach dem Russischen von Alfred Offermann. Musik von Anton Rubinstein — Vollständiger Clavieruszug mit Text vom Componisten. — L.: Leipzig & Bartholf Senff, 1877. — 245 с.

11. Taylor P. S. Anton Rubinstein: A Life in Music. / P. S. Taylor — B.: Indiana University Press, 2007. — 376 с.

МГУ имени М. В. Ломоносова

Полтавец М. А., аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета

E-mail: margaritapoltavets@yandex.ru

Lomonosov Moscow State University

Poltavets M. A., Phd Student, the department of History of Russian Literature, Faculty of Philology

E-mail: margaritapoltavets@yandex.ru

ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕЦ, ТРИДЦАТЬ СЕРЕБРЕННИКОВ И НРАВСТВЕННЫЙ ВЫБОР ЧЕЛОВЕКА В ПЬЕСАХ А. Н. ОСТРОВСКОГО (В СВЕТЕ УЧЕНИЯ СВТ. ТИХОНА ЗАДОНСКОГО)¹

Л. Г. Сатарова, Н. В. Стюфляева

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 4 августа 2022 г.

Аннотация: в статье анализируются пьесы А. Н. Островского «Бедность не порок», «Женитьба Бальзамина», «Бесприданница» в контексте учения свт. Тихона Задонского о богатстве и бедности. Подчеркивается, что А. Н. Островский явился не только создателем русского театрального стиля, но и наследником свт. Тихона Задонского, развивающим в своих творениях евангельские темы, идеи и образы.
Ключевые слова: свт. Тихон Задонский, А. Н. Островский, добро и зло, христианская мораль, золотой телец, конфликт, завязка, развязка, действие, драма, комедия, система ценностей.

Abstract: the article analyzes the plays of A. Ostrovsky "Poverty is not a vice", "The Marriage of Balzaminov", "The Penniless" in the context of the teachings of st. Tikhon of Zadonsk on wealth and poverty. It is emphasized that A. Ostrovsky was not only the creator of the Russian theatrical style, but also the heir of st. Tikhon of Zadonsk, who develops gospel themes, ideas and images in his creations.

Keywords: St. Tikhon of Zadonsk, A. Ostrovsky, good and evil, Christian morality, golden calf, conflict, the beginning of the action, denouement, action, drama, comedy, value system.

В Евангелии от Луки Иисус Христос следующим образом отвечает ученикам на вопрос о спасении. Приведем этот диалог полностью:

«И спросил Его некто из начальствующих: Учитель благий! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?»

Иисус сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог; знаешь заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, почитай отца твоего и мать твою.

Он же сказал: все это сохранил я от юности моей.

Услышав это, Иисус сказал ему: еще одного не достаёт тебе: все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за Мною.

Он же, услышав сие, опечалился, потому что был очень богат.

Иисус, видя, что он опечалился, сказал: как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! Ибо удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие.

Слышавшие сие сказали: кто же может спастись?»

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44191 «Наследие святителя Тихона Задонского и формирование национально-духовной идентичности в современном социокультурном пространстве»

Но он сказал: невозможное человекам возможно Богу» (Лк. 18: 18–27).

В своем труде «Об истинном христианстве» свт. Тихон Задонский, развивая евангельскую тему, уделяет значительное место рассуждениям о богатстве и бедности в их отношении к спасению человеческой души. Он пишет: «Сам рассуди, христианине, сколько таковых имеется, которые, в благополучии и веселости живучи, развратились и, как кони, на своей воле разгулялись и рассвирипели, и погибли, что повседневно пред глазами нашими обращается. Весьма мало благочестия в богатых и славных мира сего примечается: гордость, скупость, самолюбие, роскошь и едино только почти плотоугодие видится, — что не к иному чему, как к погибели ведет...» [1, 275].

Богатство — великое искушение, и если Господь отлучает человека от него, то надо благодарить Создателя за заботу о твоей душе. «Великое добро есть скорбь», — писал свт. Иоанн Златоуст. Свт. Тихон Задонский продолжает: «Великое добро: яко смиряет нас, яко пресекает путь к плотоугодию и погибели, яко исправляет нас, ведет к покаянию и обращает к Богу, и тако отводит от погибели, и поставляет на пути к вечному животу. Великую и милость делает с нами Отец небесный, когда посылает на нас скорби и напасти» [1, 275].

Свт. Тихон Задонский жил в историческую эпоху, которая предшествовала бурному развитию капитализма в России. Культ денег, наживы, ростовщичества, вседозволенности в достижении земных благ, обла-

дание ими как цели существования стремительно набирал оборот. Святой пророчески предчувствовал, в какие дьявольские бездны греха заведет это почти всеобщее поклонение золотому тельцу, рабское служение денежному мешку и в связи с этой подменной ценностей — предательство христианских идеалов за те же тридцать серебрянников. Свт. Тихон в своем труде посвятил этой теме целый параграф, названный «Утешение противу нищеты». Он писал: «Мало, весьма мало богатых обретается, которые бы были истинными христианами. Не богатство тому виновно, но злое сердце человеческое, которое или неправдою собирает богатство, или правдою собранное несправедливо расточает, или хранит его как сторож. К тому ж едва сыщется какой богач, который бы о богатстве своем не гордился и не превозносился тем, хотя то не его оно есть, но Божие. Все бо Божие есть, что ни имеем, кроме грехов» [1, 293–294].

Богатые люди подвергаются неизмеримо большим искушениям, чем бедные; они могут удовлетворять свои страсти и служить им с размахом и масштабом, которых лишены неимущие. Ведь богатство — дар Божий, и если человек употребляет его во зло, то с ним случается то же, что и с любым талантом, когда он употребляется не для пользы ближнего, а для собственной славы, похвалы и корысти. «А когда нет христианского расхода в богатом, то нет в нем и истинного христианства», — замечает свт. Тихон Задонский. Богачи, по-христиански расходующие свои накопления, являются исключением из правил. По большей части истинные христиане живут в нищете и убожестве. Причина этому — взыскание Царствия Небесного, отсутствие попечения о телесном и временном, довольство малым, поскольку именно эта житейская ситуация наиболее благоприятна для спасения души. Во времена свт. Тихона расслоение общества на богатых и бедных было весьма ощутимо, он сам в детстве пережил крайнюю бедность, его чуть было не продали в рабство ямщику. Но какое же утешение он предлагает тем, которые терпят и «скучают» в нищете? Нищета посылается Богом для нашего доброго конца, так как от всех тех зол, которые окружают богатых, можно «удобно освободиться». Гордость, скупость, роскошь и т.п. в нищете не имеют себе места. Нищета может достичь главного, чего жаждет христианин и что достигается порой с величайшим трудом, — смирения: быть щедрым и роскошным нищему не от чего. Нищий свободен от страха потерять богатство, он не боится ни воров, ни хищников, ни тли, ни моли, ни зависти. На Страшном Суде нищий не готовит ответа за расточение богатства, тогда как богатые за свое корыстолюбие будут истязаны. Но еще более целебной предстает нищета в том аспекте, что она не позволяет жить в лености и праздности, а способствует развитию трудолюбия. Смерть уравнивает бедного и богатого, только последний заканчивает свои дни в печали и страхе, а нищий — без страха и печали. Наи-

более сильный акцент делается свт. Тихоном в рассуждениях о посмертной участи одного и другого: «И когда бы на всемирном суде равно судимы были! Но нет, не будет этого... Следует богатому дать ответ Судии о богатстве своем, како и на что богатство, данное ему от Бога, держал и расход чинил... Нищий о том не печется: не имеет богатства, не готовит и ответ о расходе богатства. Видишь, что ни богатство не придает, ни нищета не отнимает истинного блаженства от нас, паче же делает нас блаженнейшими от богатых. Ибо истинное блаженство не состоит во внешнем виде, но в покое душевном, от которого богатство отводит, но нищета к тому руководствует, как сказано выше» [1, 295].

Сама земная жизнь Иисуса Христа дает неколебимые основания для утверждений подобного рода: Сын Божий был вольным нищим. Добровольными нищими были и Апостолы Христовы. Все люди — странники и пришельцы, путники в мире сем, а их истинный дом и отечество — на небесах. Свт. Тихон заключает: «Туда нам предпосылать сокровища наша должно, сокровища не мира сего, но оногo отчества достойное: любовь, терпение, кротость, милосердие и пр.» [1, 296].

Все вышесказанное, приведенные из книги свт. Тихона Задонского «Об истинном христианстве» цитаты весьма актуальны для нашего времени, когда золотой телец и тридцать серебрянников вновь правят бал в земном мире, пытаясь вытеснить из него всякое упоминание об искупительной жертве Иисуса Христа, о вечном Царствии Небесном, которому будет предшествовать Апокалипсис и Страшный Суд. Но свт. Тихон Задонский интересен нам не только своими богословскими трудами. Он был одновременно и большим писателем, породившим традицию духовного осмысления той житейской эмпирики и конкретики, которая мощно заявила о себе в христианском реализме русской литературы «золотого» XIX века. В данной статье речь пойдет о драматургии А. Н. Островского, 200-летие со дня рождения которого будет отмечаться в 2023 году.

А. Н. Островского современники справедливо называли «Колумбом Замоскворечья». Действительно, купеческий мир России до него был представлен с такой полнотой и подлинным трагедийным размахом. Сами названия пьес: «Бедность не порок», «Доходное место», «Пучина», «На бойком месте», «Бешеные деньги», «Волки и овцы», «Бесприданница» и др. — говорят о постоянной сосредоточенности драматурга на теме влияния денег, богатства и славы на человеческие души.

А. Н. Островский страстно любил театр, написал около 50 пьес, работал как переводчик Шекспира и других зарубежных авторов, умер за письменным столом. Он был близок к славянофилам и по праву считается создателем русского национального театрального стиля. В то же время проблематику его драматургического наследия следует признать уникальной не только по-

тому, что она чрезвычайно созвучна нашему времени. А. Н. Островскому удалось на подмостках сцены развивать святоотеческий духовный подход к теме спасения души человека, который разрывается между христианской системой ценностей и жадной жаждой богатства. Трудам свт. Тихона Задонского в формировании мировоззренческих основ художественного мира писателя по праву принадлежит одно из первых мест. При этом оговоримся, что в данном случае неважно, насколько часто драматург открывал сочинения свт. Тихона, которые неоднократно переиздавались в XIX веке и которыми зачитывались Гоголь, Достоевский, Лев Толстой и другие гении русской литературы. Для нас существенно типологическое сходство, обнаруживаемое при сравнении рассуждений свт. Тихона Задонского и образной системы, авторской позиции в мире А. Н. Островского. Действительно, почти вся палитра грехов и пороков, связанных с темой денег и отмеченных свт. Тихоном, получила свое отражение в пьесах великого драматурга. Обычно его творчество делят на четыре периода, указывая вектор восхождения ко все большему совершенству и мастерству. Но уже в ранней пьесе «Бедность не порок» можно отметить тот комплекс тем, идей и мотивов, который будет анализироваться им на протяжении всего творческого пути. Конфликт в этой пьесе начинается с того, что два купца Торцовы избирают и демонстрируют прямо противоположные жизненные принципы. Гордей Торцов, в облике которого западничество характеризуется как запредельное лакейство, считает себя чуть ли не олимпийским богом, поскольку он богат и чувствует свою власть над другими людьми. А его брат, промотавший свое состояние, Любим Торцов, становится добровольным нищим, стоящим на церковной паперти. Действие в пьесе держится на любовной интриге: приказчик купца Митя и дочь Гордея Любовь полюбили друг друга и хотят создать семью. Однако на пути их соединения встречаются почти непреодолимые препятствия: Митя беден, поэтому отец Любы не считает его за человека, а дочь из-под власти отца в патриархальной семье выйти не может. Показателен диалог купца и приказчика:

«Гордей Карпыч. Куда деньги-то деваешь?

Митя. Маменьке посылаю, потому что она в старости, ей негде взять.

Гордей Карпыч. Матери посылаешь! Ты себя-то бы образил прежде; матери-то не Бог знает что нужно, не в роскоши воспитана, чай, сама хлевы затворяла.

Митя. Уж пуцай же лучше я буду терпеть, да маменька, по крайности, ни в чем не нуждается.

Гордей Карпыч. Да ведь безобразно! Уж коли не умеешь над собою приличая наблюдать, так и сиди в своей конуре; коли гол кругом, так нечего о себе мечтать!» [2, 123].

Диалог этот — ключевой для понимания духовного смысла пьес А. Н. Островского, в нем сталкиваются христианское отношение к жизни, в частности жертвенная любовь и забота о матери, и потребительская позиция

богатого человека, для которого бедные люди — только «низшая раса», рабы, не имеющие ни чувств, ни привязанностей, ни прав, ни обязанностей. Они — вещи, товар, предмет купли-продажи. О каком братском отношении к ближнему здесь можно говорить? Между героями А. Н. Островского — полоса отчуждения, которую порождают «бешеные деньги». Культ золотого тельца, требующий все новых и новых жертв, приводит к тому, что и самые близкие Торцову люди могут быть закланы ради целей дальнейшего обогащения, наживы и приобретения земных благ. Гордей Карпыч хочет выдать свою дочь замуж за старого, но очень богатого купца Коршунова. Тот рисует своей невесте картины роскошной жизни, которая должна будет заменить Любе счастье с любимым человеком.

«Коршунов. Старик-то за любовь и подарочком, и тем, и сем, и золотом, и бархатом — и не знает, чем утешить... А в Москве хороших вещей в магазинах много, есть что подарить. Так вот старика-то и хорошо полюбить...» [2, 155].

На вопрос Любви, а любила ли его покойная жена, которую Коршунов своей ревностью довел до гробовой доски, он совершенно открыто, не церемонясь, излагает свое жизненное кредо: «Я ее взял бедную, нищую, за красоту только за одну; все семейство призрел: спас отца из ямы; она у меня в золоте ходила... Им, видишь ты, деньги нужны были, нечем было жить: я давал, не отказывал: а мне вот нужно, чтобы меня любили. Что ж, я волен этого требовать или нет? Я ведь за то деньги платил» [2, 156].

Так возникает в пьесе мотив поруганной, загубленной красоты, принесенной в жертву золотому тельцу. Он является одним из центральных не только в пьесах А. Н. Островского, но и в творчестве Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова и многих других.

Разрушает эти злые чары «бешеных денег» Любим Торцов, обличающий старого купца в преступлениях против ближних: «Я не чисто одет, так у меня на совести чисто. Я не Коршунов: я бедных не грабил, чужого веку не заедал, жены ревностью не замучил...» [2, 160].

В облике Любима Торцова проглядывают черты юродства, потому что в том «темном царстве» денег и связанных с ним страстей иной язык вразумления невозможен. И в этом плане герой Островского может быть поставлен в параллель с персонажами Достоевского, например с тем царственным жестом, когда Настасья Филипповна бросает в огонь пачку в сто тысяч рублей. Окружающие ее «друзья» воспринимают героиню как «помешанную», а ведь она только выражает презрение к тем идолам и кумирам, которые победили в светском обществе. Такие понятия христианской морали, как жизнь «по совести», любовь, милосердие, помощь, сострадание и др., вызывают у дельцов только смех и порицание.

В ранней пьесе Островского все заканчивается благополучно. Любим Торцов на коленях умоляет брата

соединить два любящих сердца. Его заключительное слово в пьесе не просто исповедально, оно картинно представляет собой те евангельские истины, которые были развиты в трудах свт. Тихона Задонского.

«Любим Карпыч. Брат, отдай Любушку за Митю — он мне угол даст. Назябся уж я, наголодался. Лета мои прошли, тяжело уж мне паясничать на морозе-то из-за куска хлеба; хоть под старость-то да честно пожить. Ведь я народ обманывал: просил милостыню, а сам пропивал. Мне работишку дадут; у меня будет свой горшок щей. Тогда-то я Бога возблагодарю. Брат! И моя слеза до неба дойдет. Что он беден-то! Эх, кабы я беден был, я бы человек был. Бедность не порок» [2, 163].

Ф. М. Достоевский весьма высоко ценит драматургию Островского. Об этом мы находим свидетельство в письме Ф. М. Достоевского к А. Н. Островскому от 24 августа 1861 г. В нем идет речь о комедии «Женитьба Бальзаминова»:

«Вашего несравненного «Бальзаминова» я имел удовольствие получить третьего дня и тотчас же мы, я и брат, стали читать его. Было и еще несколько слушателей — не столько литераторов, сколько людей со вкусом неиспорченным. Мы все хохотали так, что заболели бока» [3, 391].

Свои впечатления Достоевский передает одним словом: «прелесть». И далее он указывает на типичность воссозданной картины как на нечто целостное, такой кусок русской московской жизни, который войдет в историю, вернее сказать, по которому можно изучать историю. Действие в комедии вертится все в том же кругу тем, что и большинство пьес Островского. Бедный молодой человек ищет себе богатую невесту, причем какие-то личные качества, внешность, свойства характера суженой ему абсолютно безразличны. Что же такого неотразимого привносит в эту тему русский драматург? На наш взгляд, ее острота и актуальность состоят в той шаржированности, в том уровне абсурда, с которым этот сюжет получил свое блестящее художественное воплощение. Обратимся к тексту. Главный герой пьесы Бальзаминов — мечтатель. Мечтает он о крупном капитале, который принес бы ему моментально все земные блага: богатство, славу, почет, подобострастие, — то есть все то, что противно Божьему замыслу о человеке. Островский подчеркивает святоотеческую мысль о том, что не только богачи должны будут дать отчет Богу о своих тратах, но и бедняки, завидующие чужому благополучию и роскоши, стремящиеся любым путем, кроме труда, обрести земные сокровища, не угодны Создателю. И те, и другие будут уравнены в очах Божиих как не исполняющие заповедь нестяжания. Бальзаминов в своих мечтах доходит до того, что хочет жениться сразу на двух невестах с приданым, чтобы начать эксплуатировать чужой достаток.

«Бальзаминов. Ах, маменька, не мешайте! Представьте, маменька, я, бедный молодой человек, хожу по улице, и вдруг что же? И вдруг теперь поеду в ко-

ляске! И знаете, что мне в голову пришло? Может быть, за Пеженовой сад отдадут в приданое: тогда можно будет забор-то разгородить, сады-то у них рядом, и сделать один сад. Разных беседок и аллей...

Бальзаминова. Да ты, никак, в самом деле на обеих хочешь жениться?» [2, 322].

В пьесе Островского у матери возникают серьезные опасения за состояние ума «бедного молодого человека», который утверждает: «Мне, маменька, все богатые невесты красавицами кажутся; я уж тут лица никак не разберу» [2, 323].

В «Картинах из московской жизни», как сам автор определил жанр своего произведения, встречаются далеко не только пародийные и фарсовые ситуации. Бальзаминов, почувствовавший силу богатства, заявляет своей матери:

«Другой бы сын, получивши такое богатство-то, с матерью и говорить не захотел; а я, маменька, с вами об чем угодно, я гордости не имею против вас. Нужды нет, что я богат, а я к вам с почтением. И пусть все это знают. С другими я разговаривать не стану, а с вами всегда. Вот я какой!» [2, 323].

Тщеславие и чванство героя, претендующего на некие собственные нравственные достоинства, обличают его лицемерие, особенно в связи с образом Мити из пьесы «Бедность не порок». Там положительный герой Островского искренне, органично выполняет Божию заповедь о почитании родителей, о любви к своей матушке, ради которой приносится жертва. Поэтому неслучайно свою пьесу «Женитьба Бальзаминова» Островский не назвал комедией, так как в ней очень многое походит на трагифарс. Возьмем, к примеру, одну из заключительных реплик главного героя. На замечание матери, что «с деньгами-то мы и без ума проживем», он отвечает:

«Еще бы! На что мне теперь ум? А давеча, маменька, обидно было, как денег-то нет, да и ума-то нет, говорят. А теперь пускай говорят, что дурак: мне все одно» [2, 332].

Эта тема всеислия денег, которая с маниакальной настойчивостью все больше завладевает умами молодого поколения, глубоко и всесторонне исследуется и в романе Достоевского «Подросток». Главный герой романа — тоже мечтатель. И мечтает он о том, чтобы стать новым Ротшильдом. Исследователь творчества Ф. М. Достоевского Б. Н. Тарасов по этому поводу пишет следующее:

«В образе Аркадия Долгорукого рельефно воплощена пульсация «темной основы нашей природы», в границах которой направленность воли, особенности характера и своеобразие навязчивой «идеи» соотносятся друг с другом в неразрывном единстве... Затруднения, униженность и оскорбленность юноши обострили в нем эгоистическую гордыню, которая сизмальства впитывалась в его переживания...» [4, 179].

Везде и всюду стать первым в условиях новых общественных отношений человеку помогали деньги.

Подросток откровенничает: «Мне нравилось ужасно представлять себе существо, именно бесталанное и серединное, стоящее над миром и говорящее ему с улыбкой: вы Галилеи и Коперники, Карлы Великие и Наполеоны, вы Пушкины и Шекспир, вы фельдмаршалы и гофмаршалы, и вот я — бездарность и незаконность, и все-таки выше вас, потому что вы сами этому подчинились» [5, 76–77].

Идея Ротшильда, как ее понимает подросток, состоит в том, чтобы с миллионом в кармане, будучи ничтожеством, стать повелителем мира. (Здесь уместно вспомнить о том, как «миллионщик» Чичиков из «Мертвых душ» Гоголя стал некоторым напоминать Наполеона.) Идея больших денег, как отмечает Достоевский, способствует не только «отъединению» человека от других людей, ближних в христианском понимании, но и возможности отомстить обидчикам. Спасает подростка от окончательного погружения в глубины «темного царства» золотого тельца Макар Долгорукий, живущий по заветам Евангелия. Он представляет собой «луч света» христианской любви в мире, где все воюют против всех. (Оговоримся, что, используя метафоры Добролюбова, мы имеем в виду их иное смысловое наполнение, не социальное, а духовно-нравственное.)

В творчестве Островского этот конфликт двух мировоззрений, миропонимания в целом лежит в основе его художественно мира, но наиболее полно и совершенно он выразился в поздней драме «Бесприданница», которую сам автор считал лучшим своим созданием. Чтобы проанализировать ее в свете христианской аксиологии, необходимо обратиться к учению свт. Тихона Задонского о богатстве и бедности. Не будет преувеличением сказать, что весь спектр пороков, связанных с влиянием денег на человека и отмеченных святителем, нашел свое отражение на страницах этой драмы. Грехи гордости, скупости, самолюбия, роскоши и др. попадают в поле зрения писателя с первых же реплик персонажей. Так, еще до появления на сцене дельцов крупного капитала, высказывается народная точка зрения на их моральный облик. Иван и Гаврила задаются вопросом, отчего это Кнуров все время молчит и не замечает людей вокруг себя. Ответ прост: он миллионер, и непомерная гордыня не позволяет ему видеть в обычных, небогатых людях своих ближних. Ему как бы противостоит Вожеватов, еще не утративший непосредственности в общении с другими. Однако тот же Гаврила предсказывает: «Василий Данилыч еще молод; малодушеством занимается; а в лета войдет, такой же идол будет» [6, 425].

Итак, слово найдено: богачи поклоняются деньгам и в конце концов сами требуют поклонения себе как каким-то языческим богам. Сам Кнуров подтверждает это «народное мнение» о себе: «Да, с деньгами можно дела делать, можно. (С улыбкой). Хорошо тому, Василий Данилыч, у кого денег-то много» [6, 427]. Действие в пьесе начинает развиваться с сообщения о том, что красавица-бесприданница Лариса Огудалова выходит

замуж за бедного чиновника. Кнуров и Вожеватов по своему увлечены ею. Им жаль расставаться с Ларисой, поскольку она не только красива, но и одарена талантами, хотя и «простовата». Под простотой купцы подразумевают искренность, правдивость, совестливость героини, которые в мире капитала расцениваются как недостаток, как ущербность. Зрители еще не успели познакомиться с героиней, а вокруг нее уже начался торг. Женатый Кнуров высказывает заветное желание: «А хорошо бы с такой барышней в Париж прокатиться на выставку» [6, 430]. Тема «ярмарки тщеславия» стремительно вторгается в развитие сюжета, захватывая все новых и новых героев. На вопрос Кнурова, не влюблен ли Вожеватов в Ларису — они друзья детства, — тот отвечает: «Где мне! Я простоват на такие дела. Смелости у меня с женщинами нет: воспитание, знаете ли, такое, уж очень нравственное, патриархальное получил» [6, 430].

Вожеватов лукавит, потому что ему приходила в голову мысль, как воспользоваться Ларисой. Причем красота Ларисы, ее обаяние, непосредственность уже давно превратились в товар на той «ярмарке тщеславия», которую демонстрирует русский купеческий мир. Это почувствовал и жених Ларисы, Карандышев, который из брака с нею тоже хочет извлечь выгоду: натешиться собственной значимостью. Практически все герои драмы — и бедные, и богатые — кружатся в вихре «бешеных денег», которые, по их мнению, могут принести им подлинное счастье. Паратов, пребывающий в маске человека русской широкой души, размахом, удали, вдруг делает признание, которое подчеркивает все его «достоинства»:

«Паратов. Что такое «жал», этого я не знаю. У меня, Мокий Парменыч, ничего заветного нет; найду выгоду, так все продам, что угодно. А теперь, господа, у меня другие дела и другие расчеты. Я женюсь на девушке очень богатой, беру в приданое золотые прииски» [6, 442].

Паратов не любит Ларису, но его уязвленное самолюбие требует компенсации, удовлетворения своих капризов любой ценой. Воистину, по свт. Тихону, богатые, «в благополучии и веселости живучи, развратились и, как кони, на своей воле разгулялись и рассвирепели, и погибли...» [1, 275]. Паратов живет по своей, а не Божьей воле, по принципу «все позволено», и этот «веселый барин» переступает через Ларису, как через ненужную вещь. Даже мать бесприданницы видит в дочери лишь способ обогащения, способ окунуться в «роскошную» жизнь. Лариса трагически одинока в драме Островского, и не правы те критики, которые и ее считают частью «темного царства» погони за прибылью. Героиня противостоит этому миру наживы и потребления. После неудачи с Паратовым она мечтает о скромной семейной жизни, которая протекает вдали от города и «кажется каким-то раем». Лариса — добродетельное существо, ее нравственный выбор совершается в системе хри-

стианских координат, хотя она и не произносит пафосных речей. Но в мире «золотого тельца» деньги решают все, Лариса понимает, что обречена:

«Лариса. Мама, я боюсь, я чего-то боюсь. Ну, послушайте: если уж свадьба будет здесь, так, пожалуйста, чтобы поменьше было народу, чтобы как можно тише, скромнее.

Огудалова. Нет, ты не фантазируй! Свадьба так свадьба! Я Огудалова, нищенства не допущу. Ты у меня заблестишь так, что здесь и не видывали!

Карандышев. Да и я ничего не пожалую.

Лариса. Ну, я молчу. Я вижу, что я для вас кукла; поиграете вы мной, изломаете и бросите» [6, 454].

Действительно, Лариса-«кукла», человек без души и сердца, без нравственных принципов, вполне бы устроила всех героев драмы. На это они и рассчитывают.

Однако происходит нечто прямо противоположное, об этом свидетельствует развязка драмы. Лариса переживает не только второе предательство Паратова, но и крушение всех своих представлений о добре и зле.

«Паратов. Я обручен.

Лариса. Ах.

Паратов (показывая обручальное кольцо). Вот золотые цепи, которыми я скован на всю жизнь!

Лариса. Что же вы молчали? Безбожно, безбожно!» [6, 492].

Лариса близка к самоубийству. Но финал драмы отличен от того, что случилось с Катериной в «Грозе». Островский совершенно сознательно акцентирует христианские мотивы поведения героини перед смертью. В заключительном монологе она отрицает очередное искушение Кнурова, который предлагает ей стать содержанкой. «Роскошь, блеск... нет... нет... я далека от суеты... (Вздрыгнув). Разврат... ох, нет...

Кабы теперь меня убил кто-нибудь... Как хорошо умереть... пока еще упрекнуть себя не в чем. Или захворать и умереть... Да я, кажется, захвораю. Как дурно мне!.. Хворать долго, успокоиться, со всеми примириться, всем простить и умереть...» [6, 494].

Сущность монолога состоит в том, что героиня просит у Бога христианской кончины, мирного, всепрощающего отхода в небесные обители, и это ее последнее желание согласуется с идеей свт. Тихона Задонского о нашем истинном небесном Отечестве, где «нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная». Туда необходимо принести духовные

дары и сокровища: любовь, терпение, смирение, кротость, милосердие. И в пьесе эта кончина посылается Ларисе. Ее последние реплики говорят о той высоте духа, которую страдание высеколо из груди бедной бесприданницы. После выстрела в нее Карандышева она благодарит его: «Какое благодеяние вы для меня сделали! Пистолет сюда, сюда на стол! Это я сама... сама... Ах, какое благодеяние!» [6, 437].

В последние минуты жизни Лариса, только что говорившая об отвращении к герою, вдруг хочет его вознаградить перед лицом вечности, принимая преступление на себя. В личности героини вдруг начинает проступать свет уже не обычной человеческой любви-страсти, а любви жертвенной, всепримиряющей и всепрощающей:

«Лариса. ...Я ни на кого не жалею, ни на кого не обижаюсь... вы все хорошие люди... я вас всех... всех люблю. (Посылает поцелуй)» [6, 497].

Таким образом, трагическое содержание «Бесприданницы» во многом перекликающееся с романами Достоевского, просветляется лучом Божественной любви, идущим от вечности и от тех духовно-нравственных категорий бытия, которые преодолевают мрачные бездны греха и посрамляют духов тьмы, которые оказались бессильны перед окончательным выбором героини, не сломленной властью древнего идола — золотого тельца — и его служителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. — Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994. — 826 с.
2. Островский А. Н. Избранные пьесы: В 2 т. / А. Н. Островский. — Т. 1. — М.: Художественная литература, 1972. — 583 с.
3. Достоевский Ф. М. Об искусстве / Ф. М. Достоевский. — М.: Искусство, 1973. — 631 с.
4. Тарасов Б. Н. Tertium non datur: к вопросу о месте и значении творчества Ф. М. Достоевского в мировом историко-культурном процессе / Б. Н. Тарасов // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте. — М.: Индрик, 2017. — С. 153–222.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / Ф. М. Достоевский. Т.— 13.— Л.: Наука, 1975.— 454 с.
6. Островский А. Н. Избранные пьесы: В 2 т. / А. Н. Островский. — Т. 2. — М.: Художественная литература, 1972. — 567 с.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Сатарова Л. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

Стюфляева Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

E-mail: stuf77@mail.ru

Lipetsk State Pedagogical University named after P. Semenov-Tyan-Shansky

Satarova L. G., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Literature Department

Styuflyayeva N. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department

E-mail: stuf77@mail.ru

МАРКИСТСКИЙ ФЕМИНИЗМ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В РОМАНЕ «МАТЬ» МАКСИМА ГОРЬКОГО

Соу Умар

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 сентября 2022 г.

Аннотация: роман «Мать» Максима Горького имеет репутацию первого произведения социалистической литературы, создавшего образ пролетарского лидера Павла Власова. Феминистский аспект этого романа традиционно воспринимается как периферийный. В нашей статье внимание сосредоточено на образе главной героини Пелагеи Ниловны Власовой, рассмотренном в аспекте марксистской феминистской перспективы, актуальной для русского общественного сознания начала XX века.

Ключевые слова: Горький, социалистическая литература, марксистский феминизм, русское общественное сознание.

Abstract: Maxim Gorky's novel «Mother» has the reputation of being the first work of socialist literature that created the image of the proletarian leader Pavel Vlasov. The feminist aspect of this novel is traditionally perceived as peripheral. In our article, attention is focused on the image of the main character Pelageya Nilovna Vlasova, considering in the aspect of the Marxist feminist perspective relevant to the Russian public consciousness of the early twentieth century.

Keywords: Gorky, socialist literature, Marxist feminism, Russian public consciousness.

Максим Горький — один из самых популярных русских писателей рубежа XIX–XX веков, в творчестве которого соединились протестные тенденции литературы XIX века и зарождающиеся социалистические идеи. Их взаимодействие определило содержание и поэтику романа «Мать», которому суждено было сыграть особую роль в истории русской литературы XX века. Написанный в 1906 г. в Америке после первой русской революции 1905 года и там же опубликованный на английском языке, роман стал событием в мировом социалистическом движении [1].

В нем были реализованы многие революционные идеи и общественные тенденции начала XX века, популярные во всем мире. Об одной из них, а именно о концепции марксистского феминизма, пойдет речь в нашей статье. Выбор этого аналитического аспекта подсказан рядом англоязычных исследований, до конца XX века сохранявших интерес к марксистскому и социалистическому феминизму, к особенностям его освоения общественным сознанием. Роман М. Горького «Мать» предлагает свои варианты такого освоения.

Согласно «Словарю гендерных терминов», «марксистский феминизм (материалистический феминизм) — это теоретическое направление, использующее потенциал марксистской теории для объяснения (капиталистического) угнетения женщин» [2]. Интернет-источники указывают в числе первых международных лидеров марксистского феминизма Алек-

сандру Коллонтай, Розу Люксембург, Клару Цеткин, Надежду Крупскую. И это несмотря на то, что именно они рассматривали свою деятельность как реализацию общей революционной и просветительской доктрины, не связывая ее преимущественно с феминизмом. Во второй половине XX века марксистский феминизм стал позиционироваться как общественное движение, цели которого уже менее социально ориентированы: «Феминизм развенчивает мифы об “инстинкте” и романтической любви и выявляет мужское господство как господство силы» [3].

Однако, несмотря на существенные корректировки в понимании марксистского феминизма, интерес к роману М. Горького «Мать», написанному в период развертывания мирового социалистического движения, сохраняется в англоязычном литературоведении. Обратимся к конкретным примерам.

В своей диссертации «Женщины в прозе Горького 1892–1911» Кристина Марта Гнатив (Kristina Marta Gnativ) обсуждает женские персонажи Горького, изображенные в его романах и рассказах, написанных с 1902 по 1911 год [4].

Д-р Нилам Бхардвадж (Neelam Bhardwaj) написала исследовательскую работу под названием «“Мать” Максима Горького через призму марксистско-феминизма» [5], в которой она рассмотрела роман с позиций классического, как она считает, марксистского феминизма, сосредоточив внимание на марксистской парадигме, представленной в эпохальной книге Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Однако она не гово-

рит о современных и постмодернистских теориях марксистского феминизма, а также о теориях феминизма второй и третьей волн, оставаясь в контексте времени написания романа.

Доктор Мохаммед Хумед Мохаммед Булгейт (Mohammed Humed Mohammed Bulghaith) в статье «Характеристика женщин в романе Максима Горького “Мать”. Марксистско-феминистская перспектива» [6] сосредоточился на характеристике женских персонажей, изображенных в романе.

Используя логику вышеперечисленных работ, мы сосредоточимся на особенностях горьковского подхода к изображению героинь в романе «Мать». В рамках нашей работы мы концентрируемся на революционной роли женщин, показанных в романе М. Горького.

Многое было написано о романе Горького «Мать» — книг, диссертаций и статей. И в них с различных теоретических и аналитических точек зрения основное внимание отдано Павлу Власову и социалистическому, революционному движению пролетариата в России. Значительно меньше внимания уделено не только эпизодическим женским персонажам, но даже и самой главной героине, Пелагее Ниловне. Именно в связи с образом матери важно отметить, что роман, основной сюжет которого связан с подготовкой пролетарской революции, как известно, носящей насильственный, радикальный характер, содержит много сцен гуманного, мирного характера. Герои-рабочие, приступающие к революционной работе, не агрессивны, обнаруживают приверженность к моральному и христианскому принципу ненасилия. Таков и жизненный принцип Пелагеи Власовой, этой героини, характер которой следует проанализировать. Что поражает в нем больше всего, так это ее огромная сила любви и сострадания, которые она проявляет не только к своему сыну, но и ко всем его друзьям.

«... вы всех можете любить, сердце у вас большое! — покачиваясь на стуле, говорил хохол.

— Нет, вас я особенно люблю! — настаивала она. — Была бы у вас мать, завидовали бы ей люди, что сын у нее такой...» [7, 98].

Следует отметить, что Пелагея Ниловна обладает глубокой и непоколебимой верой в людей. Она учится тому, как в сложившихся обстоятельствах стать матерью для всех друзей ее сына, которые «за народ страдают, в тюрьмы идут и в Сибирь, умирают... Девушки молодые ходят ночью, одни, по грязи, по снегу, в дождик, — идут семь верст из города к нам. Кто их гонит, кто толкает? Любят они! Вот они — чисто любят! Веруют!» [7, 100].

Сила материнской любви, «большое сердце», по определению Андрея Находки, делают Пелагею Ниловну частью того кружка революционеров, какой складывается вокруг ее сына, идейного лидера рабочих. Присутствие матери оказывает как бы

катализирующее действие на всех героев романа. Любовь — это основа ее существования, и она щедро делится ею со всеми, с кем сталкивается. Она начинает участвовать в революционной работе, потому что хочет помочь сыну и его товарищам, которых любит, и верит, что ничего дурного они сделать не могут. Вот почему она предлагает себя для распространения листовок на фабрике. Именно она будет разносить газеты по сельской местности, и полиция арестует ее, когда она повезет листовки с речью сына. И это все она делает из любви к сыну и к тем людям, которым верит, которых любит. Ее практическая приверженность жизни, выполнение обычных мелких повседневных задач не снижают ее образа, делают мать «необыкновенной женщиной», как говорит один из героев романа. Материнская привязанность и повседневная работа, идеалистический гуманизм и практическая приверженность — таковы, с нашей точки зрения, доминанты характера Пелагеи Ниловны, главной героини романа Максима Горького. Т. А. Никонова отмечает: «В революцию ее ведет сердце матери, любовь к сыну. И как указывает название романа, ее путь для М. Горького ближе, понятнее, чем путь Павла, несмотря на публицистические декларации. Революция — дело сердечное, созидательное, как и материнская любовь, хочет верить писатель в 1906 г. Оттого почти все романное пространство отдано Ниловне. Она идет за людьми, которых любит, которым верит» [8].

Такая характеристика главной героини в известной мере противоречит доктрине марксистского феминизма. Исследователь в данном случае сосредоточен на особенностях горьковской позиции, а не на рассмотрении требований «философского варианта феминизма» [9]. Их М. Горький показывает на примере других героинь. Линию Александры Коллонтай, Надежды Крупской и др. профессиональных революционерок и общественных деятелей представляют в романе «Мать» Сашенька, Наташа, Софья. Эти молодые женщины, которыми восхищается Ниловна, служат делу революционного просвещения народа в полном соответствии с требованиями новой, марксистской парадигмы. Наташа служит учительницей в далекой деревне, несмотря на то, что «ее отец — богатый, торгует железом, имеет несколько домов» в Москве, дочь выгнал из дома за просветительскую деятельность. Об этом Павел рассказывает матери [7, 32]. Сашенька, «высокая стройная барышня с огромными глазами на худом, бледном лице», как оказалось, дворянка. Она первая произносит в домике Власовых пугающее Ниловну признание: «Мы социалисты» [7, 36].

Отметим еще один факт, который, определил особое внимание М. Горького к Пелагее Власовой. Ее прототипом стала Анна Кирилловна Заломова, родившаяся примерно в 1865 году. Она участвовала в революционном движении вместе со своим сы-

ном Петром Заломовым, судьба и борьба которого определила сюжет романа «Мать». Она указывает на мировосприятие автора, который анализировал события и процессы в общественной жизни России, стремясь дать нужный образец поведения своим читателям. И в этом плане роман М. Горького, как мы сказали в начале статьи, опирался на события своей современности (например, на историю Петра Заломова и его матери) и на традицию, складывавшуюся в русской литературе второй половины XIX века. Мы имеем в виду роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и произведения А. П. Чехова «Дом с мезонином» и «Невеста». Эта ассоциация может показаться парадоксальной лишь с первого взгляда. Однако в судьбах и поступках героинь Н. Г. Чернышевского и А. П. Чехова нельзя не заметить поиска новых форм социальной реализации, формирования тенденций революционного развития женского характера в русской литературе конца XIX века. Героини романа М. Горького «Мать» могут и должны быть рассмотрены в контексте этой тенденции, в русле формирования новой художественной парадигмы начала XX века. Марксистский феминизм, несмотря на его идеологизированные проявления, должен рассматриваться как одна из тенденций, существовавших в общественном сознании и художественных поисках этого исторического периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. об этом: Никонова Т. А. Роман «Мать» как катехизис революционера: Формирование революционной этики / Т. А. Никонова // *Acta eruditorum*, 2019, № 31. С. 91–96.
2. Словарь гендерных терминов / Регион. обществ. орг. «Восток-Запад: Жен. Инновац. проекты»; Ред. А. А. Де-

нисова. — М. Информ. — XXI в., 2002. — 255 с;

3. Эренрайх Барбара. Что такое социалистический феминизм? / Барбара Эренрайх. — 1976. — Режим доступа: <https://fem-school.livejournal.com/1636.html> (дата обращения 20.07. 22)
4. Gnativ Kristina Marta. Women in Gorky's Prose 1892–1911 / Kristina Marta Gnativ // A Thesis Submitted to the Faculty of Graduate Studies in Partial Fulfilment of the Requirements for the Degree Master of Arts McMaster University Hamilton, Ontario October. — 1967.
5. Bhardwaj Neelam. Maxim Gorky's Mother through the Lens of Marxist- Feminism Neelam Bhardwaj // *International Journal on Studies in English Language and Literature (IJSELL)* Volume 4, Issue 7, July 2016. — PP. 33–36. ISSN2347–3126 (Print) & ISSN2347–3134 (Online). — Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.20431/2347–3134.0407006> www.arcjournals.org (дата обращения 20.07. 22)
6. Bulghaith Mohammed Humed Mohammed. Characterisation of Women in Maxim Gorky's Novel «Mother». A Marxist Feminist Perspective / Mohammed Humed Mohammed Bulghaith // Munich, GRIN Verlag, 2017. — Режим доступа: <https://www.grin.com/document/354274> (дата обращения 20.07. 22)
7. Горький Максим. Мать / Горький Максим. — М.: Издательство АСТ, 2021–416 с.
8. Никонова Т. А. «Новый человек» в русской литературе 1900–1930-х годов: Проективная модель и художественная практика. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. — С. 83.
9. Марксистский феминизм (англ. Marxist feminism) — направление феминизма, видящее основы гендерного неравенства и угнетения женщины в институтах частной собственности и капитализма. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Марксистский_феминизм (дата обращения 20.07. 22)

*Воронежский государственный университет
Соу Оумар, аспирант кафедры русской литературы XX
и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук
E mail: oumarsow94@yahoo.fr*

*Voronezh State University
Sow Oumar, postgraduate student of the Department of
Russian Literature of XX–XXI Centuries, the Theory of Literature
and Humanities.
E-mail: oumarsow94@yahoo.fr*

ФУНКЦИЯ АРХЕТИПА ТЕНИ В ЛИТЕРАТУРЕ («ИСТИННЫЙ И ФАЛЬШИВЫЙ ЦАРЬ ОБЕЗЬЯН» В «ПУТЕШЕСТВИИ НА ЗАПАД» У ЧЭН-ЭНЯ, «ТЕНЬ» Х. К. АНДЕРСЕНА И «НОС» Н. В. ГОГОЛЯ)

Тун Баохуэй

Ланьчжоуский университет (Китай)

Поступила в редакцию 20 августа 2022 г.

Аннотация: в настоящей статье дается сравнительный анализ произведений «Путешествие на Запад» У Чэн-эня («Настоящий и фальшивый Царь обезьян»), «Тень» Х. К. Андерсена и «Нос» Н. В. Гоголя с точки зрения архетипической литературной критики. Обращение к юнгианскому архетипу Тени в трех произведениях из разных национальных литератур обнаруживает общность мирового культурного опыта. Теория архетипов К. Г. Юнга позволяет исследовать влияние «коллективного бессознательного» на творчество писателей.

Ключевые слова: «Истинный и фальшивый Царь обезьян» У Чэн-эня, «Тень» Х. К. Андерсена, «Нос» Н. В. Гоголя, Юнг, архетип, тень, коллективное бессознательное.

Abstract: this article provides a comparative analysis of Wu Cheng-en's "Journey to the West" ("The True and False Monkey King"), H. K. Andersen's "The Shadow" and Nikolai Gogol's "The Nose" from the perspective of archetypal criticism. We turn to the Jungian archetype of the Shadow in order to discover the commonality of world culture on the material of three works from different national literatures. C. G. Jung's theory of archetypal criticism allows us to investigate the influence of the "collective unconscious" on the work of writers.

Keywords: Wu Cheng-en's "The True and False Monkey King", H. K. Andersen's "The Shadow", Nikolai Gogol's "The Nose", Jung, archetype, shadow, the collective unconscious.

1. ВВЕДЕНИЕ

Психоаналитическая критика — одна из самых известных западных литературоведческих теорий XX в. Ее основателем был З. Фрейд, который впервые предложил теорию структуры личности, а именно «Ид», «Эго» и «Суперэго»¹. Одна из несомненных заслуг Фрейда в том, что его теория сделала объектом рассмотрения подсознание. Позже К. Г. Юнг, внеся коррективы в теорию Фрейда, предложил другую структуру личности: самосознание, индивидуальное бессознательное и коллективное бессознательное. Первые два уровня (самосознание и индивидуальное бессознательное) в целом совпадают с предложенными Фрейдом, но заслуга Юнга в том, что он ввел понятие коллективного бессознательного.

¹ Согласно психоаналитической теории Фрейда, эго движимо инстинктами и следует принципу удовольствия, делая все возможное для удовлетворения примитивных желаний и импульсов. Эго находится между эго и чувственным сознанием, «защищая» эго разумом и благоразумием, заставляя его следовать «принципу реальности». Суперэго, с другой стороны, является отражением внешнего мира внутри человека, проявляясь в том, что каждый должен следовать моральному кодексу общества. Суперэго подавляет эго и опирается на «принцип поиска добра» [4, 141].

«Учение о коллективном бессознательном — результат развития Юнгом категории бессознательного Фрейда. Юнг признавал концепцию бессознательного, но не соглашался с мнением Фрейда о бессознательном как иррациональном сексуальном инстинктивном импульсе» [1, 166]. Теория Фрейда крайне субъективна и тяготеет к пансексуализму. Согласно Фрейду, художественное творчество есть результат нереализованных детских желаний или подавления определенных эмоций, которые художник сублимирует, т.е. переносит в свое письмо. В таком случае, например, страх высоты объясняется тем, что в детстве человек получил травму, упав с высоты. В действительности это не всегда так.

«Со временем становится все более очевидным, что значение Юнга оказало широкое и продолжительное влияние на литературу, искусство, историю, философию, религию и другие области, выходящие далеко за рамки медицинской психологии» [2, 112].

Мы выбрали для анализа три произведения, в которых встречается один из архетипов Юнга — архетип Тени. Этот архетип коренится в коллективном бессознательном. «Коллективное бессознательное — это часть психики, существование которой не зависит от индивидуального опыта, в отличие от индивидуального бессознательного, и, следовательно, не зависит от индивида для его приобретения, и, таким

образом, отличается от индивидуального бессознательного. Индивидуальное бессознательное состоит из существенных элементов, которые когда-то были осознанными, но исчезли из сознания в результате забвения или подавления; содержание коллективного бессознательного никогда не существовало в сознании и поэтому никогда не приобреталось индивидом, а существует только в силу наследственности. Индивидуальное бессознательное состоит в основном из эпизодов, а коллективное бессознательное — из архетипов» [3, 137–138].

Это означает, что коллективное бессознательное обусловлено определенным опытом, сформировавшимся в глубокой древности, хранящимся в генах, но не осознаваемым человеком. Архетип — это содержание коллективного бессознательного, которое отражается в творчестве писателя в том смысле, что многие произведения имеют схожую структуру, сюжет и т. д. Архетип — это «язык», на котором передается «содержание» художественного сообщения. Автор творит в определенном направлении, но часто не осознает, что происходит, поскольку архетипы находятся принципиально вне сферы сознания и целенаправленной воли автора. На творческий процесс, таким образом, влияет коллективное бессознательное, в котором откладывается культурный опыт всего человечества. Отсюда его транснациональность и трансторичность. Под влиянием коллективного бессознательного художественные произведения становятся семантически более универсальными и могут вызвать более широкий отклик читателей. Это объясняется тем, что в произведениях присутствуют архетипы, т. е. «первообразы», сохраняющие общечеловеческий культурный опыт.

2. АРХЕТИП ТЕНИ В ТРЕХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

При сопоставлении произведений «Истинный и ложный царь обезьян» У Чэн-эня, «Тень» Х. К. Андерсена и «Нос» Н. В. Гоголя нетрудно заметить следующее: хотя У Чэн-энь творил на триста лет раньше, чем Андерсен и Гоголь, во всех трех произведениях важную роль играет архетип Тени. Это определило выбор данных текстов в качестве объекта исследования. Хотя шестиухий макак, тень ученого и ставший статским советником нос майора Ковалева — персонажи, действующие в художественном мире разных произведений, они являются отражением темной стороны героя. Китайский, датский и русский писатели показывают, что личность есть динамическое соотношение добра и зла в человеке.

В трех произведениях главные герои по-разному решают проблему взаимоотношений «я» и Тени. Далее мы постараемся показать, как обращение к юнгианскому архетипу Тени помогает раскрыть взаимодействие героя с темной стороной своего «я», кардинально влияющее на его судьбу.

2.1 СТОЛКНОВЕНИЕ С ТЕНЬЮ И ПОИСК СЕБЯ

«Объект, выбранный проектором при проецировании тени, всегда того же пола, что и он сам» [4, 194], поэтому кажется, что «настоящий и фальшивый Царь обезьян» в «Путешествии на Запад», Сунь Укун и шестиухий макак, настолько похожи, что трудно отличить одного от другого. Шестиухий макак, являясь «вторым сердцем» Царя обезьян, может рассматриваться как Тень последнего.

Упоминание «Истинного и фальшивого Царя обезьян» в 57-й главе «Путешествия на Запад» напоминает эпизод «Истинного и ложного Ли Куя» в 43-й главе «Речных заводов». Анализ «Истинного и ложного Ли Куя» можно рассматривать как архетип «Истинного и фальшивого Царя обезьян». Между этими двумя эпизодами есть много общего, например: «Ша-сэн находился рядом и видел, как наставник мучился от голода и жажды. Между тем Чжу Ба-цзе все не возвращался. Наконец Ша-сэн не выдержал, сложил поклажу в укромное место, крепко привязал белого коня и сказал:

— Наставник! Ты пока посиди здесь, а я пойду потороплю Чжу Ба-цзе, пусть скорей несет воду.

Танский монах промолчал, глотая горькие слезы, и лишь кивнул головой в знак согласия. Ша-сэн быстро вскочил на облако и умчался к южному склону горы» [5, 127].

«— Сынок, достал бы ты мне глоточек воды. Пить очень хочется.

— Обожди, мать, немножко, — сказал Ли Куй. — Вот перевалим через гору, попросимся где-нибудь на ночлег и приготовим что-нибудь поесть» [6, 166]. Танский монах потерял сознание от жажды, мать Ли Куя также умерла от жажды.

Еще пример: «Ах ты, мерзкая обезьяна! Негодяй! Загубил столько жизней и хочешь, чтобы я вместе с тобой отвечал за все грехи. Довольно! Ты мне больше не нужен и тебе нет никакого дела, — доберусь я на запад или нет. Убирайся вон, да поживей, не то я снова начну читать заклинание и буду читать его до сих пор, пока из твоей башки все мозги не вылезут» [5, 123]. Это заставляет вспомнить, как Ли Куй был изгнан своим родным братом:

«— А зачем ты, бездельник, пришел? — проворчал Ли Да. — Опять будешь народ беспокоить?» [6, 165] И Сунь Укун, и Ли Куй были изгнаны мастером или старшим братом, поскольку совершили неблагоприятный поступок. Как видим, «настоящий и фальшивый Царь обезьян» напоминает «настоящего и фальшивого Ли Куя» из романа «Речные заводы».

В своей книге «Анатомия критики» Н. Фрай разъясняет значение архетипов в литературной традиции. Для Фрая «архетип» объединяет диахронические литературные произведения, образуя самостоятельный литературный мир. Поэтому использование архетипов не обязательно является продуктом «коллективного бессознательного», но может быть

ознательным наследованием писателем литературной традиции» [7, 183]. Но и в этом случае писатель, по мнению Фрая, имеет дело с архетипами, которые лежат в основе литературного взаимодействия.

«Одна из главных характеристик тени — его склонность к насилию» [8, 291]. В романе говорится, что «Сунь У-кун вдруг изменился в лице и стал бранить своего наставника.

— Ах ты, лысая злюка! Совсем ни во что меня не ставишь!

Он отбросил фарфоровую чашу и, размахнувшись, треснул посохом по спине своего наставника. Тот не издал ни звука и сразу же повалился наземь. Тем временем Сунь Укун подхватил оба узла в черной кошке, вскочил на облако и был таков» [5, 127]. Как видим, тень Сунь Укуна — шестиухий Макак — ведет себя дерзко и безжалостно.

Процесс борьбы Сунь Укуна с шестиухим макаком и его поиск бодисатвы Гуаньинь можно рассматривать как взаимодействие героя с темной стороной своего «я». Не побоявшись взглянуть в лицо собственному злу, Сунь Укун может преодолеть темную сторону своего разума. Пережив борьбу с внутренним демоном, царь Обезьян стал более уравновешенным и менее строптивым. По мнению исследователей, это символ утраченного Сунь Укуном мятежного духа².

Обращение к теории архетипов Юнга позволяет по-новому взглянуть на интерпретацию сюжета «Настоящего и фальшивого Царя Обезьян». Его прочтение с точки зрения архетипической критики позволит выявить аспекты, на которые раньше не обращалось внимания. Юнг отмечает: «<Тень> (shadow) — это примитивное, низкое и неконтролируемое чувство в личности, представляющее моральную проблему, которая бросает вызов всей самости, и ее появление требует от человека осознания того, что темная сто-

рона личности не только существует, но и находится перед ним. Как только тень появляется в сознании, она становится низменным и аморальным желанием, поэтому признание тени это требует достаточного мужества, чтобы преодолеть сопротивление сознания. Чтобы избежать стыда, тревоги и вины, вызванных моральным сопротивлением, сознание с большим удовольствием <проецирует> темную и ужасную сторону собственной личности на других» [4, 94]. Шестиухий макак обладает всеми недостатками Царя обезьян, которые тот «спроецировал» на шестиухого макака. Тень Царя обезьян ударила мастера, после чего тот потерял сознание, отобрала его вещи и превратилась в нового Танского монаха, Свиньи Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, готовясь отправиться к Священной книге в составе группы из четырех людей. Это воплощение дикой ипостаси Сунь Укуна. Сунь Укун способен трансформировать свое собственное зло в шестиухого макака. Узнавая себя через поступки шестиухого макака, герой встает на темную сторону своей личности. Это возвращение «личности в маску»³ [9]. «Тень — это моральная проблема, которая бросает вызов всему характеру, поскольку, чтобы осознавать существование Тени, мы должны полагаться на значительную моральную силу. Чтобы осознать Тень, нужно признать, что темная сторона характера действительно существует. Это самое фундаментальное условие для любого самопознания. В результате такое осознание обычно наталкивается на значительное сопротивление. Действительно, как духовная терапия самопознание часто требует больших болезненных усилий и длится довольно долго» [4, 132]. Это подтверждает, что Сунь Укун пережил сложную психологическую борьбу за самопознание.

2.2 ПОТАКАНИЕ ТЕНИ И ПОТЕРЯ СЕБЯ

«Хотя в мифологии Тень является таким же известным мотивом, как Анима и Анимус, она представляет, прежде всего, личное бессознательное, чтобы ее содержание можно было без усилий сделать сознательным. В этом отношении она отличается от Анимы и Анимуса тем, что Тень можно увидеть насквозь и идентифицировать довольно легко, тогда как Анима и Анимус настолько далеки от сознания, что их едва можно идентифицировать при обычных обстоятельствах» [4, 206]. Тень часто олицетворяет

³ Первоначальное значение слова маска личности — это маска, которую надевает актер, чтобы дать ему возможность сыграть определенную роль в пьесе. Маска личности — это та сторона человека, которую он демонстрирует публично, чтобы произвести хорошее впечатление и быть признанным обществом, и она необходима, чтобы укротить звериный дух, который находится в его архетипе тени. Этого можно достичь только через подавление теневого проявления, через развитие сильной личностной маски, чтобы противостоять силе тени [9].

² Чжан Ченлинь, Ван Минвэн и др.: «Подозрительное исследование “Истинного и фальшивого Царя обезьян” на основе анализа настроений», «Журнал обработки информации в Китае», выпуск 3, 2019 г. В этой статье авторы суммируют три типа интерпретаций «Истинного и фальшивого Царя обезьян», которые использовались исследователями на протяжении многих лет. В данной статье предпочтение отдается третьему типу интерпретации: «3. Считают, что настоящий царь обезьян все еще жив. “Сердечный демон”, а именно шестиухий макак, — это дух сопротивления Царя обезьян. “Истинный и фальшивый царь обезьян” — это “культивирование сердца Сунь У-куна”. После этого инцидента Сунь У-кун приходит к трагическому концу, где он постепенно “ассимилируется” и поддается божественной силе, не имея больше намерения восставать». Вторая половина этого аргумента, что Сунь У-кун впоследствии приходит к трагическому концу покорности божественной власти без дальнейшего намерения восстать, представляется интересной, но мы не полностью согласны с ней.

негативную сущность человека, которую он не хочет признавать. Пример — сказка Ханса Христиана Андерсена «Тень».

«Однажды ночью ученый проснулся; дверь на балкон стояла открытой... а между цветами стояла стройная, прелестная девушка, тоже, казалось, окруженная сиянием» [10, 314–315]. Девушка во сне ученого — это внутренняя женственность ученого, то, что Юнг называл внутренней женственностью мужчины — архетип анимы, «фактор, который производит проекцию — это анима, или, скорее, бессознательное, проявляемое анимой. Всякий раз, когда она появляется во снах, воображении и фантазиях, она имеет антропоморфную форму и, таким образом, демонстрирует очень отчетливую женскую характеристику» [3, 135]. Ученому настолько интересна девушка на балконе напротив, что он отправляет к ней на «разведку» свою тень.

Оставив ученого путешествовать по миру в одиночестве, Тень сказала ученому: «И я узнал, как, в сущности, низок свет! Право, я не хотел бы даже быть человеком, если бы только не было раз навсегда принято считать это чем-то особенным!» [10, 319]. Несмотря на то, что Тень осознает уродство мира, она смиряется с его враждебной и грязной сущностью. «Вообще же ученому оставалось только удивляться, как много было в ней человеческого, начиная с самого платья: черная пара из тонкого сукна, на ногах лакированные сапоги, а в руках цилиндр, который мог складываться, так что от него оставалось только донышко да поля; о брелоках, золотой цепочке и бриллиантовых перстнях мы уже говорили. Да, тень была одета превосходно, и это-то, собственно, и придавало ей вид настоящего человека» [10, 317–318]. Этот наряд свидетельствует о том, что Тень ученого носит «маску личности», чтобы выглядеть как человек. И ученый сказал: «Я пишу об истине, добре и красоте, а никому до этого нет и дела. Я просто в отчаянии; меня это так огорчает!» [10, 320]. Из диалога между ученым и Тенью мы узнаем, что Тень подчиняется ценностям и стандартам этого бездуховного мира, а ученый разочаровался в людях и своих занятиях. Два разных отношения к миру показывают, что ученый и его Тень — это двуликий Янус, добро и зло оказываются двумя сторонами одной медали.

В действительности тень вознаграждает ученого. Благодаря ученому, принцесса влюбилась в Тень, они вернулись в королевство принцессы, где собирались повенчаться. Накануне свадьбы Тень сказала ученому, что он может разделить славу и богатство, если согласится остаться ее тенью. Ученый не согласился. Он хочет открыть глаза принцессе на происходящее, но принцесса уже одержима Тенью и не верит ученому. Тень говорит принцессе: «Подумай... Да много ли, в сущности, нужно мозгам какой-нибудь несчастной тени!.. Подумай, моя тень сошла с ума, вообразила себя человеком, а меня называет — подумай толь-

ко — своею тенью!» Тень ученого в сказке Андерсена констатирует то, что утверждал Юнг, — злую природу Тени.

«Формирование Тени зависит от роли сознания; то, что самосознание отвергает, становится Тенью, а содержание, которое оно активно принимает, признает и поглощает, становится частью его самого, а также маской личности. Таким образом, Тень и маска личности становятся парой архетипов, которые находятся в оппозиции и противоречат друг другу. Тень и маска личности подобны паре братьев или сестер, один из которых стоит перед публикой, а другой прячется в стороне» [9]. В финале ученого казнят в ночь свадьбы Тени с принцессой. Тень ученого, выступающая под маской его личности, оказывается самозванкой. В мире, где преобладает тьма, может выжить только иллюзия, симулякр личности. Здесь копия вытесняет оригинал.

С архетипической критической точки зрения, Тень — это темная сторона личности. Ученый не хочет и не может вовремя осознать свою темную сторону, в результате его добрая сущность подавляется сущностью злой. Мэн-цзы считал, что человек по своей природе добр. Сюнь-цзы, напротив, полагал, что человек зол. Согласно Юнгу, в человеке сосуществуют добро и зло. Когда злая сторона начинает преобладать, человек должен заметить это и попытаться направить зло внутрь себя, тем самым, как говорил Юнг, обновить свой духовный дом.

2.3 НЕПРИЗНАНИЕ ТЕНИ И НЕПОЛНОТА ГЕРОЯ, ВЫЗВАННАЯ УТРАТОЙ ТЕЛЕСНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ

«Архетип <тени> также появляется в повести русского писателя Гоголя “Нос”, где <тень> представляет прежде всего личное бессознательное, так что ее содержание может быть без труда осознано» [4, 133]. Коллежский асессор Ковалев в «Носе», увидев статского советника, узнает в нем свой нос: «Вдруг он стал как вкопанный у дверей одного дома; в глазах его произошло явление неизъяснимое: перед подъездом остановилась карета; дверцы отворились; выпрыгнул, согнувшись, господин в мундире и побежал вверх по лестнице. Каков же был ужас и вместе изумление Ковалева, когда он узнал, что это был собственный его нос! При этом необыкновенном зрелище, казалось ему, все перевернулось у него в глазах; он чувствовал, что едва мог стоять; но решил, во что бы ни стало ожидать его возвращения в карету, весь дрожа как в лихорадке. Через две минуты нос действительно вышел. Он был в мундире, шитом золотом, с большим стоячим воротником; на нем были замшевые панталоны; при боку шпага. По шляпе с плюмажем можно было заключить, что он считался в ранге статского советника. По всему заметно было, что он ехал куда-нибудь с визитом» [11, 54–55]. Герой Гоголя, таким образом, способен

опознать в облике статского советника свой нос. Причина «проницательности» Ковалева объясняется его подсознательным желанием стать статским советником.

Затем Ковалев следует за сбежавшим носом в церковь. Гоголь так описывает манеру и поступки статского советника: «Нос спрятал совершенно лицо свое в большой стоячий воротник и с выражением величайшей набожности молился» [11, 55]. «Вы ошибаетесь, милостивый государь. Я сам по себе. Притом между нами не может быть никаких тесных отношений. Судя по пуговицам вашего виц-мундира, вы должны служить в сенате или, по крайней мере, по юстиции. Я же по ученой части. — Сказавши это, нос отвернулся и продолжал молиться» [11, 56].

Нос и коллежский ассессор во многом схожи, для обоих важно чиновничество, оба имитируют в церкви благочестие. Один удачлив во всем, другой стесняется познакомиться с благородной дамой. Нос — чиновник в ранге статского советника, чей социальный ранг — предмет зависти коллежского ассессора. Нос — это материализация мечты Ковалева. Нос — «тень» самого себя, он также носит маску личности, отрицая свое с ней тождество. Ковалев, желая познакомиться с женщиной, забывает, что у него нет носа: «...Он отскочил, как будто бы обжегшись. Он вспомнил, что у него вместо носа совершенно нет ничего, и слезы выдавились из глаз его» [11, 57]. Без носа Ковалев не может подойти к даме, доступ в высшее общество для него закрыт.

«Майор Ковалев, сообразя все обстоятельства, предполагал едва ли не ближе всего к истине, что виною этого должен быть не кто другой, как штаб-офицерша Подточина, которая желала, чтобы он женился на ее дочери. Он и сам любил за нею приволокнуться, но избегал окончательной разделки... И потому штаб-офицерша, верно из мщения, решила его испортить и наняла для этого каких-нибудь колдовок-баб» [11, 65]. Здесь штаб-офицерша Подточина выступает в роли архетипа Анимы. Ковалев теряет нос и проецирует свои недостатки на штаб-офицершу Подточину. Нос, выступая в функции его Тени, мог посещать все званные вечера и мероприятия в Петербурге. В случае обнаружения потери носа Ковалеву бы никто не поверил. Герой не способен признать собственные недостатки, поэтому если бы он нашел свой нос, все равно не смог бы заставить его занять прежнее место. Но в итоге нос оказался между щек Ковалева. Это означало, что личность и Тень воссоединились.

Почему Гоголь вернул тщеславному человеку, не осознающему собственной неполноценности, его телесную часть? С одной стороны, это можно объяснить вниманием писателя к теме маленького человека и сочувствием к нему. С другой стороны, писатель иронизирует над честолюбием чиновников.

После Гоголя архетип Тени (двойника) не раз появлялся у других русских писателей⁴.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во всех трех произведениях у главных героев есть Тень, и разное отношение к ней определяет разное развитие событий и финал сюжета. Герой, который осмеливается взглянуть в лицо своей темной стороне, адаптируется к среде. Но если он бежит своей темной стороны, то становится жертвой этой среды. Нейтральный финал этих двух крайностей — слияние личности и Тени, но этот финал вполне может перерасти во второй финал, поскольку главный герой, не желающий признать свою злую сторону, скорее всего, будет поглощен тьмой. Лучше всего сделать первое: осмелиться проанализировать свои собственные пороки и недостатки, чтобы их исправить.

На основании этих трех произведений можно прийти к следующему выводу. «Коллективное бессознательное» оказывает влияние на творчество писателей, принадлежащих к разным национальным культурам⁵. Это не мешает каждому из авторов реализовать архетип Тени по-своему. В результате архетип как некоторый «первообраз» превращается в мотив. Упорядочивая эмпирический опыт художника, архетипы овеществляют общечеловеческое бессознательное, вознося индивидуальную судьбу до масштабов всего человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чжу Лиюань. Современная западная литературная теория / Лиюань Чжу. 2-е изд. (дополнительное). Шанхай: Издательство Восточно-Китайского педагогического университета, 2005. — 511 с (на кит. языке).
2. Фэн Чуань. Влияние Юнга на современную мысль / Чуань Фэн // Исследования в области социальных наук. 1999. — № 1. — С. 110–114 (на кит. языке).
3. Zhu Gang. Twentieth century western critical theories / Gang Zhu. — Shanghai: Shanghai foreign language education press, 2001. 370 p.
4. Чжу Ган. Западная литературная теория в двадцатом веке / Ган Чжу. — Пекин: Издательство Пекинского университета, 2006. 570 с (на кит. языке).
5. У Чэн-энь. Путешествие на Запад: роман: в 4 т. / Чэн-энь У / пер. с кит. В. Колоколова. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1959. — Т. 3. — 493 с.
6. Ши Най-ань. Речные заводы: роман: в 2 ч. / Най-ань Ши / пер. с кит. А. П. Рогачева под ред. В. С. Колоколова. 2-е

⁴ Например, «Двойник» Достоевского и поэма Есенина «Черный человек». Хотя архетипы Тени в этих работах имеют свои особенности, все они неотделимы от мотива «архетипа тени» Юнга.

⁵ Похожий «архетип тени» встречается в романе «Скандал» (опубликован в 2020 году) японского писателя Сюсаку Эндо.

изд. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1959.— Т. 2.— 632 с.

7. Гу Юэ. Архетипическая критика в западной традиции и библейские архетипы сказок Ганса Христиана Андерсена / Юэ Гу // Социальные науки Цзянсу.— 2011.— № 3.— С. 182–186 (на кит. языке).

8. Ван Ханьчжан. Тень и маска личности: архетипическая перспектива Юнга «Родной Сын» / Ханьчжан Ван // Социальные науки (Новая теоретическая версия). 2012.— № 4.— С. 291–292 (на кит. языке).

9. Хо Шуюнь, Сюйхуэй. Исследование «тени» в аналитической психологии Юнга // Вестник Лулянского педагогического института. 2010. № 3. С. 14–15+49 (на кит. языке).

10. Андерсен Х. К. Полное собрание сказок и историй: в 3 т. / Х. К. Андерсен.— М.: Престиж Бук, 2009.— Т. 1.— 399 с.

11. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. / Н. В. Гоголь / гл. ред. чл.-кор. АН СССР Н. Л. Мещеряков. М.: Издательство Академии наук СССР, 1937–1952. Т. 3: Повести.— Режим доступа: https://rvb.ru/gogol/01text/vol_03/01povesti/0044.htm (дата обращения: 03.06.2022).

Ланьчжоуский университет(Kитай)
Тун Баохуэй, магистрант
E-mail: baohuitong@yandex.ru

Lanzhou University(China)
Tong Baohui, Graduate student
E-mail: baohuitong@yandex.ru

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ПРЕДЛОЖНОЙ КОНСТРУКЦИИ «ПО ПУТИ»

Чэнь Сюецин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 10 мая 2022 г.

Аннотация: грамматическая система русского языка постоянно развивается и пополняется путем грамматикализации предложных единиц. Грамматикализованные полифункциональные предложные конструкции, состоящие из неприводных предлогов и знаменательных слов, могут выполнять функции наречий, предикативов, производных предлогов, союзов и др. Статья посвящена проблеме грамматикализации одной из полифункциональных предложных единиц «по пути». В работе дается описание разных реализаций единицы «по пути» с точки зрения ее морфологической отнесенности, раскрывается процесс трансформации лексемы «путь» и характеризуются изменения синтаксических возможностей единицы.

Ключевые слова: грамматикализация, полифункциональность, предложная единица, предлог, «по пути»

Abstract: the Russian grammatical system of the Russian language is constantly developing and replenishing through the grammaticalization of prepositional units. Grammaticalized polyfunctional prepositional constructions, consisting of non-derivative prepositions and significant words, can function as adverbs, predicatives, derivative prepositions, conjunctions, etc. The article is devoted to the problem of grammaticalization of the prepositional units *po puti* 'along the way'. The article classifies the polyfunctional unit *po puti* 'along the way' according to its morphological relation, reveals the process of transformation of the lexem "path" and finds out the change in the syntactic possibilities of the unit.

Keywords: grammaticalization, polyfunctionality, prepositional unit, preposition, 'along the way'

В исследованиях русского языка распространено изучение предложных единиц, которые обладают целым рядом необычных свойств как в отношении их синхронных функций, так и в отношении их диахронической эволюции.

Принято считать, что совершенствование системы служебных средств было вызвано их недостаточным количеством для передачи в языке разнообразных отношений. Это является и причиной появления производных предлогов в качестве служебных слов. Формирование производных предлогов в основном опирается на изменение лексического значения знаменательных слов в предложно-падежных сочетаниях, которые превращаются в предлоги, при этом в значении слов должен присутствовать элемент релятивности. Как показывает анализ языкового материала, конструкции с предлогом *по* являются достаточно продуктивными для формирования производных предлогов: *вверх по*, *вдоль по*, *вниз по*, *по бокам (от)*, *по направлению (к/от)*, *по пути (в/к/на)*, *по соседству с* и др. В данной работе рассматривается одна из подобных единиц — «по пути». Основные особенности этой единицы связаны с ее не вполне тривиальной полифункциональностью и путем ее грамматикализации.

Полифункциональность единицы «по пути».

Конструкция «по пути» обладает набором грамматических функций (предлог, в качестве состав союза, наречие и предикатив). Дадим краткий обзор этих функций, опираясь, главным образом, на описание в [1], [2], [3] и [4], а также на основании материалов Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [5].

(1) Функция предлога. В качестве предлога «по пути» 1) употребляется при указании на направленность чьей-л. деятельности или какого-л. процесса: *жители кишлаков и городов по пути следования спецназовцев*; 2) употребляется для выражения 'одних взглядов, убеждений, целей': *Мы не пойдём по пути утопических идей*.

В морфосинтаксическом отношении здесь *по пути* ведет себя так же, как и другие представители обширного класса русских предложных единиц: *по линии*, *по адресу*, *по направлению*, *по примеру*, *по образу* и т.п., управляющих формами родительного падежа отвлеченных имен.

«По пути» обладает вариантами «по пути к», «по пути в» и «по пути на»: *разговор произошел по пути к троллейбусной остановке*; *встретил таджиков по пути в гостиницу*; *видел друга по пути на работу*.

(2) В составе союза. «По пути» может также функционировать в составе союза: *Мне кажется, что овес сеяли из-за его неприхотливости к почве, к обработке, или не по пути интенсивного исполь-*

зования земли, а **по пути** того, что с овсом меньше возни, не надо так заботиться об удобрении полей [НКРЯ. Жернаков Н. «Знамя коммунизма» (Кимрский р-н Калининской обл.). 1962].

(3) В качестве наречия. В качестве наречия «по пути» выражает обстоятельство или время. Наречие «по пути»: 1) имеет значение 'в процессе следования куда-л.; по дороге куда-л.'. «По пути» употребляется как несогласованное определение: *раскидать по пути игрушки*; 2) обладает значением 'проходя, проезжая мимо': *По пути мне никто не попался*; 3) и переносным значением 'одновременно'. Синонимом здесь является *попутно*: *Я сложил в сумку учебники, по пути/попутно сунул туда и тетради*.

(4) Функции предикатива. У предикатива «по пути» выделяется два вида значения: 1) значение 'о совпадении пути у кого-л. с кем-л.': *Нам, кажется, по пути?* 2) «по пути» в переносном значении обозначает 'о совпадении чьих-л. взглядов, убеждений, устремлений с кем-л.': *им по пути с режимом, основавшимся на насилии и лжи*. В морфосинтаксическом аспекте «по пути» может употребляется с управляющим словом (*по пути с режимом*). Далее, в сочетании с отрицанием предикатив «не по пути» говорит об 'отсутствии единства взглядов с кем-либо'. Например: *С левыми нам не по пути; Мне не по пути с моими коллегами*.

Каждая из отдельных групп употреблений «по пути» сама по себе достаточно характерна для категорий, к которым она относится, и выражает определенные грамматические отношения. Интересным представляется соотнесение *по пути* с полем, предложенным в [6], ядро которого составляют «классические» наречные предлоги (*внутри, вокруг, мимо, около*). Далее располагаются «новые» единицы, маркированные в словарях как предлоги и наречия (*по близости от, поодаль от, вниз по, по праву, по случаю* и др.). Единицы, имеющие пометы «в значении сказуемого» находятся на периферии поля (*по вкусу/не по вкусу, по душе/не по душе, по плечу, по силе, по силам/не по силам* и т.д.). Полифункциональная единица «по пути» находится на втором и третьем слоях по близости функции. Показав результаты грамматикализации конструкции, мы предполагаем, что не меньший интерес представляет также проследивание по крайней мере некоторых этапов процесса возникновения различных употреблений «по пути».

Статистики употребления «по пути». Статистика в НКРЯ показывает, что регулярное ее употребление зафиксировано с первой половины XVIII в. (см. Рис. 1.).

В данный период единица «по пути» была еще неологизмом, в корпусе всего лишь 61 случай ее употребления. В заметном количестве употребления «по пути» начались со второй половины XVIII в., при этом появляются варианты с производными предлогами (*к/в/на*) в ее постпозиции. В сегодняшнем НКРЯ имеется уже 7153 примера с конструкцией «по пути».

Со второй половины XVIII в. началось употребление «по пути к» (см. Рис. 2.).

В материалы корпуса до нынешнего дня входят всего 535 случаев употребления «по пути к». Из статистики в НКРЯ видно, что системными в текстах XIX–XX вв. также оказываются конструкции «по пути в» (649 вхождений, с 1813) и «по пути на» (259 вхождений, с 1857). Таким образом, во второй половине XVIII–XX вв. в языке соседствуют варианты «по пути к», «по пути в», «по пути на». Наличие подобной морфосинтаксической парадигмы свидетельствует о незавершенности процесса грамматикализации [7].

Дополнительно стоит отметить, что только в более поздних материалах — в текстах с середины XIX в. — обнаружено употребление «не по пути». Это показывает, что предикативная функция единицы *по пути* сформировалась позже.

Процесс грамматикализации «по пути» можно усмотреть не только в частотности реальных употреблений, но и в изменении семантики единицы и синтаксической структуры.

Семантические и синтаксические изменения «по пути». «По пути» восходит к сочетанию производного предлога *по* и знаменательного существительного *путь*. По свидетельству словаря [8, 85], в XI в. отмечаются употребления *пути* в значении 'дорога, проход'. В процессе десемантизации исходное значение подвергалось преобразованию: у слова *путь* развивалось значение 'направление движения, маршрут', 'направленности и процессы действия', которое служит предпосылкой возникновения предлога.

Это значение реализуется в сочетаниях с глаголами или отглагольными существительными типа *идти, пойти, двигаться, продвигаться, развиваться, движение, продвижение, развитие* и др., а также в конструкциях с зависимыми именами типа *мира, прогресса, сотрудничества, демократии, разоружения, милитаризма, конфронтации, переговоров, мирного урегулирования чего-л., упрочения чего-л., ускорения чего-л., расширения чего-л.* и т.п. в правовом контексте. Кроме того, указанное значение проявляется и при употреблении данной формы в условиях односторонних синтаксических связей, например: *Тебе куда? нам, случайно, не по пути?* (в одну сторону).

В дальнейшем развитии в единице «по пути» усиливалось значение релятивности под влиянием соединения с отвлеченными существительными. Слово постепенно утрачивает признаки предметного существительного, приобретая значение 'жизнь человека, ее течение', конструкция в целом получает значение 'о совпадении чьих-л. взглядов, убеждений, устремлений с кем-л.'. Это значение также отражается в синтаксических конструкциях: *С вами мне по пути (об общности взглядов, целей, направления деятельности). Нам с тобой не по пути (о разных стремлениях, целях)*.

Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1713 по 2022

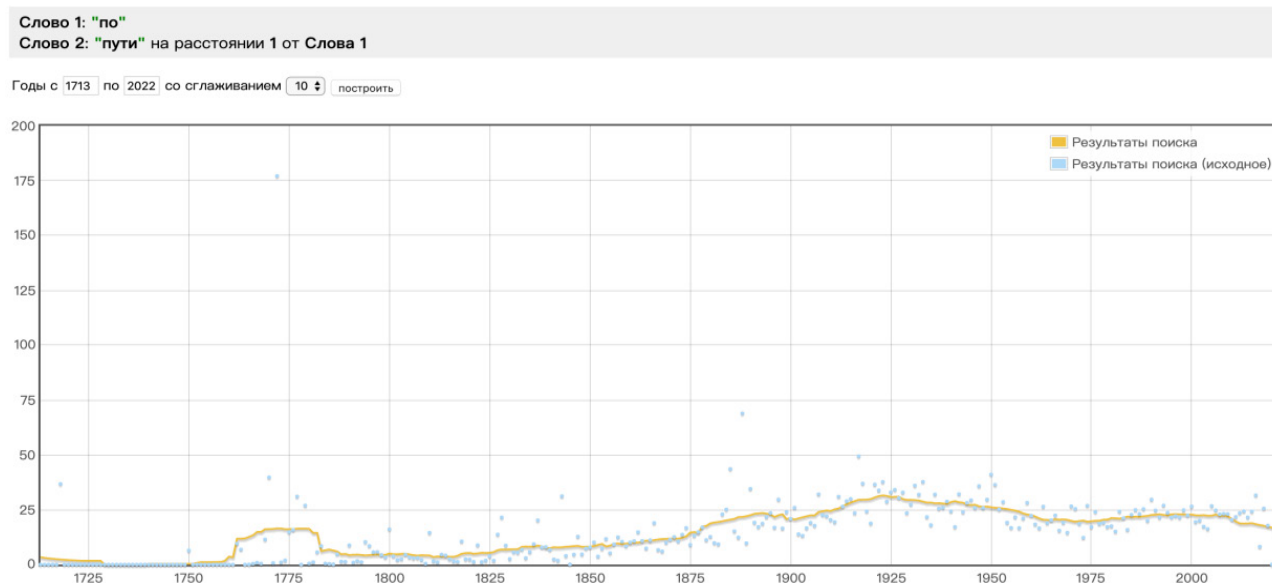

Рис. 1. Распределение по годам употреблений «по пути» с 1713 по 2022 г. (ipm)

Нетрудно заметить, что в употреблении прослеживается «по пути» с разной степенью отвлеченности. Процесс грамматикализации предложно-падежных сочетаний сопровождается изменением лексического значения знаменательных слов, приводящих к изменению грамматической семантики и статуса конструкции, в которой формируется производный предлог. Абстрактность значения *путь* допускает возможность ее полной грамматикализации, возможность перехода в разряд предлогов.

Неоспоримым доказательством вхождения «по пути» в состав предлога также является способность сочетаться с различными элементами. Предложно-падежное сочетание расширяет свою синтаксическую сочетаемость и синтаксические возможности синтаксем, особенно «свободных» синтаксем, что привело к нестандартному явлению в грамматическом строе, т.е. к появлению полифункциональных единиц. Что диахронически объяснило причину данного языкового феномена.

Нами описаны и проанализированы реализации единицы «по пути», обладающие разной степенью грамматикализации. Они показывают расширение синтаксических возможностей формы единицы: от употребления в качестве обычного свободного словосочетания до употребления в качестве конструктивного компонента несвободных конструкций и структуры предложения в самостоятельной позиции (предикатив), что позволяет расширить круг парадигмы предложно-падежных конструкций.

С точки зрения категориальной характеристики на уровне частей речи выделяются поликатегориальные (полифункциональные) единицы. Конструкция «по пути» функционирует не только в структуре

предложных сочетаний, но и в адвербиальной сфере, в сфере предикатива. Рассматриваемая конструкция представляет собой комплексную синтаксическую категорию с различными категориальными актуализациями, что обосновывает необходимость определения их синтаксического места в высказываниях или текстах в дальнейших исследованиях.

Категоризации предшествует вхождение знаменательных существительных в относительно несвободные сочетания в результате семантического абстрагирования. Этот процесс ярко представлен на примерах формирования производных предлогов на основе структуры «по + дат. пад.». Структура «по + дат. пад.» является моделью для образования не только «по пути», но и серии синонимичных производных предлогов «по дороге», «по линии», «по направлению». Этот процесс демонстрирует ее нелинейный характер, так и значим для изучения грамматикализации предложных единиц, и требует дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь / С. А. Кузнецов. — 2014. — Режим доступа: <http://www.gramota.ru>
2. Виноградова Е. Н. Вплотную к наречным предлогам (к вопросу о полифункциональных единицах) / Е. Н. Виноградова // Русский язык за рубежом. — 2021. — № 1(284). — С. 37–45.
3. Всеволодова М. В. Русские предлоги и средства предложного типа / М. В. Всеволодова, О. В. Кукушкина, А. А. Поликарпов. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Книга 1. — М.: URSS, 2014. — 304 с.

4. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка / Т. Ф. Ефремова. — М.: Русский язык, 2001.

5. Морковкин В. В. (ред.). Словарь структурных слов русского языка. М.: Лазурь, 1997.

6. Национальный корпус русского языка. — Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>

7. Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову / Р. П. Рогожникова. — М.: АСТ; Астрель, 2003.

8. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. / П. Я. Черных. — 3-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1999. — Т. 2: Панцирь — Ящур. — 560 с.

Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1777 по 2022

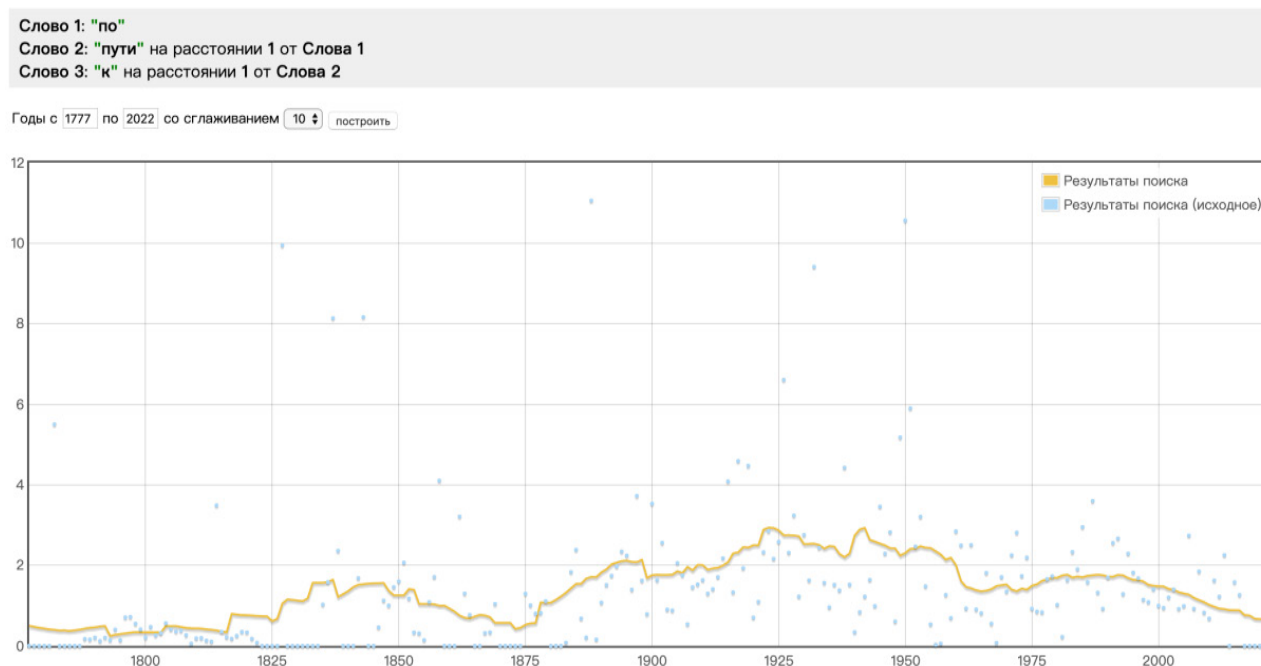

Рис. 2. Распределение по годам употреблений «по пути к» с 1777 по 2022 г. (ipm)

Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова
Чэнь Сюецин, аспирант кафедры русского языка
E-mail: cxq192575181@gmail.com

Lomonosov Moscow State University
Chen Xueqing, postgraduate student of the Department of
the Russian Language
E-mail: cxq192575181@gmail.com

РЫНОК ЖУРНАЛИСТСКОГО ТРУДА: ЗАПРОСЫ РАБОТОДАТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИАСИСТЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)

Н. А. Аргылов

Дальневосточный федеральный университет

Е. В. Фомина

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Поступила в редакцию 8 июля 2022 г.

Аннотация: в статье изучается дальневосточный рынок журналистского труда в контексте востребованных функциональных ролей, предъявляемых работодателями. На основе данных рекрутинговых сайтов были рассмотрены и проанализированы выдвигаемые требования, установлены закономерности между требованиями работодателей и должностями, с целью их последующей интерпретации. Для решения поставленных задач авторы использовали методы сравнительного анализа, контент-анализа и логического обоснования. В рамках исследования проведен обзор научных работ зарубежных и отечественных авторов, посвященных проблемам трансформации традиционных профессиональных навыков журналиста и востребованности специалистов медиапространства в условиях цифровизации экономики. Проанализированы и систематизированы данные порталов интернет-рекрутмента HeadHunter и Rabota.ykt.ru в разрезе двух регионов ДФО, сконцентрировано внимание на актуальных требованиях, выдвигаемых работодателями в отношении необходимых для трудоустройства компетенций, знаний и навыков.

Ключевые слова: рынок журналистского труда, рынок труда, профессиональные компетенции журналиста, компетенции журналиста, навыки журналиста.

Abstract: the article studies the Far Eastern market of journalistic labor in the context of the demanded functional roles presented by employers. On the basis of data from recruiting sites, we examined and analyzed the requirements put forward, established patterns between the requirements of employers and positions, in order to further interpret them. The authors used methods of comparative analysis, content analysis, and logical reasoning to solve the problems. As part of the study, a review of scientific papers by foreign and domestic authors on the transformation of traditional professional skills of journalists and the demand for media professionals in a digitalized economy was conducted. Data from the online recruitment portals «HeadHunter» and «Rabota.ykt.ru» were analyzed and systematized in the context of the two regions of the FEFD, focusing on the current requirements put forward by employers with respect to the competencies, knowledge and skills necessary for employment.

Keywords: journalistic labor market, labor market, professional competencies of a journalist, competencies of a journalist, skills of a journalist.

Масштабные изменения, такие как развитие цифровых технологий, цифровизация экономики, алгоритмизация, оказывают глубокое и преобразующее влияние на рынок труда. Подобные преобразования создают определенные проблемы, в том числе и в области трудовых отношений, остро встает вопрос об определении идентичности и функций той или иной профессии. Формирование сквозных, сверхпрофессиональных компетенций неизбежно в условиях трансформации рынка труда [1]. Медиаиндустрия

не является исключением, и конвергенция в медиа диктует необходимость развивать разные наборы навыков, от базовых или так называемых ремесленных до универсальных, которые актуальны в разных предметных областях [2].

Важным направлением для научных исследований становятся проблемы востребованности тех или иных функций медиаспециалистов. Исследователи изучают вопросы трансформации традиционных профессиональных навыков [3–7]; трансформацию запросов аудитории как требование отклика профессиональной журналистики [8–10]; проблемы несоответствия между получаемой квалификацией и фактическими условиями работы [11–13]; перспективы роботизации и замены части журналистского труда [14–16].

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ МК-5795.2021.2.

Нельзя не отметить тот факт, что кардинальные изменения журналистики как профессии создают условия и для изменений в понимании роли и функций журналистов. Об этом также говорится в исследовании, проведенном Союзом журналистов России совместно с компанией HeadHunter (hh.ru). В 2019 г. в рамках совместного изучения профессии «журналист» на российском рынке труда были определены запросы, которые формируют работодатели к знаниям и умениям соискателей [17] и сделаны выводы о том, что, несомненно, в эпоху развития цифровых технологий базовые компетенции все так же важны, однако очевидно, что трансформация профессии требует и новых знаний.

Опираясь на теоретические концепции и исследования экспертов, мы предприняли попытку проанализировать некоторые аспекты функционирования рынка журналистского труда на Дальнем Востоке. Интересным представляется изучение регионального медиарынка в контексте происходящих в медиaprостранстве процессов развития информационно-коммуникационных технологий, в частности большой интерес вызывают профессиональные роли журналистов, востребованные сегодня на рынке труда в условиях конвергенции и внедрения современных технологий.

Методология исследования. Отправным эмпирическим материалом для нашего исследования послужили вакансии, размещенные на платформах HH.ru и Rabota.ykt.ru. Было принято решение акцентировать внимание на двух регионах Дальнего Востока — Республике Саха (Якутия) и Хабаровском крае. Сплошное наблюдение велось в период с 15 октября по 26 ноября 2021 г. и с 21 марта по 13 мая 2022 г. Мониторинг проходил в два этапа, что позволило составить более точное представление о состоянии рынка журналистского труда выделенных регионов, а также сконцентрировать

внимание на актуальных требованиях, выдвигаемых работодателями в отношении необходимых для трудоустройства компетенций, знаний и навыков. Был проведен контент-анализ 30 вакансий опубликованных на сайтах интернет-рекрутинга в категориях «Искусство, развлечения, массмедиа» (HH.ru) и «СМИ и полиграфия» (Rabota.ykt.ru), выделены необходимые фрагменты информации для изучения востребованных журналистских функций. Условно дифференцированы навыки и компетенции, указанные в вакансиях, выявлены доли базовых, межпрофессиональных и личных навыков, востребованных на рынке труда. Кроме того, проведен количественный анализ вакансий, установлены закономерности между требованиями работодателей и должностями, с целью последующей интерпретации выявленных закономерностей. При этом была поставлена задача максимально изучить и проанализировать разнообразие выдвигаемых требований.

Ввиду временных ограничений и лимитов выборки данное наблюдение носило разведывательный характер. Тем не менее результаты, полученные на ограниченном эмпирическом материале, на наш взгляд, позволили осветить ситуацию на рынке журналистского труда Республики Саха (Якутия) и Хабаровского края в контексте востребованных функциональных ролей. В частности понять, какие навыки для каких должностей востребованы на медиарынке ДФО.

Результаты исследования. Исходя из общей задачи — изучить дальневосточный рынок журналистского труда в контексте востребованных функциональных ролей — нами рассматривались требования, предъявляемые работодателями в опубликованных вакансиях. Общая выборка вакансий по двум источникам составила 30 вакансий. В таблице 1 нашли отражение данные по требуемым навыкам в разрезе должностей.

Таблица 1

Количество вакансий по должностям с указанием навыков, упоминаемых чаще всего

Профессия	Количество вакансий	Топ-6 требуемых навыков					
		Грамотность	Написание текстов различных форматов	Пользователь ПК	Поиск и оценка информационных поводов (мониторинг)	Поднятие позиций сайта в результатах выдачи поисковых систем (SMM)	Редакторский контроль (навыки)
Корреспондент	7	4	3	2	4	1	
Специалист пресс-службы (работа со СМИ)	6	1	2	2		1	1
Журналист/ журналист-копирайтер	6	4	5	2	2	4	1
Редактор/редайт-редактор	6	4	4	4	2	1	4
Копирайтер	5	4	4		4	5	1
Итого	30	17	18	10	12	12	7

В общем, полученные сведения демонстрируют ориентацию работодателя на специалиста с классическим набором навыков. Наибольшее количество упомянутых в вакансиях компетенций составляют «умение писать тексты различных форматов» (18), «грамотность» (17), «поиск и оценка информационных поводов» (12), что соответствует формальному статусу журналиста, закрепленному в Законе РФ «О средствах массовой информации», в соответствии с которым журналиста можно охарактеризовать как «лицо, занимающееся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции зарегистрированного средства массовой информации, связанное с ней трудовыми или иными договорными отношениями либо занимающееся такой деятельностью по ее уполномочию» [18]. При этом контент-анализ вакансий показал, что современные условия осуществления профессиональной деятельности обозначили необходимость для журналистов владеть также навыками, связанными с производством мультимедийного контента и работой в социальных сетях. В запросах работодателей можно отметить такие требования, как «создание контента (карточек для социальных сетей)», «отбор и редактирование материалов для Telegram-канала», «знание основ маркетинга» и прочие, которые, хоть и встречались реже, но тем не менее подтверждают мнения исследователей о том, что на рынке медиа-специалистов требуются профессионалы с новыми коммуникационными компетенциями, технологическими и предпринимательскими навыками.

Более детально проанализированы требования, предъявляемые работодателями в отношении каждой должности (таблица 2), сформированы три основные группы компетенций для проведения дальнейшего анализа:

— базовые (традиционные) навыки — отслеживание информационных поводов и планирование деятельности, получение информации для подготовки материала, обработка и проверка полученной информации для материала, формирование материала [19], работа над содержанием публикаций СМИ, выбор темы публикации (разработка сценариев), подготовка к публикации собственных материалов / работа в эфире, отбор авторских материалов для публикации, редактирование материалов, разработка концепции авторских проектов, планирование и координация деятельности подразделения, анализ результатов деятельности подразделения, установление и поддержание контактов с внешней средой [20];

— смежные (сверхпрофессиональные) навыки — технические навыки по поиску и подаче информации в Интернете, навыки кодирования и написания макросов, умение пользоваться системой, которая публикует заметки на сайт, необходимость работать значительно быстрее, уметь принимать решения в том числе по поводу текстовой либо мультимедийной формы подачи материала [21], уметь создавать конвергентный мультимедийный текст [4];

— личные качества.

Таблица 2

Доля требуемых навыков по каждой должности к числу всех требований, указанных в вакансиях

Должность	Доля требуемых навыков (%)		
	Базовые	Смежные	Личные
Журналист	65%	17%	17%
Корреспондент	80%	10%	10%
Редактор	69%	6%	25%
Пресс-секретарь (работа со СМИ)	92%	8%	0%
Копирайтер	39%	33%	28%

Интересные и показательные закономерности можно наблюдать, изучая каждую должность и требования к ней индивидуально. В запросах работодателей для должности «журналист» превалирует доля базовых навыков (65%), смежные компетенции и личные качества указаны в равных долях (по 17,5%). Чаще всего в запросах встречаются «необходимость уметь писать тексты разных форматов» и «грамотность». Далее по степени убывания встречаются «умение находить интересные инфоповоды», «мониторинг», «навыки фактчекинга», «креативность» и «умение работать в соцсетях». Несмотря на изменения и трансформацию профессии, базовые требования остаются важной и неотъемлемой частью в работе региональных журналистов, тем не менее

стоит отметить увеличение требуемых видов деятельности на фоне происходящих в медиапространстве цифровых трансформаций. Тут стоит обратить внимание на то, что, помимо создания традиционных информационных материалов, наиболее распространенным запросом у работодателей стала публикация в социальных сетях. Сейчас многие редакции имеют страницы в соцсетях, в связи с чем в функциональные обязанности журналистов добавились необходимость создавать и публиковать посты и отвечать на комментарии.

Изучая трудовые функции, указанные в вакансиях для должности «корреспондент», становится понятно, что запросы работодателей максимально близки к интерпретации видов профессиональной

деятельности, которую определяет действующий профессиональный стандарт «Корреспондент средств массовой информации» [19]. Самыми часто упоминаемыми навыками в данной профессии стали навыки «поиска и оценки информационных поводов», «грамотная речь», «написание текстов различных форматов», «навыки работы с фото- и видеоборудованием» и «работа в кадре». Примечательно, что лишь 10% от заявленных требований — это межпрофессиональные навыки, которые встречались в двух вакансиях из семи. Из требований к личным качествам можно выделить «пунктуальность», «коммуникабельность», «ответственность» и «умение работать в режиме многозадачности».

Для пресс-секретаря (специалиста по работе со СМИ) требования в полипрофессиональных навыках встречались в одной вакансии из шести. Это требования «создания контента (при необходимости): карточек для социальных сетей» и «аналитическая оценка тем». Запросы на классические навыки распределились равномерно между «написанием текстов различных форматов», «грамотной речью», «подготовкой пресс-релизов и информационных сообщений» и «освещением мероприятий».

Вокруг профессии «копирайтер» существует много дискуссий: одни исследователи считают, что «копирайтер» — это лишь специалист по рекламе, другие утверждают, что это специалист который, кроме рекламных текстов, пишет журналистские, литературные и прочие виды текстов, которые распространяются через СМИ, Интернет и другие каналы [22], и поскольку функции медиатекста становятся более обширными и совмещают в себе характеристики текстов разного вида (от журналистских до рекламных и PR) [23], то именно «копирайтинговый текст» можно отнести к тексту, который является более обширным, чем рекламный текст, и включает в себя и коммуникативную, и информационную, и рекламно-справочную, и социальную функции [24], а это значит по средствам создания таких текстов копирайтера можно считать специалистом медиaprостранства и изучать данную профессию в рамках анализа рынка журналистского труда.

Анализ должности «копирайтер» показал следующие результаты. Доля требуемых базовых навыков составляет 39% и практически в равной степени соотносится со смежными навыками, доля которых составила 33%, личные качества выделялись меньшее количество раз (28%), но тоже имеют достаточно большой уровень запросов в сравнении с запросами для других анализируемых должностей. Справедливо отметить увеличение набора требуемых навыков. Запросы работодателей касаются не только создания текстов различных форматов, а предполагают наличие у кандидата компетенций, необходимых для осуществления процесса всей цепочки производства контента. Это «знание и понимание инфо-

стиля», «поиск новой информации в проверенных источниках и ее структуризация», «работа с большим объемом информации», «интерес к сторителлингу», «умение быстро учиться и адаптироваться под разные тематики бизнеса» и так далее. Можно сказать, что с появлением и развитием конвергентной журналистики у медиаспециалистов появляется намного больше возможностей проявлять свой творческий потенциал, но и намного больше предъявляется требований, чтобы решать поставленные задачи эффективнее и быстрее.

Если анализировать каждую должность индивидуально, становится понятно, что кандидату необходимо владеть набором соответствующих профессиональных компетенций (в ряде случаев сверхпрофессиональных, то есть таких, которые выходят за рамки профессии) в зависимости от той позиции, на которую он претендует, при этом, анализируя запросы работодателей, которые они формулировали посредством вакансий, можно сделать предположения о том, что индустрия медиа вынуждена формулировать новый запрос на специалистов, отталкиваясь не только от трудовых функций, указанных в должностной инструкции, но и от потребностей рынка и аудитории.

Также, на наш взгляд, стоит отметить позиции, в которых не всегда в «чистом виде» были указаны должности, некоторые вакансии сочетали в себе двойные запросы, например «журналист — копирайтер» или «рерайт — редактор». Это может свидетельствовать о возможном процессе трансфера полномочий или обязанностей, предусмотренных для нескольких специалистов одному, что, предположительно, является экономически выгодно работодателям, и наниматель ищет мультифункциональных специалистов с широким диапазоном профессиональных ролей.

Изучение и анализ вакансий применительно к работодателям (таблица 3) показал, что из 30 опубликованных вакансий 13 были от редакций или издательств; 6 вакансий — от работодателей, связанных с консалтингом и аналитикой рынка; от различных министерств и ведомств поступило 9 вакансий; по одной вакансии от кадрового агентства и ресторанно-го комплекса.

Примечательно, что запросы на «журналиста» в равных количествах поступали от издательств и редакций, консалтинговых организаций и министерств и ведомств, тогда как запросы на «редакторов» и «корреспондентов» в подавляющем большинстве случаев были от издательств и редакций. Копирайтеры требовались преимущественно в организации, специализирующиеся на аналитике рынка, единичные запросы на «копирайтеров» поступали от кадрового агентства и сети ресторанов. Спрос на специалистов по работе со СМИ (пресс-секретарей) предъявлялся исключительно от министерств и ведомств. Данные показатели являются вполне зако-

номерными и отражают специфику деятельности предприятия. Организации, оказывающие консалтинговые услуги или услуги питания, не имеют прямого отношения к СМИ, и их запрос на «копирайтеров» вполне объясним, поскольку, как уже упоминалось выше, «копирайтер» является профессией специфич-

ной, в связи с чем требования к копирайтерам можно предъявлять самые различные. Спрос редакций и издательств на «корреспондентов» и «редакторов» тоже является объяснимым и логичным, так как это основные профессии, необходимые для успешного функционирования подобных предприятий.

Таблица 3

Распределение количества вакансий между работодателями

Работодатели	Должности				
	Корреспондент	Специалист пресс-службы (работа со СМИ)	Журналист/ журналист-копирайтер	Редактор/редактор-редактор	Копирайтер
Издательства, редакции, СМИ	6	–	2	5	–
Услуги консалтинга и аналитика рынка	–	–	2	1	3
Министерства, ведомства	1	6	2	–	–
Кадровое агентство	–	–	–	–	1
Ресторанный холдинг	–	–	–	–	1

В целом результаты исследования подтвердили ключевую тенденцию медиaprостранства, которая проявляется в выполнении все большего количества функциональных ролей, когда журналист становится не только универсальным журналистом, но и медиарботником, выполняющим внушительный инструментарий по подготовке материалов, их размещению, продвижению и пр. Медиаспециалисты могут работать в разных областях (СМИ, сфера рекламы и PR, министерства и ведомства и т.д.), т.к. существует потребность в специалистах, работающих в цифровой медиасреде.

Выводы. Современному рынку труда присуща высокая конкуренция, в том числе и в отношении привлечения работников. Чтобы преуспеть в конкурентной борьбе и понимать вектор направления, необходимо владеть нужной информацией. Сплошное наблюдение за рынком труда и анализ полученных результатов могут помочь участникам рынка увидеть структуру запросов и позволить очертить круг профессиональных компетенций, востребованных на рынке труда. При изучении и анализе формирования условий на медиарынке с учетом региональной специфики становится понятно, что и здесь, в условиях мультизадачности и многофункциональности, медиаиндустрия вынуждена формулировать запрос на полипрофессионалов. Востребованы разносторонние навыки: умение хорошо писать и говорить, работать на разных платформах, критически мыслить, иметь творческие способности, в общем, выполнять множество ролей, что, как отмечают эксперты и исследователи, является одной из ключевых тенденций в современной журналистике.

Расширяется диапазон новых смежных профессий, медиаспециалисты востребованы в разных областях, а медиарынок нуждается в специалистах

с широким набором навыков и умений, которые способны быстро адаптироваться в динамично меняющихся условиях.

Возможно, СМИ потеряли монополию на производство и распространение контента [25], но, на наш взгляд, безусловно, классический журналист, профессионал с набором определенных цифровых навыков всегда будет востребован на рынке труда и среди своей целевой аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цифровая экономика: социально — психологические и управленческие аспекты. — М.: Прометей, 2019.
2. Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016. — Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016.
3. Баранова Е. А. Утраченные стандарты журналистской профессии / Е. А. Баранова // Приоритеты массмедиа и ценности профессии журналиста: материалы Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 17–18 мая 2018 года. — Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2018. — С. 15–17.
4. Вартанова Е. Л. Теория медиа: отечественный дискурс / Е. Л. Вартанова. — М.: Факультет журналистики, 2019. — 224 с.
5. Вартанова Е. Л. Цифровая журналистика как новое поле академических исследований / Е. Л. Вартанова // Медиаальманах. — 2021. — Вып. 6. — Режим доступа: <http://mediaalmanah.ru/files/107/837.php> (дата обращения: 07.07.2022).
6. Свитич Л. Г. Авторская деятельность журналистов в контексте реализации миссии журналистики / Л. Г. Свитич, О. В. Смирнова, М. В. Шкондин // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2019. — Т. 2. — № 2. — С. 198–207.
7. Свитич Л. Г. Изменение журналистской профессии в процессах медиаконвергенции / Л. Г. Свитич // Вестник Челябинского государственного университета. — 2015. —

№ 5 (360). — С. 406–414.

8. Нигматуллина К. Р. Профессиональная культура журналистов в России / К. Р. Нигматуллина. — СПб.: Алетей, 2021.

9. Теория журналистики в России. — СПб.: Алетей, 2018.

10. Orgeret K. S. Discussing Emotions in Digital Journalism / K. S. Orgeret // Digital Journalism. — 2020. — № 8 (2). — С. 292–297.

11. Дружинин А. М. Творческая «перезагрузка» журналиста и образовательный процесс / А. М. Дружинин // Медиаскоп. — 2020. — Вып. 4. — Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2675> (дата обращения: 07.07.2022).

12. Шестеркина Л. П. Фактчекинг и верификация информации в контексте журналистского образования / Л. П. Шестеркина, Л. К. Лободенко, А. В. Красавина, А. Р. Марфицына // Вопросы теории и практики журналистики. — 2021. — Т. 10. — № 1. — С. 94–108.

13. Шестеркина Л. П. Новые границы профессиональной журналистики, или Чему учить студентов-журналистов / Л. П. Шестеркина, А. А. Бевз // Медиаскоп. — 2018. — Вып. 1. — Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2422> (дата обращения: 07.07.2022).

14. Замков А. В. Трудовая деятельность журналиста: люди или роботы? / А. В. Замков, М. М. Лукина, М. А. Крашенинникова // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения: Сборник материалов Международного научного форума. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 18–19 апреля 2019 года / Ответственный редактор В. В. Васильева. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2019. — С. 19–20.

15. Исаев Е. М. Роботизация новостной журналистики в России: новые принципы работы редакции и трансформация журналистской этики / Е. М. Исаев, М. В. Кокорева // Коммуникации. Медиа. Дизайн. — 2019. — Т. 4. — № 3. — С. 85–102.

16. Сальникова Л. С. Роботы против журналистов: есть ли у журналистики будущее? / Л. С. Сальникова // Вопросы теории и практики журналистики. — 2019. — Т. 8. — № 4. — С. 668–678.

17. Анализ профессии «журналист» на российском рынке труда. Союз журналистов России. — Режим доступа: <https://ruj.ru/news/analiz-professii-zhurnalist-na-rossiiskom-rynke-truda-10337> (дата обращения: 07.07.2022).

18. Российская Федерация. Законы. О средствах массовой информации: федер. закон от 27 декабря 1991 г. (с изм. и доп., вступ. в силу с 29 июня 2022 г.). — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/f977773d5130bdc4b8aa5c541d1fa7ca381b18f4/6 (дата обращения: 07.07.2022).

19. Приказ Минтруда России от 21 мая 2014 г. № 339н «Об утверждении профессионального стандарта «Корреспондент средств массовой информации». — Режим доступа: https://base.garant.ru/70674144/#block_1000 (дата обращения: 07.07.2022).

20. Приказ Минтруда России от 04 августа 2014 г. № 358н «Об утверждении профессионального стандарта «Редактор средств массовой информации». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 07.07.2022).

21. Колесниченко А. В. Трансформация журналистской работы под влиянием новых технологий: поиск информации, жанры медиатекстов, редакционная культура / А. В. Колесниченко, А. В. Вырковский, М. Ю. Галкина и др. // Вестник Московского университета. Сер. Журналистика. — 2017. — № 5. — С. 51–71.

22. Назайкин А. Н. Понятие «копирайтинг» вчера и сегодня / А. Н. Назайкин // Вестник Московского университета. Сер. Журналистика. — 2020. — № 3. — С. 140–155.

23. Жилина А. В. К вопросу о понятии «копирайтинг» и его видах / А. В. Жилина // Медиаскоп. — 2020. Вып. 2. — Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2627> (дата обращения: 07.07.2022).

24. Милославская З. А. Медиатекст: синтез журналистского, рекламного и PR-текста в условиях конвергентных СМИ / З. А. Милославская // Вопросы теории и практики журналистики. — 2016. — Т. 5. — № 4. — С. 576–587.

25. Вартанова Е. Л. О необходимости модернизации концепций журналистики и СМИ / Е. Л. Вартанова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2012. — № 1. — С. 7–26.

Дальневосточный федеральный университет
Аргылов Н. А., кандидат политических наук, научный сотрудник департамента коммуникаций и медиа
E-mail: nik-argylov@yandex.ru

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
Фомина Е. В., магистрант кафедры журналистики филологического факультета
E-mail: Ekaterina.kareli@mail.ru

Far Eastern Federal University
Argylov N. A., Candidate of Political Sciences, Researcher of the Communications and Media Department
E-mail: nik-argylov@yandex.ru

Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov
Fomina E. V., Master's Student of the Journalism Department of the Faculty of Philology
E-mail: Ekaterina.kareli@mail.ru

ОСВЕЩЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ В «ЖУРНАЛЕ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ»

К. А. Балашова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 7 мая 2022 г.

Аннотация: данная работа впервые показывает озабоченность «Журнала Министерства народного просвещения» скромностью периодических педагогических изданий в период подготовки реформы образования 1860-х гг. Особое внимание сосредоточено на том, как в целях «рекламы» и ограждения общества от неправильной трактовки образовательных и воспитательных идей министерский орган освещал деятельность педагогических изданий, разбирал публикуемые в них статьи и советы, связанные с темой готовящейся реформы образования.

Ключевые слова: «Журнал Министерства народного просвещения», реформа образования 1860-х, педагогические издания, Н. Х. Вессель, К. Д. Ушинский.

Abstract: the work for the first time shows the concern of the Journal of the Ministry of Public Education with the modesty of the duration of pedagogical publications during the preparation of the education reform of the 1860s. Particular attention is paid to topics related to the theme of «advertising» and the organization of society, from the misinterpretation of educational and educational ideas, by the ministerial body involved in the activities of pedagogical publications, versed in articles and advice of interest to them related to the topic of the forthcoming education reform.

Keywords: «Journal of the Ministry of Public Education», educational reform of the 1860s, pedagogical publications, N. Kh. Wessel, K. D. Ushinsky.

Известно, что в начале 1860-х гг. в отечественной литературе было крайне мало сочинений о воспитании и обучении. Издаваемые педагогические журналы старались восполнить этот пробел и доставить родителям и учителям необходимые для успешного воспитания и обучения средства, но их цель не вполне достигалась. Во-первых, издания были слишком дорогими для небогатых людей, во-вторых, опубликованные статьи по большей части были общими и теоретическими, мало обращающими внимание на практику и потому неинтересными для широкой публики, и, в-третьих, как заметил редактор «Журнала» К. Ушинский, печать была ориентирована «на более-менее образованных людей, имеющих законченное общее образование» [1].

Поэтому, когда в 1861 г. стал выходить журнал «Учитель», редакторами-издателями которого были И. Паульсон и Н. Вессель, «Журнал Министерства народного просвещения» в поддержку нового издания заявлял, что «из всех сословий, несущих важные и трудные обязанности, учительское, в руках которого находится образование будущих граждан, едва ли не больше всех нуждается в постоянном усовершенствовании» [2]. Журнал «Учитель» ставил своей целью содействовать устранению сложившихся недостатков. Основными его задачами были: доставлять читателям средства к самоусовершенствованию

и заменить в некоторой степени библиотеку по всем наукам, необходимым образованному человеку; служить практическим руководством для воспитания детей, а также источником материалов для элементарного обучения; знакомить со всеми известными методами преподавания; быть доступным изданием для бедного сословия (подписная цена за 24 выпуска в год составляла 3 р. 50 к.). Издание предназначалось для домашних наставников, народных учителей и родителей. Основная ориентация была на родителей с тем, чтобы дети как можно дольше оставались «при родителях, в семействе» [3].

В начале 1860-х гг. в журнале «Учитель» часто печатались авторы министерского издания, такие как В. Водовозов, О. Миллер, Н. Корф, К. Ушинский и другие. Редакторы издания И. Паульсон и Н. Вессель также помещали в «Журнале» свои статьи. Однако «Учитель» не оправдал ожидания министерского издания. В примечании к журналу Н. Вессель написал: «Журнал наш имеет целью знакомить с результатами векового опыта и педагогической науки» [3]. Редакция «Журнала», просмотрев 16 номеров издания, пришла к выводу, что оно не вполне соответствует заявленным стандартам. Действительно, в журнале было опубликовано множество химических, астрономических, метеорологических, естественно-исторических, медицинских, психологических, религиозно-исторических статей и «капля материала собственно педагогического» [2]. «Журнал» резко реагировал

на советы, поступающие со страниц издания. К примеру, в первом номере «Учителя» под заглавием «Дети в первый год жизни» вышла серия статей, главный совет которых привел в ужас министерское издание: «Грудных младенцев ночью никогда не кормите» [3]; в четвертом номере было сказано: «8 часов ночи должны оставаться для спокойствия матери и ребенка» [3]. Относительно этих советов «Журнал» в поддержку своего мнения ссылается на «Педагогический журнал» 1833 г. А. Ободовского, Е. Гугеля и П. Гурьева, в котором была напечатана статья русского педагога и просветителя XVIII века И. Шварца «Младенец в первые недели своей жизни»: «Если мать сама кормит свое дитя, как надлежит, то она должна давать ему грудь днем через каждые 2 или 3 часа, ночью же чрез каждые 5 или 6 часов, но малопомалу все реже» [2]. Иными словами, журнал «Учитель» оказался не совсем компетентным изданием в деле образования и воспитания.

В 1862 г. на основании высказанного на заседании ученого комитета главного правления училищ мнения профессора Н. Благовещенского «Журнал» рекомендовал к прочтению издание «Рассвет», издаваемый журналистом В. Кремпиным, как «существенно полезное чтение воспитанницам высших классов женских учебных заведений» [4]. К моменту принятия решения ученым комитетом журнал издавался уже три года. В программе «Рассвета» было заявлено, что он издается «для взрослых девиц». На деле журнал «применялся и на занятиях с юношеским возрастом» [4]. Специальный характер издания выражался преимущественно в том, что многие помещенные в нем статьи знакомили читателя с положением женщины в разные эпохи жизни человечества. Но такие статьи, как «Царица Анастасия Романова», «Екатерина Медичи», «Герцогиня Беррийская», «Графиня Екатерина Ивановна Головкина», «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова» и прочие, были «равно доступны, занимательны и полезны для молодых людей обоего пола» [4]. Поэтому журнал, по свидетельству министерского издания, охотно выписывался для библиотек женских и мужских средних учебных заведений.

Особую ценность составляли статьи научного содержания. Они в большей степени способствовали развитию и поддержанию в молодом поколении интереса к науке, и, как замечал издатель, с которым соглашался «Журнал», статьи убеждали «своих читателей в том, что те же самые научные истины, которые казались в учебниках мудреными и даже надоедающими своей сухостью, делаются при популярном изложении не только простыми, но и в высшей степени занимательными» [5]. Заметим, что в «Рассвете» было уделено значительное место как прошедшей истории литературы, так и вообще русской жизни.

Таким образом, в журнале «Рассвет» не было оперативного отклика на происходившие в России

и Европе события. Поэтому он не мог соперничать ни с газетами, ни с большинством учено-литературных журналов. Издание специализировалось на создании общих статей, представлявших самые интересные моменты в жизни образования современной России и Европы.

В 1864 г., после Польского восстания (1863–1864), «когда юго-западные земли России были наводнены преступной и безрассудной польской пропагандой» [6], при субсидировании правительства под началом историка, профессора Киевского университета Св. Владимира, действительного статского советника В. Шульгина началось издание новой газеты «Киевлянин». Исключительный характер газеты, по мнению редактора издания, заключался в аксиоме И. Аксакова, заявленной в программе «Киевлянина»: «Край здешний — край русский, русский, русский» [7]. Убежденная в этом редакция проводила мысль о необходимости постепенного внедрения в юго-западном крае администрации в русском духе и из русских людей. «Журнал Министерства народного просвещения» сетовал, что печальная действительность последних лет показала: «...благодаря нашей беспечности преступные ухищрения польской пропаганды успели сообщить православному русскому краю, в некоторой степени, католическую и польскую окраску» [8]. Безусловно, на открытии издания сказалась боязнь потерять исконно русские земли (в частности, речь шла о Киеве), однако продвижение народного образования являлось основной целью газеты. Чтобы избежать распространения польских или латышских школ грамотности, государству следовало озаботиться проблемой общего образования и развивать русские школы. Издание говорило о народном образовании, включая и воспитание, и обучение, основанные на православном и русском началах. Газета пестрила патриотическими высказываниями вроде «русские здесь исконные хозяева, поляки — гости, пришельцы, захватившие, вследствие всяких неправд, хозяйственное право в стране» [7]. «Журнал» в целом соглашался с такой политикой, но напомнил о периоде с 1838 по 1852 г., когда администрация края крутыми мерами совершала то, «на что необходимы века» [8]. Государство пыталось русифицировать местное польское население, что привело к социальным и этническим беспорядкам. «Журнал» предостерегал от повторения ошибок. Итак, открытие новой газеты с патриотическим началом было важным шагом правительства для налаживания как общей ситуации в юго-западном крае, так и просветительской.

Журнал «Семейные вечера», основанный писателями Ф. Ростовской и В. Майковым, выходил с 1864 г. Он был удостоен высокого покровительства «Государыни Императрицы Марии Александровны, принят для чтения Ея Августейших детей» [9], рекомендован ученым комитетом Министерства народного просве-

щения для гимназий и уездных училищ и, по свидетельству «Журнала», «состоящим при IV отделении собственной Его Величества канцелярии учебным комитетом — для чтения воспитанницам женских учебных заведений Императрицы Марии» [10].

С целью выявить, в каких регионах уровень грамотности повышается быстрее, с 1869 г. «Журнал Министерства народного просвещения» начал вести статистику газетного и журнального дела в России, которую помещал в первой части издания за год. Сравнив статистические таблицы, опубликованные в «Журнале», можно с уверенностью заключить, что число периодических изданий с 1869 г. значительно выросло. В объявленных к выходу в Санкт-Петербурге на 1869 г. повременных изданий выходило и рассылалось 90; в том числе «русских: газет, выходивших от трех до семи раз в неделю, — 15; газет и журналов еженедельных и двухнедельных — 21; и журналов, выходивших один и два раза в месяц, — 47; немецких: ежедневных — 1, еженедельных — 2 и ежемесячных 2 и французских: ежедневных — 2» [11].

По сравнению с 1868 г., в котором выходило «русских: ежедневных — 12, еженедельных — 12 и ежемесячных 33, немецких: ежедневных — 1, еженедельных — 1 и ежемесячных — 2 и ежедневных французских — 1» [11].

Таким образом, видно, что число периодических изданий увеличилось на 27, при этом ежедневных — на 3, еженедельных — на 10 и ежемесячных — на 14. Следует учесть, что, как свидетельствует «Журнал», все вновь открывшиеся издания имели достаточное количество подписчиков и что ни одно издание в течение года не прекратилось, тогда как в 1868 г. закрылось 17 газет и журналов.

При внимательном обзоре таблицы распределения повременных изданий по губерниям и числу иногородних подписчиков на эти издания видно, что самое большее число подписчиков с 1868 по 1870 гг. приходится на педагогические издания, а также «на наиболее дешевые». Распространение педагогических и образовательных изданий объяснялось автором «Журнала» К. Беккером увеличивающимся числом гимназий, прогимназий и «других наименований училищ, в губернских и уездных городах» [12], а также с обязательным распространением грамотности в военном ведомстве за счет открытия юнкерских училищ и устройства полковых школ. Постепенно увеличилась подписка на такие педагогические и общеобразовательные повременные издания, как «Всемирный путешественник», «Воскресный досуг», «Духовная беседа», «Детский сад», «Мирской вестник», «Мирское слово», «Народная школа», «Педагогический сборник», «Росинки», «Семейные вечера», «Странник», «Учитель», «Христианское чтение», «Чтение для детей» и «Чтение для солдат».

Значительное распространение этих изданий указывало на растущее стремление народных масс

к умственному развитию и доказывало, что вследствие своей доступности по цене они соответствовали потребностям населения, поэтому и расходились в значительном числе экземпляров.

При рассмотрении таблицы отношения количества ежедневных газет к числу подписчиков на каждое издание в отдельности видно, что «Правительственный вестник» — самая значительная по количеству читателей газета. Видимо, пытаясь оправдать свой неуспех, «Журнал» объяснял это тем, «что до 1869 г. в России не существовало официального правительственного органа в периодической печати» [13]. «Правительственный вестник» начал издаваться с 1 января 1869 г., преобразившись в политическую газету из «Северной пчелы», бывшей органом Министерства внутренних дел. Как усматривается в таблице «Журнала», «Правительственный вестник» к 1870 г. был самой распространенной газетой в государстве, он имел 13 650 подписчиков. Самое большое число подписчиков после «Правительственного вестника» имела газета «Сын Отечества» — 11 320, наименьшее — «Новое время» — 1 352; на иностранных языках: самое большое — *St. Petersburger Zeitung* — 2071, наименьшее — *Courier Russe* — 100.

Из обзора таблицы еженедельных газет видно, что наибольшее число подписчиков приходилось на «Новый русский базар» — 4 467, наименьшее — на «Друг здравия» — 202.

Таблица распределения ежемесячных журналов показала, что самым популярным среди подписчиков был «Вестник Европы» — 5 277.

Специальные журналы, издаваемые различными учреждениями, имели достаточно ограниченное число подписчиков, и вполне вероятно, что подписка на них прекратилась бы, если бы не была обязательной для лиц и учреждений. Незначительное распространение этих журналов министерское издание объясняло «неудовлетворительностью самих изданий в научном смысле» [13]. В 1869 г. издавались следующие специальные журналы: «Артиллерийский журнал», «Архив судебной медицины», «Военно-медицинский журнал», «Военный сборник», «Горный журнал», «Инженерный журнал», «Журнал коннозаводства», «Морской сборник», «Журнал Министерства народного просвещения», «Оружейный сборник», «Педагогический сборник» и «Журнал Министерства путей сообщения» — всего 12 журналов, издаваемых на средства учреждений. Правительство предоставляло специалистам возможность следить за развитием научных знаний в различных областях.

Рассматривая сравнительную таблицу за 1868–1870 гг., показывающую распределение периодических изданий по губерниям, с указанием, на какое число жителей приходится один экземпляр повременного издания, мы видим, что распространение этих изданий в некоторых местах постепенно увеличивалось, а в других оставалось на прежнем уровне.

К примеру, в Екатеринопавловской губернии (ныне Воронежская область) в 1868 г. количество читателей на один экземпляр было 494, а в 1870-м — 58; в Таврической губернии на одно издание в 1868 г. приходилось 370 жителей, а к 1870-му — 112.

Продолжая таким образом сравнение, можно прийти к заключению, что в некоторых местностях умственное развитие быстро прогрессировало за счет благоприятных местных условий и что усиленная воспитательная и образовательная деятельность происходила в тех местностях, «где инициативу народного образования принял на себя земство» [12].

Необходимо отметить, что Министерство народного просвещения со страниц «Журнала» поясняло публике не только уже принятые меры, но и свои предложения относительно улучшения устройства и дальнейшего развития учебной части. Оно руководствовалось убеждением, что в деле просвещения лишь те правительственные меры и законы могут быть плодотворны, которые подкреплены общественной поддержкой, приобретенной путем всестороннего и гласного обсуждения.

В результате изучения «Журнала» и анализа опубликованных в нем статей нам удалось получить сведения о денежных средствах, отпускаемых на издание подведомственного органа и на содержание его редакторов.

Если посмотреть на историю журнала, на количество выделяемых сумм на его развитие, то видно, что на протяжении всего времени государственные дотации увеличивались, учитывая, что курс царского рубля держался твердо.

Интересно отметить, что до 1862 г. доходы от Щукина рынка (ныне Апрашкин двор в Санкт-Петербурге) поступали на счет Министерства народного просвещения. Первый оклад редактора К. Сербиновича, выделяемый из хозяйственных сумм министерства [9], в 1833 г. составлял 857 р. сер. Гонорары авторам выплачивались на усмотрение редактора, «по способности чиновников Министерства народного просвещения, по мере трудов их» [9]. Стоит отметить, что вознаграждения зависели от суммы, выручаемой от издания «Журнала».

В 1844 г. комитет министров назначил редактору министерского издания столовые деньги «наравне с начальниками отделений департаментов Министерств» [9], то есть к окладу 1833 г. прибавились 428 р. сер., которые выделялись из Государственного казначейства.

С 1 марта 1860 г. было назначено отпускать ежегодно 3000 р. как помощь на издание «Журнала».

В последовавшем 1862 г. преобразовании сметной системы в финансовую смету расходов Министерства народного просвещения на 1863 г. внесено на издание «Журнала», согласно данным РГИА: «20 января 1862 г. из 500 р., добавленных в смету Министерства народного просвещения на 1862 г. — 12.000 р.

2 июня 1862 г. на счет 82 р., назначенных к ежегодному отпуску из Государственного казначейства, (взамен дохода от. — К. Б.) Щукина рынка, отданного во введение Министерства финансов, кроме содержания редактора журнала (жалование 857 р., столовые 428 р., итого 1.286 р. — К. Б.), на расходы по изданию журнала 3 000 р. Итого — 15.000» [9].

В смету Министерства народного просвещения на 1869 г. на основании утвержденного 11 декабря 1867 г. мнения Государственного совета была внесена на издание «Журнала» определенная сумма — 25.000 р. и, наконец, к этой сумме добавлены 5 000, назначенные Государственным советом 3 февраля 1869 г. Сумма предназначалась для напечатания в «Журнале» диссертаций молодых ученых, готовящихся к профессорской должности.

Независимо от отпускаемой суммы в 30 000 р. нужно отнести в смету расходы по упаковке и пересылке «Журнала», хотя он, конечно, включался в смету доходов, но, если судить по публикуемым в издании данным о неуплате многих лиц за выписку «Журнала», мы причисляем обозначенную сумму к расходам.

Итак, изучение истории «Журнала Министерства народного просвещения» в период с 1855 по 1881 гг. позволяет сделать вывод о том, что в эти годы он был остро зависим от проводимой образовательной политики Александра II. Ввиду социальных изменений в государстве император не раз менял министров народного просвещения, которые, в свою очередь, имели колоссальное влияние на «Журнал». Министерский орган как рупор государства в течение периода проводимой реформы освещал ее по-разному, вследствие чего неоднократно менялась и программа издания (см. табл. 1).

До 1866 г. издание было либеральным, оно активно поддерживало вновь открывавшиеся газеты и журналы как педагогического характера, так и научного содержания; после смены министра народного просвещения «Журнал» постепенно превратился в консервативный, уменьшилось содержание неофициальной части, а наполнение официальной части наоборот расширилось. Таким образом, смена министров влекла за собой смену редакторов «Журнала», благодаря которым и происходили в конечном счете все преобразования в этом издании, от которых и зависело количество подписчиков, говорившее о его актуальности.

Статистика, которую вело министерское издание, помогает прояснить некоторые моменты в истории «Журнала». Проанализировав эти данные, мы смогли увидеть отношение правительства к периодическим изданиям, выявить, чем «Журнал» обосновывал спрос на те или иные издания и какие из них интересовали население и министерский орган в разные годы. Также подтвердилось предположение о том, что министерское издание не являлось популярным сре-

ди населения и что количество подписчиков легко объясняется обязательной подпиской на «Журнал» всех учебных заведений, подведомственных Министерству народного просвещения. Однако безуслов-

ность подписки на издание для данных категорий подтверждает его значительную роль в деятельности Министерства народного просвещения.

Таблица 1

Программа «Журнала» с 1855 по 1881 гг.

К. С. Сербинович	А. В. Никитенко	К. Д. Ушинский	Ю. С. Рехневский	А. И. Георгиевский
1. Действия правительства	1. Действия правительства	1. Педагогика и дидактика	1. Правительственные распоряжения	1. Правительственные распоряжения
2. Словесность и науки	2. Словесность, науки и художества	2. Вспомогательные науки	2. Официальные статьи и известия	2. Педагогика и наука
3. Известия об ученых и учебных заведениях в России	3. Известия об отечественных ученых и учебных заведениях	3. Критика и библиография	3. Педагогика и дидактика	3. Критика и библиография
4. Известия об иностранных ученых и учебных заведениях. Доклады и статьи командированных за границу	4. Известия об иностранных ученых и учебных заведениях	4. Известия и смесь	4. Науки	4. Современная летопись
5. История просвещения и гражданского образования	5. История просвещения и гражданского образования	5. Министерские распоряжения и высочайшие повеления	5. Критика и библиография	
6. Новости и смесь	6. Обзорение книг и журналов		6. Известия и смесь	
	7. Новости и смесь			

ЛИТЕРАТУРА

- Ушинский К. Д. О камеральном образовании. Речь, произнесенная в торжественном собрании Ярославского Демидовского лицея 18-го сентября 1848 года / К. Д. Ушинский. — М.: Университетская типография, 1848. — 107 с.
- Журнал Министерства народного просвещения. — 1861. — Ч. 93. — 1088 с.; Ч. 94. — 989 с.
- Учитель. 1861. — № 3. — С. 65; № 1. — С. 13; № 4. — С. 31.
- Журнал Министерства народного просвещения. — 1862. — Ч. 96. — 1237 с.
- Журнал Министерства народного просвещения. — 1863. — Ч. 100. — 1001 с.
- Архив А. М. Горького. — М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1939. — Т. 1.

- Киевлянин: Литературная и политическая газета Юго-Западного края: (1864–1919). — 1864. — № 1. — № 4.
- Журнал Министерства народного просвещения. — 1864. — Ч. 131. — 1004 с.; Ч. 132. — 909 с.
- Российский государственный исторический архив. Ф. 1152. Оп. 7. Д. 914. Ф. 733. Оп. 2. Д. 233. Л. 19. Л. 194. Л. 195.
- Журнал Министерства народного просвещения. — 1865. — Ч. 139. — 1004 с.
- Журнал Министерства народного просвещения. — 1869. — Ч. 147. — 1006 с.
- Журнал Министерства народного просвещения. — 1871. — Ч. 150. — С. 230; Ч. 149. — С. 539.
- Журнал Министерства народного просвещения. — 1870. — Ч. 146. — С. 130.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
 Балашова К. А., кандидат филологических наук, факультет журналистики
 E-mail: balashovaka1204@gmail.com

Lomonosov Moscow State University
 Balashova K. A., Candidate of Philology, Faculty of Journalism
 E-mail: balashovaka1204@gmail.com

О ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ МИССИИ ЖУРНАЛИСТИКИ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВЯТСКОЙ ПЕЧАТИ)

А. А. Вахрушев

Удмуртский государственный университет

Поступила в редакцию 24 мая 2022 г.

Аннотация: в статье рассматривается просветительская миссия журналистики в историческом аспекте на примере дореволюционной печати Вятской губернии. Осмысливаются лучшие ее традиции в формировании духовных и нравственных ценностей; процесс развития просветительских, литературных и публицистических традиций в регионе. Приводится положительный опыт местных газет («Вятские губернские ведомости», «Вятский край», «Вятская газета») в отстаивании интересов народа, крестьянства, в формировании общей национальной и, в частности, этнической (в данном случае удмуртской) культуры и грамотности; в пропаганде демократических символов.
Ключевые слова: журналистика и просветительство, вятская печать, литература и публицистика, книгоиздательство, ценностные традиции.

Abstract: the article examines the educational mission of journalism in the historical aspect on the example of the pre-revolutionary press of the Vyatka province. Its best traditions in the formation of spiritual and moral values are being comprehended; the process of development of educational, literary and journalistic traditions in the region is studied. The positive experience of local newspapers («Vyatka Gubernskie Vedomosti», «Vyatka Krai», «Vyatka Gazeta») is given, which is revealed in defending the interests of the people, the peasantry, in the formation of a common national and, in particular, ethnic (in this case Udmurt) culture and literacy; in the promotion of democratic symbols.

Keywords: journalism and enlightenment, Vyatka press, literature and journalism, book publishing, value traditions.

Порождающая сегодня модель журналистского творчества теряет свою главную особенность: перестает ориентировать журналиста на выполнение прежде всего социальных гуманистических задач, на служение интересам большинства населения. Журналистика уподобляется то слухам, то мифотворчеству, то развлекательной беллетристике. На первый взгляд, это безобидно. Но за ними может последовать аннигиляция журналистики как профессии, а значит, общество рискует утратить способность сколько-нибудь уверенно ориентироваться во времени и пространстве. По утверждению психологов, «сегодня более 90% информации о мире человек получает из чужих рук, а потому доля познания, основанного на личном опыте, сокращается» [1, 92]. Среди тех, кто несет людям знания о социальной реальности, особое место занимают журналисты, СМИ являются одним из ключевых компонентов мощного фактора формирования мировоззрения личности и ценностной ориентации общества. И не случайно сегодня появляются в теории журналистики такие работы, как, например, коллективная монография «Журналистика. Общество. Ценности» [2].

Хорошо, что определенная часть медиаобщества пытается противостоять тенденциям, которые

она считает негативными, и соответственно строит свою деятельность. Причем это касается не только российской журналистики. Все это означает, что в обществе предпринимаются усилия для сохранения позитивной миссии журналистики и профессии журналиста. И здесь важным фактором сохранения и развития ценностей журналистики является обращение к ее историческому опыту, лучшим ее традициям. А лучшие традиции российской печати созвучны нашему времени — поре осмысления духовных и нравственных ценностей. Поэтому правы авторитеты современной журналистики П. Гутионтов, А. Плутник и Л. Шинкарев в своем актуальном высказывании: «Журналистика в своих наиболее сильных проявлениях была истинно народной. Она была другом народа, стремилась быть с ним, на его стороне, в сложнейшие периоды нашей истории. Она не предавала его ради своих личных выгод. В том, собственно, и состоит, быть может, главная традиция, которую требуется хранить, как зеницу ока» [3].

Исследование истории вятской печати и литературы, процесса формирования и развития просветительских, литературных и публицистических традиций в регионе дают все основания полагать, что этот опыт сегодня актуален и востребован. Провинциальная журналистика России в последнее время изучается весьма интенсивно. Причем исследу-

ются ее различные грани и аспекты, выдвигаются новые проблемы.

Нами впервые предпринята попытка исследования процесса становления и развития печати и литературы, генезис их взаимодействия на примере Вятской губернии в контексте просветительского движения на фоне всей журналистики дореволюционной России, которая оформилась в виде монографии «Просветительская миссия печати и литературы в провинциальной России (на материале Вятской губернии XVII — начала XX веков)» (Ижевск, 2011). Всеобщность и универсальность просветительской миссии, заключающейся в просвещении населения в самом широком смысле слова, очевидна. Если говорить о содержании просветительства, уже, — просвещения и о том, что, собственно, сегодня важнее всего для нашего общества, то нужно обозначить главную составляющую — это, конечно, наша история. Причем история во всем ее многообразии. Как пишут исследователи, «мы можем быть устойчивым обществом и обществом, которое имеет будущее, только в том случае, если мы будем знать о своем прошлом, будем уважать наше прошлое, будем извлекать уроки из этого прошлого» [4, 161]. Одним из главных уроков, достоинств прошлой, дореволюционной журналистики, была ее просветительская роль. Одной из главных задач исследования мы видели в раскрытии этой роли, и не только журналистики, но и всей печати и литературы на примере данного региона, как «сопредельных областей» о взаимодействии с эволюцией типографского, книжного и библиотечного дела, народного образования. Ибо все эти отрасли, задействованные в продвижении прогресса, взаимосвязаны. Комплексное их рассмотрение позволяет полнее представить всю картину развития печати и литературы дореволюционной России, объяснить причины общественных и культурных «искривлений» последующего развития.

Вятская губерния, расположенная на востоке Европейской части России, занимала обширную площадь. В ее состав входили территории нынешней Кировской области и Удмуртии, а также части Марий Эл и Татарстана. В губернии было 11 уездов и 12 городов. В дореволюционный период она была в полном смысле слова крестьянской: крестьяне составляли свыше 92% населения губернии. По национальному составу население было неоднородным: 78% составляли русские, а 22 — представители 20 других национальностей, главным образом удмурты (вотяки), марийцы (черемисы), татары.

Дореволюционная культура Вятской губернии, ее печатное наследие — кладезь для исследователей прошлого. Появление и развитие печати и литературы в Вятской губернии — факт большой общественной и культурной значимости — было обусловлено рядом социально-экономических и политических причин. Важнейшие из них — включение губернии

в общероссийский социально-экономический процесс, вызвавшее рост умственных и производительных сил; эволюция общественно-политического движения в крае во взаимосвязи с общедемократическим подъемом в России; общие тенденции развития провинциальной прессы.

Экономические и социально-политические условия предопределяют генезис журналистского и литературного процесса. Об этом свидетельствует и становление провинциальной печати. Во многом зависящая от центра, от влияния ее экономического и политического состояния, в то же время местная печать имеет свои субъективно-первичные истоки, которые придают ей отличительные свойства.

Истоки вятской печати связаны, с одной стороны, с общим развитием экономики и культуры России, с другой — с развитием внутреннего потенциала региона. Поэтому следует говорить о двух взаимообусловленных факторах — внешнем и внутреннем.

Большое значение для возникновения местной печати и литературы Вятской губернии на начальном этапе имели духовно-религиозные учреждения, среди главных задач которых были просвещение широких слоев населения путем религиозно-нравственных наставлений и т.п., подготовка собственных кадров. Письменная словесность с ее духовными корнями, зачиненная летописцами-агиографами-книжниками в XVII в., послужила началом формирования просветительских традиций. Постепенно все больше места в духовной культуре начинают занимать проявления светской культуры. В этих условиях закладываются корни будущей вятской журналистики. Деятельность церкви активизировала культурное развитие в крае, стимулировала просвещение.

Культурные и литературные традиции, сложившиеся к концу XVIII в., получают развитие в начале XIX в. Значительно способствовала этому централизованная система учебных заведений, охватившая все сословия и сыгравшая роль не только в расширении образованной аудитории, но и в развитии литературного процесса, становлению книжного дела в крае. Экономическое же развитие в регионе создало базу для реализации культурных потребностей населения.

Вятская журналистика берет начало в первой половине XIX в. и связана с появлением первого рукописного периодического журнала «Хлыновский наблюдатель» (1826 г.). «Хлыновский наблюдатель», принадлежащий к сатирическому направлению российской журналистики, соединил два начала провинциальной печати: на местном материале столичный издатель (П. Яковлев) выработал первый опыт самостоятельного издания. Этот опыт, обогащенный, продолжился затем в «Вятской незабудке» (1877–1878 гг., издатель — Ф. Павленков), ставшей образцом неофициальной местной печати и публицистики. И «Наблюдатель», и (особенно) «Незабудка» явились практическим воплощением нарожда-

ющейся оппозиционности в вятской журналистике.

Собственно же периодическая печать в крае начинается с губернских ведомостей (1838 г.), которые послужили точкой отсчета в формировании региональной печати как системы. «Вятские губернские ведомости» (1838–1917 гг.), имея статус официального органа, представляют собой большое явление в истории местной журналистики. Их ценность выражается, во-первых, в самом факте появления местного регулярного периодического издания, во-вторых, в формировании собственной читательской аудитории, в-третьих, в становлении местного корпуса профессиональных работников печати и, наконец, в практической выработке модели местного периодического органа со своей проблематикой, программой, жанровой структурой и т.д. Родившиеся в первую очередь в силу управленческих интересов разросшегося государственного аппарата, губернские ведомости в то же время были порождением культурных и хозяйственных запросов развивающегося общества. Надо также подчеркнуть, что губернские ведомости были своего рода центром местной культуры.

Периодическая печать Вятской губернии начинает активно функционировать во второй половине XIX в., а именно в 1890-е гг., когда начался бурный рост экономики, укрепивший капитализацию производства, что в свою очередь усилило потребность в оперативной политической и экономической информации, регулярной публичной отчетности и т.д. Вызванный общим экономическим, политическим и культурным развитием пореформенной России, появлением большой прослойки местной разночинной интеллигенции, рост провинциальной печати сказался как на количественных, так и на качественных ее изменениях.

Новую типологию в истории губернской журналистики открыли частные газеты общественно-политического направления, с которыми связаны демократические устремления журналистики. Первым относительно независимым органом в крае стала газета «Вятский край» (1895–1898 гг.). Придерживаясь либерально-демократических взглядов, журналисты этого издания отстаивали прогрессивные принципы общественно-политического устройства, убедительно выражали интересы народа. Большую роль «Вятский край» сыграл в победе демократических сил в известном «Мултанском деле». Именно в частной газете начинает проявляться яркий талант таких публицистов, как А. Баранов, М. Бородин, П. Голубев и др. Их выступления в печати привлекают внимание не только выразительной стилистикой, но и глубоким анализом событий, мастерством подачи материалов.

Закономерным, в то же время неординарным явлением в вятской и российской журналистике вообще было издание первой в России крестьянской «Вятской газеты» (1894–1907 гг.), органа губернско-

го земства. Адресованная широким слоям населения и издаваемая при активном участии грамотных крестьян, газета широко пропагандировала сельскохозяйственный опыт, нововведения в отрасли, являлась активным проводником просвещения в деревне. Разнообразность тематики, направленность на разрешение практических нужд читателей, постоянное улучшение качества издания путем оформительских и содержательных форм делают «Вятскую газету» образцом провинциальной журналистики того периода. Нужно отметить такую роль, как вовлечение в журналистский процесс нового социального слоя — крестьянства. В системе российской прессы издания земцев представляют собой вид печати, выпускаемый на народные средства и существующий ради выполнения общественных целей.

Большое значение для развития журналистики и литературы имели процесс демократизации читателя, повышение его культурного уровня, грамотности. Так, только в Вятке в 1897 г. грамотных мужчин уже было 67 процентов, среди женщин — 52 процента. Печатное слово сделало насущной необходимостью распространение грамотности, что вызвало огромный скачок в образовании и изменило социальную структуру общества. Чем ближе к XX в., тем роль печати становится значительнее. Повышается ее значение как средства формирования общественного мнения. В начале XX в. эта функция проявляется уже и как орудие политической борьбы. Это наглядно проявилось в годы первой русской революции 1905–1907 гг. Просветительская миссия стала активнее выявляться в развитии политической культуры общества в ее позитивных и негативных проявлениях.

Русская революция дала мощный импульс к возникновению печати национальных меньшинств. В Вятском крае это выразилось в появлении удмуртской национальной печати. В это время активно формируется национальная творческая прослойка, проявившая себя в просветительстве родного народа. Национальные просветители (Г. Верещагин, И. Михеев, И. Яковлев) свои усилия направляли не только на распространение элементарной грамотности среди соплеменников, но и на формирование общей национальной культуры, литературы и печати, на пробуждение национального достоинства и самосознания. Появляются издания на удмуртском языке в виде переводной литературы (прокламации и т.п.), календарей, учебников, что послужило важной основой для возникновения затем национальной периодики. С возникновением удмуртской печати начинается и национальный литературный процесс. В данном случае просветительская миссия национальной печати и литературы ярко проявилась в развитии этнической культуры.

В числе освещаемых в печати явлений общественной жизни большое место заняли вопросы

художественной литературы и искусства. Периодические издания не только публиковали произведения, близкие им в идейно-эстетическом отношении, но и активно стимулировали литературный творческий процесс, «взращивали» и консолидировали литературные силы, ориентировали их в определенном направлении. «Литературный пласт» вятской прессы стал занимать в духовной жизни народных масс одно из ведущих мест.

Литературная жизнь края, представленная в разных жанрах, связана практически со всеми вятскими периодическими изданиями. Она включала в себя творческую деятельность местных и ссыльных писателей и журналистов, связи Вятской губернии с русской литературой, интерес к крупным литературным событиям России и Запада. Значение периодической печати в развитии культуры, литературного процесса огромно. Велико ее значение в формировании читательской аудитории, ее просвещения, развитии ее художественного творчества, выдвижении из среды новых литераторов и публицистов, авторов произведений, способствовавших становлению и развитию литературного процесса в Вятской губернии.

На высоком уровне в губернии была поставлена книгоиздательская деятельность. Особенно это касается «Вятского книгоиздательского товарищества». Им было выпущено большое количество популярных дешевых книг на разные темы, которые проникали во все слои общества. Проводилась издательская деятельность и в уездах. Своеобразный центр книжной культуры был в селе Старая Тушка Малмыжского уезда. Там крестьянин-самоучка Л. Гребнев более полувека собирал старинные рукописи и книги, в своей сельской типографии напечатал около 50 изданий.

К середине XIX в. в России книга приобрела исключительное влияние на общественные настроения, составила серьезную конкуренцию периодическим изданиям. Усилению роли и значения книги способствовало несколько обстоятельств, главное из которых — появление массового читателя, для которого чтение становится необходимой жизненной потребностью.

Изменилось и само отношение к чтению, которое стало помощником в выборе жизненного пути и инструкцией в повседневной практике. С повышением уровня образования населения чтение входило в образ жизни все более широких слоев населения. Важную роль в этом начинают играть библиотеки как очаги культуры и книжности. В 1870-е гг. оформились три главных направления в тематике книжных изданий для народа: революционно-демократическое, просветительское и охранительное. Яркой страницей просветительского книгоиздательства служит деятельность Ф. Павленкова, сосланного в Вятку в 1869 г. Усиливается профессионализация литературы, которая была тесно связана с ее журнализацией. Сильно возрастает общественная роль

писателей и журналистов. По свидетельству Н. Шелгунова, «... никогда, ни раньше, ни после, писатель не занимал у нас в России такого почетного места», «он стал общественным учителем, воспитателем и пророком» [5, 113–114].

Вятская губерния была одной из самых «книжных» и во многом превосходила другие по уровню грамотности и числу типографий и библиотек. Огромную просветительскую работу здесь проводило земство, отличавшееся своим демократизмом и «мужицким» характером деятельности.

К началу XX в. местная печать Вятской губернии, формирование которой шло в русле общественно-экономических законов развития России, сложилась в целостную систему. Она заняла в жизни края заметное место, стала значительным фактом общественно-политической, культурной и литературной жизни. Сложилась относительно широкая читательская аудитория из местной интеллигенции, городского и сельского населения. Появилась собственная сеть корреспондентов.

Определяющими уровень и влияние вятской журналистики стали просветительское и демократическое направление, обращение к широким слоям населения, к крестьянству, что позволяло не только расширять умственный кругозор своих читателей и обогащать их разнообразными сведениями из различных наук и литератур, но и внушать им прогрессивные идеи, воспитывать в них гражданские чувства, формировать их патриотическое сознание. Вообще, провинциальная пресса выступала основным инструментом проводника идей в народные массы, важным средством в формировании культурных, социальных, политических символов, что дает право говорить о региональных изданиях как уникальных в процессе влияния на общественное мнение российской провинции. Местные газеты были ближе к народу, реально учитывали его запросы и уровень культурного развития. Просветительская нацеленность провинциальной интеллигенции, стремление не изолироваться в своем социальном кругу, а активно служить народу знаниями диктовали методы работы организаторам печати, активным ее корреспондентам. Отсюда — пристальное внимание к местным вопросам, к местному населению, вообще усиление регионального фактора в журналистском творческом процессе. Общие задачи консолидируют образованных людей, этому благоприятствуют и повсеместно создаваемые в губернских центрах ученые общества, статистические комитеты, земства, которые выполняли, кроме прямых обязанностей, краеведческие и издательские функции.

Вятская печать подверглась определенному влиянию со стороны центра и его прессы. Благодаря участию местных журналистов в столичных изданиях и наоборот, а также распространению периодики сто-

лиц в губернии и частично губернской в центральные города происходит их взаимопроникновение. Вырабатывается, таким образом, общая функционирующая система российской журналистики.

Надо отметить, провинциальная пресса находилась под двойным гнетом — со стороны столичной и местной администраций. В. Короленко, знаток местной печати, верно заметил, что «высшая администрация... смотрела на провинциальную газету как на праздную затею, совершенно излишнюю и, пожалуй, вредную, причиняющую... беспокойства цензурному ведомству» [6, 15]. Тем не менее и в этих условиях пресса провинции, особенно демократическая ее часть, проявила себя активным выразителем насущных потребностей времени, во многих отношениях показала себя на высоком профессиональном уровне. Поступательное развитие журналистики и литературы российских регионов стало очевидным. Журналистский и литературный процесс в провинции, как весеннее дерево, быстро набирался живительными соками умственных исканий, наполнялся «почками» здоровых практических дел, распускал «ветви» многочисленных начинаний.

Анализ дореволюционной печати Вятской губернии показывает, что ее развитие происходит адекватно развитию экономического и культурного уровня края, общественно-творческого потенциала населе-

ния. Являясь летописцем происходящих событий, местная пресса отразила всю совокупность реалий того времени. В этом она, как исторический материал, представляет большую ценность, содержательный, а подчас наиболее объективный «банк данных» по многим отраслям науки: истории, политологии, культурологии, этнографии, социологии и т.д. Обращение современников к этому «банку данных», в целом просветительскому опыту предшественников и использование его в сегодняшней практике есть проявление преемственности и залог успешного будущего российской журналистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социология журналистики: учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. С. Г. Корконосенко. — М.: Аспект Пресс 2004. — 316 с.
2. Журналистика. Общество. Ценности / ред.-сост. В. А. Сидоров. — СПб., 2013.
3. Деловой вторник. — 2008. — 22 апр.
4. Актуальные проблемы просветительства в современной России // Неправительственные некоммерческие организации и общественное просветительское движение России: История. Опыт. Перспективы. Ч. 3. — М., 2008.
5. Шелгунов Н. В. Воспоминания / Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. — М., 1967. — Т. 1.
6. Сб. в память А. С. Гациского. — Н. Новгород, 1897.

*Удмуртский государственный университет
Вахрушев А. А., доктор филологических наук, профессор
кафедры журналистики
E-mail: narezka@mail.ru*

*Udmurt State University
Vakhrushev A. A., Doctor of Philology, Professor of the
Journalism Department
E-mail: narezka@mail.ru*

ГОТИЧЕСКИЕ МЕДИА В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ: МЕДИАСТРАХИ КАК ОТРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «TERROR» И «HORROR»

С. А. Гладков

Челябинский государственный университет

Поступила в редакцию 19 мая 2022 г.

Аннотация: статья посвящена использованию элементов готической поэтики в медиадискурсе. На примере продуктов телевизионной журналистики исследуется то, каким образом готическая поэтика помогает репрезентовать медиастрахи, ставшие неизменной составляющей информационной картины мира. На основе социокультурного анализа явлений медиасферы, а также поэтологического анализа вскрывается механизм репрезентации, который четко привязан к разновидности медиастрахов, а также коррелирует с давним типологическим разделением готических конвенций на два подвида: «terror» и «horror». Данное разделение позволяет нам разграничить готические медиа по способу репрезентации медиастрахов. Выводы, сделанные в статье, уточняют сами понятия «готические медиа» и «медиастрахи», попутно связывая их с культурным наследием медиасферы.

Ключевые слова: медиастрахи, готические медиа, terror, horror, тележурналистика, готическая поэтика, медиасфера.

Abstract: the article is devoted to the use of elements of Gothic poetics in media discourse. Using the products of Russian television journalism as an example, the article examines how Gothic poetics helps to represent media fears that have become an invariable component of the information picture of the world. Based on the socio-cultural analysis of the phenomena of the media sphere, as well as poetological analysis, the mechanism of representation is revealed, which is clearly tied to the variety of media fears, and also correlates with the long-standing typological division of Gothic conventions into two subspecies «terror» and «horror». This division allows us to distinguish between gothic media on television according to the way media fears are represented. The conclusions made in the article make it possible to clarify the very concepts of «Gothic media» and «media fears», simultaneously linking them with the cultural heritage of the media sphere.

Keywords: media fears, gothic media, terror, horror, TV journalism, gothic poetics, media sphere.

Что такое готические медиа? Слово сочетание «готические медиа» вызывает сложности по части его однозначного определения. С одной стороны, мы говорим о канале коммуникации, информационное сообщение по которому адресовано массовой аудитории. Если следовать универсальному и всеобъемлющему определению «медиа» в понимании М. Маклюэна, как это удалось концепировать В. Чумаковой, то под этим понятием имеем в виду «любой искусственно созданный человеком объект, обладающий вербальной структурой и служащий посредником между внутренним миром человека и внешним миром» [1, 37–38]. То есть сюда можно отнести все, что так или иначе перерабатывает, осмысливает человеческий опыт и выступает в качестве посредника его передачи — книги, фильмы, электронные и печатные СМИ, музыка, реклама и т.д. С другой — слово «готические» отсылает нас к определенной культурной парадигме, прежде всего связанной с поэтикой возвышенного, готического в понимании позднепросветительских эстетических флуктуаций Нового времени. Зародившись в конце XVIII в. — на-

чале XIX в., наиболее полно и успешно реализовавшись в литературном творчестве европейских авторов, готическая поэтика заметно трансформировалась на протяжении последних двух столетий, однако сохранила свои ключевые архетипические конвенции. Возможно именно поэтому, благодаря этой разновекторности словосочетания, понимание и определение готических медиа в наши дни наиболее размыто. Самое общее определение, которое можно дать: это медиа, включающие в себя ключевые элементы готической поэтики — хронотоп, повествовательные приемы и особую систему образов. Причем речь идет не просто о случайных вкраплениях этой поэтики, а некоей ее основательной укорененности, заключающейся в присутствии как минимум двух из трех указанных элементов.

Какая есть типология готических медиа сегодня? Сам термин «готические медиа» впервые появился в коллективной монографии Д. Пантера (1980) «Литература ужаса» [2]. С того же момента термин стал активно разрабатываться другими зарубежными литературоведами. В частности термин «готические медиа» используется К. Гелдер [3], Х. Уитли [4], Дж. Тайбетс [5], Д. Раунд [6]. Данное направ-

ление авторов до сих пор типологически разделяют готические медиа преимущественно по каналу коммуникации. Таким образом, выделяются:

— готические фильмы («Психо» (1960) А. Хичкока, «Ребенок Розмари» (1968) Р. Полански, «Изгоняющий дьявола» (1973), «Сияние» (1980) С. Кубрика, «Пятница 13-е» и «Хэллоуин», «Сердце ангела» (1986), «Молчание ягнят» (1990) Дж. Демми, «Ведьма из Блэр» (1999), «Лабиринт Фавна» (2006) Б. Дель Торро и др.);

— телевизионная готика, где все чаще проявляется игровое прочтение готической поэтики («Доктор Кто» (1970-е), «Семейка Адамс» (1964–1966), «Новая семейка Адамс» (1998–1999), «Секретные материалы» (1993–2018), «Баффи — истребительница вампиров» (1997–2003), «Настоящая кровь» (2008–2014), «Ходячие мертвецы» (2010–2022), «Декстер» (2006–2013), «Ганнибал» (2013–2015) и «Страшные сказки» (2014–2016);

— готическое направление в музыке, использующую депрессивную тональность и агрессивную ритмическую аранжировку (*Bauhaus*, *The Cure*, *Joy Division* и др.).

Лишь единичные статьи в сборниках и монографиях затрагивают репрезентацию готической традиции в медиaprостранстве информационных СМИ. Например, по мнению Дж. Уиттакера, интернет-ресурсы с готической составляющей — это особое пространство для возвращения репрессированных страхов (страхи сверхъестественного, страсти, вины, сексуальности, научные технологии и пр.) через технологические электронные средства выражения, начиная с иконок пользователей на страницах в социальных сетях и заканчивая графическими визуализациями катастроф или преступлений массового характера [7].

Почему такая типология не идеальна? Потому что она не отражает реалии информационной картины мира. С конца 60-х годов XX в. мы живем в пространстве информационной инфляции. Суть ее очень точно описал С. Таченов: «Если лет 20 назад человек мог годами гоняться за какой-нибудь редкой книгой и, наконец достав ее, прочитал бы все до буквы, а может даже и переписать бы не поленился, то сейчас, когда эту книгу можно скачать в 20 разных местах, он, может, и читать-то ее не станет» [8]. Причина такого обесценивания информации заключается в ее доступности и тиражируемости, что приводит к переориентации на сегментированные потоки новостной ленты вместо высоких жанров. Наше мироощущение все больше и больше определяют не столько художественные произведения массового потребления (кино, сериалы, книги и прочее), сколько сама медиакартинка мира, создаваемая СМИ, с которой мы сталкиваемся каждый день, а порой и по нескольку раз за день. И здесь уже вопрос не в том, где готическая поэтика реализуется (она в той или иной степени присутствует везде, а значит, канал коммуникации

перестает быть определяющим), а как и за счет чего это делается. И вот здесь мы вплотную приходим к термину «медиастрахи».

Что такое медиастрахи и почему они значимы? Термин «медиастрахи» уже укоренился в научном дискурсе. Например, М. Желтухина выделяет в своих работах социальные, политические, экономические, бытовые, деловые, педагогические медиастрахи [9]. Именно медиа формируют и культивируют медиастрахи как инструмент влияния, как способ удержания внимания аудитории, поскольку, например, страх смерти и угроза смерти является самым сильным источником нашего беспокойства, а значит, с большей вероятностью будет стимулировать просмотры.

Чаще всего наши страхи основаны на нашем личном опыте, на рассказах других людей. Однако в ситуации информационной инфляции страхи чаще всего приходят из медиа, они формируют эти страхи совершенно разными путями. Есть лишь одно общее — это страхи, навязанные и культивируемые самими медиа (а потому они лишь косвенно соприкасаются с нашим личным опытом). Что сильнее — страх упасть с высоты или страх смертельно опасной эпидемии? Что страшнее — потеряться в чужом городе или оказаться в эмигрантском квартале выходцев из азиатских стран? Еще лет 30 назад первая составляющая этих антиномий бы перевешивала, сейчас — вряд ли. Именно поэтому медиастрахи обретают свою силу. Чем больше мы погружены в медиа, тем сильнее наши медиастрахи. Другими словами, под медиастрахи мы понимаем опасения, продуцируемые самой медиасферой, то есть контентом, который она сама производит (сами медиатехнологии или темы/образы/идеи, сформированные медиасферой). Благодаря данному пониманию «готические медиа» можно определить как совокупность медиапродуктов, чья структурно-стилистическая и содержательная сторона подчинена репрезентации медиастрахов с помощью элементов готической поэтики.

Какими способами реализуются медиастрахи? Готические медиа существуют за счет эксплуатации медиастрахов с использованием готической поэтики (хронотоп, повествовательная техника, система образов). Причем эту эксплуатацию подстегивают сами потребители информации, поскольку в этом случае срабатывает очень важный психологический момент: чем больше и чаще мы сталкиваемся со страхом, тем более устойчивы к нему становимся. Во-вторых, потребители медиаконтента обращают, прежде всего, внимание на страшные новости, на пугающие и ужасающие подробности, а не на позитивную информацию. Потому что подсознательно наш мозг считывает все это как предупреждение, как возможность уберечь себя от чего-то опасного. И в этом ключе у готических медиа есть два пути репрезентации медиастрахов: 1) прямое и подробное описание

того, что вызывает страх (например, жуткие кадры с мест преступлений активизируют страх ухудшения криминогенной обстановки); 2) суггестивная реализация страшного через намеки, саспенс, создание ощущения тревоги (конспирологические теории, присутствие иррационального, непознаваемые механизмы в психике человека и пр.).

Есть ли такому разделению объяснение? В нашей попытке поместить медиастрахи в какую-то рациональную систему координат мы логично приходим к литературоведческой теории разделения готической прозы на *horror* и *terror*. Можно, конечно, вспомнить З. Фрейда с его идеей отражения бессознательного страха перед смертью и утратой самости в литературных образах двойника, робота и т.д. [10]. Однако гораздо более уместна в интерпретационном и типологическом аспекте статья английской писательницы, классика сентиментальной линии готического романа А. Радклифф «О сверхъестественном в поэзии» [11]. В ней она довольно подробно анализирует два вида страха в «готической» литературе — страх-отвращение (*horror*) и страх-притяжение (*terror*). Разница между ними — это различие между смутным предчувствием и его чудовищным и злодейским воплощением. Если *terror* создает атмосферу, которая «одновременно культивирует ощущение мрачности происходящего, или меланхолии, или возвышенного и приводит к наивысшей форме любопытства и волнующему трепету» [11, 148], то *horror* — это «ужас от созерцания страшных и отвратительных физических предметов» [12, 316]. Следовательно, если страх-отвращение принадлежит сугубо разделу физиологии, пугающей своей реалистичностью, то страх-притяжение — скорее к эстетическому восприятию как результату авторского мастерства.

Как в готических медиа реализуется разделение на хоррор и террор? Легче всего отследить типологическое деление реализации медиастрахов с помощью готической поэтики на примере телевизионного контента. Это объясняется высокой степенью визуализации, а значит, особого воздействия через главный канал восприятия человеком окружающего мира, ведь «около 80% информации человек получает именно посредством зрения» [13, 181].

HORROR MEDIA

Среди широкого спектра программ на современном российском телевидении можно выделить целый пласт медиапродукции, которая формирует медиастрахи с помощью готической поэтики, соотносимой с категорией *horror*. Речь идет о реализации медиастраха роста преступности в стране и социальной напряженности в следующих готических медиапродуктах:

1. Документально-художественные программы криминальной тематики. Например, циклы передач

«Следствие вели...» с Леонидом Каневским на НТВ [14], «Вне закона» на Пятом канале [15] и др. Ключевыми элементами готической поэтики, участвующими в реализации медиастрахов, здесь становятся описание физической смерти в ее мельчайших деталях: журналисты и ведущие не только подробно описывают обстоятельства гибели человека, но с актерской выверенностью воспроизводят ее на экране. Особая драматургичность, отсылающая к театральной машинерии готических романов конца XVIII в. — начала XIX в., подкрепляется готически маркированным образом одержимого злодея — серийного убийцы, который, как и злодей в классический период развития литературной готики, в финале оказывается свергнут, пойман и наказан. По словам К. Пикарт, «перманентное увлечение серийным убийцей, как в голливудских фильмах, так и в криминальных расследованиях, указывает на появление “готической криминологии” с ее акцентом на такие темы, как жажда крови, принуждение, божественная месть, сила и господство» [16, 39]. Образ серийного убийцы становится характерной приметой телевизионной хоррор-готики.

2. Документальные проекты на ТВ, посвященные социально неблагополучным периодам, моментам истории, локациям российского государства — проект «Девяностые» на ТВЦ [17], документальный фильм «Самая страшная тюрьма России» компании BBC [18] и др. Например, все девять серий телевизионного проекта «Девяностые» на ТВЦ посвящены одной из ключевых примет 90-х гг., вызывающих эмоции и страха, и отторжения, на уровне физическом. Так, одна из серий посвящена криминальным разборкам и переделе рынка в сфере ритуальных услуг: человеческая жизнь становилось разменной монетой в борьбе за место на кладбище и право быть там погребенным. Ключевым медиастрахом становится опасение роста криминала и беззакония, а готическая поэтика хоррора подкрепляется готической локацией кладбищ, мрачной эстетикой салонов ритуальных услуг, и, самое главное, фотографиями и видео результатами криминальных разборок — изуродованные тела, плачущие жертвы, много крови, слез, ощущение надвигающейся опасности от рук бандитского сообщества и неминуемой гибели.

TERROR MEDIA

Довольно много медиапродуктов на российском телевидении эксплуатируют готическую поэтику для репрезентации медиастрахов в том числе с позиции *terror*-конценций. И здесь на первое место выходит уже не ужасающая телесность и физиологичность страха, а его неотвратимое приближение, эмоциональное восприятие пугающего, суггестивность и саспенс. Вот лишь несколько примеров того, как *terror*-поэтика помогает СМИ реализовать медиастрах непознаваемости реальных механизмов раз-

вития человечества и социума, необъяснимости законов его функционирования:

1. Мистические реалити-шоу, например, «Битва экстрасенсов» на ТНТ [19], «Сверхъестественное» на «Пятнице» [20], «Черно-белое» на Первом канале [21] и др. Поскольку саспенс напрямую связан с повествовательной техникой готической поэтики, мы можем часто увидеть в таких программах страх перед иррациональным (и участники, и герои боятся некоего потустороннего присутствия, которое является загадкой). Саспенс обеспечивается и визуально-художественной составляющей — затемненная студия, звуки учащенного сердцебиения, преобладающий черный цвет в одежде. Герои мистических реалити-шоу живут предчувствием и ожиданием чего-то загадочного и непонятного, что может изменить естественный ход вещей либо пролить свет на тайну, которая стала отправной точкой сюжета программы. Здесь же появляется еще один важный художественный элемент суггестии — игровой момент, элемент соревновательности, который добавляет напряжения происходящему, как и положено в *terror*-поэтике в сочетании с постмодернистским влиянием.

2. Документальные сериалы о таинственном и малоизученном (например, «Мистические истории» на ТВ3 с В. Вержбицким [22], «Тайны Чапман» на РенТВ [23], «X-версии. Громкие дела» на ТВ3 и др.). Ключевой медиастрах, который паразитирует на наших опасениях неизвестности в любой сфере, будь то политика, наука, повседневная жизнь, сочетается с системой традиционных готических антиномий «там/здесь», «свой/чужой» и т.д.: в случае, например, с «Мистическими историями» мы попадаем в особое пространство города или места действия, где работают другие законы, в случае с «Тайнами Чапман» есть свои люди, обычные, включенные в повседневность, а есть другие, обладающие особым знанием или состоящие в особых отношениях с окружающим миром, политическим мироустройством. Ну и, конечно, ключевым моментом программ данного типа является суггестивная стилистика. Это касается как суггестивной манеры коммуникации ведущего, когда воздействие на психику человека связано «со снижением критичности при восприятии сообщения, когда не происходит ни анализа, ни оценки побуждений к определенным действиям» [24, 48–49], когда убеждения формируются у зрителя без опоры на факты, так и суггестивной атмосферы — соответствующая музыка, видеоряд и компьютерная графика, направленные на создание тревожности, мнительности, скепсиса.

Итак, медиастрахи формируют нашу информационную повестку благодаря готическим медиа. С одной стороны, медиа используют притягательность медиастрахов, чтобы поднять свои рейтинги.

С другой стороны, это и определенная нейтрализация медиастрахов, так как частый их просмотр выработывает психологическую резистентность у зрителя. Типологическое разделение готических медиа на *horror*- и *terror*-поэтику объясняется разными типами медиастрахов. К *horror*-медиа можно отнести медиастрахи, связанные с непосредственной угрозой жизни и здоровью людей, к *terror*-медиа — медиастрахи, порождаемые непознаваемостью основ бытия, социума, общественно-политического устройства и т.д. Стоит добавить, что игровая нивелировка медиастрахов порой снижает остроту их реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чумакова В. П. Концепция Герберта Маршалла Маключэна: медиа в социокультурной динамике: дис. ... канд. филол. наук / В. П. Чумакова. — М., 2015.
2. The Literature of Terror: A History of Gothic Fictions from 1765 to the Present Day / ed. David Punter. — London, 1980.
3. Gelder K. New Vampire Cinema / K. Gelder. — London: British Film Institute, 2012.
4. Wheatley H. Gothic television / H. Wheatley. — Manchester: Manchester University Press, 2007.
5. Tibbetts J. C. The Gothic Imagination: Conversation of Fantasy, Horror, and Science Fiction in the Media / J. C. Tibbetts. — New York: Netsource Dist Services, 2011.
6. Round J. Gothic in Comics and Graphic Novels: A Critical Approach / J. Round. — Jefferson, NC: McFarland & Company, 2014.
7. Wittaker J. Gothic and New Media / J. Wittaker // The Routledge Companion to Gothic / ed. C. Spooner, E. McEvoy. — L.; N.-Y.: Routledge, 2007. — P. 270–279.
8. Таченов С. Информационная инфляция / С. Таченов // Аяо «Alqualos» Kuroyuki's Journal. — Режим доступа: <https://ayao.livejournal.com/214713.html> (дата обращения: 20.02.2022).
9. Желтухина М. Р. Культивирование политических медиастрахов: мифы и реальность / М. Р. Желтухина // Наука телевидения. — 2015. — № 11. — С. 27–47.
10. Фрейд З. Художник и фантазирование / З. Фрейд; пер. с нем. К. М. Долгова. — М., 1995.
11. Radcliffe A. On supernatural in poetry / A. Radcliffe // The New Monthly Magazine and Literary Journal. — 1826. — Vol 16. — № 1. — P. 145–152.
12. Вацуро В. Э. Готический роман в России / В. Э. Вацуро. — М.: Новое литературное обозрение, 2002.
13. Вольфсон Ю. Р. Визуальное восприятие в современном обществе, или Куда движется галактика Гуттенберга? / Ю. Р. Вольфсон, А. Е. Вольчина // Современные исследования социальных проблем. — 2015. — № 4 (48). — С. 177–189.
14. Следствие вели... с Леонидом Каневским. — Режим доступа: <https://rutube.ru/plst/25174/> (дата обращения: 15.03.2022).
15. Вне закона. Реальные расследования (Пятый канал). — Режим доступа: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLxFm3pb0IEIwNHgGizL4bc8nsGEVtEiFF> (дата обращения: 16.03.2022).

16. Picart C. J. The Compulsion of Real/Reel Serial Killers and Vampires: Toward A Gothic Criminology / C. J. Picart // Journal of Criminal Justice and Popular Culture. — 2003. — № 10 (1). — P. 227–255.

17. Девяностые. — Режим доступа: <https://rutube.ru/metainfo/tv/24364/> (дата обращения: 16.03.2022).

18. Самая страшная тюрьма России. Документальный фильм ВВС. Шокирующие подробности обитания. — Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=B1risvimnrc&t=12s> (дата обращения: 12.03.2022).

19. Битва экстрасенсов: [официальная страница на RuTube]. — Режим доступа: <https://rutube.ru/metainfo/tv/36/?ysclid=I0ub1pw5i8> (дата обращения: 12.03.2022).

20. Сверхъестественные: [страница на интернет-

платформе IVI.ru]. — Режим доступа: <https://www.ivi.ru/watch/sverhestestvennyie> (дата обращения: 12.03.2022).

21. Черно-белое: [страница на интернет-платформе IVI.ru]. — Режим доступа: https://www.ivi.ru/watch/white-black?utm_source=yandex&utm_medium=wizard (дата обращения: 05.03.2022).

22. Мистические истории: [официальный сайт телеканал ТВ3]. — Режим доступа: <https://tv3.show/misticheskie-istorii/1> (дата обращения: 08.03.2022).

23. Тайны Чапман: [страница на интернет-платформе More.tv]. — Режим доступа: https://more.tv/tainy_chapman (дата обращения: 08.03.2022).

24. Дедов А. Н. Технологии телевизионной журналистики / А. Н. Дедов. — Курган, 2017.

Челябинский государственный университет

Гладков С. А., старший преподаватель кафедры журналистики и массовых коммуникаций

E-mail: Stanislav-sky@yandex.ru

Chelyabinsk State University

Gladkov S. A., Senior Lecturer of the Journalism and Mass Communications Department

E-mail: Stanislav-sky@yandex.ru

ЖАНРЫ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Н. Н. Гордиенко

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

Поступила в редакцию 7 февраля 2022 г.

Аннотация: в статье анализируются публикации культурно-просветительской тематики в общественно-политических еженедельниках «Российская газета — Неделя» и «Аргументы и факты», выявляется их жанровая природа. Изучаются как отдельные публикации о культуре, так и тексты специальных рубрик.

Ключевые слова: культурно-просветительская журналистика, просвещение, жанры, пресса, еженедельник.

Abstract: the article analyzes publications on cultural and educational topics in the socio-political weekly newspapers "Rossiyskaya Gazeta — Nedelya" and "Argumenty i Fakty", determines their genre. Both individual publications about culture and texts of special headings are studied.

Keywords: cultural and educational journalism, education, genres, press, weekly newspaper.

Основу культурно-просветительской журналистики составляют журналистские публикации, посвященные театру, кино, литературе, музыке, живописи — явлениям культурной жизни. Предметом отображения в них становятся события, факты, реалии, ставшие результатом творческой деятельности людей, а также сами творческие личности. Вслед за С. Суворовой под просвещением мы понимаем «деятельность, связанную с расширением кругозора людей, с распространением знаний, норм, ценностей, воплощенных в произведениях духовного творчества» [1, 11]. Журналистов, работающих в «культурном пространстве», характеризуют как специалистов с широким кругозором и глубокими специальными познаниями [2]. И хотя их материалы могут не сохранять «четких формальных жанровых признаков» [3, 175], мы при изучении материалов культурно-просветительской тематики в еженедельниках «Аргументы и факты» и «Российская газета — Неделя» все же придерживались основных критериальных признаков традиционных жанров. Было выявлено несколько групп, наиболее близких к жанрам аналитического интервью, обозрения, статьи, путевого очерка, репортажа, заметки, некролога. Малые по объему тексты представлены в жанровых разновидностях событийной заметки, анонса, аннотации, мини-рецензии [4].

Аналитическое интервью Т. Ткачевой «Маршал с гитарой» [5, 19] рассказывает о жизни и творчестве джазового гитариста Алексея Кузнецова в советский и постсоветский период. Материал насыщен множеством фактов. Практически любую значительную по объему журналистскую публикацию в газете сопровождает «Справка РФ». В ней перечислены важные

вехи и значимые события в жизни героя. Интервью содержит информацию не просто о великолепном мастере джазового искусства, но и о его отношении к жизни, ценностных установках, увлечениях, преодолении творческих кризисов. В материале преобладают популяризация и информирование. Язык журналистского произведения стилистически нейтрален, оценочная лексика отсутствует.

В *обзоре* «Шедевры выстроились в очередь» [6, 27] журналист Н. Соколова занимается популяризацией высоких образцов мирового искусства. В публикации о выставках произведений искусств в Москве присутствует богатая историческая канва. Информирование аудитории о мире киноиндустрии, ее достижениях, направлениях развития регулярно осуществляет кинокритик «Российской газеты» С. Альперина. Примером служит *обзор* номинаций и номинантов национальной премии в области кинематографии «Золотой орел» [7, 5]. Автор рассматривает критерии, по которым выбирали фильмы, делает прогнозы, оценивает шансы того или иного лидера в каждой номинации. Данный текст способствует популяризации кинематографа: широкая общественность информируется о лучших, по мнению экспертов, результатах творческой деятельности в этой сфере.

Целая серия материалов, вышедших в еженедельнике «Российская газета», посвящена многосерийным фильмам, которые демонстрирует отечественное телевидение. Вниманием телекритиков издания отмечены сериалы, локальные версии которых идут более чем в 10 странах мира. Отмечается тенденция экспорта российских форматов, наметившаяся еще в 2016 г. Речь идет о 48 развлекательных программах, 29 сериалах, 19 ток-шоу, 5 информационно-аналитических программах, транслируе-

мых в странах СНГ, Прибалтики, дальнего зарубежья. В материале С. Альпериной «“Мост” в будущее» [8, 4] представлен обзор отечественных сериалов, которые будет демонстрировать так называемая большая тройка российских каналов. Превентивное сообщение о событиях, которые еще не стали достоянием общественности, но уже либо вышли, либо запланированы и выйдут, имеет цель сориентировать аудиторию, подготовить к моменту ознакомления с ними, заинтересовать ту ее часть, которой созвучны темы, поднимаемые в картинах, и она не хотела бы пропустить данное информационное явление — выход телесериала на экраны.

Статья Л. Безруковой «Возвращение святого Исаакия» [9, 9] имеет подзаголовок «Был храм. Был музей. Будет и храм, и музей». В нем автор в нейтральном ключе рассматривает вопрос передачи Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге в ведение церкви. Вокруг этого процесса велась оживленная общественная дискуссия. С целью прояснить ситуацию, растолковать широкой общественности правила и порядок доступа к культурному наследию автор повествует о том, как попасть на экскурсию в Исаакий, чем она будет интересна, какова ее стоимость, каков штат музейных работников, каково тематическое разнообразие экскурсионных маршрутов. Материал сопровождает справочная информация «К истории вопроса», где проясняются факты строительства собора: кто осуществлял строительство, какова площадь постройки, кто расписывал, чем ценен, уникален (входит в список наследия Всемирной организации ЮНЕСКО). Автор данного обширного материала проделал колоссальную работу и собрал важные факты, направленные на просвещение аудитории.

Некоторые материалы еженедельника «Российская газета — Неделя», представленные в жанре *путевого очерка*, смело можно отнести к культурно-просветительским в силу ряда причин. Они несут знания о регионе, который посещает журналист, знакомят с культурой, бытом, традициями, сообщают нормативы, содержат нравственные ориентиры. Примером подобного путевого очерка служит публикация Ю. Снегирева «Сказки седого Плеса» [10, 10–11] — о рождественской поездке автора в небольшой городок в Ивановской области, о стоимости проживания в гостевых домах, повествует о хозяйке одного из таких домов, подрабатывающей экскурсоводом. Очерк пронизан тонким, бережным отношением к русской культуре. Детали быта, русской кухни, традиций гостеприимства создают атмосферу уникального заповедного края.

История и традиции народной культуры в полноте красок раскрываются в материале Е. Шулеповой «Ниточка за иголкой» [11, 20], повествующем о технике игольной ручной вышивки «Кадомский вениз».

В издании «Российская газета — Неделя» имеется специальная рубрика, посвященная русской литературе. Она носит название «Календарь поэзии». Ведущий рубрики Д. Шеваров, как правило, обращается к юбилейным датам. Среди жанровых форм в этой рубрике предпочтение отдано *статьям*, но встречаются и нетипичные жанры, как, к примеру, *репортаж* «Удрать в Болдино» [12, 22–23], в котором автор рассказывает о поездке в одно из любимых Пушкиным мест. Из номера в номер ведущий рубрики прививает читателям любовь к поэтическому творчеству, умение видеть тонкие грани поэзии, открывать новые страницы в биографии известных авторов, находить новые имена в поэзии.

В каждом номере еженедельника «Аргументы и факты» присутствуют материалы, затрагивающие вопросы культуры в просветительском контексте. Публикации на тему культуры появляются под рубриками «Судьбы», «Личность», «Звездный след», «Свободное время». Здесь преобладают аналитические интервью с календарной актуальностью. Например, в публикации Ю. Шигаревой «Нам мудрости хватит» [13, 3] представлено юбилейное интервью с В. Хотиненко. Журналист выстраивает вопросы таким образом, чтобы представить читателю жизненные принципы известной личности.

Проблема исторических традиций, наследия культуры прошлых веков ставится в материале Ю. Тутиной «Божественный свет русской души» (рубрика «Личность»). В нем автор беседует с пресс-секретарем патриарха, который считает, что «у страны есть всё для духовного развития» [14, 3]. Нравственные ориентиры и культурные скрепы расставляет в своих вопросах автор материала, а собеседник развивает предложенные журналистом тезисы. Это рассуждения о добре, о традициях народа, о готовности человека к смерти, к тому, чтобы «пострадать за Христа». Разговор о культуре переходит в религиозно-философскую плоскость. Материал затрагивает несколько тематических граней.

Глубокое по содержанию интервью Ю. Шигаревой с кинорежиссером, президентом кинофорума «Золотой Витязь» Н. Бурляевым также содержит просветительские идеи нескольких направлений: области культуры и культурной политики, духовно-нравственных категорий, морально-этических норм. Герой считает, что подлинная культура находится вне политики: «Задача культуры — поднимать дух нации, просветлять, гармонизировать и возвышать, задача рынка — делать деньги на всем, что приносит прибыль» [15, 15]. Он размышляет о новой культурной политике, которая должна основываться на духовно-нравственных категориях отечественной культуры, ее традиционных ценностях. В материале популяризируются духовно-нравственные доминанты и нравственные категории отечественной культуры. Аргументы, мнения и оценки прева-

лируют над фактами. Материал содержит идейные установки. В том же ключе выдержаны интервью с Э. Радзинским «Миром движут власть и деньги» [16, 17], М. Веллером «Европа убивает сама себя» [17, 16] и др.

Следует также отметить просветительские достоинства жанра *некролога*. Нетипичный, казалось бы, для просветительской журналистики жанр наполняется новым смыслом, если речь идет не просто о перечислении заслуг ушедшего из жизни деятеля культуры, если рассказ о нем облагораживает читателя, возвышает, показывает глубину человеческой личности, становится неким культурным артефактом в коллекции духовных сокровищ человечества. Как в некрологе О. Шаблинской «Я всегда оставался русским» [18, 22], написанном на смерть знаменитого оперного певца Дмитрия Хворостовского. В тексте представлена судьба талантливого человека, его мировоззрение, характер, отношение к голосу, проявления мужественности как составляющая харизмы певца.

В *некрологе* М. Мурзина «Пришлец из другой эпохи» [19, 14] сообщается об уходе из жизни актера А. Баталова. С одной стороны, материал действительно выдержан в традициях информационного жанра, с другой — в нем присутствуют элементы эссе, расширяющие границы жанровой модификации, позволяющие наполнить текст дополнительными смыслами. А. Баталов предстает как личность, щедро одаренная от природы и умело распорядившаяся полученным даром. Публикация содержит множество фактов, структурно состоит из четырех частей, каждая из которых имеет свой подзаголовок. Примечательно, что даже названия подзаголовков указывают на разные грани личности актера, его взгляды, морально-этические установки. Читатель, незнакомый с киноролями героя, по прочтении материала непременно заинтересуется его творческой биографией: настолько ярко и многосторонне представлен герой в публикации.

Материал «Но ведь я не вернусь» [20, 18], написанный М. Мурзиным к юбилею много лет назад ушедшего из жизни Роберта Рождественского, насыщен биографическими данными. В нем содержится информация о том, когда и где родился будущий поэт, как складывалась его творческая биография, мировоззрение, система ценностей. Сообщается, что поэт верил в коммунизм, его книги в советский период выходили многомиллионными тиражами. Публикацию сопровождают цитаты из песен, книг, дневников. Уникальность поэтического дара автор публикации видит в том, что Р. Рождественский умел рифмовать афоризмами, лозунгами. Подводя итог своим размышлениям, автор приходит к мысли, что наследие поэта Р. Рождественского — важная часть отечественного *культурного наследия*.

Ряд публикаций в еженедельнике «Аргументы

и факты» посвящен такому культурному явлению, как выход книги. Например, информационным поводом *заметки* «Спецназ русской классики» [21, 19] стала публикация в издательстве новой книги З. Прилепина «Взвод. Офицеры и ополченцы русской литературы». Текст сопровождается справочной информация, традиционно размещаемая в разделе «Досье». Анонсируя выход книги, автор публикации популяризирует чтение, традиции русской литературы, продолжателем которой считается современный автор Захар Прилепин.

Информационным поводом целого ряда публикаций просветительского характера является выход фильма. Публикация «Не стреляй!» [22, 17] посвящена выходу на экран режиссерской работы А. Пиманова. Материал сопровождается досье. В тексте фактологическая информация дополнена рассуждениями на историческую и политическую тему. Публикация Ю. Шигаревой «В жерновах истории» [23, 15] посвящена показу по телевизионному каналу сериала «Демон революции».

Анализ 50 публикаций культурно-просветительской тематики приводит к выводу, что для еженедельника «Аргументы и факты» характерны беседы о смыслах с представителями культуры: писателями, режиссерами, драматургами, актерами. В публикациях преобладает продвижение традиционных ценностей, традиционной культуры, наследия отечественной истории. Редакция гармонично сочетает все направления просветительской деятельности: информирование и популяризацию, критику и пропаганду [1, 11]. Отсутствие в общественно-политических еженедельниках жанра рецензии обусловлено спецификой типа издания. Недооцененным в просветительской журналистике остается жанр некролога. Наибольшую значимость в раскрытии общекультурной проблематики имеют аналитические интервью, в которых поднимаются глубинные вопросы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суворова С. П. Реализация просветительной функции журналистики на страницах современных общероссийских газет / С. П. Суворова // Вестник Московского университета. — Сер. 10. Журналистика. — 2006. — № 6. — С. 11–15.
2. Распопова С. С. Технология работы над культурно-просветительскими текстами / С. С. Распопова, Г. В. Лазутина. — Режим доступа: https://knigi.link/janryi-journalistiki_1292/tehnologiya-raboty-nad-kulturno-38531.html (дата обращения: 05.02.2022).
3. Саенкова-Мельникова Л. П. Жанровая трансформация в современном культурно-просветительском медиадискурсе / Л. П. Саенкова-Мельникова // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: сб. научных трудов. — Гродно: Гродненский гос. ун-т им. Янки Купалы, 2016. — С. 172–178.
4. Тертычный А. А. Жанры периодической печати / А. А. Тертычный. — М.: Аспект Пресс, 2000. — Режим до-

ступа: <http://evartist.narod.ru/text2/01.htm> (дата обращения 05.02.2022).

5. Ткачева Т. Маршал с гитарой / Т. Ткачева // Российская газета — Неделя. — 2017. — № 5. — С. 19.

6. Соколова Н. Шедевры выстроились в очередь / Н. Соколова // Российская газета — Неделя. — 2017. — № 5. — С. 27.

7. Альперина С. Золотые крылья / С. Альперина // Российская газета — Неделя. — 2017. — № 17. — С. 5.

8. Альперина С. «Мост» в будущее / С. Альперина // Российская газета — Неделя. — 2017. — № 5. — С. 4.

9. Безрукова Л. Возвращение святого Исаакия / Л. Безрукова // Российская газета — Неделя. — 2017. — № 5. — С. 9.

10. Снегирев Ю. Сказки седого Плеса / Ю. Снегирев // Российская газета — Неделя. — 2017. — № 5. — С. 10–11.

11. Шулепова Е. Ниточка за иголкой / Е. Шулепова // Российская газета — Неделя. — 2017. — № 272. — С. 20.

12. Шеваров Д. Удрать в Болдино / Д. Шеваров // Российская газета — Неделя. — 2017. — № 231. — С. 22–23.

13. Шигарева Ю. «Нам мудрости хватит» / Ю. Шигарева // Аргументы и факты. — 2017. — № 3. — С. 3.

14. Тутина Ю. «Божественный свет русской души» / Ю. Тутина // Аргументы и факты. — 2017. — № 4. — С. 3.

15. Шигарева Ю. Рубли важнее «Рублева»? / Ю. Шигарева // Аргументы и факты. — 2017. — № 32. — С. 15.

16. Шаблинская О. Миром движут власть и деньги / О. Шаблинская // Аргументы и факты. — 2017. — № 31. — С. 17.

17. Шигарева Ю. Европа убивает сама себя / Ю. Шигарева // Аргументы и факты. — 2017. — № 29. — С. 16.

18. Шаблинская О. «Я всегда оставался русским» / О. Шаблинская // Аргументы и факты. — 2017. — № 48. — С. 22.

19. Мурзин М. Пришелец из другой эпохи / М. Мурзин // Аргументы и факты. — 2017. — № 25. — С. 14.

20. Мурзин М. «Но ведь я не вернусь» / М. Мурзин // Аргументы и факты. — 2017. — № 25. — С. 18.

21. Шигарева Ю. Спецназ русской классики / Ю. Шигарева // Аргументы и факты. — 2017. — № 7. — С. 19.

22. Шигарева Ю. Не стреляй! / Ю. Шигарева // Аргументы и факты. — 2017. — № 38. — С. 17.

23. Шигарева Ю. В жерновах истории / Ю. Шигарева // Аргументы и факты. — 2017. — № 45. — С. 15.

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

Гордиенко Н. Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики

E-mail: n.gordienko@365.rsu.edu.ru

Ryazan State University named for S. Yesenin

Gordienko N. N., Candidate of Philology, Associate Professor of the Literature and Journalism Department

E-mail: n.gordienko@365.rsu.edu.ru

«НОВОЕ ИСКУССТВО» В ВОСПРИЯТИИ А. М. ГОРЬКОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ НИЖЕГОРОДСКОЙ ПРЕССЫ 1896 Г.)

М. А. Городничева

Московский международный университет

Поступила в редакцию 9 марта 2022 г.

Аннотация: цель данной статьи — анализ суждений А. М. Горького о новых течениях в искусстве конца XIX в., выявление особенностей его взглядов на предназначение культуры, содержание и форму творчества. Эмпирическим материалом послужили публикации А. М. Горького в газете «Нижегородский листок», печатавшиеся в период проведения XVI Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г.

Ключевые слова: модернизм, «новое искусство», живопись, история отечественной журналистики, художественная критика, периодическая печать, сатирическая журналистика, фельетон, А. М. Горький, М. А. Врубель.

Abstract: the purpose of this article is to analyze the judgments of A. M. Gorky on new trends in the art of the late 19th century, to identify the features of his views on the purpose of culture, the content and form of creativity. The empirical material was the publications of A. M. Gorky in the newspaper *Nizhegorodsky Listok*, published during the XVI All-Russian Industrial and Art Exhibition of 1896.

Keywords: modernism, «new art», painting, history of Russian journalism, art criticism, periodicals, satirical journalism, feuilleton, A. M. Gorky, M. A. Vrubel.

В русском искусстве конца XIX в. явно обозначились тенденции, с одной стороны, к переосмыслению, обновлению традиционной эстетики реализма («неореализм», творчество художников-передвижников), с другой — к отказу от реалистических художественных принципов и форм, поиску новаторских путей, оформившихся в результате в самостоятельные и крайне разнообразные художественные течения, объединенные многосмысленным понятием «модернизм». Литературный критик, писатель, идеолог русского символизма Д. С. Мережковский в статье «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1892) определил «три главных элемента нового искусства — мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности» [1, 41].

Становление модернизма в русском искусстве рубежа XIX–XX вв. сопровождалось яростными дискуссиями, которые вышли за рамки академического и профессионального сообщества, получив освещение не только в специализированной печати, но и общественно-политической прессе. Полемические выступления А. М. Горького в роли публициста и арт-критика во второй половине 1890-х гг. представляют несомненный интерес для исследователей истории отечественной литературы и журналистики, в контексте изучения идейно-эстетических исканий эпохи.

Творческий путь Горького изначально был связан с региональной прессой. Сотрудничество с провин-

циальными изданиями «Волгарь», «Самарская газета», «Нижегородский листок» помогло знаменитому писателю и общественному деятелю сделать первые шаги в литературе и журналистике, получить опыт редакторской деятельности, сформировать авторский стиль публицистических и художественных произведений. В конце 1890-х гг. Горький начинает выступать как теоретик искусства, отдельные суждения, отзывы о современной литературе, живописи и других сферах культуры постепенно складываются в систему эстетических принципов.

Обратимся к раннему этапу формирования взглядов А. М. Горького на искусство. Ценным эмпирическим материалом для изучения данного вопроса является архив публикаций, посвященных XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке, проходившей в Нижнем Новгороде в период с 28 мая (9 июня) по 1 (13) октября 1896 г. Впервые мероприятие такого масштаба проводилось в провинциальном городе, что способствовало обретению Нижним Новгородом неофициального статуса «третьей столицы» [2, 297]. В 1896 г. Горький возвращается сюда из Самары, получив приглашение от двух изданий — «Нижегородский листок» и «Одесские новости» — освещать ход подготовки и проведения выставки [3].

Во второй половине 1890-х гг. «Нижегородский листок» эволюционировал из информационно-справочного, «ярмарочного» издания в общественно-политическую газету, охватывавшую широкий спектр местных и общероссийских вопросов; участие в ре-

дакционной работе В. Г. Короленко во многом обусловило социально ориентированную направленность издания [4, 251]. Горький очень тесно работал с «Нижегородским листком» вплоть до своего отъезда из города в 1903 г., как отмечал сотрудник редакции Ф. П. Хитровский, «это был ближайший подручный орган, где он мог в публицистических статьях проводить свои идеи, если не в полной мере, то отчасти...» [5, 108].

В период проведения выставки Горький публиковал в «Нижегородском листке» фельетоны под общим заголовком «Беглые заметки» (выходили с 21 мая до 1 октября 1896 г.), одновременно отправлял материалы в газету «Одесские новости» — из них составил цикл «С Всероссийской выставки». Сравнительный анализ циклов, в том числе недавно введенных в научный оборот материалов, является предметом отдельных исследований [6, 326].

В рамках настоящей статьи, согласно выбранной теме, рассмотрим ключевые суждения Горького, относящиеся к «новому искусству», на основе анализа публикаций в нижегородской печати, а именно в газете «Нижегородский листок». Будущий писатель выступал в данном издании под псевдонимами Некто Х, М. Г-кий, I. M. Rasatus и др. [7, 32]. Некоторые публикации о выставке, например «Ответ А. А. Карелину», «На выставке», были напечатаны вне цикла «Беглые заметки».

Цикл «Беглые заметки» характеризуется преимущественно резким, обличительным тоном, рефреном повторяются гневные высказывания Горького в адрес организаторов Всероссийской выставки, идея которой, по мнению публициста, далека от интересов народа: многократно отмечаются непродуманность экспозиций, устройства павильонов, нецелесообразность товарной логистики, жестокая эксплуатация труда рабочих и несоблюдение техники безопасности, непритязательность ярмарочных развлечений [8; 9].

А. М. Горький выполнял, как газетный обозреватель и репортер, колоссальную задачу: пытался охватить, запечатлеть, осмыслить все стороны выставки: достижения промышленности, сельского хозяйства, вопросы торговли, развитие различных сфер культуры — народные («кустарные») промыслы, музыка, декламация, архитектура, новейший синематограф.

Особый интерес представляла художественная экспозиция, явившая образцы новых направлений в живописи и вызвавшая бурную реакцию прессы и общественности. Выбором картин для художественного отдела выставки, по поручению министра финансов С. Ю. Витте, занимался известный меценат С. И. Мамонов, поддерживавший творчество талантливых художников-новаторов, отступивших от академической манеры письма, таких как В. М. Васнецов, В. А. Серов, М. А. Врубель, К. А. Коровин [10, 319–320].

А. М. Горький уделяет живописи самое пристальное внимание в своей серии публикаций о выстав-

ке, в частности подвергает критическому разбору творчество модернистов — так называемое новое искусство. Критика живописных полотен М. А. Врубеля и А. Галлен-Каллелы подкрепляется теоретическими выкладками, обосновывающими взгляды Горького на цель и содержание искусства.

В публикации «Беглых заметок» от 4 июня 1896 г. А. М. Горький констатирует упадок современной живописи: «В художественном отделе прежде всего бросается в глаза высота, на которой находятся гении старого искусства — Микеланджело и Рафаэль, Тициан и Мурильо, Рубенс и Ван-Дейк. О, как вы высоко поднялись над искусством наших дней!» [8, 148]. Отмечая отдельные успехи в жанровой, пейзажной живописи, он сетует на преобладание формы над смыслом, асоциальность, большой интерес художников к декоративности, изображению природы, чем к жизни.

В первых публикациях цикла «Беглые заметки» объектом критики Горького становится современное искусство, представленное серией работ мастеров из Финляндии. Особенно острых замечаний со стороны публициста удостоился художник Аксели Галлен-Каллела, начинавший как реалист, впоследствии обратившийся к символизму и неоромантизму, прославившийся иллюстрациями к национальному эпосу «Калевала». Творчество А. Галлен-Каллелы способствовало возрождению интереса к фольклору и традициям как средствам осмысления культурной идентичности финского народа [11].

На выставке был представлен ряд работ А. Галлен-Каллелы из «калевальской серии» и другие полотна. Символическая картина *Conceptio Artis* характеризуется А. М. Горьким, оценивающим ее с позиции реалистического искусства, ясных, однозначно прочитываемых аллегорий, как «картина заблуждения человеческого ума» [8, 151].

Продолжая обзор художественного отдела выставки в выпуске «Нижегородского листка» от 12 июня 1896 г., Горький определяет творчество «молодого» 28-летнего художника как «пискливое и скучное»; иронизирует над туманностью замысла — «публика и вообще плохо усваивает идеи, даже самые простейшие, а тут ей предлагают зеленую идею» — о картине *Conceptio artis*, грубостью исполнения — «фона у картины нет, перспективы меньше, чем на обоях» — о картине *Probleme* («Загадка»), «где такой цветок произрастает — неизвестно, в ботанике на этот счет нет никаких указаний...» — о картине «Цветок смерти» [8, 154–155].

Обосновывая авторскую позицию, Горький нередко использует такие приемы, как сравнение, контраст: отвергая творчество тех или иных художников, предлагает аудитории «положительные» ориентиры, например произведениям А. Галлен-Каллелы противопоставляет картины М. Башкирцевой, творчество которой было высоко оценено во Франции.

В отношении способностей финского живописца автор «Беглых заметок» беспощаден, допускает насмешливое и вряд ли уместное сравнение с немецким философом: «...рисует нам зеленые и пестрые идеи, очевидно, желая симулировать своей кистью картины Макса Штирнера, тоже рисующего идеи, но обладающего талантом и умом, чего нет, вероятно, у Галлена» [8, 155].

Впоследствии писатель пересмотрел свое отношение к живописи А. Галлен-Каллелы, между творческими деятелями установились дружеские отношения, в 1906 г. художник создал несколько портретов А. М. Горького [12, 20].

Представляет значительный интерес изучение позиции Горького и в отношении другого представителя «нового искусства» — Михаила Александровича Врубеля, художника-новатора с трагической судьбой, получившего официальное признание Императорской Академии художеств — звание академика живописи лишь к концу своей жизни.

С академическим сообществом и заказчиками художественных работ у М. А. Врубеля временами были сложные отношения, однако художник, обладающий уникальным авторским стилем и талантом, постепенно завоевал известность, его декоративные работы получили высокую оценку на мировом уровне (золотая медаль на Всемирной выставке в Париже в 1900 г.).

Немало способствовала формированию интереса к творчеству Врубеля поддержка со стороны известного покровителя искусств С. И. Мамонтова. Меценат поручил М. А. Врубелю оформление художественного павильона для Всероссийской выставки, и живописец, несмотря на ограниченные сроки и большой объем работы, приступил к созданию масштабных панно под названиями «Принцесса Греза» и «Микула Селянинович», задуманными как воплощение «общей всем художникам мечты о прекрасном» и, соответственно, «выражение силы земли русской» [10, 320]. В ходе подготовки картин к экспонированию в художественном отделе произошел своеобразный «скандал», получивший широкую огласку и привлечший внимание самых высокопоставленных лиц, включая императора Николая II.

Картинам М. А. Врубеля было отведено отдельное место на Всероссийской выставке, сообщает А. М. Горький — «в павильоне, специально построенном для этих образцов “нового искусства”» [8, 161]. Необходимо пояснить, что незавершенные панно Врубеля были отвергнуты по решению комиссии Императорской Академии художеств, с которой предварительно не согласовывались данные эскизы [10, 321]. Из-за административных препон художнику был закрыт доступ к выставке, однако С. И. Мамонтов весьма своеобразно оспорил решение Академии, выстроив отдельный павильон для демонстрации «забракovaných» панно и других декоративных ра-

бот Врубеля. Таким образом художник, по протекции С. И. Мамонтова, неожиданно удостоился персональной выставки всероссийского уровня.

Следует учитывать, что качество исполнения художественных панно Врубеля могло несколько не соответствовать ожидаемому из-за сложности воплощения столь масштабных замыслов в кратчайшие сроки. Кроме того, переживания художника по поводу решения комиссии негативно отразились на его работоспособности, поэтому С. И. Мамонтов привлёк других живописцев, В. Д. Поленова и К. А. Коровина, для помощи в завершении полотен [10, 322].

Начало полемики в нижегородской прессе вокруг творчества Врубеля было положено публикацией А. М. Горького «М. Врубель и “Принцесса Греза”» Ростана» в № 202 от 24 июля газеты «Нижегородский листок» [8, 161].

Задумывая панно, М. А. Врубель обращается к сюжету пьесы Э. Ростана «Принцесса Греза», основанной на одной из средневековых хроник. Горький подробно пересказывает сюжет, положительно отзываясь о пьесе: «В ней много интересных лиц, красивых деталей; она проста, трогательна, и каждое слово ее полно чистого и сильного идеализма» [8, 161–163].

Далее автор «Беглых заметок» рассуждает о том, как в изобразительном творчестве воплотил данный сюжет Врубель, критике подвергаются основные составляющие художественного произведения — и общий замысел, и проработка персонажей, и композиция, перспектива, колорит: «При первом взгляде на его панно — в нем поражает туманность и темнота красок. Нет ни яркого африканского неба, ни жаркого солнца пирамид, ни воздуха, и общий фон картины напоминает о цвете протертого картофеля и моркови. Присматриваясь пристальнее, вы вспоминаете о византийской иконописи — те же темные краски, то же преобладание прямых линий, угловатость контуров и китайское представление о перспективе» [8, 163–164]. На фоне достижений мастеров итальянского Возрождения и таких современных художников, как В. И. Суриков, В. М. Васнецов, это «некрасиво, даже уродливо. Жизни в картине совершенно нет, и концепция ее имеет очень мало общего с сюжетом» [8, 164].

Горький скептически расценивает творческие поиски «нового искусства», идущие вразрез с реалистическими традициями, принципами академической живописи: «неподвижные», «деревянные» фигуры и лица приводят к сравнению с византийскими иконами; неприятие критика вызывают все аспекты исполнения представленного панно — принципы перспективы, палитра и техника нанесения краски, стилизация и упрощенность, плоскость форм.

Аналогичную оценку получило и другое полотно М. А. Врубеля — «Микула Селянинович», основанное на русском былинном сюжете. В завершение публикации А. М. Горький восклицает: «О, новое искусство!

Помимо недостатка истинной любви к искусству, ты грешешь еще и полным отсутствием вкуса» [8, 165].

Горький усматривает в опытах Врубеля лишь немелкую игру с формой, у которой отсутствует содержание, стремление к известности любыми средствами, и в пылу полемики выносит жесткий приговор художнику: «В конце концов — что все это уродство обозначает? Нищету духа и бедность воображения? Оскудение реализма и упадок вкуса? Или простое оригинальничание человека, знающего, что для того, чтоб быть известным, у него не хватит таланта, и вот ради приобретения известности творящего скандалы в живописи?» [8, 166].

Апологетом «нового искусства» и защитником творчества М. А. Врубеля выступил живописец и график А. А. Карелин, сын А. О. Карелина, известного нижегородского художника и фотографа. Стоявший у истоков Нижегородского художественного музея, открытие которого было приурочено к Всероссийской выставке 1896 г., А. А. Карелин участвовал в работах по оформлению выставочного художественного павильона, выполнил фриз, предназначенный для панно М. А. Врубеля «Принцесса Греза» и «Микула Селянинович» [13, 38].

Последовал ответ на горьковскую публикацию — составленное А. А. Карелиным письмо в редакцию газеты «Нижегородская почта» [14]. Карелин сдержанно и аргументированно поясняет, что автор «Беглых заметок» неверно трактует сцену, изображенную в панно: Врубель отразил не эпизод посещения Мелисандой умирающего трубадура Жофруа, а момент, когда галера еще находилась в пути и песня влюбленного поэта позволила экипажу корабля мысленным взором увидеть образ принцессы.

Принцесса Греза будто парит в воздухе, эффект, очевидно, сознательно достигаемый художником, которого сложно упрекнуть в незнании перспективы и других основ композиции. Эстетика символизма опирается на принцип романтического «двоемирия»: воссоздает в рамках художественного произведения не только мир чувственный, конкретный, но и вымышленный, потусторонний. Подобное воплощение фигуры может служить указанием на то, что изображена не принцесса Мелисанда как земной человек, а видение, сон, мечта о ней умирающего менестреля — на возможность такой трактовки справедливо указывает А. А. Карелин. Достаточно вспомнить летящие фигуры ангелов, ветров и других «эфемерных» существ на полотнах старинных мастеров, например, С. Боттичелли. Можно сказать о том, что Врубель вплотную приблизился к иллюстрации литературного первоисточника, но не в буквальном, а символическом плане, изобразив «грезу», мечту, духовную сущность. В эскизе к панно «Принцесса Греза» еще больше подчеркнуты нематериальная, иллюзорная природа изображенной фигуры Мелисанды и символизм композиции.

В защиту художественной техники Врубеля А. А. Карелин ссылается на мнение искусствоведа Н. А. Прахова, признаваемых Горьким как авторитетных живописцев В. М. Васнецова, В. Д. Поленова, отмечающих чудаковатую гениальность врубелевских панно [14, 3].

В очередном выпуске «Беглых заметок» («Нижегородский листок», 1896, № 209 от 31 июля) А. М. Горький не преминул ответить на замечания А. А. Карелина. Допуская ошибочность собственной трактовки сюжета панно, созданного Врубелем, публицист отказывается признать концепцию «нового искусства» как такового и воспринимает «цитирование» и «ссылки на авторитеты» как манипулятивный, риторический прием: «Профан в вопросах искусства, я возражу А. А. Карелину как один из публики. Оказывается, что, даже и зная пьесу Ростана, я неверно понял иллюстрацию к ней кисти Врубеля. Как же истолкуют себе смысл этой картины люди, не знакомые с «Принцессой Грезой» как литературным произведением?» [8, 168].

Горький выступает за ясность произведений искусства, их доступность пониманию широкой аудитории, а не игру смыслов, любопытную лишь для профессионалов: «Искусство существует не для художников, а для жизни, и не художники сделали гениями Рафаэля и Веласкеза, Ван-Дейка и Гвидо-Рени, не художники оценили и Иванова» [8, 169].

А. М. Горькому близок социологический подход к пониманию искусства, который впоследствии лег в основу эстетики так называемого социалистического реализма (к формированию и утверждению которого непосредственно причастен Горький), определившего на долгое время лицо советской литературы и искусства в целом. Критик и публицист афористично, безапелляционно формулирует главный критерий, «мерило» ценности художественных произведений: «Или искусство понятно и поучительно, или оно не нужно для жизни и людей» [8, 169].

Пассажи о понятности, массовости, доступности искусства, варьируясь, повторяются в «Беглых заметках» неоднократно, А. М. Горький возвращается к этой мысли и в «Ответе А. А. Карелину», опубликованному в газете «Нижегородский листок» вне рамок фельетонного цикла: «Искусство нужно публике, а не художникам, и нужно давать публике такие картины, которые она понимала бы» [15, 3].

Следующим витком в полемике о «новом искусстве» можно считать фельетон Горького, напечатанный в «Нижегородском листке» 20 августа 1896 г., на следующий день после публикации статьи А. А. Карелина «Новая картина М. А. Врубеля» в газете «Волгарь» [8, 175]. Отклик Карелина посвящался картине Врубеля (по описанию, «Италия. Неаполитанская ночь»), выполненной для театрального занавеса Русской оперы С. И. Мамонтова, спектакли которой были представлены в культурной программе выставки.

Автор «Беглых заметок» вновь отвечает выпадом в адрес полотна М. А. Врубеля и комментария А. А. Карелина: «И то и другое туманно и уму простого смертного не доступно, но и в том и в другом есть свои достоинства» [8, 175].

Работа М. А. Врубеля была преподнесена оригинальным образом: после первого акта «Миньоны», оперы французского композитора А. Тома, как занавес опустилось живописное панно, закрыв собой сцену. «Я понимаю это так: на сцене было искусство, изображавшее жизнь, а потом сверху спустилось искусство, ничего общего с жизнью не имеющее» [8, 178], — скептически отзывается Горький на этот эффектный прием презентации.

А. М. Горький критикует отсутствие названия у картины или панно, расплывчатость идеи и манеру ее исполнения: «Все это изображено угловато, без грации, с бравурным размахом, хлесткими ударами кисти, претендующей на оригинальность и желающей импонировать во что бы то ни стало» [8, 177].

Доводы оппонента, «господина Карелина, апологета и комментатора нового искусства, свободного художника» [8, 178], апелляция к мнению авторитетных лиц Горький нивелирует и разоблачает как недобросовестный прием, возлагая на другую чашу весов собственный здравый смысл и эстетические воззрения.

В публикации «Беглых заметок» от 10 сентября 1896 г. А. М. Горький рассуждает о воспитательной и консолидирующей силе искусства: «Роль искусства — педагогическая, цель его — установить возможно более полную общность ощущений и чувств» [8, 181]. Невозможно не вспомнить в данном контексте концепцию древнегреческой трагедии Аристотеля, обосновывающую взаимосвязь этики и эстетики, феномен «катарсиса» [16].

От теоретических обобщений Горький переходит к критике современной живописи и литературы, направляя гнев на символистов, которых оппоненты-реалисты нередко называли «декадентами», сообщая данному понятию смысл сродни бранному: «Жизнь требует света, ясности и нисколько не нуждается в туманных и некрасивых картинах и в нервно-болезненных стихах, лишенных всякого социологического значения и неизмеримо далеких от истинного искусства» [8, 182]. Критике подвергаются представители «декадентской» поэзии — З. Н. Гиппиус, К. Д. Бальмонт, Д. С. Мережковский: «...господа художники и поэты, пораженные декадансом, модной болезнью, смотрят на искусство как на область свободного и никакими законами не стесняемого выражения своих личных чувств и ощущений» [8, 183].

В завершающем выпуске «Беглых заметок», опубликованном 1 октября 1896 г., А. М. Горький в очередной раз сетует на бессистемность в организации художественной экспозиции: «Много говорилось о том, что художественный отдел на выставке беден,

составлен случайно, без строгого подбора образцов, что он не представляет собою сколько-нибудь ясной картины движения нашего искусства и вообще очень нелестно для нас представляет наше искусство» [8, 183–184]. Горький замечает преобладание пейзажей, вытесняющих жанровую живопись, изображающую повседневную жизнь, именно «жанровые» картины, имеющие ярко выраженную социальную окраску, народность, прежде всего привлекают внимание публициста и критика.

В жанровом искусстве А. М. Горький с прискорбием отмечает чрезмерное развитие «мелодраматизма», эксплуатацию темы смерти, сгущение красок в будничной жизни, грубый натурализм.

Признавая несовершенство и слабость представленных образцов реалистической живописи, публицист уверен, что «новое искусство», противопоставленное реализму, творчеству «академистов» и «передвижников», не может выступать альтернативой в освещении действительности: «Помимо этого утрированно мрачного вида искусства, у нас нарождается другое — «новое искусство». Но оказывается, что без знания психиатрии о нем нельзя судить более или менее точно, а психиатрия — не моя специальность» [8, 187], — язвительно подытоживает автор «Беглых заметок».

Отвергая принципы того или иного художественного направления, оценивая конкретные произведения творчества, критик должен опираться на определенную систему ценностей, эстетических идеалов.

Интересно сопоставить общую тональность отношения А. М. Горького к модернистам с его же реакцией на масштабное полотно К. Е. Маковского «Воззвание Минина» («Минин на площади Нижнего Новгорода, призывающий народ к жертвоприношениям»), также впервые продемонстрированное на Всероссийской выставке 1896 г. Критик отмечает исторический размах, народность, колоритность характеров, патриотический посыл произведения, несмотря на некоторые колористические недостатки — в картине не хватает света, фигуры будто подернуты туманной дымкой, краски тусклы, недостаточно контрастные: «... в картине мало воздуха и солнца, но едва ли можно отрицать ее историческую и художественную правду. Толпа Маковского глубоко народна...» [17, 3].

Горький высоко оценивал творчество русских реалистов — К. Е. Маковского, И. И. Шишкина, восхищался И. Е. Репиным и В. М. Васнецовым, несмотря на склонность последнего к сказочным, фантастическим сюжетам и символизму.

Декоративность, условность, стилизация стали характерными чертами «новой живописи», что обусловило ее синтетичность, тесную связь с литературой и музыкой, активное участие художников в декоративно-прикладной деятельности, оформлении театральных спектаклей (создание эскизов костюмов, декораций и др.).

Символизм как одно из главных течений модернистского искусства основан на многогранности, многослойности образов, игре смыслов, что давало основания противникам данного направления в искусстве упрекать символизм в зыбкости, туманности, закрытости от публики, элитарном и аполитичном характере творчества.

В эпоху активного развития фотографического искусства и фотопублицистики, появления кинематографа детальная точность воспроизведения действительности, натурализм, социальность перестали быть ведущими характеристиками живописи. Художников нового поколения упрекали, и зачастую несправедливо, в отсутствии базовых знаний о перспективе, анатомии, светотени, в неспособности воспроизвести технику работы с теми или иными художественными материалами. Поиски новых путей развития искусства приводили к намеренному отказу от академических основ, нарочитой декоративности и плоскости, возвращению к фольклорным истокам, поиску вдохновения в прошлых эпохах и экзотических культурах (византийские, индейские, китайские и японские мотивы традиционной живописи).

«Новое искусство», несмотря на сопротивление сил, отстаивавших традиционные подходы к живописи, громко заявило о себе в культурном процессе рубежа XIX–XX вв., своеобразно и многогранно воплотив духовные и эстетические искания эпохи. Не избежали новых веяний и представители реалистического направления: например, в творчестве В. М. Васнецова проявились некоторые черты стиля модерн.

Многие представители «нового искусства», чей талант не был стеснен узкими жанровыми и стилистическими рамками, пережили свое время, их наследие заново открывається, переосмысливается в постсоветский период и в наши дни, возрождается интерес к творчеству и малоизученным страницам биографии М. А. Врубеля, А. Галлен-Каллеллы и других художников рубежа XIX–XX вв., проводятся масштабные персональные экспозиции, призванные популяризировать многостороннее творчество русских модернистов.

Символизм как самое раннее в России по времени формирования течение нового, антиреалистического искусства подвергался суровой критике со стороны реалистов. А. М. Горький в 1890-е гг. являлся неприимым противником символистов и «нового искусства», в то время как антагонисты склонны к более выдержанным, объективным оценкам, например ранние рассказы Горького о босяках были высоко оценены критиками-символистами Д. С. Мережковским, Д. В. Filosoфовым [18, 57–58].

Уже в ранний период творчества А. М. Горький предстает не только как публицист и писатель, но и теоретик искусства, формулирует определенные эстетические принципы, которые пытается донести до читателя. Общественно-политические взгляды, симпатия к социалистическим идеям, безусловно,

играют руководящую роль в деятельности Горького-критика и публициста, определяют идеологические акценты и дидактический посыл в его рассуждениях об искусстве.

Социологический подход к интерпретации, оценке произведений искусства начинает формироваться во времена В. Г. Белинского (статьи о творчестве А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, знаменитое «Письмо к Н. В. Гоголю») и других представителей демократического направления в русской критике и публицистике; ввиду исторических условий данные виды деятельности развиваются в тесном симбиозе [19]. А. А. Григорьев в 1858 г. отмечал, что «критика перестала быть чисто художественною, что с произведениями искусства связываются для нее общественные, психологические, исторические интересы, — одним словом, интересы самой жизни» [20, 7–8].

На рубеже XIX–XX вв. критика являлась поприщем напряженной идейно-эстетической борьбы, выходящей за рамки искусства, приобретающей важнейшее социальное и политическое значение.

Духовные искания, пути преобразования общества, предлагаемые модернистами, склонными к мистицизму, провозглашавшими индивидуальную свободу личности и творчества, чужды А. М. Горькому с его активной социальной позицией «действенного гуманизма»: формальные эксперименты «новой живописи», новые принципы отображения действительности преимущественно трактуются как проявления регресса и отсутствие мастерства.

Однако уже в 1890-е гг. Горький начинает искать пути обновления реализма, соединяя в своих ранних литературных произведениях черты реалистического и романтического искусства, в XX в., в период зрелого творчества, пересматривает отношение к живописи М. А. Врубеля и в целом уже не так категорично и скептически, как в молодые годы, расценивает искания художников-модернистов рубежа XIX–XX вв. Горький внимательно исследует поэзию и прозу модернистов, пытаясь расширить возможности реализма, осваивает приемы нереалистического искусства, в том числе метод «поток сознания» [21, 239].

Публикациям А. М. Горького в период проведения Всероссийской выставки 1896 г. присущи фельетонные черты, собственно, «Беглые заметки» обозначены как цикл фельетонов, что обуславливает полемичность, ироничность, гиперболизацию и заостренность, сатирический посыл данных публикаций. Фельетонный стиль Горького, начинавший формирование в «Самарской газете» (обличительные публикации появлялись под псевдонимом Иегудиил Хламида), претерпел во второй половине 1890-х гг. некоторые изменения: автор старается аргументировать мнение, опираться на конкретные факты. Однако ироничность, скептицизм и категоричность суждений по-прежнему составляют черты авторского стиля. А. М. Горький далек от бес-

пристрастности академического исследователя, выступлениям свойственна ярко выраженная оценочность, экспрессивность.

Впрочем, автор «Беглых заметок», молодой писатель и публицист, не получивший систематического образования в сфере культурологии, теории и истории живописи, не чужд самоиронии и вовсе не преувеличивает своих способностей и опыта в художественной критике, выступая как проводник народного мнения, отстаивает право «публики» судить о произведениях искусства [15, 3].

В жанровом аспекте публикации цикла «Беглые заметки» сочетают — в различных соотношениях — черты фельетона, критической статьи и очерка. В. Н. Крылов указывает на синтетический характер критики, способность включать в текст то, что лежит «вне художественной реальности: личный опыт критика, автобиографические фрагменты, воспоминания, характеристику эпохи, очерк общественных нравов» [22, 120]. Сама природа литературной и художественной критики способствует созданию интегрированных жанровых форм — «критика и фельетон, критика и очерк нравов, критика и путевой очерк» [22, 120].

Основные итоги полемики между А. М. Горьким и А. А. Карелиным в нижегородской печати можно сформулировать следующим образом:

— перед широкой аудиторией, в общественно-политической прессе (не элитарных, специализированных журналах-манифестах), были поставлены принципиальные вопросы развития современного искусства, в том числе о критериях оценивания художественных произведений;

— привлечение внимания к живописи модернистов, творчеству М. А. Врубеля получило громкую огласку, художник приобрел своеобразную, с оттенком «скандальности», известность в российских масштабах;

— дискуссия вышла за рамки региональной прессы, творчеством М. А. Врубеля заинтересовались столичные издания, полемика о «новом искусстве» продолжилась между А. М. Горьким и В. Л. Дедловым (петербургская газета «Неделя»).

Анализ деятельности А. М. Горького как арт-критика, его восприятия произведений художников-модернистов освещает новые черты творческой личности, ее неоднозначного влияния на утверждение тех или иных тенденций в культурном процессе. Результаты представленного исследования открывают перспективы дальнейшего, в том числе междисциплинарного изучения творчества А. М. Горького и региональной прессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы / Д. С. Мережковский // Литературные манифесты: от символизма

до «Октября» / Сост. Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров [Переводное издание 1924 г.]. — М.: Аграф, 2001. — С. 34–41.

2. Филатов Н. Ф. Всероссийская промышленно-художественная выставка 1896 года в Нижнем Новгороде / Н. Ф. Филатов, Н. А. Богородицкая // Нижегородский край: Факты, события, люди. — Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1997. — С. 295–300.

3. Фарбер Л. М. А. М. Горький в Нижнем Новгороде: Очерк жизни и творчества (1899–1904 гг.) / Л. М. Фарбер. — Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1984.

4. Курбакова Е. В. Административная власть Нижегородской губернии и региональная пресса 1883–1913 гг.: этические и юридические аспекты взаимоотношений / Е. В. Курбакова // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Международной научной конференции РОПРЯЛ (Нижний Новгород, 3–5 октября 2007 г.). — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. — С. 250–254.

5. Хитровский Ф. П. Страницы из прошлого. По документам и воспоминаниям об А. М. Горьком и каширинском роде / Ф. П. Хитровский. — Горький: Горьковское книжное издательство, 1960.

6. Уртминцева М. Г. Жанр фельетона в нижегородской периодической печати 1890-х годов XIX века (по материалам ЦФ НГОУНБ) / М. Г. Уртминцева // Вестник Нижегородского ун-та. Сер. Филология. — 2014. — № 2. — С. 325–328.

7. М. Горький в нижегородской-горьковской печати 1893–1957: Библиографический указатель / Сост. С. А. Хаев, А. Д. Зайдман, В. Е. Успенская; ред. и вступ. ст. Л. М. Фарбера и И. К. Кузьмичева. — Горький: Типография издательства «Горьковская правда», 1960.

8. Горький А. М. Беглые заметки // А. М. Горький // Собрание сочинений в 30 т. / АН СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Государственное издательство художественной литературы. — М.: Гос. издат. худож. лит., 1953. — Т. 23. — С. 139–187.

9. Киреева И. В. М. Горький — летописец нижегородской промышленной и художественной выставки 1896 года / И. В. Киреева // Человек и мир в творчестве Горького: Материалы Межд. конф. «Горьковские чтения» (28–29 марта 2006 г.). — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. — С. 326–332.

10. Прахов Н. А. Михаил Александрович Врубель / Н. А. Прахов // Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике / Вступ. ст. Э. П. Гомберг-Вержбинской и Ю. Н. Подкопаевой. — Л., М.: Искусство, 1976. — С. 277–335.

11. Васина Е. В. Виктор Васнецов и Аксели Галлен-Каллела. Версии национального романтизма / Е. В. Васина // Художественная культура. — 2019. — С. 276–295.

12. Горький А. М. Письмо А. Галлену // А. М. Горький // Собрание сочинений в 30 т. Т. 24. Статьи, речи, приветствия. 1907–1928 / АН СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Государственное издательство художественной литературы. — М.: ГИХЛ, 1953. — С. 20–23.

13. Миронова И. В. А. А. Карелин: личность и творчество / И. В. Миронова // Нижегородский музей. — 2006. — № 11–12. — С. 34–38.

14. Карелин А. А. Письмо в редакцию / А. А. Карелин

// Нижегородская почта. — 1896. — № 77 (30 июля). — С. 3.

15. Горький А. М. Ответ А. А. Карелину / А. М. Горький // Нижегородский листок. — 1896. — № 215 (6 авг.) — С. 3.

16. Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии / Ред., пер. и коммент. Ф. А. Петровского. — М.: Гос. издат. худож. лит., 1957.

17. Горький А. М. На выставке / И. М. Раскатов // Нижегородский листок. — 1896. — № 159 (11 июня). — С. 2-3.

18. Степанов С. А. Раннее творчество А. М. Горького в восприятии символистов (к 150-летию со дня рождения писателя) / С. А. Степанов // Культура и образование. — 2018. — № 2. — С. 56-59.

19. Белинский В. Г. Письмо к Гоголю // Н. В. Гоголь в русской критике: Сб. ст. — М.: Гос. издат. худож. лит. —

1953. — С. 243-252.

20. Григорьев А. А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства / А. А. Григорьев // Сочинения в двух томах. Том второй. Статьи. Письма / Сост. с научной подготовкой текста и комментариями Б. Ф. Егорова. — М.: Художественная литература, 1990. — С. 7-48.

21. Овчаренко О. А. М. Горький как теоретик литературы / О. А. Овчаренко // *Studia Litterarum*. — 2018. — № 1. — Т. 3. — С. 234-250.

22. Крылов В. Н. Поэтика литературно-критического текста как предмет научного изучения / В. Н. Крылов // Ученые записки Казанского гос.-ун-та. Сер. Гуманитарные науки. — Т. 149, кн. 2. — 2007. — С. 110-122.

Московский международный университет

Городничева М. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры общегуманитарных наук и массовых коммуникаций

E-mail: 13marto@mail.ru

Moscow International University

Gorodnicheva M. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the General Humanities and Mass Communications Department

E-mail: 13marto@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОДВИЖЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА В ТВ-ПРОГРАММЕ «БОЛЬШАЯ СТРАНА»

А. Г. Донских

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 15 апреля 2022 г.

Аннотация: в статье рассмотрены особенности передачи «Большая страна» как инструмента продвижения культурно-познавательного туризма в России.

Ключевые слова: культурно-познавательный туризм, путешествия по России, телевидение, тревел-журналистика, передача «Большая страна», «Общественное телевидение России».

Abstract: the article analyzes the specific of the «Big Country» program as a tool for promoting cultural and educational tourism in Russia.

Keywords: cultural and educational tourism, travel in Russia, television, travel journalism, «Big Country» program, «Public Television of Russia».

Передачи о путешествиях — самостоятельная и очень востребованная ниша. Такая продукция помимо реализации рекреационных функций стимулирует интерес к культурно-познавательному туризму. Эксперты отмечают, что в современном мире культурно-познавательный туризм занимает лидирующие позиции среди других видов туризма [1, 59] и является одной из главнейших, активно развивающихся отраслей экономики, осуществляющих важную роль в обеспечении устойчивого социально-экономического развития территориальных общностей разного уровня [2, 60].

Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 г. определяет культурно-познавательный туризм как путешествие с познавательными целями, которое знакомит туриста с историко-культурными и природными ценностями, традициями и обычаями, в том числе посредством осуществления экскурсионной деятельности и проведения событийных мероприятий [3]. Спектр подвидов культурно-познавательного туризма разнообразен. Среди направлений его развития эксперты выделяют: культурно-исторический, культурно-религиозный, культурно-событийный, культурно-экологический, культурно-этнический, культурно-археологический, культурно-этнографический, культурно-антропологический [4, 193]. Схожую классификацию предлагает исследователь И. Каменщиков, добавляя такие направления, как литературный и историко-патриотический туризм [5, 25].

Культурно-познавательный туризм активно развивается и в Российской Федерации. На фоне этого процесса выявляются важные и требующие решения проблемы. В центре внимания экспертного сообщества проблема реализации туристического потенциала регионов нашей страны. По данным многочис-

ленных рейтингов, спектр туристических интересов россиян внутри страны однообразен и в основном направлен на крупные мегаполисы, а также курорты Краснодарского края и Республики Крым. Между тем эксперты отмечают, что «в России 1600 малых городов, при этом более двухсот из них и еще большее число сельских поселений обладают уникальными историко-культурными и природными памятниками и объектами, которые способствуют развитию туризма и являются источником социально-экономического развития России» [2, 61]. Обобщая различные исследования, авторы «Стратегии развития туризма» ключевыми конкурентными преимуществами развития туризма в нашей стране называют огромное количество точек притяжения для развития разнообразных видов туризма, ориентированных практически на любые группы потребителей [3]. В России восемнадцать объектов всемирного культурного наследия и одиннадцать объектов всемирного природного наследия ЮНЕСКО. По этим показателям в общемировом рейтинге Россия занимает 10-е и 4-е места соответственно [3]. Стратегия развития туризма относит культурно-познавательный туризм к социально значимым видам, предлагая разнообразные инструменты его стимулирования, среди которых и средства массовой информации.

Рост СМИ туристической тематики в России современные исследователи отмечают во второй половине 1990-х гг. прошлого столетия [6, 171]. В ответ на запросы рынка активно развивалась тревел-журналистика, представленная как отечественной, так и зарубежной продукцией. Телевизионная тревел-журналистика — отдельная динамично развивающаяся отрасль современного медиарынка, являющаяся собой многоуровневую систему, включающую фильмы, передачи о путешествиях, а также специализированные телевизионные каналы [7, 282].

Несмотря на то, что ниша передач о путешествиях почти полностью заполнена, потребность в новых форматах и способах подачи информации перманентна. Особую актуальность она приобретает для формирования интереса аудитории к путешествиям по России. Социально-экономические и политические факторы обуславливают важность интенсивного стимулирования данного направления. Однако, помимо существующих экономических трудностей, среди препятствий на пути развития культурно-познавательного туризма в России исследователи называют слабую информированность россиян о возможностях путешествий внутри страны [8, 45] и, соответственно, немногочисленность самих путешествий [3].

Начиная с 2014 г. российские телевизионные каналы стремятся восполнить данный пробел, предлагая вниманию аудитории разнообразные проекты, посвященные путешествиям по стране и знакомству с ее культурно-историческим наследием. Например, на канале «Россия» с 2014 г. по 2016 г. выходила передача «Россия. Гений места», ведущим которой был действующий в тот период министр культуры Владимир Мединский. Среди проектов-долгожителей можно отметить передачи: «Орел и решка. Россия» на канале «Пятница», «Непутевые заметки с Дмитрием Крыловым» на Первом канале, «Поедем, поедим!» на канале НТВ, «А дома лучше» с Андреем Понкратовым на канале «Моя планета». Каждый из названных проектов отличается собственным уникальным форматом и весьма популярен среди зрителей.

В то же время современные исследователи отмечают общую тенденцию, негативно влияющую на содержание передач о путешествиях: доминирование развлекательного начала в ущерб познавательным и аналитическим аспектам [9, 131]. Программа «Большая страна», выходящая на «Общественном телевидении России», выделяется среди всех существующих телепередач о путешествиях по России, реализуя в первую очередь познавательные и образовательные функции. Концепция передачи обусловлена программной политикой ОТР, ориентированной на информационно-просветительскую и аналитическую деятельность, отсутствием рекламы. В то же время заметно, что «Большая страна» находится на стадии поиска собственного уникального формата, отдельные элементы которого уже обрели черты и могут быть изучены, например редакционная политика, тематическое наполнение, способы подачи материала, авторский состав.

В связи с тем, что не все выпуски передачи в упорядоченном виде доступны онлайн, проследить детальную хронологию ее развития сложно. Передача возникла в 2013 г., будучи изначально по формату общественно-политической. Создатели программы готовили выпуски, посвященные гражданским инициативам и развитию гражданского общества, в рамках которых выходили рубрики, посвященные

жизни регионов — «Большая страна: Открытие», их достопримечательностям — «Узнай свою страну». Содержание выпусков отличалось значительным тематическим разнообразием. Со временем формат передачи трансформировался в познавательный, произошло тематическое разделение субботних и воскресных выпусков. Новый формат передачи был официально объявлен в субботнем выпуске от 10 октября 2020 г., когда ведущая Ангелина Грохольская сообщила, что по субботам программа будет выходить под названием «Большая страна. Территория тайн». Почти через год 18 сентября 2021 г. ведущий Павел Давыдов объявил об очередном обновлении субботних выпусков, отныне объединенных общей темой. Воскресные же выпуски стали выходить под названием «Большая страна. Открытие».

Именно в таком виде передача выходит в настоящее время. Вот как сформулирована обновленная концепция на сайте ОТР: «“Большая страна” в субботу — это древние и современные легенды, тайны и загадки. Места силы, территории мистических тайн, инопланетные вторжения. Археологические сенсации, исторические экскурсии и прошлое в лицах. “Большая страна” в воскресенье — это новые авторские маршруты. Познавательный, экстремальный, гастрономический, оздоровительный и прочие виды туризма. Мы не идем проторенными путями, предлагаемыми турагентствами, а открываем неизвестные места и превращаем их в культовые» [10].

По структуре каждый выпуск «Большой страны» включает три-четыре сюжета средней продолжительностью от семи до двадцати минут, а также обязательное участие гостя — эксперта в определенной области, беседа с которым ведется онлайн или непосредственно в студии. В программе два постоянных ведущих, поочередно готовящих выпуски, Ангелина Грохольская и Павел Давыдов. Харизматичные и эрудированные ведущие — одна из сильных сторон передачи, поскольку они заряжают аудиторию энтузиазмом новых открытий и путешествий по России, приглашают интересных, компетентных собеседников, профессионально поддерживают беседы на любые темы с абсолютно разными экспертами. При этом сами ведущие во время программы не покидают пределов студии. Еще одна особенность заключается в том, что все сюжеты создают стрингеры из регионов, снабжая материалы уникальным колоритом, эксклюзивной информацией, обусловленной лучшим знанием родных мест.

В настоящий момент создатели передачи позиционируют ее как «клуб путешественников нового формата». В эту концепцию входит интерактивный компонент: вовлечение аудитории в совместный поиск тем, приглашение к участию в качестве гостя. Фактически аудитория программы, ее ведущие и гости являются членами данного клуба. Заявленный формат имеет сходство с самой популярной на со-

ветском телевидении и самой продолжительной в истории передач «Клубом кинопутешествий», выходящей с 1960 по 2003 гг. Сходство наблюдается и в структуре программы и в подходе к тематическому наполнению. Но есть и существенное отличие. Как известно, «Клуб кинопутешествий» знакомил зрителей в первую очередь с зарубежными странами, которые были недоступны большинству жителей Советского Союза. Тематика «Большой страны» ориентирована целиком на Россию, ее исторические и современные реалии, знакомит успешного повидать мир современника со своей страной.

На сайте «Общественного телевидения России» размещены субботние и воскресные выпуски передачи начиная с 10 октября 2020 г. За этот период 53 из 85 субъектов Российской Федерации хотя бы раз попали в сюжеты «Большой страны». Данное обстоятельство свидетельствует как о богатстве и разнообразии культурно-исторического наследия, так и о мощном туристическом потенциале регионов России. Интересно, что частота появления того или иного региона в вы-

пусках «Большой страны» не привязана к существующим туристическим рейтингам, хотя регионы, где активно развивается туризм, регулярно освещаются. Чаще всего в передаче появляются сюжеты из Алтайского, Ставропольского, Краснодарского краев, Астраханской, Калининградской, Челябинской, Вологодской, Липецкой, Ленинградской, Иркутской областей, республик Горный Алтай, Коми и Крым. Однако регионом-лидером по количеству сюжетов является Пермский край, который не занимает лидирующие позиции в туристических рейтингах.

Для наглядности мы составили таблицу, в которой разместили результаты «Национального туристического рейтинга — 2021», представленного совместным исследованием журнала «Отдых в России» и Центра информационных коммуникаций «Рейтинг» [11], и сопоставили их с количеством сюжетов о регионах в передаче «Большая страна» за тот же период. Поскольку количество сюжетов из некоторых регионов было одинаковым, в таблице мы их поместили на одной позиции.

Таблица 1

Сравнительный рейтинг регионов в передаче «Большая страна» и отраслевом туристическом исследовании

Частота появления сюжетов о российских регионах в передаче «Большая страна» в 2021 г.	Данные «Национального туристического рейтинга — 2021» о туристической привлекательности регионов России
1. Пермский край	1. Краснодарский край
2. Астраханская область	2. Московская область
3. Алтайский край, Ленинградская область и Санкт-Петербург	3. Город федерального значения Москва
4. Липецкая область	4. Республика Крым
5. Калининградская область	5. Город федерального значения Санкт-Петербург
6. Республика Крым	6. Приморский край
7. Вологодская область	7. Алтайский край
8. Краснодарский край	8. Республика Татарстан
9. Ставропольский край, Воронежская область, Иркутская область, Орловская область, Челябинская область	9. Нижегородская область
10. Республика Татарстан, Республика Коми, Приморский край, Белгородская область, Тамбовская область	10. Самарская область

В отличие от других передач о путешествиях, выпуски которых обычно охватывают сразу все ключевые достопримечательности территории, сюжеты в «Большой стране» посвящены какому-то одному яркому аспекту или факту. Знакомство с регионами происходит постепенно от выпуска к выпуску. При этом прослеживается интересная закономерность: несмотря на то, что авторы сюжетов в первую очередь делают акценты на ключевые достоинства региона: природные, архитектурные либо культурно-исторические, чем чаще освещается регион, тем больше разнообразной и интересной информации получает аудитория. С одной стороны, зритель погружается в виртуальное путешествие, не выходя из дома, а с другой — получает целую коллекцию уникальных сведений, с помощью которых можно с большей пользой организовать собственное путешествие. Благодаря этому приему формируется узнаваемость региона, по-

степенно выстраиваются разнообразные маршруты, отражающие индивидуальные возможности культурно-познавательного туризма в отдельно взятой местности: экологические, исторические, литературные, археологические, этнографические и другие.

В то же время у зрителя формируется как общее представление о России как о стране с чрезвычайно богатым и уникальным культурно-историческим и природным наследием, так и лучшее понимание особенностей уклада и традиций жителей отдельных территорий, а о каждом регионе складывается своя уникальная мозаика информации, которая от выпуска к выпуску пополняется новыми фрагментами. Например, среди регионов, входящих в Южный федеральный округ, в 2021 г. в «Большой стране» чаще всего освещалась Астраханская область. Из выпусков передачи аудитория узнала, что этот регион не только богат неповторимыми природными объектами, но и отличается

определенным жизненным укладом, традициями, легендами и преданиями, связанными с этими местами. Следы пребывания древних народов и государств, занимавших когда-то территорию современной Астраханской области, являются частью культурного наследия региона, собраны в музейных коллекциях, отображены в интерактивных туристических комплексах, отдельных архитектурных памятниках, а исторически сложившееся национальное многообразие региона, где представлены все мировые религии и существует около тридцати конфессий, формирует его уникальный культурный колорит. Одновременно вниманию аудитории предложена галерея выдающихся деятелей прошлого и современности.

Особенность формата программы «Большая страна» обуславливается творческой свободой и заключается в оригинальном подходе к подаче интересной и познавательной информации. Кажется, что создатели передачи не ограничены жесткими сюжетными рамками, что проявляется и в широком спектре тем, и в авторском составе. Отдельные выпуски, например, могут быть посвящены тайнам подводных лодок и судьбам наиболее известных субмарин, поискам кладов и их исторической ценности, старинным усадьбам и их обитателям, проблеме охраны объектов архитектурного наследия и их истории, знаменитым ученым и забытым именам, великим стройкам века и их участникам, природным ресурсам России и ее оборонной мощи и др. Жанрово-тематическое разнообразие создаваемых региональными корреспондентами сюжетов представлено историческими расследованиями, театрализованными постановками, экскурсиями, реконструкциями, очерками, репортажами, интервью. Многие факты подаются в контексте загадочности и таинственности, что пробуждает любопытство, будоражит воображение, поддерживает внимание и стимулирует интерес зрителя. Вместе с тем авторы избегают мистификаций. Аудитории предлагают поразмышлять над актуальными темами, которые обсуждают в студии ведущие программы и гости, получить полезные практические советы, связанные с путешествиями по России. Развлекательный компонент замещен интригующе-мотивирующим.

Полагаем, что созданный авторами передачи формат оказался новаторским. Его основные черты: свобода от рекламы, обеспечивающая творческую свободу, эксклюзивность информации, обусловленная авторским составом региональных корреспондентов, научно-популярная, просветительская направленность, интерактивность, специфическая подача познавательного материала с ярко выраженным интригую-

щим началом. Программа ориентирована как на увлеченного и думающего зрителя-путешественника, так и на специалиста туристической отрасли. Надеемся, что в ближайшем будущем новый уникальный формат о путешествиях по России, объединяющий познавательную и мотивирующую функции, продолжит свое развитие на отечественном телевидении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байков Е. А. Инновационные аспекты развития культурно-познавательного туризма в современных условиях / Е. А. Байков // Петербургский экономический журнал. — 2014. — № 2. — С. 58–65.
2. Архипов О. В. Маркетинг дестинаций и проблема продвижения услуг культурно-познавательного туризма / О. В. Архипов, Т. Е. Сиволап, В. И. Терехова // Петербургский экономический журнал. — 2018. — № 4. — С. 57–69.
3. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года. — Режим доступа: <http://tourism.gov.ru/contents/documenty/strategii/strategiya-razvitiya-turizma-v-rossiyskoy-federatsii-v-period-do-2035-goda> (дата обращения: 10.01.2022).
4. Колпащикова Т. Ю. Социально-экономические аспекты развития культурно-познавательного туризма в Северо-Западном федеральном округе Российской Федерации: дис. ... канд. эконом. наук / Т. Ю. Колпащикова. — СПб., 2011.
5. Каменщиков И. А. Управление культурно-познавательным туризмом в России: автореф. дис. ... канд. эконом. наук / И. А. Каменщиков. — М., 2005.
6. Ревенко А. А. Тематическая направленность и целевое назначение программ о путешествиях и туризме на отечественном телевидении / А. А. Ревенко // Таврический научный обозреватель. — 2016. — № 4 (9). — С. 169–176.
7. Соловьев В. А. Особенности функционирования тревел-журналистики в российской медиасреде / В. А. Соловьев, Д. Скобликова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. — 2017. — Вып. 10 (783). — С. 275–285.
8. Фролова Е. В. Специфика культурно-познавательного туризма в городах Российской Федерации / Е. В. Фролова, Е. Е. Кабанова, М. В. Костина // Материалы Афанасьевских чтений. — М., 2017. — № 2 (19). — С. 42–54.
9. Гегелова Н. С. Тревел-журналистика на российском телевидении / Н. С. Гегелова // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. — 2016. — № 2. — С. 128–133.
10. Сайт «Общественного телевидения России». — Режим доступа: <https://otr-online.ru/programmy/bolshaya-strana> (дата обращения: 24.01.2022).
11. Национальный туристический рейтинг — 2021. — Режим доступа: <https://rustur.ru/nacionalnyj-turisticheskij-rejting-2021> (дата обращения: 10.02.2022).

Южный федеральный университет
Донских А. Г., кандидат филологических наук, доцент
кафедры теории и практики массовой коммуникации
E-mail: anna_kapustina@mail.ru

Southern Federal University
Donskikh A. G., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Theory and Practices of Mass Communication Department
E-mail: anna_kapustina@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРЕССЫ В РОССИИ 1900–1920 ГГ.

М. Ф. Желновакова

Иркутский национальный исследовательский технический университет

П. М. Евтеев

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова

Поступила в редакцию 30 июня 2022 г.

Аннотация: в данном исследовании рассматриваются особенности формирования системы религиозных СМИ России начала XX в., в первую очередь факторы, повлиявшие на формирование данной системы, к которым относится политика государства в области религиозной периодики. В работе была рассмотрена специфика формирования православных изданий и изданий евангельских конфессий, имевших разную практику взаимодействия с властью и обществом.

Ключевые слова: религиозная пресса, система СМИ, православная периодика, протестантские газеты, евангельское движение

Abstract: this research paper examines the peculiarities of the formation of the religious mass media system in Russia at the beginning of the XX century, primarily the factors that influenced the formation of this system, which include the state policy in the field of religious periodicals. The paper examined the specifics of the formation of Orthodox publications and publications of evangelical denominations that had different practices of interaction with the authorities and the general public.

Keywords: religious press, media system, Orthodox periodicals, Protestant newspapers, evangelical movement.

Политические, социальные и духовные преобразования начала XX в. привели к формированию в России новой системы религиозной прессы. Долгое время в медийном ландшафте этого периода преобладали православные средства массовой информации, однако принятие Манифеста в 1905 г. и ряд других документов дали возможность издания газет и журналов других религиозных направлений. В данной статье авторы проследят влияние внешних факторов, в первую очередь политического и социокультурного, на формирование системы религиозной прессы в России в начале XX в.

Религиозная журналистика является одним из важнейших направлений развития медиасистемы, и ее роль не подвергается сомнению, поскольку ставит перед обществом важные задачи, затрагивающие, во-первых, духовную сферу деятельности человека, заостряя внимание на важных аспектах веры и формируя нравственные установки личности. Именно поэтому изучение особенностей формирования периодики религиозного характера весьма актуально как в теоретическом, так и в практическом плане.

Складывавшаяся система печати в России в начале XX в. полностью отражала настроение граждан страны и включала в себя издания различного типа: общественно-политические, специализированные, отраслевые и профессиональные, сатирические, ил-

люстрированные, научные и научно-популярные, информационные, массовые, религиозные, детские и юношеские и др., что отражало потребности разных классов и групп населения. Развитие отечественной журналистики начала XX в. определялось специфическими социально-экономическими и политическими условиями развития нашей страны. Российская печать того времени находилась под гнетом цензурного аппарата, деятельность которого была определена утвержденным в 1865 г. «Уставом о цензуре и печати» и рядом дополнительных циркуляров. Самодержавная система управления, отсутствие каких-либо политических свобод в стране создавали благоприятные условия для развития «казенной» печати и частных консервативно-монархических изданий проправославной направленности, которые являлись рупором власти начала XX в. Важное место в системе периодической печати того времени занимают газеты и журналы Русской православной церкви (РПЦ). Имея статус «государственной религии» и подчиняясь государственному обер-прокурору, возглавляющему Святейший синод, церковная печать имела все возможности для развития и была представлена максимально широко. Здесь можно выделить несколько типов изданий.

Во-первых, это консервативно-монархические издания проправославной направленности. Формально они не являлись религиозными и не относились к православной церкви, однако придерживались

знаменитой формулы «Православие, самодержавие, народность», рассматривая православие как единственную возможную религию для граждан империи. К этому типу изданий можно отнести «Московские ведомости», «Гражданин», «Свет» и другие.

Вторым типом изданий являлись внутрицерковные издания, чьей основной целевой аудиторией было руководство епархий, монастырей и других религиозных организаций под руководством РПЦ. В первую очередь к ним относится система «Епархиальных ведомостей», которые издавались практически во всех епархиях и меняли название в зависимости от территории, где выходили. Преимущественно материалы были направлены на разъяснение богослужбных и организационных вопросов жизни церкви, что делало данные издания неинтересными широкому кругу аудитории, однако иногда в приложении к этому изданию попадались материалы этнографического и исторического характера.

Третьим типом изданий стали газеты и журналы, направленные на широкую аудиторию. Основная их цель — привлечь внимание населения к православию, разъяснить вопросы веры, традиций и ценностей; этот тип изданий также можно назвать миссионерским. Стоит отметить такие издания, как «Миссионер», переименованный в «Православный благовестник», «Вера и разум», «Миссионерское обозрение» и ряд других [1].

В начале XX в. православные религиозные издания стали набирать свою аудиторию, завоевывая определенный сегмент читателей как в светских кругах, так и среди рабочего класса. Это было обусловлено не только социальной и политической трансформацией и повышением уровня грамотности и образования, но и более активным включением православной церкви в общественную жизнь страны, оживлением церковно-общественных дискуссий (во многом благодаря Л. Толстому, Н. Бердяеву, В. Соловьеву и др.), возрождением религиозной активности среди населения, в том числе благодаря переводу Библии на современный язык и развитию деятельности книгонош. При этом менялась жизнь приходов, выделялись новые епархии, в которых усилиями архиереев, духовенства и активных прихожан постепенно стали возникать новые формы приходской жизни, развивалась благотворительность и церковное просвещение. Стоит отметить, что информационное религиозное поле было представлено не только газетами и журналами, но и различными бюллетенями, прокламациями, памфлетами, брошюрами и другими коммуникативными формами.

События 1903–1905 гг. и связанные с ними политические, социальные и духовные трансформации оказали благоприятное влияние на развитие религиозных средств массовой информации неправославных конфессий. Особенно интересен указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного

порядка» (12 декабря, 1904 г.), где отмечалась необходимость устранения противоречий на религиозной почве, а также расширение прав различных неправославных вероисповеданий. Шестой пункт данного указа гласил: «Для закрепления, выраженного нами в Манифесте 26 февраля 1903 г. неуклонного душевного желания охранять освященную Основными Законами Империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно и лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения» [2].

Последующие законодательные инициативы также шли в русле общей демократизации страны в области свободы слова, свободы совести, политических прав и др. 17 апреля 1905 г. был опубликован указ «Об укреплении начал веротерпимости», где говорилось, что отпадение от православия как государственной религии в другое христианское исповедание либо вероучение ненаказуемо, также каждому гражданину предоставлялось право исповедовать ту или иную конфессию без опасения преследований государственной властью [3]. Следует отметить, что на практике данный закон не всегда исполнялся в полной мере, но это стало важным шагом к изменению положения представителей неправославных конфессий, давало возможности для развития, в том числе и в информационном поле.

Возникло большое количество журналов, газет, бюллетеней, информационных листов, которые издавали многочисленные конфессиональные братства, отдельные церкви и приходы, группы граждан, не только христианской направленности, но и других традиционных для России конфессий: ислама, буддизма, иудаизма. Выпускались они достаточно большими тиражами по меркам того времени.

Особое внимание хотелось бы уделить развитию религиозной журналистики евангельских конфессий. Как уже отмечалось ранее, евангельские христиане, баптисты, штундисты и другие конфессии евангельского направления долгое время стояли вне закона и не имели права вести никакую деятельность, в том числе просветительскую и информационную. Однако многотысячное братство нуждалось в новостях, проповедях и разъяснениях различных моментов духовной жизни. Лидер евангельских христиан Иван Проханов принял решение тайно издавать евангельский журнал. Весной 1889 г. вышел первый номер ежемесячника под названием «Беседа», который рассылали во все концы России [4].

После получения возможности свободного развития просветительской и информационной деятельности было учреждено несколько газет и журналов. В частности, с января 1906 г. И. Проханов приступил

к изданию ежемесячного журнала «Христианин», который в дальнейшем выходил с небольшими перерывами до конца 1928 г. Журнал «Христианин», помимо сообщений из жизни общин и рекомендаций по ведению христианского образа жизни, уделял значительно внимание воспитанию подрастающего поколения: один из разделов был полностью посвящен детям и подросткам, а другой молодежи. Тираж данного издания постоянно возрастал, и в 1925–1929 гг. он выходил в количестве 15 тысяч экземпляров в месяц. Проповеди, опубликованные в журнале «Христианин» отличаются разнообразием тематик, но имеют одну отличительную особенность: им присущ христоцентризм. Все рассуждения и примеры вращаются вокруг личности Господа Иисуса Христа [5].

Позднее листок для молодежи из этого журнала решили выделить в качестве самостоятельного издания. Он получил название «Молодой виноградник» и стал органом Всероссийского союза христианской молодежи. Также и раздел для детей «Детский листок» спустя некоторое время был превращен в иллюстрированный журнал «Детская библиотека».

Однако стало понятно, что журналы с невысокой периодичностью не могут удовлетворить все информационные потребности членов евангельских общин, поэтому с января 1910 г. И. Проханов начинает издавать еженедельную религиозную газету «Утренняя звезда», задуманную как орган религиозного пробуждения в России. В газете освещались насущные проблемы церковной и общественно-политической жизни, давалась программа партии, основанной И. Прохановым.

Также необходимо уделить внимание информационной деятельности другой протестантской конфессии евангельского типа — пятидесятникам. К первому опыту издательской деятельности можно отнести выход газеты «Правда и жизнь», основанной в 1912 г. Иваном Воронаевым, будущим лидером движения пятидесятников в СССР. В этом журнале он преимущественно печатал свои проповеди. В это время И. Воронаев находился в США. Стоит отметить, что в этот период из-за ограничений в России ряд изданий религиозной и политической направленности печатался за рубежом и только потом ввозился в нашу страну.

В 1920 г. И. Воронаев возвращается в Россию и начинает здесь активную миссионерскую и просветительскую деятельность. В 1928 г. было принято решение об издании журнала «Евангелист», которое просуществовало недолго: было издано всего восемь выпусков. После этого из-за усилившегося давления властей было принято решение об его закрытии [6].

Как было отмечено ранее, после религиозных реформ 1903–1905 гг. евангельские конфессии получили возможности для свободного духовного творчества, однако это продлилось недолго. После начала Первой мировой войны христиане, принадлежащие

к протестантским конфессиям (особенно лютеране), стали изгоями. СМИ публиковали устрашающие материалы, утверждая, что их вера «германская» и потому они неблагонадежны и даже опасны. По всей стране прокатилась волна запретов и гонений в отношении евангельских общин, а правительство закрыло журнал «Христианин» и газету «Утренняя звезда».

Революция в феврале 1917 г. принесла русским религиозным меньшинствам полную, хотя и недолгую, свободу однако ее плодами церковные общины не успели воспользоваться, так как политика большевиков, захвативших власть через несколько месяцев, в области религии была значительно жестче.

После Октябрьской революции последовательно стало формироваться атеистическое государство, где не было места религиозной просветительской и миссионерской деятельности. Законодательные нормы, установленные в отношении религиозных организаций и конфессий в первые послереволюционные годы, выглядели относительно демократично, хотя и существенно подорвали положение Русской православной церкви.

Например, в «Декларации прав народов России» от 2 (15) ноября 1917 г. было объявлено об отмене «всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений». Также декрет Совета народных комиссаров от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства» впервые провозгласил свободу совести. Первая советская Конституция, принятая 10 июля 1918 г., в статье 13 признавала «за всеми гражданами» свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды «в целях обеспечения трудящимся действительной свободы совести» [7, 40].

По факту большевики последовательно вели подрыв правового и имущественного положения всех религиозных организаций и, в первую очередь, православной церкви. Все православные периодические издания (порядка 640 православных газеты и журналов) были закрыты в 1917–1918 гг. Подобная участь ждала все традиционные религиозные организации, в отношении же религиозных меньшинств, особенно евангельских конфессий, в первые несколько лет политика государства была несколько более демократичной, но также было значительно количество ограничений. После 1929 г. вся религиозная деятельность в стране была запрещена, поэтому ни одного религиозного СМИ не могло легально выходить.

Таким образом, мы видим, что функционирование религиозных средств массовой информации в России в 1900–1920 гг. значительно отличается в зависимости от конфессиональной принадлежности. Православные газеты и журналы до октября 1917 г. имели поддержку государства и все возможности для развития, тогда как пресса других конфессий имела ряд ограничений. После прихода к власти большевиков,

наоборот, первыми были закрыты православные издания, тогда как газеты и журналы религиозных меньшинств еще несколько лет имели возможности для печати, однако тоже был введен ряд ограничений. После 1929 г. абсолютно вся религиозная деятельность была объявлена вне закона, соответственно, издательская деятельность церквей и общин на долгие годы была прекращена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефимов А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской православной церкви / А. Б. Ефимов. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2007.

2. О предназначении к усовершенствованию государственного порядка: Манифест от 26 февр. 1903 г. // Центр древнерусской духовной культуры «Старая Русь». —

Режим доступа: http://cddk.ru/gos_i_religia/history/rossimp/004.htm (дата обращения: 29.06.2022).

3. Об укреплении начал веротерпимости: [Выс. утв. 17 апр. 1905 г.] // Полное собрание законов Российской империи: собр. 3-е. — СПб., 1908. — Т. 25. — С. 237–238. — Режим доступа: <https://ru.wikisource.org>. (дата обращения: 29.06.2022).

4. Осипов Н. В. Евангельское движение в России (1814–1944 гг.) / Н. В. Осипов. — Ялта, 1987.

5. Шендеровский Л. Л. Иван Проханов / Л. Л. Шендеровский. — Торонто: Евангельская вера, 1986.

6. Слободяник В. А. Очерки по истории пятидесятничества / В. А. Слободяник. — Режим доступа: <http://rusbaptist.stunda.org/dop/50/03.htm> (дата обращения: 29.06.22).

7. Декреты советской власти. — М., 1957. — Т. 1.

Иркутский национальный исследовательский технический университет

Желновакова М. Ф., кандидат исторических наук, доцент кафедры рекламы и журналистики

E-mail: m.zhelnovakova@gmail.com

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова

Евтеев П. М., аспирант кафедры журналистики

E-mail: evteev_pavel@mail.ru

*Irkutsk National Research Technical University
Zhelnovakova M. F., Candidate of History, Associate Professor
of the Advertising and Journalism Department
E-mail: m.zhelnovakova@gmail.com*

*North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov
Evtееv P. M., Postgraduate Student of the Journalism
Department*

E-mail: evteev_pavel@mail.ru

ПРОПАГАНДИСТСКИЕ ЗАДАЧИ МЕДИА США В ПЕРИОД ВОЙНЫ В ИРАКЕ

А. В. Землянский

Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 19 апреля 2022 г.

Аннотация: на основе проведенного анализа автор делает вывод о том, что американские СМИ создали предпосылки для подготовки войны с Ираком и благодаря информационной кампании, разработанной в Белом доме, смогли убедить мировое сообщество в необходимости военных действий на территории суверенного государства якобы для борьбы с терроризмом и предотвращения в будущем ядерной войны.

Ключевые слова: война в Ираке, СМИ США, пропаганда, фейковые новости, информационная война, фактчекинг, информационная кампания.

Abstract: based on the analysis the author concludes that the US media have created the preconditions for the preparation of the war with Iraq and through the information campaign, developed in the White House, managed to convince the world community of the need for military action on the territory of the sovereign state, allegedly to combat terrorism and prevent future nuclear war.

Keywords: war in Iraq, US media, propaganda, fake news, information war, fact-checking, information campaign.

Сегодня известно: администрация Буша планировала вторжение в Ирак еще до терактов 11 сентября 2001 г., что доказывает отчет «Восстановление обороны Америки» за 2000 г. неправительственной неоконсервативной организации Project for the New American Century, в котором прямо сообщалось о цели США установить военный контроль в различных частях мира, включая Ирак [1]. В документе также упоминалось, что данные трансформации могут занять не один год, если только не произойдет «какое-то катастрофическое событие, подобное новому Пёрл-Харбору». Именно таким событием и стали террористические акты 11 сентября.

Микки Херсковиц, американский журналист и писатель, соавтор автобиографии Джорджа Буша, рассказал в одном из своих интервью, что Буш думал о вторжении в Ирак еще в 1999 г. [2]. Он считал, что это хороший способ войти в историю как великий лидер. Также, по словам Херсковица, президент был «очарован» тем, какую поддержку получила Маргарет Тэтчер после Фолклендской войны с Аргентиной в 1982 г.

В преддверии войны администрация Джорджа Буша активно продвигала в обществе идею о том, что война необходима и неизбежна. Для этого политики апеллировали к неподтвержденным данным о том, что именно Ирак связан с исполнителями террористических атак 11 сентября, а также владеет оружием массового уничтожения (ОМУ) и сотрудничает с «Аль-Каидой» (террористической организацией, запрещенной во многих странах мира). Перед коман-

дой Буша стояла задача заставить общественность поверить во все эти обвинения, что в конечном счете у них и получилось сделать.

Исследователи Чарльз Льюис и Марк Реддинг-Смит из некоммерческой организации журналистов Центр общественного контроля подсчитали, что в сумме президент Джордж Буш и семь высших должностных лиц его администрации сделали по меньшей мере 935 ложных заявлений в течение двух лет после 11 сентября 2001 г. Все они так или иначе касались наличия ОМУ в Ираке или связей иракского правительства с «Аль-Каидой», а также содержали выводы об угрозе режима Саддама Хусейна для национальной безопасности США [3]. Огромное количество ложных заявлений позволяет говорить о спланированной и целенаправленной информационной кампании.

В октябре 2002 г., когда приближалось голосование в конгрессе по вопросу о санкционировании применения военной силы в Ираке, Джордж Буш обратился к американскому народу в своем еженедельном послании: «Иракский режим обладает биологическим и химическим оружием, восстанавливает оборудование для его производства и, по данным британского правительства, может осуществить биологическую или химическую атаку всего за 45 минут после получения приказа... Этот режим стремится к созданию ядерной бомбы и может создать ее в течение года» [4]. А в ежегодном обращении «О положении дел в стране» от 28 января 2003 г. Буш также заявил: «Британское правительство получило информацию о том, что Саддам Хусейн недавно искал значительное количество урана в Африке. Наша разведка со-

общает, что он пытался приобрести высокопрочные алюминиевые трубы, пригодные для производства ядерного оружия» [3].

Сегодня доподлинно известно, что на самом деле Ирак не обладал ОМУ (что подтверждают заявления международных инспекторов ООН) [5], как и не состоял в союзнических отношениях с «Аль-Каидой». Это следует из рассекреченных отчетов как Министерства обороны США, так и ЦРУ за 2005 г. [6]. Также выяснилось, что Саддам Хусейн заморозил ядерную программу еще в 1991 г. и с тех пор никак не развивал данное направление [3]. В 2006 г., выступая перед Советом по международным отношениям (американский аналитический центр, специализирующийся на внешней политике США), сам Буш заявил, что «был разочарован не меньше остальных», когда американские военные не сумели найти ОМУ в Ираке.

Администрация Буша с самого начала осознавала важную роль СМИ в оправдании военной операции США на территории Ирака. При этом американские средства массовой информации утратили позицию наблюдателя и ослабили фактчекинг, принимая заявления американских политиков и военных на веру [1]. СМИ активно распространяли любые заявления Буша, в том числе о разработке Ираком ОМУ. Независимо от своих политических взглядов и мировоззрения, большинство изданий поддержали политику Буша.

С началом войны США поставили перед собой задачу — создать положительный образ вокруг военной кампании как во внутренних коммуникациях, так и во внешних (в международной повестке). Уникальность данного кейса в его масштабах и объеме инвестиций американского правительства в пропаганду — в попытке отвлечь арабговорящую аудиторию от государственных новостных каналов. Пентагон создал собственную радио- и телестанцию «Аль-Иракия» под управлением калифорнийской компании Science Applications International Corporation (SAIC) [1].

При этом американские СМИ фактически не ставили под сомнение заявления, которые делала администрация Буша об ОМУ. В результате на момент января 2003 г. «68% американцев выразили мнение, что Ирак сыграл важную роль в теракте 11 сентября, причем 13% были уверены, что “убедительные доказательства” такой связи были найдены» [7]. После того как ни разработок ОМУ, ни других использованных Бушем доказательств не было найдено, 34% американцев оставались уверены, что «американские войска нашли ОМУ в Ираке» [7]. Даже после появления опровержений и окончания активных военных действий в мае 2003 г. половина американского населения сохраняла веру в ложные заявления Буша. Популярность и «живучесть» этих заявлений в медиаполе заставляет задуматься о том, почему дезинформация получила столь широкое распространение.

Возможно, это было обусловлено общими паническими настроениями, царящими в США после событий 11 сентября. В ходе анализа, проведенного американским исследовательским центром Pew Research Center [8] в сентябре 2003 г., действительно был выявлен повышенный уровень общественной тревоги. Процент респондентов, считающих мир крайне опасным, составлял 53% до событий 11 сентября, но сразу после вырос до 75%. При этом, как отмечают те же исследователи, в период кризисов, неизбежно вызывающих общественную тревогу, люди более восприимчивы к заявлениям политиков. Они также склонны верить заблуждениям и соглашаться на любые способы устранения источника этой тревоги (например, при помощи войны) [9].

Существенно отличается отношение к войне в Ираке у тех, кто получает информацию в основном от телеканала Fox News (телеканал с правым консервативным уклоном, 93% телезрителей которого являются сторонниками Республиканской партии) и тех, кто полагался на NPR (крупнейшую американскую радиосеть с умеренными политическими взглядами) и PBS (американскую некоммерческую службу телевидения также с умеренными политическими взглядами) [10]. Согласно статистике за 2003 г. 80% зрителей телеканала Fox News имели одно или несколько ошибочных представлений о войне в Ираке, в то время как на телеканалах NPR или PBS их имело только 23% аудитории.

Анализируя роль СМИ в освещении войны в Ираке, нельзя оставить без внимания и коммерческую сторону вопроса. Так, нужно учитывать, что телевизионная индустрия США подотчетна своим спонсорам и владельцам, в связи с чем если коммерческие телевизионные каналы занимают спорные политические позиции, то они рискуют потерять рекламодателей (которые чаще всего не хотят ассоциироваться у аудитории с «опозицией» или представителями политического меньшинства). Стоит, однако, подчеркнуть, что это нельзя считать правительственной цензурой, по крайней мере прямой — это скорее цензура самого рынка, который всегда стремится удовлетворять запросы массовой аудитории. Именно поэтому основные СМИ изначально были плюралистичны в своем подходе к информации, что продиктовано логикой бизнеса, а не идеологии. Для СМИ важен их успех, который измеряется в количестве аудитории и доходах от рекламы. Такие исследователи, как Келлнер из Колумбийского университета [11] и Макчесни [12] из Иллинойского университета, подтверждают, что необходимость соответствовать требованиям рынка и обеспечила тесное сотрудничество СМИ с правительством Буша.

В своей книге «Моральная политика» (2002) Лаккофф описывает теорию «когнитивного фрейминга» [13]. Согласно ей, политическая речь наиболее эффективна, когда она использует метафоры, которые,

в свою очередь, активируют ассоциативное мышление аудитории. На примере войны в Ираке Лакофф пишет, что частое использование правительственными чиновниками фразы «война с терроризмом» и стало причиной того, что общество так поддержало вторжение в суверенное государство [14].

В условиях конкуренции для привлечения и удержания внимания аудитории журналисты нередко прибегали к ярким и стилистически окрашенным (кликбейтным) заголовкам — «Америка на войне», «Нация в состоянии войны», «Иракская кампания “Шок и трепет”», «Удар по Ираку», «Операция “Иракская свобода”» (кодовое название операции в Ираке). В итоге подобная лексика, попадая в новостные сюжеты без четкого контекста или объяснения, также способствовала распространению дезинформации.

Глубокий анализ источников информации, на которые опирались в ходе освещения войны в Ираке американские СМИ, был проведен организацией по наблюдению за СМИ «Справедливость и точность в освещении» (FAIR). Она проанализировала новостные программы об Ираке, выходящие в течение трех недель с начала бомбардировок (20 марта 2003 г.) на шести телевизионных каналах: NBC (Nightly News), ABC (World News Tonight), CNN (Wolf Blitzer Reports), CBS (Evening News), Fox News (Special Report) и PBS (NewsHour). В итоге было обнаружено, что 64% всех источников, из которых 71% — американские, поддерживали войну. Против войны выступали лишь 10% всех источников и лишь 3% — американских [1].

Согласно тому же исследованию, лишь один лидер антивоенной группы фигурировал в качестве спикера. Также в отчете FAIR сказано, что ни одна передача не провела полноценного интервью с источником, выступающим против войны. То есть диапазон информирования общества был ограничен провоенными спикерами.

Вопросы вызывают не только эти источники, к которым обращались за комментариями СМИ, но и компетентность самих журналистов. Так, в ходе анализа журналистских материалов на тему ОМУ медиаисследователь Сюзан Меллер обнаружила, что большинство журналистов не смогли сформулировать различия между разными типами оружия массового уничтожения (химическим, биологическим, ядерным и т.д.). Следовательно, они априори не способны были качественно осветить тему ОМУ с точки зрения рисков и возможностей [15]. Это также снизило качество фактчекинга, в результате чего СМИ полагались на анонимные источники и непроверенные факты, которые озвучивала администрация Буша. Сыграло роль и то, что многие аспекты, связанные с разработкой и применением ОМУ, являются засекреченной информацией, которую правительство редко предоставляет СМИ. В связи с этим у них становится еще меньше шансов достоверно

осветить происходящее и передать обществу объективную информацию.

Меллер считает, что в ходе освещения темы ОМУ акцент был сделан на «срочности новости», чтобы выиграть время у конкурентов, а не на «технологических или научных дебатах вокруг ОМУ или анализе международных последствий его потенциального применения» [16]. Это доказывает, например, кейс The New York Times.

В преддверии вторжения США в Ирак издание опубликовало серию статей, среди которых «Война с террором» — материал о лабораториях, где производилось биологическое оружие [17]. Репортеры Джудит Миллер и Майкл Р. Гордон утверждали, что именно в этих лабораториях Ирак и создает оружие массового уничтожения, однако в статье отсутствовало указание достоверных источников — вместо этого вся информация якобы предоставлялась репортерам «анонимно». Данная статья, выдвигающая Ираку столь серьезные и при этом необоснованные обвинения, стала одним из катализаторов дальнейших действий, так как именно к ней апеллировали чиновники администрации Буша в качестве причин для начала войны с Ираком. The New York Times, таким образом, представила аудитории предположение об иракском оружии массового уничтожения как доказанный факт, однако уже в 2004 г. издание вынуждено было принести за это публичные извинения [17].

На первый план в период войны в Ираке и вышел телеканал Fox News (принадлежит Руперту Мёрдоку, поддержавшему войну в Ираке), который по сей день является лидером рейтингов среди кабельных новостных каналов в США [1]. В первые двадцать дней войны телеканал в среднем удерживал 42% аудитории, в то время как аудитория CNN составляла 34%, MSNBC — 18%, а CNN Headline News (сейчас известный как HLN) — всего 6% [18].

Успех Fox можно объяснить спецификой аудитории канала, придерживающейся преимущественно консервативных взглядов. По словам бывшего продюсера Чарли Рейна, редакция Fox News находилась «под постоянным контролем и бдительным наблюдением руководства» [1]. Каждое утро ведущие получали «служебную записку», где были перечислены новостные сюжеты и темы, запланированные к обсуждению и освещению на день.

В ходе исследования было обнаружено, что в течение трех недель до начала войны 81% источников Fox News поддерживали войну, что, кстати говоря, является самым высоким показателем среди всех телеканалов [19]. Помимо этого, исследователями была обнаружена единая редакционная направленность во всех материалах данного медиа. Также в 70% сюжетов использовались официальные правительственные источники. Профессор коммуникации из Университета Восточного Коннектикута

Олугбенга Айени зафиксировал аналогичные показатели: 58% источников, к которым обращался Fox News в период с октября 2002 г. по март 2004 г. при освещении войны в Ираке, работали на Пентагон, Белый дом или Государственный департамент [20]. Другие же телеканалы представляли более политически сбалансированный набор источников (в CBS доля официальных правительственных источников составляла 30%, в CNN — 21%, а в NBC — 22%).

В связи с тем, что большая часть эфирного времени Fox News была посвящена именно военным действиям в Ираке, зрители Fox потребляли в три раза больше провоенных заявлений, чем зрители любого другого телеканала [21].

Стремясь к таким же охватам и популярности, как у Fox News, другие телеканалы последовали его примеру и тоже стали продвигать правительственную точку зрения в ущерб плюрализму. Так, незадолго до начала войны в Ираке MSNBC отменил свою самую рейтинговую передачу, которую вел левый либерал Фил Донахью, сославшись на ее низкий рейтинг [1]. Однако, как гласит внутренний отчет NBC, вскрывшийся позже, передача была отменена по той причине, что портила имидж телеканала, который хотел поддерживать политику Джорджа Буша [22].

Поскольку после вторжения США ситуация с безопасностью в Ираке резко ухудшилась, многим журналистам стало все труднее вести репортажи непосредственно с места событий, не подвергая свою жизнь опасности. Некоторые СМИ, не имея возможности оплатить расходы на дополнительную охрану, даже отказались от своих бюро в Багдаде. Это привело к тому, что журналисты еще больше стали зависеть от американских провоенных источников, что заставило некоторых критиков поставить под сомнение беспристрастность их репортажей [23].

Более того, в ходе расследования британской независимой некоммерческой организации TBIJ [24], в рамках которого были опрошены бывшие чиновники и подрядчики, а также проанализированы контракты армии США, корпоративные документы Bell Pottinger (о сделках федеральных закупок и отчеты генерального инспектора Министерства обороны), стало известно, что Пентагон заплатил британской PR-компании Bell Pottinger 540 млн. долларов за создание фейковых видеороликов о террористах.

Также стоит упомянуть расследование, проведенное газетой New York Times, которое показало, что высокопоставленные чиновники Пентагона неоднократно встречались с новостными аналитиками и предоставляли тем некую «специальную секретную информацию», а затем пытались убедить их положительно отозваться о войне в Ираке [25].

Еще одним рычагом воздействия Пентагона на освещение в СМИ были так называемые внедренные журналисты — от 600 до 900 профессиональных журналистов были «внедрены» в военные подраз-

деления и сопровождали американскую армию. При этом отправляли своих журналистов в Ирак как небольшие издания, так и самые крупные, например CNN [26]. Роберт Энтман, профессор коммуникации в Университете Джорджа Вашингтона, отметил, что это была очень мудрая тактика со стороны Пентагона. Он также подчеркнул, что журналисты с куда большей долей вероятности сделают благоприятные позитивные репортажи о военной кампании, находясь в Ираке вместе с американскими солдатами, — «из-за эмоциональной связи, возникшей при столь тесном сосуществовании», чем если бы они задавали свои неудобные вопросы в Вашингтоне [27]. Энтман также упомянул о большом количестве отставных генералов, дававших комментарии на телевидении, отметив, что их нельзя считать независимыми экспертами, поскольку они по-прежнему получают зарплату от правительства.

В условиях кризиса или войны СМИ являются главным источником информации для большей части населения, что позволяет им управлять и манипулировать общественным мнением. В связи с этим нет ничего удивительного в том, что именно медиа выступают основным инструментом государственной пропаганды.

В США отсутствуют специальные законы о прессе, не считая первой поправки к Конституции, которая гласит: «Конгресс США не будет принимать законы, ограничивающие свободу слова или прессы». В связи с этим американские СМИ считаются блюстителями демократического строя, из-за чего общественность могла попросту не заподозрить их в участии в спланированной информационной кампании.

На государственном уровне в США отсутствуют какие-либо механизмы цензуры. Также все американские газеты являются частными: для открытия нового издания не требуется лицензия какого-либо государственного органа. Единственное, что выступает своеобразным фильтром при публикации тех или иных материалов, — это политика самих редакций и отдельных журналистов, которые осуществляют самоцензуру.

И тем не менее анализ показывает, что в случае войны с Ираком именно СМИ, по сути, выполняли своего рода «госзаказ» на распространение конкретных идей, которые стимулировали общество поддерживать внешнюю политику Джорджа Буша в отношении Ирака. Американские правящие круги транслировали заведомо ложную информацию о том, что Ирак разрабатывает оружие массового уничтожения, а значит, представляет угрозу для национальной безопасности США и всего мира. Таким образом, помимо реальных военных действий, США развязали информационную войну в рамках своей идеологической кампании. Заявление о «войне против терроризма» стало главной ее

патриотической идеей, которая, в свою очередь, тоже оказала на СМИ давление вместе с правительством, рекламодателями и рынком.

Целый ряд факторов определил успех этой кампании:

1. Тревожные настроения в американском обществе после терактов 11 сентября и традиционное для таких ситуаций высокое доверие к словам политических лидеров. В период кризисов люди ищут объяснение происходящего и способны вернуть утраченную стабильность, а потому легко соглашаются на любые предложения и методы, позволяющие это сделать. В результате это часто и делает их жертвами заблуждений и политических ходов.

2. Серьезные инвестиции американского правительства в пропаганду: от «внедрения» журналистов в военные подразделения до создания целых организаций, таких как дорогостоящий медиацентр в Катаре. Главной задачей США с начала операции в Ираке стало создание положительного образа вокруг военной кампании, причем не только внутри США, но и на международной арене.

3. Высокая стоимость содержания корреспондентских бюро в Багдаде и обеспечения их безопасности определила зависимость новостных СМИ от американских провоенных источников. Поскольку постоянно вести репортажи с места событий не представлялось возможным из-за угрозы для жизни журналистов и финансовых расходов, которые были для малых и средних изданий неподъемными, большинству из них приходилось опираться на заявления самих военных и официальные отчеты. Те же военные корреспонденты, которых все-таки отправляли в Ирак, также были ограничены в своих действиях и возможностях сбора информации, поскольку из соображений безопасности должны были находиться под бдительным присмотром военных.

В результате этого почти все американские СМИ стремились сделать акцент на том, что война в Ираке является «миротворческой» и направлена на искоренение терроризма в интересах всего мира. Для этого журналисты использовали такие стилистически яркие слова, как «независимость» и «освобождение» [28]. Таким образом, именно американские СМИ создали цепочку аргументов для оправдания войны с Ираком и привели к тому, что война была одобрена самим населением США.

ЛИТЕРАТУРА

1. Calabrese A. U. S. Media and the Justification of the Iraq War. Casus Belli / A. Calabrese. — Режим доступа: <https://spot.colorado.edu/~calabres/Casus%20Belli.pdf> (дата обращения: 18.04.2022).

2. Baker R. Real Reason for Iraq Invasion, Finally? Huffpost / R. Baker. — Режим доступа: https://www.huffpost.com/entry/real-reason-for-iraq-inva_b_819426 (дата обращения: 18.04.2022).

3. Lewis C. False Pretenses — Following 9/11, President Bush and seven top officials of his administration waged a carefully orchestrated campaign of misinformation about the threat posed by Saddam Hussein's Iraq. The center for public integrity / C. Lewis, M. Reading-Smith. — Режим доступа: http://www.godempowersyou.com/documentation/VisualAides/satanismingovernment/Iraq_%20The%20War%20Card%20-%20The%20Center%20for%20Public%20Integrity.pdf (дата обращения: 18.04.2022).

4. President Bush Outlines Iraqi Threat. White House Office of the Press Secretary. — Режим доступа: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/10/20021007-8.html> (дата обращения: 18.04.2022).

5. UN inspectors found no evidence of prohibited weapons programmes. United Nations. — Режим доступа: <https://www.un.org/press/en/2003/sc7777.doc.htm> (дата обращения: 18.04.2022).

6. Weisman J. Saddam had no links to al-Qaeda. The Age / J. Weisman. — Режим доступа: <https://www.theage.com.au/world/saddam-had-no-links-to-al-qaeda-20060910-ge33rl.html> (дата обращения: 18.04.2022).

7. Steven K. Misperceptions, the Media and the Iraq War. Program on International Policy Attitudes / K. Steven, C. Ramsay, S. Subias, E. Lewis, P. Warf, 2003.

8. Pew Research Center. Two years later, the fear still lingers. People and the Press. — Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/politics/2003/09/04/two-years-later-the-fear-lingers/> (дата обращения: 18.04.2022).

9. Lakoff G. War on Terror: rest in peace. Altnet / G. Lakoff. — Режим доступа: <http://www.altnet.org/story/23810/> (дата обращения: 18.04.2022).

10. Grieco E. Americans' main sources for political news vary by party and age. Pew Research Center / E. Grieco. — Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/04/01/americans-main-sources-for-political-news-vary-by-party-and-age/> (дата обращения: 18.04.2022).

11. Kellner D. Media Spectacle and the Crisis of Democracy: Terrorism, War & Election Battles. Paradigm / D. Kellner, 2005.

12. McChesney R. The Problem of the Media: U. S. Communication Policy in the Twenty-first Century, Monthly Review Press / R. McChesney, 2004.

13. Lakoff G. Moral Politics: How Conservatives and Liberals Think, University of Chicago Press / G. Lakoff, 2002.

14. Lakoff G. Metaphor and war, again. Altnet / G. Lakoff. — Режим доступа: <http://www.altnet.org/story/15414/> (дата обращения: 18.04.2022).

15. Moeller, Susan D. Media Coverage of Weapons of Mass Destruction. Center for International and Security Studies at Maryland, 2004.

16. Posetti J., Matthews A. A short guide to the history of 'fake news' and disinformation. International center for journalists / J. Posetti, A. Matthews. — Режим доступа: https://www.icfj.org/sites/default/files/2018-07/A%20Short%20Guide%20to%20History%20of%20Fake%20News%20and%20Disinformation_ICFJ%20Final.pdf (дата обращения: 18.04.2022).

17. From the editors; The Times and Iraq. New York Times. — Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2004/05/26/world/from-the-editors-the-times-and-iraq.html> (дата обращения: 18.04.2022).
18. Greppi M. War Brings Cable News Share Shifts. Television Week / M. Greppi. — Режим доступа: <http://proquest.umi.com> (дата обращения: 18.04.2022).
19. Rendall S., Broughel T. Amplifying Officials, Squelching Dissent. Fairness and Accuracy in Reporting, 2003.
20. Ayeni O. ABC, CNN, CBS, FOX, and NBC on the frontlines / O. Ayeni // Global Media Journal. — 2004. — Vol. 4. — № 2. — P. 12.
21. Arsenault A. Conquering the minds, conquering Iraq. The social production of misinformation in the United States — a case study / A. Arsenault, M. Castells. — Режим доступа: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.679.1840&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 18.04.2022).
22. Sheldon R. Trading on Fear / R. Sheldon, J. Stauber // The Guardian. — 2003.
23. Schell O. Baghdad: The Besieged Press. Global Policy Forum / O. Schell // The New York Review of Books. — 2007.
24. Rebello L. Thatcher PR guru Lord Bell ran a \$540m Pentagon false propaganda campaign in Iraq / L. Rebello // International Business Times. — Режим доступа: <https://uk.news.yahoo.com/thatcher-pr-guru-lord-bell-123657456.html> (дата обращения: 18.04.2022).
25. Barstow D. Behind TV Analysts, Pentagon's Hidden Hand / D. Barstow // The New York Times. — Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2008/04/20/us/20generals.html> (дата обращения: 18.04.2022).
26. Vaina D. The Vanishing Embedded Reporter in Iraq / D. Vaina // Pew Center Research. — Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/journalism/2006/10/26/the-vanishing-embedded-reporter-in-iraq/> (дата обращения: 18.04.2022).
27. Entman R. Framing, towards edification of a fractured paradigm / R. Entman // McQuail's Reader in Mass Communication Theory. — 2002. — P. 234.
28. Javed H. Corporate media manipulation in the US wars: a case study of Iraq war / H. Javed, H. A. Saleem // Margalla Papers. — Режим доступа: <https://margallapapers.ndu.edu.pk/site/article/view/58/39> (дата обращения: 18.04.2022).

Московский педагогический государственный университет

*Землянский А. В., кандидат исторических наук, доцент
кафедры журналистики и медиакоммуникаций*

E-mail: av.zemlyanskii@mpgu.su

*Moscow Pedagogical State University
Zemlyanskiy A. V., Candidate of History, Associate Professor
of the Journalism and Media Communications Department
E-mail: av.zemlyanskii@mpgu.su*

НОВАЯ РОССИЙСКАЯ МЕДИАРЕАЛЬНОСТЬ: ПРОЦЕССЫ АДАПТАЦИИ¹

Т. Л. Каминская

Финансовый университет при Правительстве РФ

Поступила в редакцию 30 апреля 2022 г.

Аннотация: в статье анализируется адаптация акторов медиасферы к новым реалиям 2022 г., приводятся наиболее успешные практики создания медиаконьюнити. В статье предлагаются примеры краудсорсинговых российских ресурсов и дается обзор их способов взаимодействия с аудиторией. Один из актуальных способов — обучающие программы для аудитории по адаптации к новым условиям медийной среды, в которых цифровые платформы опережают сложившиеся школы и университеты. Особое внимание уделяется опыту переходов российских бизнесов в экосистемы с точки зрения коммуникативных подходов.

Ключевые слова: медиа, аудитория, коньюнити, трансформация, цифровые ресурсы, краудсорсинг.

Abstract: the article analyzes the adaptation of the actors of the media sphere to the new realities of 2022, provides the most successful practices for creating a media community. The article offers examples of crowdsourced Russian resources and provides an overview of their ways of interacting with the audience. One of the current ways: training programs for the audience to adapt to the new conditions of the media environment, in which digital platforms are ahead of established schools and universities. Particular attention is paid to the experience of Russian businesses transitioning to ecosystems in terms of communicative approaches.

Keywords: media, audience, community, transformation, digital resources, crowdsourcing.

Изменения медийной среды последних двух лет трансформировали условия труда, отношение к цифровым коммуникациям и требования к специалистам медийной сферы. Пандемия подхлестнула глобальную цифровизацию и погруженность в интернет (сегодня 62% жителей Земли пользуются интернетом, 100% из которых используют социальные сети).

В России темпы роста розничных продаж мобильных телефонов резко ускорились в течение 2020 г.: таковой была реакция российских потребителей на длительную самоизоляцию. У потребителя появилась необходимость модернизировать свой телефон (приобрести новый бренд или новую марку уже любимого бренда), поскольку телефоны стали использовать намного чаще в связи с большим количеством свободного времени и потребности в коммуникационной и информационной поддержке. Некоторые из потребителей перенесли покупки коммуникационных устройств, которые они планировали сделать в 2021 г., на год ранее. При этом, поскольку офлайн-магазины вынуждены были закрываться на длительный срок из-за ограничений COVID-19, все больше потребителей стали совершать покупки в интернете.

Далее диктовали свои условия нестабильность курса рубля и введение санкций иностранных го-

сударств: в 2022 г. это привело вновь к росту цен на смартфоны и вновь к увеличению продаж. Согласно данным «СберИндекса», потребительские расходы на бытовую технику и электронику до начала военной спецоперации (20.03.2022) составляли –3,6% г/г, 06.03.2022 показатель увеличился до 105,9% г/г, а потом пошел на постепенное снижение потребительского ажиотажа. «Тинькофф Индекс» отмечает, что с 24 февраля по 10 марта 2022 г. средний чек на электронику вырос на 86% относительно такого же периода прошлого года. При этом количество покупок за период с 24 февраля по 10 марта 2022 г. относительно начала февраля этого же года составляет 21%, а средний чек — 100%. В начале марта 2022 г. значительно увеличились продажи основных дорогих брендов смартфонов (Apple, Samsung, Xiaomi), после чего российский потребитель перешел на более дешевые аналоги. Доля продаж Honor относительно всех смартфонов увеличилась с 2,5% до 5%². А после объявления о приостановки деятельности в России цены на iPhone поднялись практически в три раза (с 24% до 34%)³. Такие паттерны поведения гово-

² Гаврилюк А. Смартфоны смели по сусекам // Коммерсантъ. 2022. 16 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5258989> (дата обращения: 17.04.2022).

³ Исследование показало, как подорожали iPhone в России за три недели // Прайм. 2022. 17 марта. URL: https://1prime.ru/telecommunications_and_technologies/20220317/836399637.html (дата обращения: 17.04.2022).

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету.

рят о сильной эмоциональной привязке к цифровой жизни у российского потребителя, которая сложилась уже на протяжении долгого периода и во время пандемии только росла. Но это в большей мере касается простых пользователей.

Если говорить о профессиональных аспектах работы в медиасфере, то, с одной стороны, пандемийные годы из-за медиатизации и цифровизации всех социальных практик усилили запрос на конвергенцию медиаконтента и универсальность медийного специалиста. С другой стороны, уход из медиaproстранства России по причине признания экстремистскими и блокировки нескольких ведущих социальных сетей, СМИ и медийных платформ мотивировали сделать акцент коммуникаторов не на особенности платформы и цифровые компетенции журналистов и маркетологов, а на умение создать собственное комьюнити, иначе говоря, сплотить целевую аудиторию вокруг медиаресурса и обеспечить в ней горизонтальные связи.

Новая социально-политическая реальность демонстрирует очевидность создания сообщества, готового перейти за контентом блогера (СМИ, бренда) на другую платформу. За время пандемии в создании комьюнити прежде всего преуспели блогеры и крафтовые (нацеленные на узкую целевую аудиторию) медиа; уже апрельские опросы 2022 г. пользователей соцсетей показывают, что аудитория блогеров активно реагирует на происходящие перемены⁴. Массовый исход в «Телеграм» и во «ВКонтакте» демонстрируют рейтинги «Медиалогии», конфигурация которых в апреле значительно поменялась: в топ выходят каналы личностей, перебазировавшихся сюда не так давно либо активизировавшихся в последнее время.

В научном мировом дискурсе обсуждаются оптимальные модели взаимодействия медиаакторов с их целевой аудиторией, и тут нет единства мнений. Норвежские исследователи Ханс, Нильсон и Джарль делают обзор всех способов финансирования медиа, где основными являются: 1) реклама; 2) подписка; 3) краудфандинг; 4) нерекламные проекты (организаторская деятельность); 5) государство; 6) крупные частные спонсоры (нередко связанные с государством) [1].

Очень важно отметить, что в США подписная модель в некоторых случаях трансформируется в клубную: за определенную сумму читатель получает преференции, например право посещать редакцию и общаться с журналистами, состоять во внутренних рабочих чатах, получать эксклюзивные товары с фирменными знаками СМИ. Такой же принцип ле-

жит в основе любого медиакраудфандинга с его спектром вознаграждений. Медиа всего мира ищут новые формы работы с аудиторией, а модель «СМИ — центр общественной жизни», появившаяся еще в 2010-е гг., в данный момент актуализировалась и обсуждается на всех последних конференциях. В «Слове редактора» к одному из номеров журнала «Акценты» редактор и декан журфака ВГУ В. В. Тулунов предлагает, по сути, программу организации центров общественной жизни вокруг редакций: «Местным журналистам нужно активнее предлагать населению соучастие в создании СМИ (создавать клубы друзей СМИ, сеть добровольных корреспондентов, форпосты изданий); создавать школы юных журналистов при редакциях местных СМИ и кружки журналистики в школах, поддерживать школьные медиацентры, СМИ; осуществлять выездные редакции на местах; проводить встречи с читателями, читательские конференции с приглашением героев публикаций и работников библиотек; организовывать конкурсы читателей; растить журналистскую смену» [2, 2].

В большинстве русскоязычных исследований медиакомьюнити традиционно связывают с локальной прессой, объединением вокруг инициатив и идей, транслируемых медиа, неким сообществом, живущем на определенной территории. Так, А. Д. Борейко, говоря о комьюнити белорусских СМИ, имеет в виду прежде всего приверженность к прессе членов локальных и городских сообществ, выделяя в особый тип «комьюнити-журналистику», которая удовлетворяет «информационные интересы и потребности определенной аудитории с совпадающими ценностями и проблемами» [3, 355].

Однако в условиях невозможности распространения бумажных тиражей (медиа, по всем экспертным оценкам, относится к наиболее пострадавшим от пандемии отраслям) и коммуникаций с целевой аудиторией в офлайне, цифровые коммуникативные практики становятся наиболее актуальными и комьюнити теряет характеристику привязки к конкретной территории. Взаимодействие с аудиторией на принципах партнерства реализуется в последние годы в онлайн-форматах. Эти процессы стирают грань между региональными и федеральными медиа: благодаря цифровому комьюнити-менеджменту подписчики и члены «клуба друзей» больше не привязаны только к месту нахождения редакции. Ради возможности быть «особенным» и принадлежать определенному обособленному кругу людей, потребители готовы не только много переплачивать за обычный смартфон, но и демонстрировать свою привязанность к медийному ресурсу, тратя на него свое время, деньги и усилия.

В этом плане показательны специализированные русскоязычные медиа, которые нечасто становятся объектом исследования (пожалуй, за исключением спортивных), между тем именно их опыт сплочения

⁴ Опрос блогерского агентства Invite совместно с исследовательским агентством Tiburon Research. URL: <https://www.sostav.ru/publication/issledovanie-o-potreblenii-kontenta-inflyuenserov-za-poslednij-mesyats-53713.html> (дата обращения: 17.04.2022).

вокруг себя своей аудитории представляет именно сегодня большой интерес. Как правило, они отличаются, например, от финансируемых из бюджета медиа не только краудсорсинговыми инициативами, но и специальными мероприятиями для своей аудитории. Речь идет о создании сети добровольных корреспондентов (здесь уместен советский опыт рабкоров), клубов друзей, проведении социальных акций типа субботников или сбора денег для нуждающихся по инициативе редакции.

Показательным моментом важности создания комьюнити служит интерес исследователей и работодателей в сфере медиа к такой профессиональной позиции, как комьюнити-менеджер. В последние два года работодатели активно предлагают (например, в профессиональной сети LinkedIn) такие вакансии на цифровых платформах поиска работы, а медиаобразование обратилось к их компетенциям. Так, Ю. В. Явинская, разрабатывая программу дисциплины для журналистов по комьюнити-менеджменту, предлагает рассматривать его как систему для создания медиапродукта, противопоставляются понятия «аудитория СМИ» и «комьюнити СМИ»: второе предполагает горизонтальные связи между людьми, а не просто чтение ими контента [4].

Усилия по созданию комьюнити актуализировались как бизнес-стратегия во время пандемии, и сегодня, когда медиа и блогерам необходимо перейти на новые площадки в связи с блокировкой привычных, очевидна ее плодотворность в плане устойчивости бизнеса и развития цифровых коммуникаций. Важна в этих обстоятельствах готовность аудитории перебазироваться на другую площадку вслед за медиа. Одно из направлений комьюнити-менеджмента — краудфандинг и краудсорсинг, новые цифровые возможности для этих практик активно развиваются в последний год [5].

Интересно, что существуют современные тематически ориентированные на профессиональную коммуникацию медиаресурсы, полностью основанные на краудсорсинге. Это чаще всего проекты, ориентированные либо на социальную идентичность аудитории (родитель, ученик, домохозяйка, светская львица), либо на профессиональную идентичность (маркетолог, преподаватель, исследователь).

В качестве показательных можно привести два примера такого рода. Первый: сайт с ежедневно обновляемым контентом **Executive.ru** — презентует себя как *краудсорсинговый проект, не имеющий аналогов в Рунете, сообщество менеджеров, объединенных идеями профессионального роста. Участники сообщества обмениваются знаниями для того, чтобы повышать квалификацию и как следствие — собственную капитализацию на рынке труда*⁵. Проект тщательно изучает свою аудиторию, публикует

⁵ <https://www.e-executive.ru/pages/about>

данные о ней и привлекает экспертов для создания контента различными способами. К апрелю 2022 г. он набрал более полумиллиона подписчиков.

Второй: возникшее в 2015 г. интернет-издание «Мел» в 2020 г. вошло в перечень отечественных социально значимых ресурсов в интернете, в официально утвержденный перечень⁶, получило несколько профессиональных премий и набрало десятки тысяч подписчиков и несколько сотен авторов. В интервью журналу «Журналист» [6] главный редактор ресурса «Мел» (Mel.fm) рассказывает, в частности, о разделе «блоги», в котором публикуются не журналисты, а эксперты, и просто родители со своими историями воспитания и образования. Кроме того, читатели (интересно, что отказ от видеоформатов входит в редакционную политику ресурса) могут подписаться на тематическую рассылку и тематические подкасты. Усилия комьюнити-менеджмента редакции связаны с различными направлениями взаимодействия с аудиторией: своих подписчиков и авторов издание называет «партнерами», иногда организовывая обучающие мероприятия для них, а также приглашает **выступить на радио** «Говорит Москва», где у «Мела» есть своя передача «Радиошкола. Большой разговор». Предлагая разместить рекламу, «Мел» позиционирует это как **поддержку партнерского проекта**, и для осуществления этой поддержки предлагает обратиться заранее и дать о себе наиболее полную информацию. Отмечается, что «Мел» очень разборчив даже в заработке денег на рекламе: *для издания важна репутация некоммерческой организации или проекта, актуальность и свежесть темы, ее релевантность аудитории «Мела», возможность привлечения трафика и улучшение имиджа*.

Создание комьюнити для акторов медиареальности не в последнюю очередь связано с возможностью проявлять к своей аудитории эмпатию и умение разделить эмоции аудитории, а не логически принять ее позицию. С эмпатией, как считает президент РАСО Е. Н. Минченко, прежде всего, проблемы у политиков, а потому у зависимых от власти СМИ. «Политика сегодня — это сериал, представленный в медиа», и нужны эмоции, а идеология (особенно для поколения Z) отходит на второй план», — подчеркивает он⁷.

Медиатизация — это не только обсуждаемый тренд, но и социальные практики сращения политики и шоу в медиаформатах. Примером вовлечения в по-

⁶ Перечень отечественных социально значимых информационных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/perechen-k-prikazu-148.pdf> (опубликован в апреле 2020 г.).

⁷ Из доклада на конференции МГИМО. URL: <https://m.youtube.com/watch?v=qJPsH3ko0a0&feature=youtu.be> (дата обращения: 17.04.2022).

литику посредством медиатизированного шоу можно назвать проекты группы «Ленинград» (Шнуров): шоу с тематикой неубранного города Санкт-Петербурга вызвало общероссийский всплеск медийной реакции с демонстрацией ситуаций с уборкой во всех городах. Вообще, актуальное для модных молодежных дискурсов (вроде феминистских и экологических) влияние на политику посредством цифровых флешмобов набирает обороты. Интересно, что флешмобы как способ вовлечения в решение проблем стали инициировать и «сверху»: в апреле 2022 г., как сообщает ТАСС, «свыше 1,2 тыс. предприятий России из 83 регионов приняли участие во флешмобе #МыРаботаем»⁸.

Появившийся в англоязычных исследованиях новый термин сегодня широко используется исследователями при описании социально-политических российских реалий — **медиадиалогика** — обозначающий современную призму восприятия, посредством которой интерпретируется все происходящее [7]. Правила медиадиалогики включают в себя, например, такие положения: старая логика (просветительская, религиозная и т.д.) не работает, факта не существует. Именно такие проблемы, как постправда, синдром отмены (отменять могут не только отдельных личностей, но и целые страны), сбор данных и цифровая слежка, мотивируют назвать современность «информационным апокалипсисом»⁹.

Таким образом, следует отметить адаптационные к новой реальности актуальные модели цифровой коммуникации, касающиеся прежде всего аудитории медиа:

Возможность финансировать медиапроекты и участвовать в создании контента с использованием посреднических цифровых платформ («Сила слова», Pressfeed.ru, «Планета.ру» и подобных). Симптоматично, что в 2020 г., в разгар пандемии, именно в России была запущена первая в мире специализированная крауд-платформа для журналистов и медиа, «Сила слова», которая сконцентрировала свои усилия на сборе средств для четырех видов проектов гражданской направленности: журналистские расследования, экспедиции в труднодоступную местность, социально значимые темы и поддержка журналистов в трудных жизненных ситуациях;

Включенность в экосистемы («Сбер», «Яндекс») — особенно характерная для поколения Z, готового делиться своими личными данными и отличающимся информационной открытостью. Тренд всех технологических кампаний — переход из одного бизнеса

⁸ ТАСС, 26 апр. URL: https://tass.ru/obschestvo/14480141?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 17.04.2022).

⁹ Из доклада Е. Н. Минченко на конференции МГИМО (14 апреля 2022 г.). URL: <https://m.youtube.com/watch?v=qJPnH3ko0a0&feature=youtu.be> (дата обращения: 17.04.2022).

ко многим — требует новых коммуникативных решений и от СМИ (одним из которых является масштабное использование ИИ). По различным прогнозам, к 2025 г. человек минимизирует свое присутствие в следующих практиках, большинство из которых именно коммуникативные: обработка данных, поиск и получение информации, административные задачи и оценка информации.

Использование виртуальных инфлюенсеров и коммуникаторов в общении с аудиторией. Виртуальные помощники в коммуникации на основе алгоритмов призваны обеспечить, во-первых, индивидуализацию общения и, во-вторых, оптимальные модели советов, ориентировок в окружающей действительности (от создания индивидуального меню до траектории движения). Первыми в создание роботов-коммуникаторов включились бренды, сделав их своими представителями в цифровой среде (после тщательного исследования своих аудиторий созданы роботы: A_n_n_a_tnt, Sasha_she и Aliona_pole). Экосистемы также активно занимаются сегодня созданием и исследованием восприятия всевозможных виртуальных коммуникаторов и чат-ботов. Например, у «Сбера» существует на сегодня три чат-бота: «Салют», «Афина», «Джой» — они распределены по гендерным признакам (2 женщины и один мужчина), по характеру коммуникации, наделены личностными чертами, особыми коммуникативными стратегиями и чертами. Один, по замыслу разработчиков, строг и логичен, другой обладает чувством юмора и имеет масштабный запас шуток.

Интересно, что виртуальные коммуникаторы снимают вопрос о доверии, прочно вошедший в повестку медиатизированного общества (в целом доверие к политикам и медиа как акторам коммуникации неуклонно падает).

Экосистемы и цифровые платформы вбирают в себя все больше функций государства (обучающих, консультативных, защитных и так далее), демонстрируя, что все общество подвергается процессу цифровой трансформации.

Для прогнозирования медийной трансформации в ближайшей перспективе важны следующие моменты:

Ускорение коммуникационного соединения в течение последующих годов (с точки зрения запуска 5G в городах с населением более миллиона человек)¹⁰ также, вероятно, поддержит рост спроса на смартфоны, поскольку российские потребители все чаще переходят на модели, которые позволяют получить доступ к сетям 5G. Хотя первоначальный план со-

¹⁰ Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Проект «Цифровая экономика» [официальная страница]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/870/> (дата обращения: 19.04.2022).

стоял в том, чтобы запустить сети 5G к 2022 г., телекоммуникационные компании объявили в начале 2020 г., что это будет отложено до 2024 г. Запуск 5G в России с более быстрым доступом в интернет, вероятно, значительно разнообразит аспекты цифровой жизни потребителей, что будет способствовать дальнейшему росту медиатизации всех социальных практик.

Несмотря на то, что наличные, особенно в кризисном 2022 г., остаются предпочтительным способом оплаты в России, все большее число потребителей активно переходят на безналичные альтернативы.

По всей видимости, будет масштабироваться одна из интересных тенденций — активное освоение СМИ и медийными цифровыми платформами обучающих инициатив и практик в их стремлении подменить фундаментальное университетское образование (или дополнить его) освоением цифровых компетенций. Сейчас специализированные СМИ и медиаплатформы активно включились в образовательную деятельность: ИД «Имидж-медиа» организует всевозможные курсы, Pressfeed.ru в 2022 г. создал новый раздел «Академия», краудфандинговые платформы собирают слушателей на офлайн-школы и онлайн-семинары. При этом подобного рода обучающие проекты мгновенно реагируют на изменение конфигурации медийного рынка и делятся оптимальными практиками коммуникации в новой реальности. Они оперативно отрабатывают повестку репрофилирования маркетинговой и пиар-коммуникации на российские цифровые платформы. Воспользовавшись замешательством традиционно немобильного классического образования, медиаресурсы все более уверенно занимают образовательную нишу.

*Финансовый университет при Правительстве РФ
Каминская Т. Л., доктор филологических наук, профессор
Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса
E-mail: tlkam1@mail.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. Hans & Nilssen, Tore & Sjørgard, Lars. (2009). Business Models for Media Firms: Does Competition Matter for How They Raise Revenue. *Marketing Science*. 28. 10.1287/mksc.1090.0514. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/45138115_Business_Models_for_Media_Firms_Does_Competition_Matter_for_How_They_Raise_Revenue (дата обращения: 20.04.2022).
2. Тулупов В. В. СМИ — аудитория — власть / В. В. Тулупов // Акценты. Новое в массовой коммуникации. — 2021. — № 5–6 (180–181). — С. 2–3.
3. Борейко А. Д. Создание комьюнити вокруг медиа. Журналистика — Медиалогия — Наставничество / А. Д. Борейко // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию проф. Б. В. Стрельцова и 100-летию Белорусского государственного университета. — Минск, 2021. — С. 354–358.
4. Явинская Ю. В. Дисциплина «Комьюнити-менеджмент» в аспекте медиаобразования / Ю. В. Явинская // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2018. — № 4 (30). — С. 42–46.
5. Каминская Т. Л. Медиакраудфандинг в России как способ соучастия адресата / Т. Л. Каминская // Медиалингвистика. Вып. 8. Язык в координатах массмедиа: материалы V Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 30 июня — 2 июля 2021 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. — СПб.: Медиапампир, 2021. — С. 340–342.
6. Распопова С. Форматы, дистрибуция и деньги. Как работает медиа об образовании «Мел» / С. Распопова // Журналист. — 2020. — 16 нояб. — Режим доступа: <https://jrnlst.ru/mel> (дата обращения: 20.04.2022).
7. Загидуллина М. В. Медиалогика как инструмент анализа в коммуникативистике / М. В. Загидуллина // Вопросы журналистики. — 2017. — № 1. — С. 75–88.

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Kaminskaya T. L., Doctor of Philology, Professor of the Mass Communications and Media Business Department
E-mail: tlkam1@mail.ru*

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» РУБЕЖА XIX–XX ВВ.

Н. Н. Козлова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 мая 2022 г.

Аннотация: *статья охватывает период с начала 1880-х гг. до начала 1918 г., когда в публикациях журнала наиболее полно были представлены программные установки либерализма как течения русской демократической мысли. Показано, как с изменением исторических условий конкретизировались, детализировались положения либеральной программы, менялись представления авторов журнала об условиях ее реализации в России на фоне сохранения приверженности фундаментальным либеральным ценностям.*

Ключевые слова: *Россия рубежа XIX–XX вв., русский либерализм, журнал «Вестник Европы», либеральная программа.*

Abstract: *the article covers the period from the beginning of the 1880s to the beginning of 1918, when the journal's publications most fully represented the program attitudes of liberalism as a current of Russian democratic thought. The article demonstrates the way the points of the liberal agenda were detailed with the change of historical conditions. It also shows how the ideas of the authors about the conditions of its implementation in Russia changed against the background of maintaining adherence to fundamental liberal values.*

Keywords: *Russia at the turn of the XIX–XX centuries, Russian liberalism, the journal «Bulletin of Europe», liberal agenda.*

«Вестник Европы», издание которого началось в 1866 г., приобрел устойчивую репутацию либерально-западнического журнала к концу 1870-х гг. Он поддерживал реформаторскую политику правительства Александра II и последовательно критиковал власть за отступления от взятого ею курса на либерализацию в важнейших областях жизни страны. Однако потребность представить свою позицию как целостную программу появилась у редакции только после трагедии 1 марта 1881 г., когда проблема выбора дальнейшего пути развития России приобрела чрезвычайную остроту. Попытка политического обозревателя журнала К. Арсеньева сделать это уже в апрельском номере 1881 г. была пресечена цензурой, признавшей «вредными» поиски автором «Вестника Европы» «исцеления от изложенных бедствий в самостоятельном центральном органе земства, который принял бы участие в государственной жизни и деятельности, с обеспечением прав личности на свободу мысли, слова и убеждения» [1]. Но через год в мартовском номере 1882 г. под рубрикой «Из общественной хроники» публицист сделал короткий полемический выпад в адрес критиков либерализма в славянофильской печати: «Наш протест направлен против опасного смещения либеральной партии с «господчиной», либерализма с односторонним охранением буржуазных интересов... Либерализм как политическое учение — это апофеоз свободы как

всестороннего развития внутренней индивидуальной жизни и как участия граждан в общегосударственном деле — свободы вероисповедания, свободы личности, свободы печати, права контроля и т.п.» [2, 447]. А в апрельском номере 1882 г., под рубрикой «Внутреннее обозрение» К. Арсеньев уже представил развернутую программу либерализма как течения русской демократической мысли. Отвечая на упреки в «слепом преклонении перед Западом», он писал: «...перенесение к нам целиком английских или немецких порядков немислимо уже потому, что государственный строй должен соответствовать условиям времени и места... самобытности в смысле особенностей, выработанных историей, постоянно изменяющихся, поддающихся действию самых различных причин и обуславливающих собою самые различные последствия, не лишен ни один народ, не лишена и Россия. Уважать эту самобытность либералы расположены ничуть не меньше, чем националы, а может быть, и больше». Но самобытность националов, писал он «требует поворота назад; самобытность, признаваемая нами, предполагает движение вперед, только не по произвольно выбранной дороге» [3, 809]. Дорога предлагалась такая: в экономике — «поддержание общинного землевладения как главной гарантии против обезземеления массы, правительственное и земское содействие к переходу земли во владение крестьян; организация переселений и мелкого поземельного кредита; дальнейшее понижение выкупных платежей там, где они превос-

ходят доход с надельных земель; отмена подушной подати, увеличение налогов, платимых более достаточными классами, с соответствующим понижением податного бремени, тяготеющего над народом; значительное сокращение непроизводительных государственных расходов». В социально-политической сфере: «...на знамени либералов начертано по меньшей мере два девиза: «свобода печати, «свобода совести» [3, 799]. Также «необходимо правильное устройство местного управления и самоуправления, под законным контролем, но не под чьей-либо властью... Либералы предлагают всеобщую власть как самостоятельное целое, управляемое свободно избранными уполномоченными и чуждое всякого искусственного сосредоточения власти в руках одной общественной группы... устранение тех условий, в силу которых земское и городское самоуправление часто остаются теперь мертвой буквой и служат интересам немногих в ущерб большинству» [3, 803].

Очень скоро после появления этих публикаций «Вестник Европы» более чем на 20 лет лишился возможности столь откровенных программных высказываний. «С лета 1882 г., — писал К. Арсеньев в 1915 г. в статье «Пятидесятилетие «Вестника Европы», — вопрос об изменении государственного строя надолго исчезает из обихода русской жизни. Одряхлевший государственный строй видимо клонился к упадку; чем больше предпринималось мер для его укрепления, тем больше расшатывались его основы» [4, V]. Но редактор М. Стасюлевич и весь авторский состав делали все возможное для продвижения положений либеральной программы. Материалы по крестьянскому, рабочему, национальному, религиозному вопросам, проблемам образования, о положении земств — особенно в провинции, — а также на международные темы давали понять, что растущая озабоченность власти самосохранением в неизменном виде чем дальше, тем больше шла вразрез с реальными потребностями разных социальных слоев и повышала вероятность масштабных потрясений. Однако журнал неоднократно декларировал принципиальное неприятие революционных методов борьбы. Здесь были убеждены, что в обозримой перспективе в России только власть имела реальные возможности мирного реформирования страны. Поэтому авторы «Вестника Европы» не упускали случая поддержать меры правительства, хотя бы минимально способствовавшие «движению вперед», и делали попытки убедить власть, что проведение в жизнь либеральной программы в первую очередь выгодно ей самой. Такого рода реверансы обнаруживали в том числе и тревогу по поводу мизерности усилий, предпринимаемых либеральной оппозицией. Продолжалось обнищание огромных масс крестьянства, уничтожалась университетская автономия, из сферы престижного образования удалялись «кухаркины дети», суживалась сфера деятельности суда присяжных, поощрялся на государствен-

ном уровне национализм, выводились из публичного поля политические процессы, ограничивались права местного самоуправления — и оппозиции оставалось только выражать сдержанное недовольство уже свершившимся фактом.

Но вот грянул 1905 год, и в февральском номере «Вестника Европы» 1906 г. появилась написанная К. Арсеньевым программа партии демократических реформ, создававшейся по инициативе редакции журнала. Основные положения этой программы по сути мало чем отличались от заявленных в начале 1880-х гг., но носили более конкретный и развернутый характер. Признавалось целесообразным определяемое основным законом государственное устройство России как наследственной конституционной монархии. Предполагалось создание двухпалатного парламента с законодательной инициативой, контролем за правительством, бюджетом и госзаймами. «Ни одно постановление, распоряжение, указ, приказ и тому подобный акт, не основанный на решении народного представительства, как бы он ни назывался и от кого бы ни исходил, не может иметь силы закона» [5, 788]. В области прав граждан — равенство перед законом, свобода совести и вероисповедания, свобода слова, собраний и союзов, право петиций личных и коллективных, неприкосновенность личности и жилища, свобода передвижения, судебная защита прав. В области местного самоуправления — выборность на всех уровнях, ведение всеми сферами местного управления, за исключением относящихся к компетенции центральной власти, контроль со стороны последней только за законностью действий местной с оставлением окончательного решения за судом. Посвященный ему раздел программы состоял из одной фразы: «Отменить все отступления от начал судебной реформы 1864 г.» [5, 789]. В области народного просвещения — бесплатное и общее начальное образование, инициатива частных лиц и общественных учреждений в открытии и устройстве учебных заведений всех типов и организации внешкольного образования. Экономическая и финансовая политика должны обеспечивать ограничение непроизводительных расходов, сокращение военного бюджета, развитие прямого налогообложения за счет косвенного и отмену косвенного на предметы необходимого потребления для народных масс; прогрессивный налог, независимый государственный контроль за всеми доходами и расходами государства; исключение из бюджета земств и городов общегосударственных расходов, кредит для местного самоуправления. Регулирование норм землеустройства в зависимости от местных условий. Право рабочих на стачки с установлением ответственности только за нарушение уголовного законодательства, придание профсоюзу статуса юридического лица, государственное страхование по старости и нетрудоспособности [5, 790–793].

Стал фактом российской истории манифест 17 октября, были приняты новые правила о печати, шел процесс формирования легальных политических партий, готовились выборы в первую Государственную думу. Все это давало надежду на устойчивость либеральных преобразований. Но уже в 1909 г. в статье «Призыв к покаянию» по поводу выхода сборника «Вехи» К. Арсеньев писал: «Характер революции освободительное движение получило именно потому, что слишком долго был закрыт для русских граждан доступ к государственной деятельности. Русское общество не прошло в свое время политическую школу — и это не могло не сказаться, когда внезапно раздвинулась политическая сцена и пали окружавшие ее перегородки» [6, 307]. И с горечью констатировал: «Русская государственность возвратилась к той мертвой точке, на которой стояла пять лет тому назад. Слегка измененная внешность прикрывает старое политическое содержание. Личная и общественная инициатива встречает те же препятствия, как и прежде... что бы ни говорили составители сборника, по-прежнему чувствуется уверенность, что без коренных общественных реформ невозможно глубокое обновление личной жизни» [6, 304].

Вера «прямолинейного либерала» К. Арсеньева (так называли его не самые доброжелательные современники) в универсальность и безальтернативность либеральных ценностей для «цивилизованных народов» привела его и других публицистов журнала к мысли о том, что и начавшаяся в 1914 г. «великая война» может способствовать реализации либеральной программы. Что с ее окончанием прорастут семена «международной солидарности и народной самодеятельности», наступит «период всестороннего развития» [7, 428]. «Война, освободительная по своему духу и по своим целям, не может не стать освободительной и внутри государства», — писал К. Арсеньев в обозрении «На темы дня» в ноябрьском номере «Вестника Европы» 1914 г. [8, 340]. Казалось, февраль 1917 г. оправдал эти надежды. Приветствуя «падение отжившего режима», обозреватель «Вестника Европы» утверждал: «...в плоть и кровь облекся образ русского гражданина, стертый до неузнаваемости в реакционные годы» [9, 360]. А Л. Слонимский, автор «Иностранного обозрения», провозглашал «появление на сцене всемирной истории новой русской демократии» [10, 391]. Но, пожалуй, самое удивительное, что и октябрь 1917 г. не был воспринят как разрушение этих надежд. Напротив, он побудил того же Арсеньева к корректировке и поискам путей реализации либеральной программы в новых условиях. В апрельском номере 1918 г., оказавшемся последним в истории этого самого долговечного русского толстого журнала, обозреватель с тревогой писал о все большем преобладании в текущей жизни самых

темных и кровавых сторон революции: о терроре, культивировании ненависти к «бывшим имущим классам», особенно к буржуазии; о разгорающейся гражданской войне; о диктатуре, которую он считал несовместимой с властью, рассчитывающей управлять государством сколь-нибудь длительный срок. И предлагал в качестве альтернативы «народный социализм» журнала «Русское богатство» 1905 г., который, «обещая удовлетворение всех насущных народных нужд, не разжигает народных страстей, не сеет ненависть и злобу; открывает путь к общему счастью и истинной свободе» [11, 304–317]. Программа партии народных социалистов (энесов), сформировавшаяся вокруг «Русского богатства» в 1905–1906 гг., с ее установкой на «социалистическую эволюцию», мирное внедрение элементов социализма в капитализм совпадала с многим из того, что Арсеньев считал сутью либерализма: исключение радикальных методов борьбы, самоценность и верховенство человеческой личности, прямое участие народа в законотворчестве и управлении государством, крепкое крестьянское хозяйство как цель аграрной политики; открытая социалистическая партия, отстаивающая интересы любой социальной группы, если они не идут вразрез с интересами трудящихся; демократические начала жизни всего народа, которые были для него непреходящими общечеловеческими ценностями. «Мы не можем представить себе такого момента, когда потеряла бы свою цену, например, свобода печатного слова. Она всегда будет составлять любимую мечту, заветную цель всех тех, кто видит в ней неискоренимую потребность человеческой мысли и незаменимое условие общественного развития. То же самое следует сказать и о свободе верований, и о неприкосновенности личности, и о равенстве перед законом, о всем том, что входит в состав давно известной, но вечно юной «либеральной программы» [12, 467].

К. Арсеньев, бесслесный обозреватель «Вестника Европы» с 1881 г. до закрытия журнала в 1918 г., ушел из жизни в марте 1919 г. И по свидетельству современника, до конца своих дней продолжал внимательно следить за происходящим в стране. Регулярно читал газеты «Правда», «Известия», «Северная коммуна». Просил выслать ему какое-нибудь собрание декретов новой власти, особенно касающихся суда; номер газеты, где будет напечатан полный текст советской конституции. Прислать книгу П. Кропоткина «Письма о текущих событиях», три тома «Истории общественной мысли Г. Плеханова» [13, 12]. Очевидно пытаясь понять, на каких правовых основах будет строиться новое государство. И есть ли надежда, что в перспективе его законодательство будет способствовать осуществлению на практике тех демократических норм, которым он был привержен на протяжении всей своей профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. РГИА, ф. 777, оп. 2, 1865, № 1026, л. 1.
2. Из общественной хроники // Вестник Европы. — 1882. — № 3. — С. 443–458.
3. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. — 1882. — № 4. — С. 797–816.
4. Арсеньев К. Пятидесятилетие «Вестника Европы» / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1915. — № 12. — С. I–XIV.
5. Партия демократических реформ и ее программа // Вестник Европы. — 1906. — № 2. — С. 786–793.
6. Арсеньев К. Призыв к покаянию / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1909. — № 5. — С. 299–309.
7. Арсеньев К. Исторические параллели / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1914. — № 8. — С. 424–428.
8. Арсеньев К. На темы дня / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1914. — № 11. — С. 333–341.
9. Арсеньев К. На темы дня // К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1917. — № 3. — С. 359–372.
10. Слонимский Л. Иностранное обозрение / Л. Слонимский // Вестник Европы. — 1917. — № 3. — С. 373–391.
11. Арсеньев К. На темы дня / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1918. — № 1–4. — С. 304–317.
12. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. — 1891. — № 1. — С. 461–478.
13. Королицкий М. К. К. Арсеньев / М. Королицкий // Вестник литературы. — 1919. — № 8. — С. 12–13.

*Воронежский государственный университет
Козлова Н. Н., доцент кафедры журналистики и литературы
E-mail: garfildcat2010@yandex.ru*

*Voronezh State University
Kozlova N. N., Associate Professor of the Journalism and Literature Department
E-mail: garfildcat2010@yandex.ru*

КОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ИСПАНСКИХ ГАЗЕТ «EL MUNDO» И «EL PAIS»

С. В. Кузьмич

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 23 мая 2022 г.

Аннотация: статья посвящена актуальной проблеме конкурентных преимуществ современных испанских газет «El Mundo» и «El Pais». В статье представлены результаты эмпирического исследования конкурентных преимуществ данных изданий на основе качественного анализа их публикаций. Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя группу общенаучных методов, а также контент-анализ научной литературы по теме исследования, метод социологического опроса (простое анкетирование), метод статистического анализа. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что в настоящее время данные газеты обладают уникальными конкурентными преимуществами перед другими испанскими печатными СМИ.

Ключевые слова: испанская пресса, «El Mundo», «El Pais», конкуренция, средства массовой информации.

Abstract: the article is devoted to the actual problem of the competitive advantages of modern Spanish newspapers «El Mundo» and «El Pais». The article presents the results of an empirical study of the competitive advantages of these publications based on a qualitative analysis of their publications. The research methodology is based on a systematic approach and includes a group of general scientific methods; as well as content analysis of scientific literature on the research topic; method of sociological questioning (simple questioning); method of statistical analysis. The results of the study allow us to conclude that these newspapers currently have unique competitive advantages over other Spanish print media.

Keywords: Spanish press, El Mundo, El Pais, competition, mass media.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире, учитывая высокие темпы цифровизации всех сфер жизни общества, возникает необходимость переоценки конкурентных преимуществ средств массовой информации (далее — СМИ) в контексте мнения самих читателей. Практически все современные газеты имеют цифровой аналог и набор различных платных подписок для постоянного круга читателей. При традиционной методике маркетингового анализа журналист не может выступать в качестве исследователя, поскольку, не будучи частью редакции самой газеты, он не имеет доступа к информации о том, какие внешние и внутренние факторы оказывают влияние на конкурентоспособность газеты.

В настоящее время существует достаточно обширная историография, посвященная испанской прессе, ее особенностям и конкретно двум газетам — «El Mundo» и «El Pais», представляющим умеренный правый и демократический политические спектры в испанских СМИ.

В частности, общая характеристика испанской прессы дана в работах таких авторов, как М. В. Симонова [1], Г. В. Пруцков [2], М. Д. Трофимова [3]. Стилистические аспекты и особенности контента испанских газет рассмотрены в работах таких авторов, как

В. А. Славина и А. С. Олейников [4], И. В. Селиванова [5], О. А. Гаврилова и С. С. Нуфтиева [6], А. С. Олейников [7], Ю. В. Сливчикова, Е. В. Крюкова [8].

Методики конкурентного и контекстуального анализа прессы, в частности, европейских газет, представлены в работах Е. И. Сероглазовой [9],

П. А. Михненко [10]. В качестве материалов анализа были использованы сайты двух газет: «El Mundo» [11] и «El Pais» [12]. Контент этих сайтов проанализирован с позиций стилистики, содержания и цифрового дизайна в работах таких авторов, как С. Ю. Дронова [13], П. Гарсия-Гирао [14], Д. Розадо [15], Ф. Санчес [16], Г. Поматто и А. Седдоне [17], Р.-М. Хименес-Яньес [18], Ф. Кантос [19], Б. Ороса и С. Санторун [20], Н. Барани и Дж. Хайд [21], М. Морагас-Фернандес и А. Капдевила [22], Р. Алимова [23], Х. М. Фернандес, Ф. П. Монтеро, Х. Мико-Санс [24], А. Ф. Феррер [25]. Матричный анализ общественного мнения Испании и влияние на него испанской прессы представлены в работе М. Бласко-Дуатиса, Н. Ф. Гарсия и И. Ф. Кунья [26].

Тем не менее, несмотря на обширную историографию, в настоящее время наблюдается нехватка исследований эмпирического характера, посвященных читательской оценке конкурентных преимуществ ведущих испанских газет «El Mundo» и «El Pais» с точки зрения методики, приемлемой для журналистики, а не только для маркетинга.

Цель нашего исследования заключается в восполнении данного историографического пробела предложением авторской методики оценки мнения читателей о конкурентных преимуществах ведущих испанских газет. Предлагаемая ниже методика в достаточной степени универсальна и может быть использована для анализа практически любых цифровых и печатных СМИ.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили ответы испаноязычных читателей на вопросы мини-анкеты исследования. Генеральная совокупность респондентов составила 800 человек. Репрезентативная выборка осуществлена методом механической выборки (каждый десятый респондент) и составила 80 человек. Репрезентативная выборка состояла из двух групп: читатели газеты El Mundo (40 человек) и читатели газеты El Pais (40 человек).

На основании проведенного анализа научной литературы и сайтов двух газет, нами были выбраны следующие критерии для оценки конкурентных преимуществ газет испаноязычными читателями:

Удобство цифрового формата газеты для мобильных устройств.

Возможность и условия подписки на платный новостной контент.

Наличие эксклюзивных материалов и экспертных мнений в публикациях газет.

Удобство обратной связи с редакцией и формы комментариев читателей к цифровым публикациям газеты.

Редакционная цензура и этика в двух газетах.

По всем собранным анкетам в программе был выведен средний балл для каждого из анализируемых

критериев, которые оценивались по 10-балльной шкале: 1–3 балла — низкий уровень, 4–6 балла — средний уровень, 7–10 — баллов — высокий уровень оценки испаноязычными читателями анализируемых критериев (конкурентных преимуществ газет). Приведенные выше критерии были использованы для проведения мини-опроса и отражены в соответствующих вопросах анкеты.

Методология эмпирического исследования включала в себя метод социологического опроса в форме простого анкетирования, метод статистического анализа. Все оценочные суждения респондентов были переведены из качественных данных в количественные показатели с помощью программы Neural Designer — программного инструмента для расширенной, предписывающей и предсказательной аналитики. Каждый критерий конкурентоспособности двух газет оценивался в программе по специальной шкале, что позволило суммировать все данные, полученные по 80 анкетам.

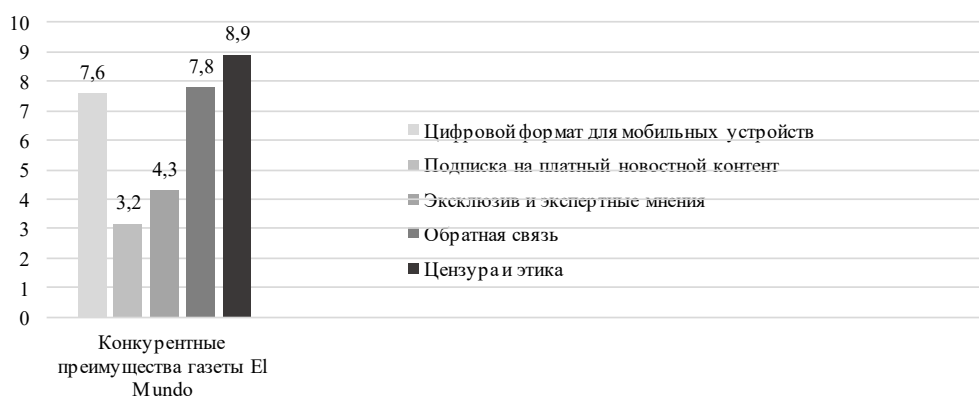
Мини-опрос проведен на испанском языке в сети Twitter среди читателей двух газет в период с 4 по 30 января 2022 года.

Результаты

По итогу проведения социологического мини-опроса в первой группе респондентов, которую составили читатели газеты «El Mundo» были получены следующие результаты (рисунок 1).

По итогу опроса было выявлено, что в качестве основных конкурентных преимуществ читатели газеты «El Mundo» выделяют наличие удобного формата для мобильных устройств и наличие редакторской цензуры, обеспечивающей соблюдение журналистской этики.

Рисунок 1. Оценка читателями «El Mundo» конкурентных преимуществ газеты

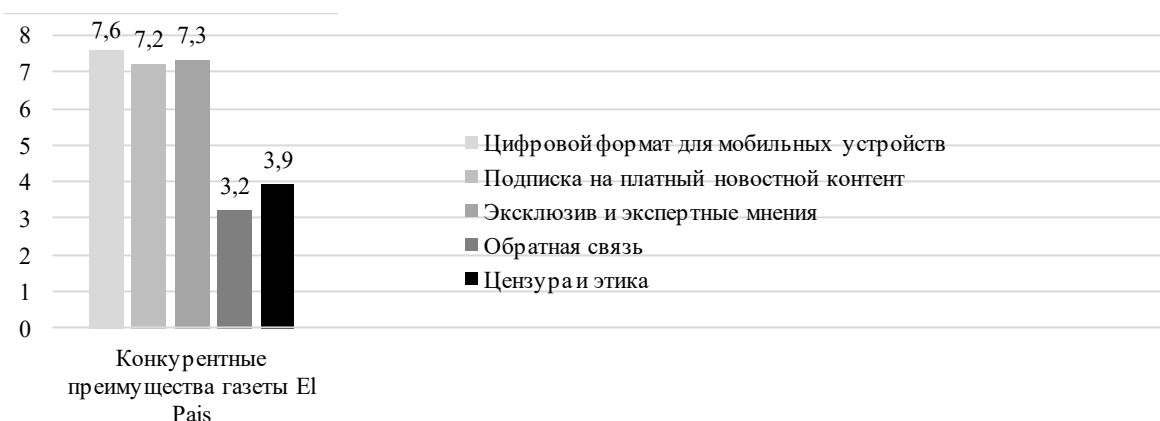
Также высоко был оценен уровень обратной связи с редакцией газеты. Однако, такие качества, как возможность и условия подписки на платный новостной контент и наличие эксклюзивных экспертных мнений в свободном доступе, не удовлетворяют читателей: они оценили их на среднем уровне.

Несколько иные результаты были получены после опроса во второй группе респондентов, состояв-

шей из читателей газеты «El Pais» (рисунок 2).

По результатам опроса было выявлено, что читатели газеты высоко оценили цифровой формат, возможности и условия подписки на платный контент, возможности чтения эксклюзивных материалов и экспертных мнений. Однако, уровень цензуры и этики, а также обратной связи с редакцией читатели оценили на среднем уровне.

Рисунок 2. Оценка читателями «El Pais» конкурентных преимуществ газеты

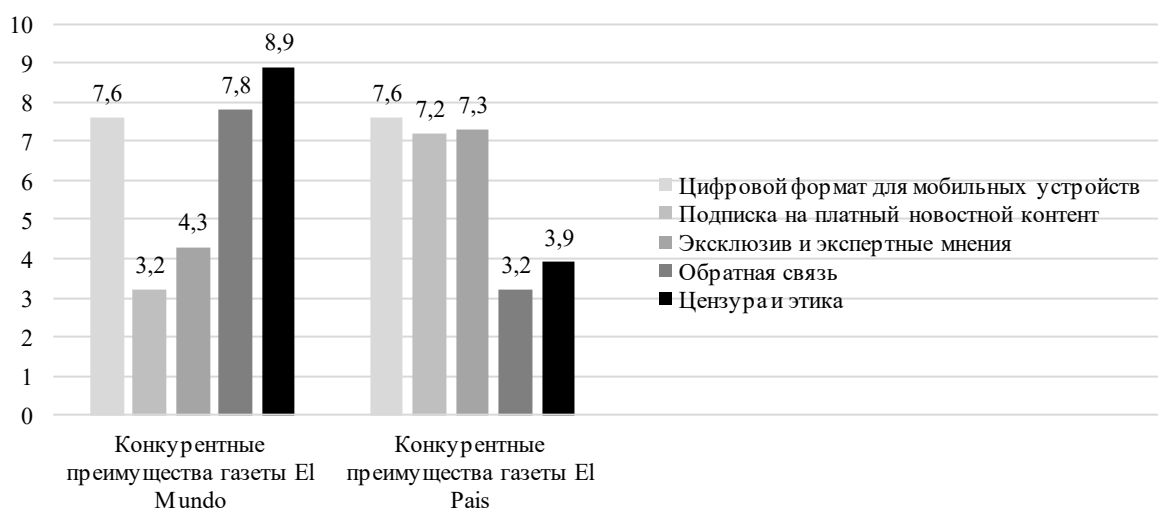

Для того, чтобы сравнить полученные данные, нами была составлена сводная диаграмма, позволяющая оценить конкурентные преимущества двух газет на основании мнения их читателей.

На сводной диаграмме хорошо видно, какие именно конкурентные преимущества оценены на высоком и на среднем уровнях самими читателями газет. Важно отметить, что удобство цифрового формата

двух газет было оценено читателями на высоком уровне. Это означает, что мобильный формат пользуется популярностью, его можно развивать в формате мобильного приложения. В настоящее время мобильных приложений ни «El Mundo», ни «El Pais» не имеют несмотря на то, что у изданий есть мобильные версии сайтов.

Рисунок 3. Оценка читателями конкурентных преимуществ газет «El Mundo» и «El Pais»

Также, в качестве повышения конкурентоспособности, можно рекомендовать усилить такие позиции газеты «El Pais», как обратная связь и внутренняя цензура, которые, по сравнению с газетой «El Mundo», оценены читателями на среднем уровне. Для повышения конкурентных преимуществ газеты «El Mundo» необходимо развивать вариативную систему подписки на платный контент для доступа читателей к эксклюзивным материалам и экспертным мнениям.

ВЫВОДЫ

Представленные нами результаты эмпирического исследования позволяют сделать следующие выводы:

Для современных испанских СМИ важно встроиться в процесс цифровизации, используя все конкурентные преимущества электронного формата, в том числе «El Mundo» и «El Pais».

Результативным инструментом анализа конкурентных преимуществ газет вне маркетинговой стратегии является предложенная нами методика оценки самими читателями. По итогу проведенного опроса было выявлено, что для читателей газеты «El Mundo» большое значение имеет возможность обратной связи с редакцией, цензура и этика, а также удобство цифрового формата газеты: все эти критерии были оценены на высоком уровне. Для читателей газеты «El Pais» важны такие качества издания, как вариативность контента и удобство использования.

тивная подписка на платный контент, возможность доступа к эксклюзивным материалам. Выявить такие преимущества с помощью маркетингового анализа невозможно, поскольку оценка читателей как потребителей информационного «продукта» не учитывается в классическом варианте анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Симонова, М. В. Освещение темы пандемии в России на материале качественной прессы Испании [Текст] / М. В. Симонова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. — 2021. — № 6. — С. 212–222.
2. Прутцков, Г. В. Медиаобраз К. Пучдемона в дискуссии о независимости Каталонии (по материалам испанских и каталонских газет, октябрь 2017 — май 2018 г.) [Текст] / Г. В. Прутцков // Медиальманах. — 2018. — № 5. — С. 140–149.
3. Трофимова, М. Д. Испанская пресса в период транзита [Текст] / М. Д. Трофимова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. — 2020. — № 2. — С. 161–168.
4. Славина, В. А., Олейников А. С. Репрезентация образа России в испанской прессе [Текст] / В. А. Славина, А. С. Олейников // Преподаватель XXI век. — 2018. — № 4. — С. 444–451.
5. Селиванова, И. В. Эвфемизмы как отражение социально-экономических проблем современного испанского общества (на материале прессы) [Текст] / И. В. Селиванова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2019. — № 4. — С. 156–162.
6. Гаврилова, О. А., Нуфтиева, С. С. Оценка конкурентоспособности печатных средств массовой информации [Текст] / О. А. Гаврилова, С. С. Нуфтиева // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. — 2016. — № 2. — С. 58–64.
7. Олейников, А. С. Приемы формирования медиаобраза России в современных испанских газетах El País и El Mundo [Текст] / А. С. Олейников // Вопросы теории и практики журналистики. — 2019. — № 1. — С. 195–204.
8. Сливчикова, Ю. В., Крюкова, Е. В. Новые модели социального и экономического развития Испании [Текст] / Ю. В. Сливчикова, Е. В. Крюкова // Сравнительная политика. — 2020. — № 1. — С. 143–155.
9. Сероглазова, Е. И. Методы реализации стратегического планирования маркетинга [Текст] / Е. И. Сероглазова // Огарёв-Online. — 2020. — № 5. — С. 1–7.
10. Михненко, П. А. Динамическая модификация SWOT-анализа [Текст] / Экономический анализ: теория и практика. — 2018. — № 15. — С. 60–71.
11. El Mundo. Diario online líder de información en español. URL: <https://www.elmundo.es/> (access date: 07.05.2022)
12. El País: el periódico global. URL: <https://elpais.com/> (access date: 07.05.2022)
13. Dronova, S. Yu. Basque in the Spanish Newspaper Discourse as an Instrument for Maintaining Political Identity. Humanities and Social Sciences Bulletin of the Financial University. 2020. Vol. 10(4). — P. 118–124.
14. García-Guirao, P. The Language Impact of COVID-19 in the Spanish Online Press: A Critical Discourse Analysis of Hate Speech. European Research Studies Journal Volume XXIV. 2020. — P. 756–770.
15. Rozado, D. The Prevalence of Prejudice-Denoting Terms in Spanish Newspapers. Information Technology. 2022. — 188 p.
16. Sánchez, F. The author's image in Russian and Spanish newspaper texts (personification and style). Bulletin of Udmurt University Series History and Philology. 2019. Vol. 29(3). — P. 431–434.
17. Pomatto, G., Seddone, A. Measuring mediated deliberation in a comparative perspective: An analysis of Italian, French and Spanish newspapers. Representation. 2018. Vol. 53(3). — P. 1–20.
18. Jiménez-Yáñez, R.-M. Framing religion in the editorials of four Spanish newspapers (2009–2010). Doxa Comunicación Revista interdisciplinar de estudios de comunicación y ciencias sociales. 2018. Vol. 26. — P. 145–168.
19. Cantos, F. Spanish Newspapers' Treatment of Conflicts Between Science and Religion. Journalism Practice. 2020. Vol. 12. — P. 9–16.
20. Orosa, B., Santorun, S. Interaction in digital media. Study of the news of three Spanish newspapers. Journalism Practice. 2019. Vol. 4. — P. 35–49.
21. Barani, N., Hyde, J. The most frequent pemiias in the Spanish newspaper El País. Journalism Practice. 2018. Vol. 2. — P. 75–89.
22. Moragas-Fernández, M., Capdevila, A. Metaphor as a depoliticization language device: The case of the refugee crisis in the Spanish press. Conference: Metaphor Festival. 2021. Vol. 8. — P. 102–133.
23. Alimova, R. Specificity of grammatical realities and violations of grammatical standards in the contemporary discourse of Spanish newspaper media. Conference: Metaphor Festival. 2021. Vol. 8. — P. 134–148.
24. Fernández, J.M., Montero, F.P., Micó-Sanz, J. The publication of press releases as journalistic information. Comparative study of two Spanish newspapers. Estudios sobre el Mensaje Periodístico. 2020. Vol. 26(1). — P. 215–228.
25. Ferrer, A. F. Refugees, coronavirus and the politics of representation in the Spanish press. Studies in Communication Sciences. 2021. Vol. 21(2). — P. 1–17.
26. Blasco-Duatis, M., García, N.F., Cunha, I. F. Political opinion in the Spanish newspapers. Analysis of the period General Elections campaign in Spain, 2015. Revista Latina de Comunicación Social. 2017. Vol. 9. — P. 65–89.

Воронежский государственный университет
Кузьмич С. В., соискатель
E-mail: grandmagazine1@yandex.ru

Voronezh State University
Kuzmich S. V., Applicant
E-mail: grandmagazine1@yandex.ru

КОРОТКОЕ ВИДЕО КАК ИСТОЧНИК ИНФОДЕМИИ В УСЛОВИЯХ ЭПИДЕМИИ COVID-19

Ли Инин

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 5 мая 2022 г.

Аннотация: в статье поднимается проблема подлинности текстовой и графической информации, связанной с новостями о COVID-19 и борьбы со слухами. Объектом исследования послужили фейковые новости, представленные в формате коротких видеосюжетов на платформах TikTok, YouTube, WhatsApp.

Ключевые слова: новые СМИ, короткие видео, инфодемия, эпидемия COVID-19, кризисная коммуникация.

Abstract: the article raises the problem of the authenticity of textual and graphic information related to the news about COVID-19 and the fight against rumors. The object of the study was fake news presented in the format of short videos on the platforms «TikTok», «YouTube», «WhatsApp».

Keywords: new media, short videos, infodemic, COVID-19 epidemics, emergency situations (ES).

Введение. Быстрое развитие технологий 5G вызвало катастрофическую инфодемию, которая захватывает все большее количество заинтересованных в информации COVID-19 людей. Эпидемия позволила значительно преодолеть дистанцию между правительством, СМИ и населением, и в 2020 г. напомнила людям об эпидемии атипичной пневмонии, которая представляет собой аналогичную чрезвычайную ситуацию. Но по сравнению с тем, что было 17 лет назад, распространение информации о внезапной вспышке резко изменилось. Не только правительство, но и СМИ при представлении контента не ограничивается текстом и изображением, а используют также короткие видеоролики и анимацию. Короткие видео стали играть важную роль при формировании общественного мнения и контроля за СМИ, а потому необходимо четко осознавать их негативную сторону.

В исследовании использовался метод кейс-анализа. Были отобраны короткие видео на сетевых ресурсах TikTok, YouTube, WhatsApp, маркированные как фейковые, в период с января по май 2020 г. Выборка случайная. Исследование проводилось с целью выявить влияние фейковых видео в сетевых медиа на общественность и способы борьбы с ними в условиях эпидемии COVID-19.

Объектом исследования являются короткие видео, общая продолжительность которых, как правило, не превышает 5 минут. Видео можно редактировать с помощью смарт-терминалов, а также распространять через социальные медиа: TikTok, YouTube, WhatsApp и др.

Предметом исследования являются фейковые короткие видео в сетевых медиа в период пандемии COVID-19, поднимающие не только вопросы здравоохранения и медицины, но и социальные и политические проблемы.

Результаты исследования. Новый коронавирус — редкая проблема, с которой столкнулось все человечество в последние годы. Эта катастрофа привела к тяжелым жертвам, материальному ущербу, экологическому вреду для окружающей среды и серьезным социальным последствиям, оказав непосредственное влияние на население. Во время чрезвычайных ситуаций СМИ несут особую ответственность в налаживании коммуникации между властью и народом, предоставляя своевременные и точные сообщения о ЧС, а также о поведении правительства или общества [1, 202].

Быстрое развитие интернета породило новые каналы распространения новостей и формы коммуникации. Неуклонное развитие технологии 5G сократило дистанцию между правительством, СМИ и людьми. По данным MediaScore, в России ежемесячный охват аудитории YouTube составляет 82,8 млн. пользователей, популярность TikTok также немалая: по данным на май 2020 г., ежемесячный охват составил 20,4 млн. пользователей.

Видно, что короткие видео стали важным средством для обычных людей при получении информации. Но стоит обратить внимание на то, что в условиях ЧС существует слишком много источников новостей и трудно проверить подлинность текстовой и графической информации, что приводит к быстрому распространению слухов, в том числе с помощью коротких видео. В начале 2020 г. социальная

сеть TikTok стала площадкой для распространения фейковых новостей о коронавирусе. Согласно «Объявлению об особом рассмотрении слухов, связанных с COVID-19», опубликованному TikTok 29 февраля 2020 г., на платформе было выявлено 24 922 ложных видео.

Так, китайская полиция получила сообщение о том, что мужчина по фамилии Лонг разместил без медицинского подтверждения ложное видео в приложении TikTok, в котором он упомянул, что масло помело и зеленый чай могут лечить от новой коронавирусной пневмонии. Это видео заставило многих пользователей пересылать его и комментировать. После допроса полицией мужчина признался, что масло помело и зеленый чай обладают противовоспалительным действием и оказывают определенное терапевтическое воздействие лишь на обычное воспаление.

По сообщениям канадских СМИ, слух в TikTok о том, что «коронавирус распространяется через изготовленные хирургические маски», получил более 2 миллионов лайков от пользователей. Кроме того, подросток в Ванкувере опубликовал видео, на котором мальчик в дыхательной маске кашляет у мусорного бака в коридоре кафетерия. Человек, стоящий за ним, позвонил на горячую линию экстренной помощи. Эта новость была представлена в виде скриншота, поскольку это первый подтвержденный подозрительный случай коронавируса в Британской Колумбии. Это шутивное и поддельное видео было воспроизведено более 400 000 раз.

Платформа TikTok не приняла эффективных мер по контролю за достоверностью видеоконтента и даже попустительствовала распространению ложной информации. Все это нервировало массы, вызывая панику и крайне затрудняя распространение экспертной информации, научных знаний в области профилактики коронавируса.

В России 19 мая 2020 г. сообщалось о росте количества фейков в интернете о новом типе заболеваемости — с начала апреля выявлено более 6000 ложных сообщений. Чаще всего фейки распространялись через WhatsApp, Viber, Telegram, через страницы сетевых медиа, а также через YouTube.

Например, в Уссурийске 28-летний местный житель извинился за создание фейкового видео о коронавирусе, которое стало вирусным в WhatsApp. В видео мужчина в защитном костюме утверждает, что все руководство завода заразилось коронавирусом, за кадром слышны крики «помогите». Автор затем пояснил, что задумал это видео как шутку. Он не мог предположить, что это видео, снятое в развлекательных целях, будет обнародовано и, возможно, введет в заблуждение жителей Приморского края. Он не знал, что подобные действия считаются злоупотреблением свободой слова.

Известный американский специалист по коммуникациям Г. Лассуэлл указал, что наблюдение

за окружающей средой является одной из основных социальных функций массовой коммуникации [2, 8–12]. Короткие видео могут помочь людям своевременно получить важные новости, которые произошли в тот день, и представить аудитории факты, заслуживающие внимания интересным содержанием и краткостью [3, 385]. Хотя именно из-за ограничения по длительности такие видео не дают возможности глубоко проанализировать, отразить и обобщить причины возникновения ЧС и описать в деталях предупредительные меры. Они не дают возможности зрителям составить полное представление о событии, что приводит к отклонениям в понимании того, что есть истина, а что недостоверная информация. Таким образом, функция отражения коротких видео относительно слаба в ЧС. Если аудитория желает узнать о подлинных причинах и результатах инцидента, ей все равно необходимо будет объединить короткие видео со специальными репортажами или длинными видео, чтобы лучше восстановить картину и получить в конечном итоге правдивые сведения об инциденте.

В сочетании с текущими вызовами коммуникации в сетевых медиа и быстрым развитием коротких видео, мы можем оптимизировать коммуникационные стратегии распространения информации в этом формате, исходя из следующих трех точек зрения:

1. *Улучшение законов управления Сетью соответствующими департаментами национального правительства.* Интернет не является местом вне закона, и распространение слухов не только нарушает соответствующие правила, но и может стать преступлением. На самом деле киберпространство можно очистить, лишь заставив нелегальных коммуникаторов заплатить законную цену и понести должное наказание. Наказание за каждый случай распространения эпидемических слухов — предупреждение для каждого из нас, чтобы заведомо не нарушать закон.

2. *Все сетевые медиа должны активно проводить специальные действия по устранению слухов, связанных с COVID-19.* Платформы сетевых медиа могут отдельно «наказывать» эти поддельные видео и аккаунты удалением из списка и приказами о запрете, чтобы создавать комфортную и позитивную атмосферу сообщества и формировать здоровую платформу для распространения ценной информации.

3. *Всестороннее повышение медиаграмотности сетевых медиакоммуникаторов.* Коммуникационная среда коротких видео «предпочитает» получение фрагментированной информации, понятное ее выражение, а также изображения с сильной сенсорной стимуляцией. Коммуникаторы должны обладать не только обширными запасами знаний и отличными навыками языкового выражения, но и пониманием специфики распространения короткого видео.

Заключение. Внешние опасности, связанные с чрезвычайными ситуациями, иногда не страшны.

Особую опасность представляют собой паника и слухи, вызванные неопределенностью. Поэтому повышение достоверности информации стало ключом к решению инфодемии. Джаред Даймонд упомянул, что отдельные лица, команды, компании, страны и даже весь мир сталкиваются с кризисами и давлением [4, 7–8]. Независимо от того, исходит ли давление изнутри или извне, в систему коммуникации необходимо вносить изменения, оптимизировать видео, чтобы добиться достоверности информации и доверия к ней потребителей, что может в конечном счете содействовать своевременному, открытому и эффективному распространению информации.

*Санкт-Петербургский государственный университет
Ли Инин, аспирант Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»
E-mail: yingyingli2701@outlook.com*

ЛИТЕРАТУРА

1. Я И. Применение коротких видео в выпусках новостей во время возникающих общественных кризисов в условиях постэпидемии COVID-19 / И Я, Ф. Го // *Общественная дипломатия ежеквартально*. — 2020. — № 2.
2. Гарольд Д. Г. Цепь Лассуэлла в технике коммуникации и пропаганды: ключевые темы теории медиа / Д. Г. Гарольд. — Нью-Йорк: Изд-во Открытого университета, 2007.
3. Хуан Ч. Функция и роль короткого видео в ЧС / Ч. Хуан, Ч. Чанхуа // *Область вещания*. — 2020. — № 2. — С. 385.
4. Даймонд Д. М. Кризис / Д. М. Даймонд. — М.: Изд-во «АСТ», 2019.

*Saint Petersburg State University
Li Yingying, Postgraduate Student of the High School of Journalism and Mass Communications
E-mail: yingyingli2701@outlook.com*

ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЖУРНАЛОВ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ «МИРА ИСКУССТВА»)

Н. Д. Мельник

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения

Поступила в редакцию 24 апреля 2022 г.

Аннотация: в статье рассматриваются особенности оформления модернистского художественного журнала «Мир искусства» (1899–1904), основанного С. П. Дягилевым. Автор отмечает, что, взяв за основу опыт лучших западноевропейских тонких журналов, посвященных вопросам искусства, редактор, следуя программе издания, реорганизовал художественное оформление в области отечественного книгоиздания. Сотрудники журнала впервые в русской периодике успешно синтезировали текст и иллюстративный ряд — рисунок, графику, фотографию.

Ключевые слова: художественный журнал «Мир искусства», С. П. Дягилев, просвещение читателей, искусство оформления, синтез текста и иллюстраций, модернизм, графика.

Abstract: the article discusses the design features of the modernist art magazine «The World of Art» (1899–1904), founded by S. P. Diaghilev. The author notes that, taking as a basis the experience of the best Western European fine magazines devoted to art, the editor reorganized the artistic design in the field of domestic book publishing, which is clearly reflected in the publication program. The magazine's staff successfully synthesized text and illustrative series — drawing, graphics, photography for the first time in Russian periodicals.

Keywords: art magazine «World of Art», S. P. Diaghilev, enlightenment of readers, the art of design, synthesis of text and illustrations, modernism, graphics.

Главной задачей руководителей лучших отечественных художественных журналов конца XIX — начала XX вв. было просвещение читателей в области изобразительного искусства, литературы, музыки, театра. Для ее осуществления к сотрудничеству привлекались лучшие русские и зарубежные художники, литераторы, искусствоведы и критики.

В этот период на смену толстым ежемесячникам, в течение долгого времени бывшим проводниками общественного мнения, пришли периодические издания по интересам, в том числе посвященные искусству. Такая градация журналов была вызвана самой жизнью: «К концу XIX в. сеть журналов страны полнее отражала насущные интересы общества, потребности разных слоев населения, отличалась разнообразием типов изданий, среди которых преобладал тонкий журнал» [1, 514]. Именно в таких изданиях было гораздо удобнее, чем в толстых журналах, синтезировать текст и визуальный ряд — рисунок, графику, фотографию. Это способствовало творческому поиску художников, публицистов, литераторов, критиков. Популярными тонкие журналы стали и благодаря их дешевизне в производстве.

Первопроходцами во второй половине XIX в. стали французские ежемесячные иллюстрированные журналы: Le Magasin pittoresque, Le Musée Français-

Anglais, еженедельный журнал L'Illustration, альманах Annales du Musée Guimet, а также британские ежемесячные художественные журналы The Studio и The Savoy¹. Так в России была возделана почва для появления «красивой книги» — высокохудожественных периодических изданий. Оставалось, используя опыт западных коллег, наполнить его новым содержанием.

Эту роль предстояло исполнить группе петербургских художников, объединившихся в 1898 г. по инициативе Сергея Дягилева в художественное объединение «Мир искусства» и вскоре начавших работу в одноименном ежемесячном журнале. Идея их создания зародилась в недрах дружеского (а отчасти и родственного) кружка молодых людей, в боль-

¹ Le Magasin pittoresque (1833–1938, основан Э. Шартоном), Le Musée Français-Anglais (1855–1857, издатель и редактор Ш. Филипон), еженедельный журнал L'Illustration (1843–1944, основан А. Жоанном, Ж.-Ж. Дюбоше и Э. Шартоном), альманах Annales du Musée Guimet (1880–1909, издатель И. Лерокс), The Studio (с 1893 г., первый издатель и редактор Чарльз Холм; в 1960-е гг. название журнала было изменено на Studio International. В 1906–1980 гг. выходило также его ежегодное приложение — The Studio Year-Book of Decorative Art; с 1960-х годов — Decorative Art in Modern Interiors) и The Savoy (1896 г., издатель и редактор Л. Смитерс).

шинстве своем воспитанников знаменитой гимназии Карла Мая².

Члены кружка, почти все происходившие из среды художественной интеллигенции, выступали на своих собраниях с докладами, отдавая предпочтение творчеству западноевропейских художников, работавших в русле *нового искусства* — модернизма³. Александр Бенуа, в родительском доме которого собирались в течение нескольких лет «общники», вспоминал об их умонастроениях: «Мы ненавидели “типичное передвижничество”... Нашим лозунгом было “чистое и свободное искусство”» [2, 188].

Эстетические устремления «мирискусников» стали причиной конфликта с частью интеллигенции, считавшей, что художники должны поднимать в творчестве социально значимые проблемы. «В борьбе за новое искусство, — по утверждению В. П. Шестакова, — ...журнал “Мир искусства” выступал против поздних передвижников, превративших искусство в дидактику. В этой борьбе принцип эстетизма... оказался... художественной программой русского искусства начала века, в особенности “Мира искусства”» [3, 37–72].

С. Дягилев вместе с соратниками, несмотря на обидную кличку «декаденты» (подразумевающую упадничество, разложение), данную им оппонентами, неуклонно отстаивали эту позицию. «“Бойцы” мыслительного фронта», мечтали «создать “другое искусство”, такое, какого никогда не было... Мессианское представление о художнике-творце, “рыцаре духовном”, зревшее в русской культуре в течение XIX столетия, тут нашло свое воплощение» [4, 17–19].

Одной из важнейших просветительских задач новаторы считали реорганизацию *художественного оформления* в области книгоиздания. Это прослеживается в программе журнала «Мир искусства», представленной 23.03.1898 на утверждение в главное управление по делам печати Министерства внутренних дел. В ней указывается, что в издании предполагается существование трех отделов, главное же место должен занять художественный.

«Программа журнала под названием “Мир искусства”.

² Петербургская школа Карла Мая — учебное заведение Санкт-Петербурга, основанное в 1856 г. Карлом Ивановичем Маем. В 2001 г. здание школы Карла Мая было включено в список выявленных объектов культурного наследия России.

³ Модернизм (итал. *modernismo* — «современное течение»; от лат. *modernus* — «современный, недавний») — направление в искусстве конца XIX — начала XX вв., характеризующееся разрывом с предшествующим историческим опытом художественного творчества, стремлением утвердить новые, нетрадиционные начала в искусстве, непрерывным обновлением художественных форм, а также условностью (схематизацией, отвлеченностью) стиля.

1. Отдел чистого художества (живописи, скульптуры, архитектуры, музыки, художественной критики).

2. Отдел прикладного искусства, или художественной промышленности.

3. Отдел художественной хроники.

Издание иллюстрируется цинкографиями в тексте и фототипиями вне текста...» [5, л. 1.].

Таким образом, на первый план «мирискусники» выдвинули критерий художественного совершенства.

Но для реализации этой задачи необходимо было изучить и проанализировать оформление ряда книг и периодических изданий, изданных ранее. В итоге А. Бенуа подверг его критике: «Русские книги и русские иллюстрации от 1860-х до 1890-х гг. представляют собой какую-то систематическую демонстрацию безвкусыя и... небрежности, безразличия» [6, 41].

Спасением в искусстве оформления журнала виделась графика. В конце XIX в. это слово употреблялось «в ином и более узком смысле, чем теперь: не особый вид искусства, но лишь печатные или специально изготовленные для печати изображения». Поэтому главное место было решено отводить художнику, «обогащающему издание, рисующему для него орнаменты и иллюстрации» [7, 267].

Именно такой и стала практика «Мира искусства». Совместными усилиями члены редакции разработали концепцию издания, определили его формат и объем (48 страниц текста с иллюстрациями, не считая рекламы), роль рисунков, виньеток, заставок, титулов; установили критерий соотношения иллюстраций и подписей к ним, а также текста. Журнал решили выпускать увеличенного формата на высококачественной бумаге. Особым украшением текстов должен был стать Елизаветинский шрифт начала XIX в., отлитый со старых матриц, найденных в словолитне Императорской академии наук. Именно благодаря «мирискусникам», по мысли Ю. Герчука, «вошла в моду матовая желтоватая бумага верже — то есть имеющая видимый на просвет след сетки, служившей для ручного отлива... Виньетки, которыми так охотно украшаются страницы... варьируют мотивы XVIII и начала XIX века» [8, 35].

Создатель «Мира искусства», Сергей Дягилев, большое внимание уделял и обложке. Для выбора наилучшего варианта он организовал перед выпуском первого номера конкурс «рисунков для обложки журнала “Мир искусства”». С предложением принять в нем участие он письменно обратился 20 июня 1898 г. к художникам Л. Баксту, А. Бенуа, М. Врубелю, А. Головину, К. Коровину, Е. Лансеру, С. Малютину, Е. Поленовой, К. Сомову и М. Якунчиковой. Редактор выдвинул условия: величина обложки «будет равняться 33 x 26 сантиметров. Рисунок должен быть исполнен непременно на цветной бумаге не более как двумя красками... На рисунке должна быть сделана художником надпись “Мир искусства”». Дягилев уточнял, что один из рисунков «по выбору редакции

будет предназначен для годичной обложки журнала», а другие «могут быть по желанию их авторов помещены в одном из номеров журнала...» [9, 32–33].

Победителем стал Константин Коровин. Именно он — автор обложек первых номеров «Мира искусства», изображающих двух стилизованных рыбок на однотонном светлом фоне.

Такая трактовка обложки стала вызовом господствовавшему в конце XIX в. русскому стилю с усложненной орнаментикой, образцом которого считалась книга «История и памятники Византийской эмали: Из собрания А. В. Звенигородского» (1892), подготовленная историком искусства Н. П. Кондаковым и вошедшая в историю книгопечатания как «русское чудо». Критик В. В. Стасов, апологет уходящей эпохи, возмущился трактовкой обложки «Мира искусства»: «...изображение “деревни” (вероятно, русской) наверху обложки состоит у г. Коровина из таких изб, из таких кустов, из такой перспективы и такого неба, какие может нарисовать разве что трехлетний ребенок... Внизу той же обложки поставлен г. Коровиным какой-то штемпель из двух переплетающихся рыб, который... в художественном журнале (даже плохом) не должен бы сметь показываться» [10, 2].

В чем-то Стасов был прав. Первый сдвоенный выпуск журнала (1899, № 1–2) вызвал нарекания не только у противников, но и у некоторых соратников. Один из них, К. А. Сомов, писал 15 декабря 1898 г. из Парижа художнице Е. Н. Звезгинцевой: «...не знаю, слышали ли Вы, что этот первый выпуск довольно опозорил Дягилева во мнении всех партий — и вражеских, и дружелюбных; даже мы, его сподвижники, очень недовольны его самонадеянностью...» [11, 66].

Действительно, первый выпуск «Мира искусства» может вызвать неприятие: текст не всегда соответствует иллюстративному ряду. Вызвано это было отсутствием издательского опыта у организатора журнала, не знавшего, откуда его черпать: в Российской империи подобных изданий не было, а западный опыт оказался недостаточным. «Из-за этого в журнал просочилась масса небрежностей — отсутствие четкой рубрикации; сбои в нумерации страниц... плохо составленные, с ошибками оглавления напечатаны в разных местах, а порой вовсе отсутствуют. Неверные подрисовочные подписи... не указаны имена лиц, изображенных на портретах, названия картин» [12, 17].

Однако публичный остракизм, начатый Стасовым и поддержанный рядом критиков, не остановил С. Дягилева и его сподвижников: они продолжали следовать стилю модерн с его прихотливым орнаментом и в то же время не забывали о четкости и ясности классицизма и ампира.

Образцом для молодых реформаторов стало творчество одного из основоположников европейского модерна английского художника-графика Обри Бердслея (1872–1898). Критик А. Эфрос писал: «Бердслея

у нас признали сразу. Его принесла та же волна эстетизма, тот же легкий культ легкой красоты, который несколько лет назад поставил в центре наших литературных увлечений Уайльда» [13, 5 октября]. Подтверждением этого стал выпуск первого в России альбома графики О. Бердслея [14, 1906].

Главной же причиной увлечения «мирикусников» творчеством О. Бердслея стало его стремление сказать *новое слово* в искусстве. Следуя этому постулату, редактор журнала во второй половине 1899 г. изменил обложку «Мира искусства». Автором ее стала М. Якунчикова, изобразившая лебедя с распростертыми крыльями, словно собирающегося взлететь в небеса. В этом видится переключка с творчеством английского графика: стремление к новаторству в искусстве.

Хотя обложки журнала ежегодно менялись (их было 65), они оставались графическими. Их авторы — К. Сомов, Л. Бакст, Е. Лансере, М. Добужинский создавали композиции в стилистике модерна, стремясь к созданию *единого художественного целого*: смысловому и визуальному сочетанию обложки с содержанием издания. Символом же «Мира искусства» стала марка с изображением орла, воспарившего к звездам, созданная Л. Бакстом, а также летящий Пегас (часть композиции шмуцтитула), выполненный Е. Лансере.

С первых номеров⁴ журнал «Мир искусства» выделялся среди отечественных периодических изданий обилием и высоким качеством иллюстраций. Объясняется это тем, что их готовили к публикации в лучших специализированных мастерских.

Фотографии, рисунки, репродукции картин художников украшают каждую страницу, порой их дополняют виньетки, заставки (кроме раздела «Художественная хроника», в котором представлен только текст). Изобразительный ряд занимает не менее трети каждой страницы. Многочисленные рисунки «мирикусников» соседствуют с репродукциями портретов кисти мастеров живописи, пейзажами, изображениями скульптур и фотографиями памятников архитектуры, резной мебели, утвари, выполненной народными умельцами, мотивами для обоев, образцами вышивки и орнамента.

Это — реализация на практике плана журнала, в котором лидирующее положение занимал критерий художественного совершенства. Обобщая его в прошении министру императорского двора барону В. Б. Фредериксу, поданном редактором после выхода в свет № 1–2 «Мира искусства», С. Дягилев выразил желание о передаче императору Николаю II и императрице Александре Федоровне двух его экземпляров: «...издание, предпринятое с целью поднятия нашего художественного уровня и развития

⁴ Сдвоенный № 1–2 журнала «Мир искусства» вышел в ноябре 1898 г., но на обложке указан 1899 г.

эстетического вкуса во всех отраслях отечественного искусства, намерено знакомить русскую публику с лучшими образцами современного художественно-творчества...» [15, л. 235.]

Однако воплотить в жизнь все новации, задуманные С. Дягилевым и его сподвижниками, было нелегко. Для этого потребовался творческий поиск всех «мирискусников», детальное изучение возможностей, имевшихся на рубеже веков на мировом книгоиздательском рынке, организаторский талант редактора журнала. Успеха удалось добиться не сразу. Трудный процесс поисков, трансформации русского книгоиздания и прогресс, достигнутый за годы, прошедшие со времени основания «Мира искусства», описан Д. Философовым в 1916 г. и опубликован в воспоминаниях А. Бенуа: «Те времена, когда книга Шильдера “Александр I” считалась художественным изданием, а Экспедиция государственных бумаг — расадницей хорошего вкуса, прошли безвозвратно». Д. Философов вспоминал, что в 1898 г. «у нас в техническом смысле была пустыня аравийская». Поэтому сотрудники журнала «должны были, прежде всего, превратиться в техников... Только с 1901 г. внешний вид журнала получился удовлетворительный для самих редакторов...»

Причина — в отсутствии специалистов, умеющих делать фотографии картин. В итоге такой умелец нашёлся — «старик А. Кержемский, автор самоучебника фотографии». Какое-то время оставалась нерешенной и проблема изготовления клише. Д. Философов отмечал: «Кто подумает, что прославившаяся с тех пор фирма Вильборг, с таким успехом соперничающая с Европой, изготовила нам клише такого плохого качества, что пришлось обратиться с заказом за границу» [2, 230].

Когда же все технические трудности были преодолены, издание визуально значительно изменилось в лучшую сторону. «Если раньше иллюстрации “разбивали” текст и зачастую не были связаны с ним по смыслу, то с 1901 г. они верстались одна за другой, делая журнал похожим на художественный альбом. Именно иллюстрациями теперь открывался каждый номер, а за ним следовала литературная часть, “Художественная хроника”, включающая критику, разделы “Сведения” и “Заметки”» [16, 136]. В итоге «Мир искусства» стал «первым российским художественным журналом столь высокого полиграфического качества...» [17, 449]. Подтверждает подвижничество «мирискусников» и театральный художник и график М. В. Добужинский, описывая еженедельные собрания редколлегии: «Бакст тут же, у Дягилева, занимался и “черной работой” — ретушировал фотографии для клише, даже делал свои узорные надписи для журнала и т.д.» [18, 199].

Безоговорочное признание новаторские идеи «мирискусников» получили уже в наше время. Подчеркивая важную роль разнообразных форм графики

в оформлении «Мира искусства», М. Зеликман называет этот журнал «первым в России периодическим изданием, посвященным вопросам художественной жизни, в котором достаточно регулярно начали публиковать оригинальные эстампы». С первого года издания у него появились приложения — автолитографии, выполненные художниками Л. Бакстом, О. Бразом, Е. Лансере, В. Серовым, М. Якунчиковой. Стараясь достичь наилучшего результата, «художники и издатели экспериментировали с различными сортами бумаги, тщательно подбирали ее тон, варьируя цвет печатной краски». Несмотря на ряд трудностей итогом многочисленных усилий стало то, что «за шесть лет издания “Мира искусства” в нем появились 43 оттиска (22 литографии, 19 ксилографий и 2 офорта), исполненных с оригинальных авторских печатных форм» [19, 97–98].

Однако эстетические воззрения «мирискусников» базировались не только на внешнем совершенстве издания (и его приложений), но и на их отношении к взаимосвязям между составными частями журнала. С. Дягилев выражает в рецензии «Иллюстрации к Пушкину» — на два вышедших к столетнему юбилею поэта иллюстрированных издания⁵ — новый взгляд на проблему отношения иллюстраций к содержанию художественного текста: «Иллюстрация вовсе не должна ни дополнять литературного произведения, ни сливаться с ним, а наоборот, ее задача — освещать творчество поэта остро индивидуальным, исключительным взглядом художника...» [20, 35–38]. Этим высказыванием он утверждал необходимость равноправного существования писателя и художника, что подразумевало для последнего возможность выразить *собственное* понимание литературного текста.

Характерен в этом смысле спор, возникший между представителями двух поколений художественной интеллигенции, в связи с созданием А. Бенуа иллюстраций к поэме А. С. Пушкина «Медный всадник». Заказ художнику поступил от председателя Кружка любителей русских изящных изданий В. А. Верещагина, считавшегося на рубеже столетий одной из самых значительных фигур русского библиофильства. Когда же работа была выполнена, оказалось, что она не соответствует представлениям заказчика о том, как должно выглядеть художественное издание: ценностью он считал только гравюры. Саму книгу как художественное произведение не воспринимал.

А. Бенуа же опирался на опыт изданий пушкинского времени, взяв за основу книжку карманного формата, с иллюстрациями на каждой странице. В итоге заказчик отказался принять работу художника.

⁵ См.: Пушкин А. С. Сочинения: В 3-х т. М.: Изд. А. И. Мамонтова, 1899; Пушкин А. С. Руслан и Людмила. С рис. С. В. Малютина. М.: Изд. А. И. Мамонтова, 1899.

Дилемма разрешилась публикацией иллюстраций А. Бенуа вместе с текстом поэмы А. Пушкина в журнале «Мир искусства» (1904, № 1). С одной стороны, издание в большом журнальном формате нарушало авторский замысел художника, но, с другой, именно в таком виде его создание и было высоко оценено читателями и критиками. В Брюсов так отзывался о нем в журнале «Весь»: «Вот, наконец, рисунки, достойные великого поэта. В них жив старый Петербург, как жив он и в поэме. И в них тот же ужас странного виденья, медного гиганта... скачущего за жалким, но дерзновенным безумцем» [21, 71].

Высоко оценил работу художника и И. Грабарь, высказав это в письме от 25 марта 1904 г.: «...никак не могу устоять против соблазна написать тебе несколько слов. И прежде всего по поводу твоих иллюстраций, совершенно меня очаровавших. Они так хороши, что я от новизны впечатления все еще и теперь не могу прийти в себя. Чертовски передана эпоха и Пушкин... Они страшно современны — и это важно...» [22, л. 12].

Постепенно новаторские идеи «мирискусников» приобретали все больше приверженцев. Ко времени закрытия журнала в 1904 г. их круг значительно расширился. Способствовало этому и устройство С. Дягилевым художественных выставок, зачастую вызывавших споры среди критиков и любителей искусства, но всегда становившихся событиями в культурной жизни России.

К тому же, будучи явлением петербургской культуры, «мирискусники», по признанию М. Добужинского, не ограничивали свой интерес в области русского искусства периодом существования столицы: «с первого до последнего номера журнала, помещались статьи и репродукции, посвященные творчеству допетровской Руси и... было всегдашнее стремление объединить оба мира: Петербург и Москву — задача почти неосуществимая...» [18, 222]. В результате высокую оценку деятельности «мирискусников» во главе с их лидером дали не только петербургские художники, критики и любители искусства, но и московские. После закрытия самой грандиозной из организованных С. Дягилевым экспозиций — Историко-художественной выставки русских портретов (Таврическая выставка) в 1905 г., а также прекращения выхода в свет журнала «Мир искусства», группа московских художников, писателей, коллекционеров в конце марта устроила в его честь товарищеский обед в ресторане «Метрополь». Художник В. В. Переплетчиков, описывая в дневнике это событие, отметил: «...говорил Вал. Брюсов, он говорил о том, какое влияние оказал журнал “Мир искусства” на книгу вообще в России, на ее внешность, на ее художественную сторону...» [23, 75].

Журнал «Мир искусства» просуществовал шесть лет. За это время вышло 96 номеров, составивших 12 объемных томов. В них насчитывается около 800 пу-

бликаций, не считая небольших заметок и хроники. Текст, наряду с многочисленными иллюстрациями, занимает порядка 5000 страниц. Но дело не только во внушительном объеме издания. «За шесть лет своего существования “Мир искусства” показал на своих страницах все лучшее, что было в художественном наследии и в творчестве современников» [17, 450]. Прекращение же издания 8 февраля 1905 г. было вызвано финансовыми затруднениями, которые ни С. Дягилеву, ни его соратникам не удалось преодолеть. Их вызвала русско-японская война (1904–1905) и последовавшая за ней Первая русская революция (1905–1907).

В истории отечественного искусства и критики «Мир искусства» остался эстетическим шедевром. Это новаторское издание отличает, помимо полемической публицистики, синтез «изображения и слова, содержания и формы». Его создатель, издатель и редактор, С. Дягилев, вместе с соратниками стремился дать читателям «высококачественный образец этого синтеза тогда, когда еще только активизировался процесс развития изобразительного ряда информационного процесса» [24, 99]. В итоге сам облик журнала воспитывал у них художественный вкус, развивал чувство прекрасного.

Важно и то, что «мирискусники» указали последователям вектор развития художественных иллюстрированных журналов. Среди особо ярких примеров следует назвать «Золотое руно», «Старые годы», «Аполлон» и ряд других изданий. Взяв лучшее из опыта «Мира искусства», их сотрудники творчески перерабатывали его, являя читателям новые образцы не только выдающейся публицистики, но и оформительского искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. История русской журналистики XVIII–XIX веков: учебник для вузов. — 2-е изд., испр. и доп. / под ред. проф. Л. П. Громовой. — СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2005.
2. Бенуа А. Мои воспоминания. В 5 кн.: в 2-х т. / А. Бенуа. — М.: Наука, 1990. — Т. 2.
3. Шестаков В. П. Эстетизм как феномен и программа журнала «Мир искусства» Сергея Дягилева. С. П. Дягилев и современная культура: материалы международного симпозиума «VIII Дягилевские чтения» / В. П. Шестаков. — Пермь, 2010. — С. 37–72.
4. Турчин В. С. «Да» и «нет» на переломе эпох. Теософская традиция в русской культуре. С. Дягилев и русское искусство XIX–XX вв.: В 2-х т. / В. С. Турчин. — Пермь, 2005. — Т. 1. — С. 17–19.
5. Дело об издании в Петербурге под редакторством С. П. Дягилева и А. Н. Бенуа журн. «Мир искусства» / РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Ед. хр. 1151. (1898–1903). Л. 1.
6. Бенуа А. Задачи графики / А. Бенуа // Искусство и печатное дело. — Киев. — 1910. — № 2–3. — С. 41.
7. Герчук Ю. Я. Искусство печатной книги в Рос-

сии XVI–XXI веков / Ю. Я. Герчук. — СПб.: Коло, 2014.

8. Герчук Ю. Книги «балованного века» / Ю. Я. Герчук // Пинакотекa. — 1998. — № 6/7. — С. 35.

9. Письмо С. Дягилева Л. С. Баксту, А. Н. Бенуа, М. А. Врубелю и др. // Сергей Дягилев и русское искусство: Статьи, открытые письма, интервью. Переписка. Современники о Дягилеве: В 2-х т. — М.: Изобразительное искусство, 1982. — Т. 2. — С. 32–33.

10. Стасов В. В. Нищие духом / В. В. Стасов // Новости и Биржевая газета. 1899. — 5 янв. (№ 5). — С. 2.

11. Сомов К. А. Письма. Дневники. Суждения современников / Вступ. статья, сост., примеч. и летопись жизни и творчества К. А. Сомова Ю. Н. Подкопаевой и А. Н. Свешниковой. — М.: Искусство, 1979.

12. Лурье Ф. М. Журнал «невских пиквикианцев». Мир искусства: хронологическая роспись содержания. 1899–1904 / Ф. М. Лурье. — СПб.: Коло, 2012.

13. Россий (Абрам Эфрос). Религиозный кризис в жизни Обри Бердслея / Россий // Русские ведомости. — 1912. — 5 окт.

14. Бердслей Обри / О. Бердслей. — СПб.: Шиповник, 1906.

15. Канцелярия Министерства императорского двора / РГИА. Ф. 472. оп. 43 (471 / 2420). Ед. хр. 9. Л. 235.

16. Чернышова-Мельник Н. Сергей Дягилев — редактор, публицист и критик / Н. Чернышова-Мельник. — СПб.: Алетейя, 2018.

17. Масси С. Земля Жар-птицы: Краса былой России / С. Масси. — СПб.: Лики России, 2000.

18. Добужинский М. В. Воспоминания / М. В. Добужинский. — М.: Наука, 1987.

19. Зеликман М. Список оригинальных литографий, ксилографий и офортов русских художников, помещенных в выпусках журнала «Мир искусства» (1899–1904 гг.) / М. Зеликман // Пинакотекa. — 1998. — № 6 / 7. — С. 97–98.

20. Дягилев С. П. Иллюстрации к Пушкину / С. П. Дягилев // Мир искусства. — 1899. — № 16–17. — С. 35–38.

21. Брюсов В. Я. В журналах и газетах / В. Я. Брюсов // Весы. — 1904. — № 3. — С. 71.

22. Письмо И. Э. Грабаря А. Н. Бенуа от 25 марта 1904 года / ОР ГРМ, ф. 137, ед. хр. 893, л. 12.

23. Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников: В 2-х т. Т. 2. / Ред.-сост., авт. вступ. статьи, очерков о мемуаристах и коммент. И. С. Зильберштейн и В. А. Самков. — Л.: Художник РСФСР, 1971.

24. Жирков Г. В. Золотой век журналистики России: история русской журналистики 1900–1914 годов / Г. В. Жирков. — СПб.: СПбГУ, 2011.

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения

Мельник Н. Д., кандидат филологических наук, доцент кафедры искусствознания

E-mail: melnik.natalija2017@yandex.ru

*St.-Petersburg State Institute of Cinema and Television
Melnik N. D., Candidate of Philology, Associate Professor of the Art History Department*

E-mail: melnik.natalija2017@yandex.ru

ИЗ ИСТОРИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ КАНАДЫ: ЖУРНАЛИСТ МЕДЕРИК ЛАНКТО И ЕГО ИЗДАНИЯ

Е. Ф. Овчаренко

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 17 марта 2022 г.

Аннотация: в статье освещается малоизвестная страница истории печати Канады, связанная с именем журналиста Медерика Ланкто (1838–1877). Он основал первое канадское независимое ежедневное издание на французском языке — газету «Пресс» (позже — «Юньон насьональ»). На ее страницах Медерик Ланкто активно боролся против создания Канадской конфедерации, справедливо полагая, что в этом «англосаксонском море» права франкоканадцев будут ущемлены. Прекрасный оратор, М. Ланкто придавал большое значение «обратной связи» с читателями. Его опыт «действенной журналистики» востребован современной региональной прессой франкоязычной провинции Квебек.

Ключевые слова: Медерик Ланкто — журналист-новатор, пресса Канады, образование Канадской конфедерации, франкоканадский национальный вопрос.

Abstract: our article throws light upon not enough known page of Canadian Press History connected with journalist Médéric Lanctôt (1838–1877). He founded the first independent French-language daily newspaper “La Presse” (later “L’Union nationale”) for to fight against Formation of Canadian Confederation. In M. Lanctôt opinion, this “Anglo-Saxon Sea” will infringe the rights of French-Canadians. Médéric Lanctôt was an excellent orator and he attached particular importance to the reverse contacts with the readers. His “ready to fight” experience is called by modern French-Canadian “active journalism” of Quebec province.

Keywords: Médéric Lanctôt — journalist-innovator, Canadian Press, Formation of Canadian Confederation, French-Canadian question.

В середине XIX в. франкоязычным жителям Канады, этой двунациональной колонии Великобритании, предстояло очередное испытание: в проекте Лондона объединить свои североамериканские владения они, во всем отличные от канадцев-англофонов, рисковали оказаться в меньшинстве — в Новой Шотландии, Нью-Брансуике, на Острове Принца Эдуарда и Ньюфаундленде говорили по-английски. Сто лет назад, когда Новая Франция перешла к британской короне, официальным языком для ее жителей-франкофонов был объявлен английский. Так возник франкоканадский национальный вопрос, заключающийся в стремлении франкоговорящего населения Канады защитить свою идентичность. За минувший век франкоканадцам удалось отстоять право выступать на родном языке в парламенте, свои гражданские законы и возможность исповедовать католицизм. Что же ждало их теперь? Именно в это время в журналистике Канады раздался уверенный голос в защиту национальных интересов канадцев-франкофонов. Молодой адвокат Медерик Ланкто (Lanctôt, 1838–1877), успевший пройти журналистскую школу в провинциальном издании «Курье де Сент-Гиацинт» и решивший принять участие в дискуссии о будущем объединении британских ко-

лоний, стал с этой целью издавать в Монреале собственную газету «Пресс». Первый ее номер появился в октябре 1863 г., а в июне 1864 г. для воплощения в жизнь проекта Конфедерации была создана Великая коалиция вчерашних политических противников, куда вошли: лидер консерваторов франкоязычной Восточной Канады, представлявший интересы крупного капитала и католической церкви Жорж-Этьен Картье (Cartier), а также два лидера англоязычной Западной Канады — либерал Джордж Браун (Brown), выступавший от имени промышленников и торговцев г. Торонто, и консерватор Джон Александер Макдональд (Macdonald) из г. Кингстона, тесно связанный с железнодорожными магнатами. В стороне от этой коалиции осталась только Красная партия под руководством франкофона Антуана-Эме Дориона (Dorion), потому что «Дорион и его сторонники требовали, чтобы народ обсудил проект конституции будущей федерации, чтобы, после того как Лондон примет соответствующий имперский акт, этот акт был бы утвержден канадским парламентом», — отмечал отечественный исследователь А. Г. Милейковский [1, 155]. Этого же требовала «Пресс» Медерика Ланкто, объявившая себя независимым изданием.

Век «Пресс» был недолог: газета издавалась до сентября 1864 г., но, как отмечают исследователи печати Квебека А. Больё и Ж. Амлен, «эта новая

газета обладала столькими оригинальными чертами, что ее появление оказалось событием в истории франкоканадской прессы. Первое новшество: «Пресс» первой из франкоязычных газет стала ежедневной, отважившись повторить опыт «Газетт канадённ» 1838 года, весьма неудачный» [2, 42]. Такое издание с историей, как «Минерв», начало выходить ежедневно только с сентября 1865 г., а, например, «Ордр» — лишь с мая 1870 г. «Второе новшество: газета не была связана ни с одной политической партией. Это был вызов, а само решение — риском. Еще не существовало дешевой прессы, которая финансировалась за счет подписчиков и объявлений. Газеты стоили дорого, подписчиков у них было немного. Большинство крупных газет являлись органами партий, используя избирательные кассы и политический фаворитизм. Как же владельцы новой газеты надеялись выживать? Наверняка они рассчитывали на прибыли от типографских заказов, чтобы поддерживать ее» [2]. И, наконец, третье новшество: «“Пресс” не только находилась в стороне от политических партий, она также желала их исчезновения. Она стала провозвестником новой идеологии: объединения всех франкоканадцев внутри страны в единую национальную партию. Наследница Патриотов¹ и интеллектуалов Канадского института², “Пресс” явилась первым крупным национальным франкоканадским органом» [2, 42–43]. Действительно, у франкоканадцев были веские причины волноваться за свое будущее в Конфедерации, поскольку все чаще звучали слова о «новой, канадской нации», которую породит объединение всех колоний Британии и только так они смогут противостоять попыткам экономической и политической аннексии Канады Соединенными Штатами (где, напомним, в то время шла Гражданская война между Севером и Югом). Жорж-Этьен Картье, представлявший в Великой коалиции интересы франкоязычных жителей Канады, был вынужден оправдываться: «Если мы объединимся, то образуем *политическую* нацию, не связанную с национальным происхождением и религией индивидуумов... Некоторые сожалели, что национальные различия существуют и выражали надежду, что со временем эти различия исчезнут. Слияние рас в одну является утопией, такое невозможно» [3, 243–244].

У лидеров Великой коалиции были в распоряжении свои печатные органы: франкоязычная «Минерв»

¹ Восстание Патриотов 1837–1838 гг. против британской монархии, за демократизацию жизни в Канаде.

² Канадские институты (1840–1870) — важный этап в развитии самосознания франкоканадцев, они стали появляться в крупных городах Восточной (франкоязычной) Канады и в регионах компактного проживания франкофонов за ее пределами. Представляли собой светские библиотеки и свободные площадки для общественных дискуссий.

(Монреаль) поддерживала Картье–Макдональда; Браун сам владел англоязычной «Глоб» (Торонто). От имени Красной партии выступала франкоязычная «Пэи» (Монреаль), а национальный голос франкоканадской нации ярче всего выражала непартийная «Пресс» Медерика Ланкто, которую он в сентябре 1864 г. переименовал в «Юньон насьональ» («Национальный союз»), — «это новое название лучше выражало идеологию газеты — национальную оппозицию Конфедерации» [2, 56]. В объявлении о выходе нового издания говорилось, что нерушимый союз живых сил франкоканадского народа позволил ему выжить, несмотря на происки Министерства колоний и кабальный союз с англоязычной Западной Канадой. Он же позволит избежать Конфедерации, которая «собирается утопить франкоканадцев в англосаксонском море. Как нация, они имеют право создать автономное государство; это даже является их долгом» [4].

Историк XX в. Лионель Гру писал об этой переломной эпохе: «Теперь, когда решался вопрос о самой жизни их нации, франкоканадцы впервые раскололись на два лагеря. Исполненное трагизма положение для небольшого народа, история которого даже теперь предстала во всем своем величии, народа, который сохранил свою душу и выжил ради этой великой цели. Быть или не быть федералистом в то время означало: предать или не предать свою расу» [3, 240].

Из таблицы 1 видно, что «разлом нации» сказался и на франкоязычной прессе Канады.

В сентябре 1864 г. в г. Шарлоттауне (Остров Принца Эдуарда) и в октябре в г. Квебеке (Канада) прошли заседания Великой коалиции по вопросу будущей Конфедерации, и 33 делегата этой конференции в старейшем городе колонии известны сегодня под именем «отцов Конфедерации» [5, 151]. Отечественный юрист Е. П. Симеева подчеркивает, что «Квебекская конференция не была открыта для общественности, и полный текст заседаний никогда не публиковался» [6, 46]. Поэтому неудивительно, что Медерик Ланкто совершенно справедливо утверждал в своей газете «Юньон насьональ»: «Проект родился втайне, без народного обсуждения. Можно было бы говорить о заговоре, замышляемом врагами франкоканадской национальности» [7]. Он, как и все франкоканадцы, понимал, что в новом объединении они окажутся в англосаксонском окружении: все остальные колонии-претенденты на объединение являются англоговорящими. И Ланкто ежедневно напоминал в газете об этой опасности: «Дарэм³ — тот, кто является

³ Лорд Дарэм, направленный в Канаду для выяснения причин Восстания Патриотов, в 1839 г. представил британскому парламенту доклад, в котором утверждал, что «франкоканадцев надо превратить в англичан», а также надо объединить все североамериканские владения Британии.

отцом франкофобного чудовища по имени Конфедерация» [7]; «Жорж-Этьен Картье — воплощение национального и политического отступничества» [8]. Но еще раньше он от слов перешел к делу. С августа по ноябрь 1864 г. члены редакции «Юньон насьональ» проводили встречи в рабочих кварталах Монреаля, которые собирали до нескольких сотен человек. В результате петицию от Монреаля против Конфедерации подписали 7000 человек [2, 58]. Исследователи истории печати Квебека А. Больё и Ж. Амлен писали, что «Ланкто проявил себя талантливым оратором, организатором и журналистом, вызывая восхищение у современников» [2, 59]. Они так характеризуют выступления Медерика Ланкто на этих выездных встречах редакции с населением Монреаля: «Он использовал простую лексику, образные выражения. Вместо того чтобы рассуждать, он повторял идеи-лозунги: “Родина в опасности!”, “Картье-предатель!”, приправляя их насмешками в адрес авторов Конфедерации. ...Ему достало прозорливости согласиться на сотрудничество с “красными” и никогда не использовать антианглийские настроения. Он не упускал случая обратиться за поддержкой к духовенству и к ирландцам⁴, политическую силу которых знал... Его обращение к духовенству отвечало его национальным и религиозным убеждениям» [2, 59].

Отметим, что с 1850-х гг. католическое духовенство стало стремиться к определяющей роли в жизни франкоканадцев и развивало концепцию их особой миссии в Северной Америке. Тогда же стали появляться статьи публицистов-ультрамонтанов. Первая отечественная исследовательница литературы и журналистики Французской Канады Н. И. Ванникова писала: «Ультрамонтан — абсолютно преданный доктринам Святого престола, так с гордостью называли себя канадские консерваторы в литературе и журналистике» [9, 159–160]. Однако именно их руками решили окончательно задуть издания Медерика Ланкто, который давно оставил «богоискательство» молодых лет и ныне слыл добрым католиком. Случилось это уже после окончательной победы сторонников Конфедерации: первого июля 1867 г. вступил в силу Акт о Британской Северной Америке, а ровно через месяц, первого августа того же года, в Монреале появилась газета либерально-консервативной коалиции «Веритэ» («Истина»), чтобы, как указывают А. Больё и Ж. Амлен, «окончательно сразить Медерика Ланкто, противника Конфедерации и Жоржа-Этьена Картье». Для Ланкто же после провозглашения Конфедерации наступили не лучшие дни: отдававший все своим газетам, он, выиграв муниципальные выборы, не смог (в соответствии с правилами) доказать, что владеет недвижимостью стои-

мостью 500 луидоров, и мандат был аннулирован [2, 104]. Появление газеты «Веритэ» именно в сентябре 1867 г. было не случайным: М. Ланкто снова решил принять участие в выборах — уже федеральных — по вновь образованному округу «Монреаль — Восток», где его противником оказался сам Жорж-Этьен Картье. Поэтому «Веритэ» и не скрывала своих намерений: «Наше название “Истина”, естественно, выбрано нами в противовес г-ну Ланкто и его изданиям, которые наполнены ложью. Сейчас он атакует г-на Картье на поприще, которое тот занимает много лет, сражаясь за интересы страны и снискав здесь лавры; на поприще, на котором он мучительно, в поте лица, воздвиг монумент Конфедерации, к вящей нашей славе... В истории ему будут отведены ярчайшие страницы. Его имя должно поместить рядом с именами Лавала, дю Плесси и Лафонтена»⁵ [10]. Далее безвестный типограф-издатель газеты, некий О. Дежардан (Desjardins), за которым, разумеется, стояли совсем другие фигуры, переходит на личности и утверждает, что, по сравнению с вождем «красных» А.-Э. Дорионом «г-н Ланкто лишь молодой человек»⁶, который способен только драть глотку на митингах, приносящих его стране одно зло, и который ежедневно наносит оскорбления нашим национальным заслугам и нашей национальной гордости, будучи, впрочем, также тем еще молодчиком, который несколько лет назад побил стекла в Кабинете чтения⁷ и вызывающе разорвал на трибуне Канадского института послание нашего Епископа» [10]. В этих утверждениях «Веритэ» было мало истины: Ланкто ставится в вину внепартийность его изданий, которая и привлекала к нему простой народ. Его «ошибки юности» были давно в прошлом, и из-за известной религиозности Ланкто и его сторонники даже получили от противников ярлык «благочестивые демократы». Впрочем, газета «Веритэ» просуществовала недолго, посчитав свою миссию выполненной⁸.

После крайне изнурительной для Ланкто избирательной кампании он был вынужден признать себя побежденным, но попытался оспорить результаты голосования. В ноябре 1867 г. решение было принято не в его пользу. Ланкто прекратил издание

⁵ Два первых — церковные деятели, католические архиепископы Квебека, а упоминание Ипполита Лафонтена здесь не совсем уместно: он участник Восстания Патриотов, а затем депутат, выступавший против объединения Нижней (франкоязычной) Канады и Верхней (англоязычной).

⁶ А.-Э. Дорион родился в 1818 г., М. Ланкто — в 1838 г., а Ж.-Э. Картье — в 1815 г.

⁷ Кабинеты чтения (Cabinet de lecture) появились в 1857 г. стараниями ультрамонтанов как приходские библиотеки и вели беспощадную борьбу со светскими библиотеками при Канадских институтах [11].

⁸ Исследователи истории печати Квебека А. Больё и Ж. Амлен не смогли установить дату ее закрытия.

⁴ В 1866 г. Медерик Ланкто издавал газету «Айриш Экспресс» на английском языке, поддерживая борьбу ирландцев за независимость.

«Юньон насъональ» и перебрался в Соединенные Штаты. Сделав вдали от родины неудачную попытку издавать в Детройте для франкоамериканцев газету «Ампарсьяль» («Беспристрастный»), Медерик Ланкто возвратился в Монреаль. Пребывание по ту сторону канадской границы заставило его сосредоточиться на иной региональной опасности — возможной аннексии Канады Соединенными Штатами. Опасность была реальной: еще в июне 1866 г. в конгрессе США прозвучало предложение позволить любой колонии Британской Северной Америки при ее желании присоединиться к США, а в марте 1867 г., после покупки Аляски, государственный секретарь Сьюард намекнул на перспективу превращения и британских колоний в штаты Американского союза [1, 163–164]. С апреля по август 1868 г. Ланкто выпускал в Монреале ежедневную газету «Эндепананс канадъен» («Канадская независимость»), в которой был и редактором, и издателем. Однако, как отмечают А. Больё и Ж. Амлен, «обращения Ланкто не вызвали никакого энтузиазма у франкоканадцев, зато озлобили англоканадцев» [2, 113].

Но что же представляла из себя Конфедерация, столь пугавшая Медерика Ланкто и его соотечественников-франкоканадцев? Принятый британским парламентом при полупустом зале голосований Акт о Британской Северной Америке стал фактически первой Конституцией Канады. Во вновь созданное автономное заморское владение Великобритании — «доминион Канада»⁹ — вошли четыре провинции: выделенные из бывшей колонии Канада франкоязычный Квебек и англоязычная провинция Онтарио, а также две приморские колонии — Новая Шотландия и Нью-Брансуик. Увы, этот акт действительно рассматривал Квебек лишь как одну из провинций, и фактически единственная статья № 133, отражающая двунациональный состав нового государства, касалась признания права депутатов-франкоканадцев выступать на французском языке в федеральном и региональном парламентах. Однако двуязычие не коснулось ни денежных знаков, ни федеральных печатей для документов, как печально отметил историк А. Дерозье [5, 152]. Он находит существенной для франкоканадцев еще одну статью под № 93, предоставившую провинциям исключительное право на законодательство в области народного образования. Но в целом Акт о Британской Северной Америке, как и предвидели Дорион и Ланкто, закрепил господство в стране англоканадцев. Единственным «достижением» Ж.-Э. Картьё, представлявшего интересы франкоканадцев, стало отклонение предложения его коллеги консерватора-англофона Джона А. Макдональда о создании унитарного государства с единым пра-

вительством, в котором франкоканадцы точно бы оказались в меньшинстве. В итоговом документе, как известно, речь шла о федеральном и провинциальных парламентах.

В 1871 г. Медерик Ланкто снова делает безуспешную попытку принять участие в провинциальных выборах и принимает решение обосноваться в Соединенных Штатах, но опять возвращается в Канаду. Уже познавший нищету, он поселяется в столице Конфедерации Оттаве, в июле 1874 г. становится стенографистом нижней палаты федерального парламента и редактором газеты «Курье д'Утауэ»¹⁰. Пробыв на этом посту до весны 1875 г., Ланкто опять переезжает — на этот раз в небольшое поселение Халл, недалеко от Оттавы, но расположенное в провинции Квебек. Прибыв в Халл в марте 1875 г., Ланкто узнает, что за несколько недель до этого Халл получил статус города. Медерик Ланкто и на новом месте проявил свой незаурядный характер политического деятеля и журналиста. Он становится редактором единственной городской газеты «Эхо Халла». Газета превращается в орган местных либералов, а Ланкто — в их вождя. Они воют с местными консерваторами под предводительством нотариуса Нерэ Тетро (Tétreau) за муниципальную власть и получают «народные» прозвища: либералы Ланкто — «сборище», а консерваторы Тетро — «шайка». Кажется, прозвище «шайка» соответствовало истине: в апреле 1876 г. некие «неустановленные лица» разгромили редакцию газеты «Эхо Халла», а в июле 1877 г. подожгли ее. В том же месяце Медерик Ланкто скорострительно скончался от сердечного приступа... Три года назад, будучи редактором «Курье д'Утауэ», Медерик Ланкто так отозвался на страницах своей газеты на смерть Этьена Парана, бывшего редактора «Канадъен», который простоял у ее руля около 20 лет, — он скончался в Оттаве 22 декабря 1874 г.: «Это “Нестор нашей” прессы... Он создал журналистику нашей страны...» [12, 28] Эти слова можно повторить и о Медерике Ланкто: вся деятельная франкоязычная пресса XX–XXI вв. в защите нации опиралась и опирается на опыт его «Пресс / Юньон насъональ».

ЛИТЕРАТУРА

1. Милейковский А. Г. Канада и англо-американские противоречия / А. Г. Милейковский. — М., 1958.
2. Beaulieu A. La presse québécoise des origines à nos jours. Tome deuxième: 1860–1879 / A. Beaulieu, J. Hamelin. — Québec, 1975.
3. Groulx Lionel. Les Canadiens français et l'établissement de la Confédération / L. Groulx // Notre maître le passé. Tome 2. — Ottawa, 1977.
4. L'Union nationale. — 1864. — Le 3 septembre.
5. Desrosiers A. Petite histoire du Canada /

⁹ Слово было заимствовано из псалма и означало «владение».

¹⁰ Утауэ — так тогда произносилось по-французски слово «Оттава».

A. Desrosiers. — Québec, 1933.

6. Симаева Е. П. Становление канадской государственности / Е. П. Симаева. — Волгоград, 2008.

7. L'Union nationale. — 1864. — Le 26 septembre.

8. L'Union nationale. — 1866. — Le 27 mars.

9. Ванникова Н. И. Франкоязычная литература Канады: дис. ... канд. филол. наук / Н. И. Ванникова. — М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 1970. — С. 159–160.

10. La Verité. 1867. Le 1-er août.

11. Harvey L.-G. La lecture publique au Québec de 1850 à 1900: vers la démocratisation du livre / L.-G. Harvey // Documentation et bibliothèques. — 1995. — No 41 (3). — P. 143–146.

12. Roy C. Manuel d'histoire de la littérature canadienne de langue française. 21e éd. / C. Roy. — Montréal, 1959.

Таблица 1

Газеты — сторонницы и противницы Конфедерации

Название	Годы издания	Отношение к проекту Конфедерации. Партийная принадлежность
«Журналь де Квебек» (г. Квебек)	1842–1889	За Конфедерацию. Консервативная
«Канада–Франсэ» (г. Сен-Жан)	1860 — по наст. время	Против Конфедерации. Либеральная
«Канадъен» (г. Квебек)	1806–1909	За Конфедерацию. Либеральная
«Минерв» (г. Монреаль)	1826–1899	За Конфедерацию. Консервативная, орган Ж.-Э. Картье
«Ордр, Юньон католик» (г. Монреаль)	1858–1871	За Конфедерацию. Либеральная, католического направления
«Патри» (г. Монреаль)	1854–1858	За Конфедерацию. Консервативная, католического направления
«Пэи» (г. Монреаль)	1852–1871 (орган Канадского института Монреаля)	Против Конфедерации. Представляла Красную партию. Сторонница отделения церкви от государства
«Пресс» / «Юньон насъональ» (г. Монреаль)	1863–1864 1864–1867	Против Конфедерации. Непартийная, католического направления

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Овчаренко Е. Ф., кандидат филологических наук, ответственный редактор международного альманаха «Северные грани»

E-mail: felicella@inbox.ru

Lomonosov Moscow State University

Ovcharenko E. F., Candidate of Philology, Editor of International Almanac «Northern Verges»

E-mail: felicella@inbox.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА АРКАИМА КАК НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ФЕНОМЕНА В ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСУРСА «ПИКАБУ»)

С. А. Панюкова

Челябинский государственный университет

Поступила в редакцию 18 мая 2022 г.

Аннотация: в данном исследовании анализируются содержательные, жанровые и форматные особенности пользовательских публикаций о научно-популярном феномене на примере Аркаима (архитектурного памятника эпохи средней бронзы). В качестве материала исследования была отобрана база публикаций с тегом «Аркаим» на русскоязычном ресурсе «Пикабу». К данным пользовательским текстам был применен метод контент-анализа и семантического анализа, который позволил сделать следующие основные выводы: 1) авторов ресурса «Аркаим» интересует прежде всего как туристическое место, а не как археологический памятник; 2) аудитории интересны научно-популярные публикации и качественные материалы об Аркаиме; 3) аудитория и авторы проекта «Пикабу» не поддерживают псевдонаучные теории и мистификацию вокруг Аркаима. Также в статье рассматривается, посредством каких жанров и форматов авторы рассказывают об Аркаиме и какие публикации пользуются особым интересом у аудитории.

Ключевые слова: научно-популярная журналистика, пользовательский контент, Аркаим, популяризация археологии, «Пикабу».

Abstract: this study analyzes the content, genre, and format features of user publications about archeology using the example of Arkaim (an architectural monument of the Middle Bronze Age). The base of publications with the tag «Arkaim» on the Russian-language website «Pikabu» was selected as the research material. The methods of content analysis and semantic analysis were applied to these user texts. This made it possible to draw the following main conclusions: 1) the authors of the site are primarily interested in Arkaim as a tourist destination, and not as an archaeological site; 2) the audience is interested in popular science publications and high-quality materials about Arkaim; 3) the audience and authors of the «Pikabu» project do not support pseudoscientific theories and hoax around Arkaim. The article also discusses in detail through which genres and formats the authors tell about Arkaim and which publications are especially interesting to the audience.

Keywords: popular science journalism, user-generated content, Arkaim, popularization of archeology, «Pikabu».

Популяризация археологии — одна из тематических сфер медиаконтента, направленная на освещение актуальных новостей и научных открытий в сфере археологии и повышения привлекательности археологии как научного направления и культурной деятельности у широкой аудитории для обеспечения отрасли кадрами и финансовыми ресурсами. В целом данное направление, актуальное в мировых и российских медиа, можно отнести к более широкой группе научно-популярной журналистики. Подробнее понятие «публичной археологии» рассматривается в трудах следующих авторов: Barbara Little [1] и Jeremy Sabloff [2].

Однако в рамках данного исследования мы рассмотрим контент, посвященный более узкому тематическому полю — формированию образа Аркаима, памятника эпохи средней бронзы. Он был открыт на территории Зауральской степи (Челябинская область) в 1987 г. профессором Г. Здановичем [3, 6].

На данный момент на месте раскопок, которые ведутся в окрестностях до сих пор, открыт музейный комплекс и историко-культурный заповедник.

Аркаим достаточно известен массовой аудитории и нередко фигурирует в информационной повестке. По данным сервиса «ЯндексНовости» за период с 2015 по 2020 гг., об Аркаиме появляется от 80 до 170 уникальных новостей в год в федеральных и городских российских СМИ. В этих публикациях чаще всего встречается информация об исследованиях и новых открытиях на территории Аркаима, о туризме и культурных событиях музейного комплекса, а также о мистических теориях, связанных с образом Аркаима. Также феномен Аркаима с разных сторон активно рассматривается и в трудах российских исследователей: можно встретить научное осмысление феномена с позиций археологии [4], репрезентации в медиа [5], мистического потенциала [6].

Но не только профессиональные СМИ и исследователи обращаются к феномену Аркаима: сами пользователи Рунета активно создают медиакон-

тент, посвященный Аркаиму, и делятся им на различных ресурсах. Эти публикации пользуются интересом читателей и зрителей, получают отклик и широкое обсуждение, поэтому репрезентация данной темы не утихает и спустя десятилетия с открытия памятника.

Однако не все пользовательские и профессиональные публикации, посвященные Аркаиму, можно охарактеризовать как достоверные. Ведь подобный контент иногда отражает не только внимание аудитории к археологическому памятнику или истории человечества, но и демонстрирует спекуляцию на псевдонаучной и околومیстической тематике, поскольку это также является областью интереса массового пользователя. Можно также отметить, что данная проблема свойственна всему научно-популярному направлению в российской журналистике, а не только направлению популяризации археологии.

Поэтому мы решили подробнее рассмотреть авторские высказывания пользователей об Аркаиме и понять, какой аспект данного явления особенно интересен широкой аудитории, встречается ли в подобных публикациях псевдонаучная информация, с помощью каких форматов и мультимедийных средств репрезентуется образ Аркаима. Подобная работа позволит понять, участвуют ли сами пользователи в формировании некорректного образа такого научно-популярного феномена, как Аркаим.

В рамках данного исследования к выбранной базе материалов был применен метод контент-анализа (ручной) и семантический анализ (машинный). Она состояла из 45 материалов, опубликованных на базе русскоязычного ресурса «Пикабу» (аналог портала Reddit) с ноября 2013 г. по июль 2021 г. Данные публикации были отобраны методом сплошной выборки, то есть нами были проанализированы все публикации с тегом «Аркаим» в рамках заявленного ресурса.

Как мы упоминали выше, площадкой для сбора материала бы выбран русскоязычный информационно-развлекательный ресурс «Пикабу». Данный портал достаточно популярен в России (по данным Alexa Internet он занимает 67-е место по России по посещаемости) и представлен преимущественно образованной молодой аудиторией. Контент здесь генерируют сами пользователи, однако они не занимаются продвижением своих постов целенаправленно или через рекламные инструменты: рейтинг записей формируется за счет выставленных читателями «плюсов» и «минусов»: публикации, получившие достаточное количество «плюсов», активнее демонстрируются в ленте пользователей, что мотивирует авторов учитывать запросы аудитории и улучшать качество своих работ.

Всего на сайте представлено 45 пользовательских записей с тегом «Аркаим». Интересно, что ранее подобный тематический анализ на данной площадке проводился профессором М. Загидулиной [8]

в 2017 г. и она упоминает о 55 публикациях с тегом «Аркаим», хотя в нашей выборке за 2018–2021 гг. было опубликовано 19 постов. Такое уменьшение количества постов мы можем связать с двумя причинами:

1) удалением некоторых пользовательских постов самими авторами или модераторами;

совершенствованием навигации по сайту (М. Загидулина приводит несколько публикаций, включающих упоминание Аркаима, но не отвечающих заявленной теме). В нашем случае все 45 постов с упоминанием Аркаима соотносятся с темой исследования и были включены в анализ.

Анализируемые записи были опубликованы в следующие годы: 2013 г. — 1 публикация, 2014 г. — 5 публикаций, 2015 г. — 12 публикаций, 2016 г. — 1 публикация, 2017 г. — 8 публикаций, 2018 г. — 9 публикаций, 2019 г. — 6 публикаций, 2020 г. — 2 публикации, 2021 г. — 1 публикация.

Причины пика популярности темы Аркаима у пользователей ресурса в 2015 г. нам установить не удалось (в федеральных и региональных СМИ, по данным сервиса «ЯндексНовости», не было скачка в частоте упоминания Аркаима в новостной повестке или появления активно обсуждаемых инфоповодов, связанных с этим местом). Однако мы точно можем зафиксировать, что большая часть публикуемого контента с тегом «Аркаим» появлялась в туристические сезоны — с мая по сентябрь.

Важно, что каждая из анализируемых публикаций включала от 4 до 7 тегов помимо тега «Аркаим». Произведенный семантический машинный анализ упоминаемых в публикации тегов показал, что наряду с «Аркаимом» авторы упоминают следующие теги — «длиннопост» (это формат поста с объемным текстом), «история», «видео», «фото», «археология», «восход», «Россия», «фотография». Эти данные позволяют предположить, что акцент в публикациях об Аркаиме будет смещен на текстовую и визуальную («фотография» и «видео») составляющие, а в тематическом плане авторов будет интересовать туризм («фото», «Россия»), природа и экспонаты заповедника («восход», «фото»), исследования исторического памятника («история», «археология»).

Более детальный ручной анализ содержания постов подтвердил гипотезу, выявленную при семантическом анализе: 19 постов были составлены с использованием комплекса мультимедийных элементов (текст с фотографиями/видео/инфографикой), 18 — включали только фотографии, 5 — видеоконтент, 3 — исключительно текст.

Соответственно, можно сделать вывод о том, что при упоминании Аркаима пользователи с охотой делятся «визуальными» впечатлениями. Посты, состоящие лишь из визуального контента, включают фотографии с ландшафтом местности, памятниками Аркаима, природными явлениями в окрестностях Ар-

кайма (закат, рассвет и т.д.), представителями флоры и фауны упоминаемой местности. В постах с текстом, помимо вышеперечисленных визуальных образов, присутствуют фотографии найденных на территории Аркаима археологических артефактов, раскопок, инфографика, карты и схемы по заявленной теме, в том числе используемые и для упрощения информации. Посты, состоящие исключительно из видео, включают видеолекции об Аркаиме (4 поста) и видеофиксацию окрестностей Аркаима (1 пост).

Текстовые публикации представляют короткие истории юмористического характера об отдыхе и туризме в окрестностях Аркаима. Мультимедийные публикации носят более широкий тематический характер — это статьи о происхождении Аркаима, быте и культурном развитии аркаимцев, открытии и научных исследованиях Аркаима (7 публикаций), критика оккультного туризма и псевдонаучных теорий (3 публикации), рассказы о путешествиях на Аркаим (6 публикаций) и раскопок Аркаима от первого лица (3 публикации), выполненные в формате сторителлинга.

Семантический анализ текстовой составляющей всех публикаций с тегом «Аркаим» показал, что чаще всего в текстовых и мультимедийных публикациях встречаются следующие слова (далее слова приводятся в порядке частоты упоминания от 68 до 20 раз): «древний», «город», «история», «поселение», «быль», «Россия», «земля», «памятник», «дух», «ветер», «век», «найти», «мировой», «страна», «тенгри», «огонь», «сила», «бронзовый», «группа», «религия», «степь», «центр», «раскопка», «территория», «тюрк», «тенгрианство», «тюрк», «небо», «Урал». Мы можем сформировать следующие крупные смысловые группы данных слов: история и археология, природные явления, географические наименования, культурные термины. Эти данные соотносятся с ручным тематическим анализом рассмотренных публикаций, представленных выше.

Также можно отметить, что в публикациях об Аркаиме чаще всего встречаются следующие жанровые дефиниции: репортаж, очерк, аналитическая статья и видеолекция. Удивительно, но популярный на ресурсе формат мема встретился лишь один раз — он иллюстрировал ироничное отношение автора к туристам, приезжающим на Аркаим, чтобы загадать желания. В иных случаях юмористические публикации об Аркаиме авторы составляли из фото (фиксация забавных наблюдений) и текста (рассказ смешного эпизода, пережитого во время путешествия).

Из 45 публикаций лишь 9 (20% от общего числа) содержали ссылки на авторитетные научные источники и статьи, подкрепляющие размышления автора. Также следует упомянуть о публикации, выполненной в формате развенчания мифов, с заголовком «АРКАИМ (Место силы, ч. 1)»: в данной мультимедийной статье автор пытается доказать, что Арка-

им — это археологический памятник, лишенный мистической подоплеки. Нами не было выявлено искажения научных фактов в данной публикации, однако в ней автор лишь делится своими мыслями, что не позволяет нам отнести пост к разряду научно-популярных. Такое низкое количество ссылок на научные данные связано с тем, что подавляющее число публикаций (33 единицы; 73,3% от общего числа) посвящено Аркаиму как туристическому центру с красивой природой, в них авторы делятся своими личными впечатлениями и не рассматривают Аркаим как археологический памятник.

Среди анализируемых нами публикаций была лишь одна, основанная на псевдонаучных данных, — «Загадочный Аркаим — самый древний город из найденных в России». В ней автор, рассказывая историю Аркаима, прибегает к ряду неточных датировок, ультимативно приводит сомнительные факты (например, «Теперь уже признано: здесь прародина древних ариев, которую ученые так долго искали... <...> А кое-кто из столь сдержанных в предположениях ученых готов даже объявить эти места родиной Заратуштры»), а также ссылается на ряд псевдонаучных видео («Аркаим — русский Стоунхендж»). Несмотря на то, что пост имеет неплохой рейтинг — 133, некоторые пользователи в комментариях обращают внимание на ошибки автора и его склонность к мистификации.

Более популярной темой на ресурсе стал «Аркаим туристический». В данных публикациях авторы отмечают не только привлекательность местных видов, но и жалуются на скудность туристических площадок («не на что смотреть, сплошная степь»), недоступность самого Аркаима для посещения («памятник закопали и туристам остается только музей со скучными находками»), а также засилье паломников и любителей эзотерики. В комментариях же часто пользователи сходятся в том, что Аркаим обладает большим туристическим потенциалом, но плохо оборудован и мало предлагает обычному, а не оккультному туристу.

Анализ рейтинга записей демонстрирует следующие результаты. Наибольшей популярностью у аудитории пользуются мультимедийные тексты научно-популярной тематики (их рейтинг от 103 до 373), далее следуют мультимедийные истории о путешествии (от 26 до 13) и фотографии природы (от 26 до 0). То есть, несмотря на то, что сами пользователи редко публикуют научно-популярный контент об Аркаиме, а делают упор на туризм, именно это направление их интересует как читателей. Контент же с визуальными красотами Аркаима собирает слабую реакцию или лишен ее вовсе, хотя именно это направление представлено большим числом публикаций.

Среди всех анализируемых записей лишь одна (она состоит из научно-популярного видео) обладает

отрицательным рейтингом –80, поскольку включает контент, ранее опубликованный на ресурсе (первичная публикация данной записи имеет рейтинг 373). Остальные же публикации по теме Аркаима имеют нейтральный или положительный рейтинг, то есть одобряются пользователями сообщества.

Обсуждение в комментариях присутствует практически под каждой публикацией — лишь 5 постов лишены комментариев (11,1%). Остальные же 40 постов получили от 1 до 141 комментария. Наиболее активное обсуждение вызвали научно-популярные публикации: в комментариях пользователи делятся дополнительными источниками и данными, дискутируют о прочитанном, шутят. Также большое количество комментариев (118) получила фотоподборка из 26 снимков с подписью «Никакой религии. Никакой истории. Никакой политики. Просто снимки природы Аркаима». Под ней пользователи обсуждают туристический потенциал и красоту данного места, шутят и иронизируют над эзотерикой. Стоит отметить, что ирония над мистификацией Аркаима — частая тема высказывания комментаторов, даже если контент основной записи не способствует развитию этой ветки дискуссии.

Исходя из проведенного анализа публикаций на русскоязычном ресурсе «Пикабу», мы можем сделать следующие выводы:

1. В записях с тегом «Аркаим» пользователи чаще всего делятся своими положительными или негативными эмоциями и впечатлениями от увиденного или пережитого в путешествии в заповедник. В данных публикациях Аркаим фигурирует не как археологический памятник, а как место туризма, географическая привязка к сюжету, часто лишенная его исторической и культурной значимости. Присутствуют и научно-популярные публикации, однако в значительно меньшем количестве.

2. В публикациях об Аркаиме авторы чаще обращаются к визуальным (фотография и видео) и поликодовым текстам. Особенной популярностью пользуется жанр репортажной фотографии, так как он позволяет пользователям легко поделиться увиденным. В немногочисленных научно-популярных публикациях встречаются инфографика, карты и схемы.

3. Среди пользовательского контента об Аркаиме можно встретить качественные научно-популярные статьи со ссылками на научные источники. Лишь

одну запись из 45 анализируемых можно отнести к псевдонаучным публикациям, но и сами пользователи отменили ее недостоверность в комментариях. Мы можем предположить, что авторы данного ресурса не склонны распространять недостоверную информацию об Аркаиме. Об этом же свидетельствуют и высказывания в комментариях, в которых читатели часто иронизируют над мистификацией Аркаима, критикуют неграмотные высказывания о нем. В целом же в комментариях аудитория склонна поддерживать авторов публикаций и юмористически интерпретировать любые послания, но готова серьезно дискутировать о содержании поста, если тому способствует тема публикации.

4. Симпатия пользователей, судя по рейтингу записей, склоняется к длинным текстам с визуальными дополнениями. Популярны подробные и качественные научно-популярные публикации об Аркаиме. Также хорошую аудиторную реакцию вызывают качественные фотографии Аркаима (обычные фотографии, сделанные на телефон, проигрывают в конкуренции).

ЛИТЕРАТУРА

1. Sabloff J. A. *Archaeology matters: Action archaeology in the modern world* / J. A. Sabloff. — Walnut Creek, CA: Left Coast, 2008.
2. Little B. J. *Public Benefits of Archaeology* / B. J. Little. — Gainesville: University Press of Florida, 2002.
3. Аркаим. 1987–1997: Библиографический указатель / Д. Г. Зданович, Е. И. Коган, Н. Н. Орлова. — Челябинск: Челябинский государственный университет, 1999. — 118 с.
4. Приходько В. Е. Аркаим — укрепленное поселение эпохи бронзы степного Зауралья: почвенно-археологические исследования: монография / В. Е. Приходько, И. В. Иванов, Д. Г. Зданович и др. — М.: Российская академия сельскохозяйственных наук, 2014. — 264 с.
5. Симакова С. И. Визуальный образ Аркаима в материалах СМИ / С. И. Симакова // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2021. — № 2 (40). — С. 129–142.
6. Путенихин В. П. Место силы — город Аркаим: монография / В. П. Путенихин. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. — 344 с.
7. Загидуллина М. В. Как измерить популярность Аркаима? Голоса встроенных метрик в контексте теории панмедиатизации / М. В. Загидуллина // Горизонты цивилизации. — 2017. — № 8. — С. 38–67.

Челябинский государственный университет
Панюкова С. А., старший преподаватель кафедры журналистики и массовых коммуникаций
E-mail: s.panukowa@mail.ru

Chelyabinsk State University
Paniukova S. A., Senior Lecturer of the Journalism and Mass Communications Department
E-mail: s.panukowa@mail.ru

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ ВОЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

А. А. Соколова, А. А. Иткулова

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова

Поступила в редакцию 28 апреля 2022 г.

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о понятии фразеологии, границах и объеме фразеологизмов военной тематики. Изучены различные точки зрения по данному вопросу. Обоснованы критерии, по которым можно отнести тот или иной фразеологизм к категории военных. Исследованы семантико-грамматические классы военных фразеологизмов, их возможности развивать два и более значений, синонимические и антонимические отношения, словообразовательные возможности и синтаксические функции.

Ключевые слова: фразеологизмы военной тематики, понятие, объем, границы.

Abstract: the article discusses the issue of the concept of phraseology, the boundaries and volume of phraseological units of military subjects. Studied different points of view on this issue. Criteria are justified by which one or another phraseological unit can be classified as military. The semantic-grammatical classes of military phraseological units, their capabilities to develop two or more meanings, synonymic and antonymic relations, word-formation capabilities and syntactic functions are investigated.

Keywords: phraseological units of military subjects, concept, volume, boundaries.

Фразеология военной сферы деятельности отражает «национально-культурную специфику, историческое прошлое народа-носителя языка, морально-нравственные ориентиры и установки этноса» [1, 143]. Военные фразеологизмы используются для описания действий представителей Вооруженных сил РФ и дают оценки различных их качеств. С другой стороны, единицы, содержащие в своем компонентном составе слова с ярко выраженной военной семантикой, переходят во фразеологию. Например, такие фразеологические единицы, как *выйти из строя, под дулом пистолета* в современном русском языке используются не только для описания действий военного характера, но и для характеристики предметов или процессов (*Плохо подкованные лошади скользили по твердой, оледеневшей земле, то и дело выходили из строя*). Иногда при таком переходе военная семантика в составе фразеологизма утрачивается.

Изучение военных фразеологизмов позволяет проанализировать коллективное и индивидуальное мировоззрение представителей Вооруженных сил, определить их духовно-нравственные установки, отобразить характерные речевые особенности собирательного образа военнослужащего.

Многие исследователи в последнее время уделяют внимание изучению фразеологии военной сферы. Непосредственный интерес ученых вызывают фразеологизмы русского языка с компонентами-наименованиями воинских званий [2], фразеология военного происхождения русского и немецкого языков

[3], военная субкультура в семантике фразеологизмов [1], военная метафора и фразеология в современной газете [4].

Л. Н. Третьякова отмечает, что «исследование различных трансформаций военных ФЕ и паремий раскрывает огромный потенциал военной концептосферы русского человека, раскрывает специфику национального мышления, уровень духовной культуры, эмоциональность русской природы и черты народной смеховой культуры» [4, 341].

В настоящее время не существует исследований о границах и объеме фразеологизмов военной семантики, нет четко выработанных критериев отбора единиц, не изучены системные отношения военных фразеологизмов. Этим и обусловлена актуальность нашего исследования.

Новизна исследования заключается в том, что впервые делается попытка выявить критерии определения границ фразеологизмов военной тематики, определить их системные отношения и синтаксические функции.

При проведении исследования применены методы сплошной выборки из художественной литературы и периодических изданий, метод лексико-семантического анализа с элементами статистических методик, метод компонентного анализа, методы наблюдения, обобщения и интерпретации результатов.

В современной фразеологической науке возникает много споров по поводу того, какие именно единицы можно отнести к фразеологическим.

Обычно термин «фразеология» употребляется в научной литературе в двух значениях: 1) раздел языкознания, изучающий фразеологический состав

языка; 2) совокупность фразеологических единиц языка. Вследствие того, что среди исследователей нет единого мнения относительно того, какие именно сочетания могут относиться к фразеологизмам, границы второго значения термина варьируются.

Вслед за В. А. Лебединской, под фразеологизмом мы понимаем самостоятельную номинативную единицу языка, качественно отличную от слова, обладающую признаками устойчивости, семантической целостности, сверхсловности, раздельнооформленности и воспроизводимости [5, 3].

Из определения следует, что фразеологическая единица не обязательно должна обладать образностью. Отсутствие такой образности особенно характерно для фразеологизмов военной тематики в силу сферы их употребления.

Фразеология, как и любая другая область научного исследования, должна иметь свой объем и границы. В работе «Фразеология современного французского языка» А. Г. Назарян говорит о том, что, чтобы определить фразеологию как науку и обосновать ее статус как самостоятельной дисциплины, необходимо в первую очередь выявить границы фразеологии. Автор небезосновательно считает, что установление границ фразеологии находится во взаимосвязи с проблемой устойчивости фразеологизмов и выделения их основных признаков [6].

С. И. Ожегов, разделяя точку зрения в данном вопросе с другими исследователями, создает теорию «двух фразеологий», выделяя фразеологию «в узком смысле» и «фразеологию в широком смысле». Основной характеристикой для деления фразеологизмов на эти две части послужила устойчивость структуры. Во фразеологию «в узком смысле» включаются, по мнению ученого, различные устойчивые сочетания, которые обладают «определенными структурными особенностями». Но даже при подобном рассмотрении «в узком смысле» фразеология остается слишком обширной, чтобы можно было выявить ее четкие границы. «В широком смысле» фразеология включает в свой состав не только любые устойчивые словосочетания, но даже и свободные словосочетания, обладающие некоторыми признаками устойчивости, воспроизводимости, целостности и образности [7]. Деление подобного рода не дает четкого обоснования границ фразеологии, а значит, вопрос об отнесении того или иного сочетания к фразеологизму остается открытым.

Фразеологизмы военной тематики изучены в современной науке недостаточно.

С нашей точки зрения, фразеологизмы военной тематики могут обозначать военную терминологию, например, *встать в строй*, *отдать приказ* и мн. др. С другой стороны, фразеологические единицы могут быть не связанными с военными явлениями напрямую, однако они могут включать в свой состав такие компоненты, которые дают указания на лексику во-

енной семантики. Например, *хватило пороху* в значении «необходимое количество энергии, сил, воли для осуществления какого-либо действия», *встретить в штыки* — «отнестись к кому-то недружелюбно».

Многие исследователи относят к фразеологии большое число терминологических сочетаний, значение которых семантически и лексически вполне расчленимо. Терминологические сочетания составляют довольно большую часть выделенных нами фразеологизмов военной тематики. Например, сочетание «сухопутные войска» является военным термином с четко фиксированным словарным значением, однако такие признаки, как устойчивость, воспроизводимость и целостность значения, дают право определять данное словосочетание как фразеологизм военной тематики.

Некоторые исследователи отмечают, что терминологические сочетания могут быть омонимами метафоричным фразеологизмам. С их точки зрения, терминологические сочетания могут иметь прямое значение, переносное и фразеологизированное [8, 53–54].

Мы, вслед за Т. В. Морозовой и В. В. Цицкун, считаем, что фразеологическими единицами могут считаться устойчивые сочетания, которые наделены признаками семантической целостности значения, постоянством компонентного состава и синтаксической функции, устойчивостью и воспроизводимостью [9, 29].

О воспроизводимости как основном свойстве фразеологизма говорил Н. М. Шанский, на основании чего он относил любой составной термин к фразеологизму: «Фразеологический оборот — это воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т.е. постоянная) по своему значению, составу и структуре» [10, 22].

Военная сфера деятельности характеризуется особым языком (военным подъязыком), который является разновидностью литературного языка, используемого ограниченной группой людей в условиях официальной и неофициальной коммуникации. Проблема перехода терминологических сочетаний военной тематики во фразеологические сочетания, а также переоценка и метафоризация их смысла очень интересны лингвистам. В русском языке существуют такие фразеологизмы, о военном происхождении которых сегодня уже никто не задумывается (например, *попасть в цель*, *тяжелая артиллерия*). Конечно, в литературный язык переходят не все фразеологизмы военной тематики. Многие функционируют только в профессиональной лексике военнослужащих (например, *подать рапорт*, *военная техника*, *понтонный парк*), но связность и неделимость компонентного состава, а также воспроизводимость позволяют относить эти словосочетания к фразеологизмам военной тематики.

Об источниках появления новых военных фразеологизмов говорит Л. Н. Третьякова: «Это, во-первых, переход словосочетаний из военного субъязыка в общепотребительный литературный язык и, во-вторых, когда известные обороты устной речи становятся достоянием языка газеты [4, 341].

Военные фразеологизмы традиционно включают в себя:

— точные названия военно-исторических событий или фразеологизмы, связанные с определенными событиями в истории: как *Мамай прошел, Ледовое побоище, Бородинское сражение*;

— цитаты или крылатые выражения военачальников: *Победа — враг войны* (А. В. Суворов). Также в данную категорию могут быть включены высказывания других известных личностей о военной обстановке, армии и т.д.;

— пословицы и поговорки о войне: *один в поле не воин*;

— военная терминология: *вывести из боя, сдать в плен*;

— устойчивые сочетания, не связанные напрямую с военной терминологией, однако имеющие в своем составе военную лексику: *встречать (принимать) в штыки* — принимать или встречать что-либо крайне враждебно, даже неприязненно, недружелюбно [11].

Широкого взгляда на военную русскую фразеологию придерживается Л. Н. Третьякова, «так как при этом выделяется весь фонд фразеологических единиц военной концептосферы русского языка» [12, 266]. Исследователь говорит об обогащении фразеологического поля русского языка при таком подходе.

Наиболее известной не только в отечественной, но и в мировой лингвистике, является классификация, предложенная В. В. Виноградовым, предусматривающая деление фразеологизмов на фразеологические сращения, или идиомы, фразеологические единства и фразеологические сочетания [13]. Если первая группа не вызывает споров среди ученых, то фразеологические единства и, в особенности фразеологические сочетания, до сих пор в некоторых трудах не включаются в состав фразеологии, а рассматриваются как лексико-семантические сочетания. Однако, обращаясь к фразеологизмам военной тематики, мы можем говорить о том, что именно фразеологические сочетания представляют собой наиболее употребительный класс фразеологизмов.

Тематика исследуемой фразеологии богата и разнообразна. Например, Л. И. Ахметсагирова классифицировала фразеологические единицы военной сферы по тематическим группам [3, 79–83]. Автор предлагает разветвленную классификацию, разделив каждую группу на тематические подгруппы и фразеосемантические группы и подгруппы. Это помогает дифференцировать значения фразеологизмов, формулировать их наиболее полно и правильно.

Одним из критериев определения границ языковых единиц является их фиксация в словарях. Фразеологизмы военной тематики отражены во фразеологических словарях недостаточно полно. В настоящее время не существует специализированных словарей, которые бы отражали все единицы исследуемой тематики. Представленные единицы относятся к разным классам, имеют разную структуру, могут быть однозначными и многозначными.

Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» нами обнаружено 169 фразеологизмов военной тематики [14].

Поскольку одним из критериев идентификации фразеологических единиц является их структурные и семантические особенности, мы исследовали их структуру и семантику, наличие полисемии, выявили синонимические и антонимические отношения и т.д.

Семантико-грамматическая классификация, предложенная А. М. Чепасовой, отражает тот факт, что фразеологический фонд имеет четкую внутреннюю иерархичность и делится на классы. Фразеологизмы военной тематики также можно поделить на различные семантико-грамматические классы (призначные, предметные, процессуальные и другие) [15, 6–41].

К семантико-грамматическому классу процессуальных относится наибольшее количество фразеологизмов военной тематики (97 ФЕ): *спрыгнуть с курка, складывать оружие, поднимать оружие, подвести мину, оставаться за флангом, идти нога в ногу, не подпускать на пушечный выстрел, идти в штыки, замарать мундир* и т.д.

Среди причин наибольшей распространенности процессуальных фразеологических единиц военной тематики над единицами других семантико-грамматических классов можно назвать следующие: во-первых, преобладание процессуальных фразеологизмов является общей тенденцией для всех фразеологизмов русского языка; во-вторых, говоря о военной деятельности, мы зачастую имеем ввиду активные процессы и операции, тематика исследуемых фразеологизмов указывает на активные военные действия.

Другие семантико-грамматические классы представлены меньшим количеством военных фразеологизмов.

Так, нами выявлено 35 качественно-обстоятельных военных фразеологизмов: *под сапогом, с поднятым забралом, ускоренным маршем, не в бровь, а в глаз, на щите или со (под) щитом, на два фронта* и др.

Качественно-обстоятельные фразеологические единицы обозначают, каким образом должны быть выполнены военные действия.

23 фразеологизма военной тематики относятся к семантико-грамматическому классу с предметным значением. 12 единиц обозначают неодушевленные предметы: *Аннибалова клятва, вражий дух, вражья сила, лавровый венец, табель о рангах* и т.д. Восемь фразеологических единиц обозначают одушевлен-

ные предметы, лица: *вражий сын, пушечное мясо, гарнизонная крыса* и др.

К призначным фразеологическим единицам можно отнести следующие: *в (при) полном параде, во всей форме, вооруженный с ног до головы*. К количественным относятся единицы *пушкой не прошибешь, имя же им легион*.

Военные фразеологизмы могут быть как однозначными, так и многозначными.

Военным фразеологизмам свойственна семантическая двуплановость. Фразеологические единицы могут использоваться как в прямом, так и в переносном значении, например: *глухая оборона, идти/пойти в наступление, переходить/перейти в наступление, под дулом автомата, давать/дать промах, давать/дать осечку, на линии огня, командовать парадом, держать под прицелом* и др.

Приведем примеры употребления фразеологизма **переходить/перейти в наступление** в разных значениях из «Национального корпуса русского языка» [16]:

1. Воен. Начать атаку на противника: *Армии генералов Рузского и Брусилова перешли в наступление, которое стало неожиданным для австрийцев*. [Пахалюк К. От первой победы к штурму Эрзерума // Эксперт. 2014].

2. Перен. Проявлять активность, перехватывать инициативу: *Хоккеисты Вестерлунда сначала выровняли игру, а затем сами перешли в наступление*. [Осколков В. Тень победы // РБК Дейли. 13.05.2014].

3. Перен. Совершать нападки на кого-что-л., критиковать: *При этом сам действующий вице-президент не переходил в наступление, а играл роль спокойно-го, но въедливого комментатора, умело демонстрируя знание вопросов внешней политики и экономики*. [Известия. 12.10.2012].

Как видно из примеров, в первом значении фразеологизм *переходить/перейти в наступление* является собственно военным, специальным, а во втором и последующих значениях приобретает переносный смысл и употребляется для обозначения мирных, невоенных явлений и действий.

Учет таких явлений, как синонимия и антонимия, дает возможность показать целый ряд фразеологизмов военной тематики, а также показать их богатство и разнообразие. От существующих между явлениями действительности отношений зависят системные парадигматические связи фразеологизмов. Соотношение синонимии и антонимии наиболее характерно для фразеологизмов военной тематики. Можно выделить синонимичные ряды и антонимические парадигмы — оппозиции фразеологизмов.

Так, фразеологизмы *давать/дать промах, давать/дать промаху, давать/дать осечку* с общим значением 'терпеть неудачу; ошибаться в ком-либо, чем-либо' вступают в синонимические отношения:

Они только дождутся, когда он даст промах и подведут под суд — объявят «импичмент» спаси-

телю отечества [Осипов С. Страсти по Фоме. Книга вторая. Примус интер парэс (1998)]; *Она сразу же, еще до дома не доехав, поняла, что дала промаху, неправильно с ним уговорила: надо было бы так, чтоб за ним заехать* [Улицкая Л. Цю-юрихь // Новый Мир. 2002]; *Однако в случае с физикой этот метод внезапно дал осечку* [Завершнева Е. Высотка (2012)]

Фразеологизмы **бить в цель** в значении 'действуя целенаправленно и наверняка, достигать желаемой цели' и **бить мимо цели** в значении 'не достигать требуемого, желаемого результата' образуют антонимическую пару:

Рисунки Ефимова бьют в цель, верно передают чувства советских граждан [Ефимов Б. Десять десятилетий (2000)];

Поставленная задача оказалась нерешенной, а предложенные средства били мимо цели [Неретина С. С., Огурцов А. П. Пути к универсалиям. Раздел V. Универсалии как кванторы: от номинализма к концептуализму (2006)].

Фразеологизмы военной тематики образуют конверсивные пары, например: **попадать/попасть в плен — брать/взять в плен**.

Получается, он не погиб на фронте, а попал в плен и потом оказался в Южной Америке... [Улицкая Л. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // Новый Мир. 2000]; *И понятно, что Рубахин, кто же еще, должен был нести его через воду: не он ли, когда брал в плен, броском своего автомата повредил ему ногу?* [Маканин В. Кавказский пленный (1995)].

При рассмотрении границ фразеологизмов военной тематики необходимо учитывать их словообразовательные возможности. Например, субстантивированные процессуальные фразеологизмы приобретают новое категориальное значение предметности: **взять в плен — взятие в плен, командовать парадом — командование парадом, принять на вооружение — принятие на вооружение, вести бой — ведение боя**.

С 26 октября вела бой и разворачивала свои силы на левом берегу Днепра 2-я Конная. — На тактических играх учили младших командиров правилам ведения боя с превосходящими силами противника. [Буденный С. М. Пройденный путь (1973)].

В тексте фразеологизмы военной тематики могут выполнять различные синтаксические функции.

Предметные фразеологизмы выступают в роли подлежащего, дополнения, сказуемого, обращения:

Они же бедны людьми, страшно бедны, у них есть в избытке только пушечное мясо, все остальное бежит от них как от проказы. [Домбровский Ю. О. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 1 (1943–1958)]; *Войны, где господство артиллерии и пулеметов на поле боя уменьшало роль отдельного солдата, который, особенно в позиционный («окопный») период, превращался в пушечное мясо* [Пахалюк К. Народная армия и герои // Эксперт. 2014]; **Пушечное мясо**, ко-

лосящееся поле для своей подружки с косой! [Тюлькин О. «Я для них ручной медвежонок или свишня» // Петербургский Час пик. 03.09.2003].

Процессуальные фразеологизмы выполняют в предложении функцию сказуемого: *Разделяясь с мифами сталинской эпохи, автор все время держит под прицелом Первого Вождя* [Сухих И. Сказание о тритоне // Звезда. 2001].

Качественно-обстоятельные фразеологизмы выступают в роли обстоятельств: *Комиссия по монументальному искусству столицы во вторник отбивалась на два фронта* [Митрофанов А. На Лубянке не встали ни Феликс, ни Николай // Известия. 21.01.2003].

Понятие «фразеология» не имеет единого значения. Каждый исследователь имеет свой собственный взгляд на границы фразеологии и на объем тех единиц, которые могут быть отнесены к фразеологизмам. Военные фразеологизмы представляют еще большую сложность в силу того, что многие фразеологизмы перешли из военного подъязыка в литературный, многие фразеологизмы являются терминами, а также существует большая группа фразеологизмов с одним ведущим компонентом, к которому присоединяются переменные компоненты, однако каждый из них в отдельности представляет собой вполне оформленную фразеологическую единицу. Таким образом, военная фразеология изучена не в полном объеме, а ее границы не могут быть четко очерчены, поэтому данный вопрос требует дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лупанова Е. В. Отражение военной субкультуры в семантике фразеологизмов / Е. В. Лупанова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 1-2 (67). — С. 142-145.
2. Фесенко О. П. Фразеологизмы русского языка с компонентами-наименованиями воинских званий / О. П. Фесенко // Материалы X Международной научно-практической конференции 5 апреля 2016 г. «Слово. Предложение. Текст: анализ языковой структуры». Сборник научных трудов. — Краснодар, 2016. — С. 187-191.
3. Ахметсагирова Л. И. Образы фразеологизмов военного происхождения (на материале русского и немецкого языков) / Л. И. Ахметсагирова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2010. — № 2 (46). — С. 79-83.
4. Третьякова Л. Н. Военная метафора и фразеология

в современной газете на занятиях по русскому языку синостранными гражданами / Л. Н. Третьякова // Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан. — 2017. — С. 341-344.

5. Лебединская В. А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка / В. А. Лебединская. — Челябинск: ЧГПИ, 1987. — 80 с.
6. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка / А. Г. Назарян. — М.: Книга по Требованию, 2013. — 288 с.
7. Ожегов С. И. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка) / С. И. Ожегов // Лексикографический сборник. — Вып. 2. — М., 1957. — С. 31-53.
8. Постникова О. А. Фразеологизмы терминологического происхождения / О. А. Постников // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. — 2019. — Т. 13. — № 8. — С. 52-55.
9. Морозова Т. В. Специфика фразеологии научной речи / Т. В. Морозова, В. В. Цицкун // Сборник статей IX Международной научно-практической конференции «Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации»: в 4 ч. — 2018. — С. 28-31.
10. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для вузов / Н. М. Шанский. — 4-е, изд., испр. и доп. — СПб.: Специальная литература, 1996-192 с.
11. Большой фразеологический словарь русского языка / Авт.-сост.: И. С. Брилева и др.; отв. ред. В. Н. Телия. — 4-е изд. — М.: АСТ-ПРЕСС, 2009. — 782 с.
12. Третьякова Л. Н. «Еще палач меча не затупил», или «жизнь и судьба» военных фразеологизмов в языке современной газеты // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2013. — № 1. — С. 264-270.
13. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических сочетаний в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М.: Наука, 1977. — С. 140-161.
14. Фразеологический словарь русского литературно-го языка в 2 т. / А. И. Федоров (сост.). — М.: Цитадель, 1997.
15. Чепасова А. М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учебное пособие / А. М. Чепасова. — Челябинск, 2006. — 144 с.
16. Национальный корпус русского языка. — Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.02.2022).

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова
Соколова А. А., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка
E-mail: asok19@yandex.ru

Иткулова А. А., преподаватель кафедры русского языка
E-mail: astashova_89@mail.ru

Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineering Troops A. I. Proshlyakov
Sokolova A. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department
E-mail: asok19@yandex.ru

Itkulova A. A., Lecturer of the Russian Language Department
E-mail: astashova_89@mail.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕМА В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ КИНО КАРАКАЛПАКИИ

Г. Н. Тажадинова

Каракалпакский государственный университет

Поступила в редакцию 28 марта 2022 г.

Аннотация: в статье рассматриваются документальные фильмы каракалпакских авторов, раскрывающих экологические проблемы через судьбы людей разных национальностей и профессий.

Ключевые слова: публицистика, документальный фильм, экология, Арал, Приаралье.

Abstract: the article examines documentaries by Karakalpak authors, revealing environmental problems through the fate of people of different nationalities and professions.

Keywords: journalism, documentary, ecology, the Aral Sea, the Aral Sea region.

Специфика документальности хорошо показана М. Маклюэном на примере фотографии, которая, по его выражению, «отражала внешний мир автоматически, производя точно повторяемый визуальный образ» [1, 215]. Люди творческих профессий — художники, живописцы, графики, а затем и фотографы — искали и находили все новые и новые способы более выразительного отображения изображаемых ими объектов и, прежде всего, людей, живущих повседневным жизненным ритмом. Поэтому можно сказать, что еще до изобретения кино люди творческого плана уже умели изображать в тех или иных формах и нюансах душевное состояние своих героев.

Деятели кино не сразу научились искусству отображения по лицу внутреннего мира людей. После изобретения кино надо было сначала понять, что это за вид искусства, какова его специфика, в чем заключаются его особенности и возможности и т.д. Однако длилось это не столь долго, как пишут авторы словаря «Кино». Они утверждают, что «начиная с фильма В. П. Лисаквича «Катюша» (1964) документальное кино училось раскрывать тончайшие психологические переживания, становясь своеобразным «репортажем чувств» [2, 129]. Мы полагаем, что подобные репортажи чувств, переданные экранными средствами, присутствовали в киноискусстве гораздо раньше, еще в период немого кинематографа. Убедительным примером здесь могут послужить фильмы Чарли Чаплина и другие ленты. Логика тут простая: раз есть кинофильм, где снимаются люди, то естественно, что на их лицах в той или иной форме присутствуют и разнообразные эмоции. Поэтому естественно, что операторы часто останавливали на мгновение кинокамеру, фиксируя различные выражения лиц героев, которых они снимали. Это и был репортаж чувств, о котором пишут авторы словаря. Словом, хотя объектив объективен, т.е. отражает снимаемый им мир беспристрастно, тем не менее авторы

обычно улавливают и фиксируют на пленку то или иное движение мысли на лицах своих героев, поскольку подобный творческий подход представляет собой одну из главных закономерностей их деятельности. Это убедительно проявилось и в фильмах на тему Арала.

Море, однозначно, стало душевной болью каракалпакской нации. Данную мысль, в связи с экологией, сумела выразить Л. А. Коханова: «Экологическая журналистика, являясь выразителем мнений единомышленников, не сдает своих позиций на протяжении всех последующих десятилетий. Многие исследователи объясняют это тем, что на страницы изданий, в теле- и радиопрограммы выплеснулась людская боль, копившаяся десятилетиями» [3, 21]. Одинаково близкое душевное восприятие представителями разных наций экологической проблематики можно объяснить тем, что все народы живут на единой родине, каковой является для них планета Земля, и им не безразлично, какие будут на ней условия проживания для них самих, а затем и для потомков.

Приблизительно такой же мотив, но уже относительно Муйнака, звучит в фильме «Мойнак дослыкүлкеси» (2017 г., авторы Б. Мадияров, Т. Калимбетов, А. Аскараров, редактор Г. Тажетдинова). Здесь речь идет о проживающих в данном приаральском городе целостной общиной казахах, узбеках, русских и каракалпаках. Публицистический пафос ленты заключается в том, что они показаны здесь как дети одной матери. «В Муйнаке единой, дружной семьей живут разные нации», — говорят авторы фильма, демонстрируя в это время на экране представителей разных наций. Здесь в краткой, зарисовочной форме показан жизненный путь представителей разных народов.

В 2019 г. был снят фильм Ш. Ризаева и Г. Эшмуродова «Тенгиз». Кинокамера показывает улицы Муйнака, людей, покупающих питьевую воду, но при этом не жалующихся. Авторы демонстрируют стойкость каракалпакцев, остающихся дружными и верными своим традициям даже в столь трудные времена.

Серьезную оценку положения дел с Аралом и Приаралем дал в своем творчестве известный публицист, журналист и блогер Узбекистана Юрий Черногаев, постоянно пишущий о проблемах региона. В статье «За два шага до катастрофы...», опубликованной в июне 2017 г. на сайте Anhor.uz, он рассказал о важном форуме журналистов из Киргизии и Узбекистана на Иссык-Куле, проведенном при помощи Центра переподготовки журналистов Узбекистана и Центра медиакоммуникаций Киргизии. Такое начинание, посвященное обсуждению важнейшей экологической проблемы, полезно было бы взять на вооружение и кинодокументалистам из Каракалпакстана (Амударья), Узбекистана (Амударья и Сырдарья), Таджикистана (Амударья), Кыргызстана (Сырдарья) и Туркменистана (Амударья). Как и перенять опыт исследовательской публицистики Василия Селюнина, писавшем не просто о гибели Арала и о загрязнении вод Амударьи и Сырдарьи, но о процессе «омертвления среды обитания людей», населяющих Среднюю Азию, о мире бюрократии (он называет ее мафией), нажившейся на плотинах и каналах, и о мире простых людей, страдающих от аральской катастрофы [4].

Народный писатель Узбекистана и Каракалпакстана, Герой Узбекистана Тулепберген Каипбергенов опубликовал повесть-исповедь «Письма на тот свет, дедушке», которое начинается так: «Извини, Дедушка, но я переполнен болью. О ней и хочу поведать тебе... Только ты можешь терпеливо выслушать меня, первого внука своего». Далее он приводит сведения, найденные им в научных источниках: «Если погибнет Аральское море, в первую очередь бедствие обрушится не только на Каракалпакстан, территория которого раскинулась по его берегам и занимает площадь в 165,6 тыс. кв. км, но придет и в Кызыл-Ордынскую область Казахстана. Ее площадь значительно обширнее Каракалпакстана и составляет 225 тыс. кв. км. Коснется бедствие и Ташаузской области Туркменистана. Ее площадь — 73,6 тыс. кв. км. Не минует стихийного бедствия и Хорезмская область Узбекистана, территория которого составляет 4,5 тыс. кв. км. Погибнет уникальный центр древнейшей культуры, возникшей в Туранской низменности, известный во всем мире как родина знаменитых ученых, мыслителей и поэтов. Таких как Беруни, Аль Фараби, Навои, Улугбек, Бердах. Арал служит кондиционером, формирующим климат Среднеазиатского региона. Если нарушится его работа, то не только вокруг, но и на всей Средней Азии, в соседних с ним государствах резко изменятся условия проживания...» [5].

Каракалпакские кинодокументалисты, осознавая описанную проблему, отражают ее через судьбы людей Арала и Приаралья. Фильм «Дэрт ҳәм даўа» 2006 г. (авторы Г. Тажетдинова, Т. Калимбетов, А. Аскарров) рассказывает о главном враче аула Казахдарья Муйнакского района Утесине Назарбаеве. Он с болью говорит о резкой нехватке специалистов, когда од-

ному врачу приходится восполнять нехватку других, о росте количества больных и разнообразии заболеваний. Публицистическая находка — показ того, как сама природа лечит людей, например при помощи бьющих здесь из-под земли нескольких горячих источников или песочных солевых ванн. Врач же обстоятельно объясняет их лечебные свойства.

В фильме «Пидайылар» 2005 г. (авторы Т. Калимбетов, Р. Галиев) кинематографисты показывают, как жители аула Муйнака самостоятельно стараются защититься от засухи. Лента начинается с экспозиции: герой Абдирахман Қалназаров взбирается на оставшееся в песках судно и просит Аллаха вернуть Арал и воду для него. Сами аулчане вяжут камыш в снопы, везут их к каналу, который роют пять мужчин и укладывают готовые снопы по берегам канала. Так они предохраняют аул от того, чтобы его не засыпало песком. Впечатляет также портрет мальчика с кумганом, из которого он пьет воду. Вода вообще лейтмотив многих лент.

В фильме «Үлкемиз тәбияты» 2008 г. (авторы А. Султанов, Б. Баймурзаев, Б. Дилмуратов) документалистам удалось показать частичное сохранение растительного мира Приаралья. Роль рассказчика здесь выполняет кандидат биологических наук, доцент Полат Халмуратов. Он начинает свою речь с того, что растительный мир Кызылкумов на территории Каракалпакстана очень богат. Годовой вал зелени (отлак) Каракалпакстана с Кызылкумов составляет 6,7 млн. центнеров. Особенно богаты зеленью Кызылкумы весной. Здесь растут белый и черный саксаул, туйреуик, 28 видов жузгуна, куянсуяк, но больше всего распространены ок билек и сингрень. Кызылкумы считаются основной базой разведения каракульских овец. Природа и растения Кызылкумов помогают сохранить хорошие генетические качества этих животных, красоту их шкурок, которые пользуются спросом во всем мире. Известно, что каракульские смушки традиционно используются для шитья генеральских воротников российской армии, а также являются одним из наиболее востребованных товаров на ежегодной Всемирной лейпцигской ярмарке. Особой популярностью пользуются и бухарские сайгаки.

В фильме «Арал жасаўы тийис» 2011 г. (авторы А. Акназаров, Т. Калимбетов, Н. Дилмуратов) крупным планом показан старый рыбак, заслуженный изобретатель Узбекистана Бийсен Барбосинов, который ремонтирует свою лодку. Смотря вместе с женой по телевизору посещение Арала генеральным секретарем ООН Пан Ги Муном, он говорит: «По-моему, Арал вернется». В фильме хорошо видно, что трудолюбие и вера каракалпаков в лучшее будущее являются главной отличительной чертой нашего народа.

Историческая документальная лента «Жәхән чемпионы Сансызбайдың избасарлары» 2018 г. (авторы Г. Тажетдинова, Б. Низаматдинов) посвящена мастерам спорта международного класса по академической гребле Абубакиру Узокбоеву и Исламбеку

Мамбетназарову. Раньше этот вид спорта был популярен в Каракалпакистане. Местные спортсмены участвовали в международных соревнованиях. Эффектны кадры с водными бликами Арала 60-х годов, тренировки молодых спортсменов под руководством российского специалиста Н. Г. Чикова, который организовал в 1955 г. в Муйнаке первые в Каракалпакистане соревнования по данному виду спорта.

В фильме «Дуньяқарас» 2006 г. (авторы А. Султанов, Т. Калимбетов, Р. Галиев) сталкиваются два мировоззрения — прежнее и новое. Носителем первого является житель Муйнакского района Караматдин Сапарниязов, представителем второго — его сын. Сначала показаны душевные переживания отца, созвучные тем тяжелым природным условиям, в которых здесь живут люди. Вот он идет к кораблю, застрявшему в песках, с его приближением к судну звучит громкий удар гонга, который возвещает о неблагоприятной экологической обстановке в данной местности. Затем следуют кадры, показывающие повседневную жизнь его семьи. Мальчик пьет воду из самовара, девочка из крана. Когда Караматдин идет на рыбную ловлю, камера выхватывает еще 7–8 суден, которые находятся в песках. Подобные кадры становятся рефреном фильма. Затем акцент в фильме переносится с погибших кораблей на работу современной газокомпрессорной станции, где трудится сын К. Сапарниязова.

Показательна энергия труда и жизни людей в непростых климатических условиях. Кинодокументалисты в большинстве лент демонстрируют образ земли как основного источника жизни и богатства республики. Трудолюбие каракалпаков и узбеков непосредственно связаны с землей и водой, которые считаются здесь священными. Эта традиция уходит своими корнями в зороастризм, который господствовал на данной территории более 500 лет и который считал землю и воду неприкосновенными.

Пафос активного преодоления недостатков и трудностей присутствует практически в каждом фильме. Документалисты создают настоящую кинолетопись республики, ставя в центр своих экранных исследований человека труда с его несгибаемой волей и верой в лучшее будущее. В подобных лентах часто проходит мысль о том, что трудолюбие народа Каракалпакистана — залог его процветания в будущем. При этом операторы нередко используют как открытую, так и скрытую съемку, показывая своих героев в разных жизненных ситуациях. Активную работу людей над восстановлением и благоустройством дна засохшего моря сегодня зачастую можно

увидеть не только в кино, но и на телевизионном документальном экране.

Новый человек является одним из главных героев фильма «Арал жасауы тийис» 2011 г. (авторы А. Акназаров, Т. Калимбетов, Н. Дилмуратов). Это Батирбай Ибайдуллаев, поднявшийся до должности директора рыбоконсервного завода. В фильм включены многочисленные хроникальные эпизоды полноводного Аральского моря того времени. После высыхания моря Батирбай не пал духом, а стал разводить домашнюю живность: коров, баранов, кур. «Оказывается, человек дважды в жизни становится ребенком», — звучат символические слова диктора. Человек, переживший аральскую катастрофу, возродился к жизни.

В фильме «Мойнаққа ақ куў, ғаз келди» 2006 г. (автор Д. Абдимуратов) говорится о том, что вокруг Муйнака люди создали несколько искусственных озер. Это сделано для рисовых полей, рыбного хозяйства, для отдыха людей — жизнь не стоит на месте. Данный мотив находит свое продолжение в удачно найденном авторами, прекрасном эпизоде, когда над Муйнаком поднимается заря и начинается новый день. В это время сквозь предутренний рассвет прорывается крик младенца, который становится для зрителя символом новой жизни.

Экологическая тема актуальна в планетарном масштабе. Это ощущает и Каракалпакия. Но, несмотря на экстремальные условия, представители разных наций живут здесь в мире и согласии, что и показывает современный кинематограф. Хотя следует отметить, что местные кинодокументалисты отражают в большей степени тяжелые условия проживания людей и в меньшей — их созидательный труд.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маклюэн М. Понимание медиа / М. Маклюэн. — М., 2011.
2. Кино. Энциклопедический словарь. — М., 1986.
3. Коханова Л. А. Экологическая журналистика, PR и реклама: учебное пособие / Л. А. Коханова; под ред. Я. Н. Засурского. — М.: Юнити, 2007. — 383 с.
4. Проблема защиты природы в современной литературе и публицистике. — Режим доступа: http://www.pomochnik-vsem.ru/load/publikacii_pedagogov/russkij_jazyk_literatura_razvitie_rechi_obuchenie_gramote/podgotovka_k_sochineniju_rassuzhdeniju_quot_problemy_zashhity_prirody_v_sovremennoj_literature_i_publicistike_quot/16-1-0-284 (дата обращения: 26.03.2022).
5. Каипбергенов Т. Письма на тот свет дедушке / Т. Каипбергенов. — Режим доступа: <http://abdikamalov.narod.ru/abdikamalov/pisma.htm> (дата обращения: 26.03.2022).

Каракалпакиский государственный университет,
Узбекистан

Тажетдинова Г. Н.

E-mail: tazhetinovag@inbox.ru

Karakalpak State University, Uzbekistan

Tajadinova G. N.

E-mail: tazhetinovag@inbox.ru

СМИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

В. Д. Таказов

Российский университет дружбы народов

К. С. Загоскина

Северо-Осетинский государственный университет

Поступила в редакцию 10 мая 2022 г.

Аннотация: в статье рассматриваются средства массовой информации как средство продвижения политики «мягкой силы» государств, их роль и эффективность в контексте повышения имиджа государства. Процесс информационно-психологического воздействия для формирования общественного мнения с помощью СМИ и контроль информационного ресурса рассматривается как неотъемлемая часть политики «мягкой силы». Автор отмечает, что сегодня СМИ являются «мягким» инструментом публичной дипломатии, но одновременно способны осуществлять «полумягкие» способы воздействия в контексте информационных войн.

Ключевые слова: «мягкая сила», СМИ, внешняя политика, информационная политика.

Abstract: the article considers the mass media as a tool to promote «soft power» policy, the role and effectiveness of the media in the context of improving the image of the state. The process of information-psychological influence for the formation of public opinion through the media and control of information resource is considered as an integral part of the policy of «soft power». The author notes that the media is a «soft» tool of public diplomacy today, but at the same time is able to carry out «semi-soft» ways of influence in the context of information wars.

Keywords: «soft power», mass media, foreign policy, information policy.

Идея новой теории влияния государства посредством невоенных методов — с помощью культуры и искусства, пропаганды системы ценностей — появилась в конце 1970-х гг. Автором концепции «мягкой силы» США является профессор Гарвардского университета Джозеф Най, определивший «мягкую силу» как способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения [1–2]. Ее ресурсами в мировой политике выступает все то, что «вдохновляет и привлекает» к источнику соответствующего воздействия, позволяя тому, кто его контролирует, добиваться желаемого результата. «Мягкая сила» как способность государства привлекать для сотрудничества различных акторов, может основываться и на призыве к другому государству следовать общему стандарту и здравому смыслу, при этом решение спорных вопросов будет преподноситься так, чтобы оно было приемлемо для другой стороны спора или конфликта. Иногда формирование предпочтений других может осуществляться путем использования ресурсов, обычно относимых к «жесткой силе»: сам факт наличия у государства могущественных вооруженных сил может стать фактором привлекательности государства. В свою очередь, успешная модель экономического разви-

тия и благосостояния населения способна повлиять на формирование желаний и стремлений повышения образа жизни путем сотрудничества.

Представляется важным определить базис (ресурс) «мягкой силы». В качестве основных ресурсов выступают культурный потенциал, идеологические ценности, символы государства, общественные ценности и поведенческие стандарты. Экспорт определенных ценностей, правил и норм поведения, которыми руководствуются государства при реализации как внутренней, так и внешней политики, придание им статуса общепринятых и универсальных, а также создание соответствующих международных институтов, имеет важнейшее и первостепенное значение для формирования могущественной «мягкой силы» [3, 67]. Основная же задача «мягкой силы» в рамках долгосрочной перспективы — формирование лояльной по отношению к государству, проводящему политику «мягкой силы», политической элиты и общества государства-объекта, преподнесение политических и/или экономических трансформаций в качестве прямого интереса и выгоды. Частично данный подход отражен в стратегии не прямых действий Дж. Лиддел-Гарта, который обращает внимание на то, что в XX в. происходит трансформация стратегии выбора инструментов непрямого воздействия на фоне развития каналов информационных коммуникаций, вследствие чего возрастает возможность влияния

на политические и экономические элиты тех стран, с которыми государство вступает в вооруженный конфликт [4].

В данном контексте важнейшим становится аспект публичной дипломатии, на которую в первую очередь возложены задачи по воздействию на правительства государств и формированию общественного мнения посредством развития межкультурного диалога, развития международных образовательных программ и, конечно же, вещание через СМИ.

Рост эффективности публичной дипломатии как комплекса мер по информированию зарубежной аудитории можно объяснить тем, что в него входит большее по сравнению с традиционными дипломатическими мерами в рамках информационной политики число внешнеполитических средств, при этом публичная дипломатия полностью отвечает запросу государства по реализации внешней политики государства и обеспечению его безопасности. Так, публичная дипломатия (*public diplomacy*) является одним из важнейших элементов в рамках наращивания потенциала «мягкой силы». В публичной дипломатии одним из ключевых инструментов является информационный ресурс и контроль над информационными потоками. Дж. Най, речь о котором шла выше, выделяет три направления публичной дипломатии в контексте «мягкой силы» США: ежедневное освещение американских внешнеполитических действий; фокусирование информационного потока в СМИ на обсуждении наиболее важных для США политических тем; развитие прямых контактов с иностранной аудиторией с помощью образовательных обменов, программ, научных стипендий и предоставления грантов [5].

Активное развитие публичной дипломатии на современном этапе можно объяснить внешнеполитической тенденцией, которая заключается в переходе ряда государств от глобализации как процесса формирования всемирной политической и экономической интеграции к формированию политических и экономических коалиций, где идеологическая составляющая имеет важнейшую роль. Контроль информационного ресурса и формирование новостной повестки в такой ситуации способствует продвижению собственной системы ценностей, трансформации национальных интересов и представлений у них среди населения различных возрастных групп. Следствием данных процессов становятся процессы формирования оппозиционных кругов в государстве-объекте публичной дипломатии, а также дальнейшая смена политической элиты и власти в государстве-объекте, что позволяет установить контроль над внутривнутриполитическими процессами.

С учетом вышесказанного предполагается, что обеспечение данных процессов является частью долгосрочной внешнеполитической стратегии, а значит, предполагается масштабное и системное ис-

пользование всех возможных информационных ресурсов и каналов. Таким образом, в их число войдут различные официальные лица, деятели культуры, образования, представители медиа — именно они и являются основой для осуществления политики «мягкой силы» в государстве и усилении гуманитарного присутствия.

Для того, чтобы понять роль СМИ как средства продвижения «мягкой силы», необходимо обозначить задачи государств в рамках повышения привлекательности и собственного имиджа. К ним относятся: укрепление государственного влияния и авторитета в конкретном государстве или регионе; распространение ценностей собственного государства в мире; развитие международного академического и образовательного обменов; популяризация собственного языка и культуры; обеспечение собственной «культурной безопасности» от распространения «мягкой силы» иных субъектов; создание условий для расширения экономического влияния и инвестиционного потенциала [6]. В данном контексте СМИ позволяют использовать различные позитивные и негативные коннотации с целью осветить то или иное событие с нужного угла, становясь таким образом средством интерпретации, в связи с чем при анализе конкретной медиаплатформы необходимо выводить критерии политической ангажированности. Однако в данном случае крайне сложно вывести единую объективную систему критериев оценки объективности СМИ. В контексте продвижения политики «мягкой силы» данный аспект является благоприятным обстоятельством для достижения целей. При этом с помощью СМИ становится возможным не только повышать собственный потенциал влияния, но и создавать негативный, а иногда и нелегитимный образ третьей стороны для уменьшения или полного подрыва ее влияния в том или ином регионе. В данном контексте важно отметить, что ключевым становится освещение внутривнутриполитической повестки в государстве-объекте в рамках установленных внешнеполитических задач. Освещение внутривнутриполитической ситуации в той или иной стране, например выборов в конкретном государстве, протестов, связанных с нарушениями выборных процедур, несогласия части населения с результатами выборной кампании или освещение иных протестов как социальной рефлексии на происходящие в стране изменения или события, может позволить выдавать аналитическую позицию ангажированных СМИ как позицию части общественности, поскольку в данном случае ключевую роль будет играть важнейшая специфика СМИ — массовость.

Еще одной ключевой особенностью в контексте продвижения «мягкой силы» становится развитие интернета и стирание временных границ для информационного потока. Сегодня новостной поток функционирует фактически круглосуточно, при этом обладает

высокой степенью доступности с учетом развития сетевых технологий. Данный фактор говорит о гибкости и пластичности публичной дипломатии и конкурентном преимуществе как средства повышения государственного имиджа. Медийные платформы, главным образом функционирующие в интернете, усиливают большое число значимых тенденций и процессов современной политике. К одной из таких тенденций можно отнести межгосударственное противоборство, которое переходит в цифровую информационную среду. Результатом данного процесса стали информационные войны и информационные конфликты. Таким образом, деятельность СМИ как проводника политики «мягкой силы» способна повлиять на изменение международной политики, что отражается на межгосударственных конфликтах, их природе и на способах их урегулирования. К важнейшим задачам по продвижению «мягкой силы» на современном этапе, реализация которых возложена на СМИ, можно отнести и конструирование идентичности того или иного государства в дискурсе СМИ [7]. Так, результатом информационной войны в рамках конфликта в Косово и Грузии в мировом общественном сознании стал сформированный образ России как государства-агрессора, где политика России рассматривается не как рефлексия на внешнеполитические вызовы, но как противоречащая коллективной системе безопасности. На основе данных кейсов можно сделать предположение о том, что формирование единого новостного дискурса с использованием негативных коннотаций сегодня становится частью информационной войны, что выходит за рамки «мягкой силы», поскольку привлекательность одной модели преподносится за счет дискредитации другой, при этом освещение СМИ и способность влиять на общественное мнение по отношению к международным политическим конфликтам уже выходит за рамки «мягких» средств, образуя некие «полужесткие» меры и способы влияния. Развитие научно-технического прогресса существенно способствовало расширению возможностей медиа влиять на общество, участвовать в формировании мнений, мировоззрения, образа жизни с учетом традиций или религии. СМИ напрямую становятся инструментом для осуществления трансформации обществ, влияя таким образом на развитие внутригосударственного кризиса, региональный или международный конфликт. Ярким примером трансформации общественного мнения становится кейс Украины 2014 г.: информационная кампания, которая была развернута в западных и украинских медиа, оказывала влияние на общественное мнение граждан Украины, в частности по таким вопросам, как сотрудничество с Россией, определение собственной идентичности и внешнеполитической ориентации страны, подъем патриотизма среди населения и консолидация последнего вокруг новой власти. Данный пример показывает,

что СМИ как инструмент «мягкой силы» в процессе увеличения возможностей для реализации публичной дипломатии сегодня приобретают гибридную специфику на фоне своей трансформации и участия в международных конфликтах. Сегодня СМИ представляют собой инструмент передачи информации посредством различных технических средств. Однако важнейшей особенностью технического обеспечения становится и коммуникационная возможность и налаживание инструментария обратной связи. Так, профессор И. Д. Фомичева определяет средства массовой коммуникации как способы, материальные носители, приспособления для фиксирования, хранения и распространения информации через массовую аудиторию и от нее [3]. Однако важно отметить тенденцию СМИ к преодолению классического восприятия издания или медиаплатформы как источника информации, действующего в одном направлении. Данную специфику можно объяснить тем, что в современном медиaprостранстве наблюдается существенная децентрализованность аудитории, наличие большого числа различных по типу информационных каналов, в числе которых печатные издания, радио, телевидение, глобальные сети, а также широкая и повсеместная доступность информации.

Развитие форумов, возможность оставлять комментарии при одновременном снижении уровня цензуры говорит о включении технологий средств массовой коммуникации в форму представления информации общественности. Данный аспект является важным в контексте обеспечения национальной безопасности государства, поскольку данный подход в рамках обеспечения и контроля информационного потока позволяет осуществлять деструктивную деятельность в государстве-объекте «мягкой силы», следствием чего становится рост протестного потенциала общества и социально-политический кризис. Фактически ангажированные СМИ, на которые возложено формирование политической повестки, становятся посредником между правительствами и социумом. Государственные органы через СМИ воздействуют на общественное мнение, объясняя и интерпретируя те или иные действия с целью оправдания политического курса и своих действий. Медийные источники становятся платформой для выражения общественного мнения и запроса, при этом СМИ как посредник не несут ответственности за выполнение и реализацию ни тех, ни других.

Таким образом, СМИ сегодня являются важнейшим инструментом достижения целей в рамках реализации политики «мягкой силы». СМИ выступают инструментом формирования общественного мнения путем обработки информационного ресурса государств и создания таким образом положительного имиджа собственного государства. Тем не менее сегодня СМИ способны оказывать влияние на перспективу изменения вооруженных столкновений — «жест-

кой силы». На основе известных событий в Косово, Грузии и на Украине можно увидеть, что в рамках формирования внутривосточной повестки происходит трансформация СМИ и спектра возможностей публичной дипломатии и приобретение ими специфики «полужестких» мер и способов влияния. В первую очередь это связано с международными конфликтами между государствами или столкновением интересов в конкретно взятых регионах, когда выгоду приобретает актер-участник конфликта, владеющий информационными потоками. В данном контексте СМИ способны подрвать политический инвестиционный, культурно-мировоззренческий имидж противника.

Сегодня гибридная природа СМИ является вызовом для многих стран. Фактически невозможно добиться политического и экономического баланса в международной системе без контроля за информационными каналами коммуникации. Большая часть государств включает вопрос о программах развития публичной дипломатии в стратегии внешнеполитического развития своих стран («Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г.»; концепция «мирного развития» в Китае 2004 г. и др.). Все

это свидетельствует о стремлении государств к развитию собственных программ публичной дипломатии, а также о государственной рефлексии в рамках обеспечения собственной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Най Дж. С. Будущее власти / Дж. С. Най. — М., 2014.
2. Най Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / Дж. С. Най. — Новосибирск-Москва, 2006.
3. Фомичева И. Д. СМИ среди средств социальной коммуникации / И. Д. Фомичева // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2012. — № 1. — С. 60–72.
4. Лиддел-Гарт Дж. Стратегия не прямых действий / Дж. Лиддел-Гарт. — М.: Издательство АСТ, 2014.
5. Трибрат В. «Мягкая безопасность» по Джозефу Наю / В. Трибрат // Международные процессы. — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/old/seventh/014.htm> (дата обращения: 12.05.2022).
6. Melissen J. The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations / J. Melissen. — London, 2005. — P. 22–23.
7. Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война»: монография. — М.; Екатеринбург, 2017. — 196 с.

Российский университет дружбы народов

Таказов В. Д., доктор филологических наук, профессор

E-mail: forum59@mail.ru

Северо-Осетинский государственный университет

Загоскина К. С., аспирант

E-mail: forum59@mail.ru

Peoples' Friendship University of Russia

Takazov V. D., Doctor of Philology, Professor

E-mail: forum59@mail.ru

North Ossetian State University

Zagoskina K. S., Postgraduate Student

E-mail: forum59@mail.ru

КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ В НАУКЕ КАК ПОСЛЕДСТВИЕ МЕДИАТИЗАЦИИ

Н. Д. Трищенко

Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук

Поступила в редакцию 6 сентября 2022 г.

Аннотация: в статье рассматриваются предпосылки развития «культуры отмены» в научном сообществе, взаимосвязь явления с процессами медиатизации и распространением концепции постнормальной науки, а также перспективы дальнейшего изучения проблемы с позиции исследований медиа и коммуникации.

Ключевые слова: медиатизация, культура отмены, постнормальная наука, научная коммуникация.

Abstract: the article discusses the prerequisites for the development of a «cancel culture» in the scientific community, the relationship of the phenomenon with the mediatization processes and the spread of the concept of postnormal science, as well as the prospects for further study of the problem from the standpoint of media and communication studies.

Keywords: mediatization, cancel culture, postnormal science, scientific communication.

ВВЕДЕНИЕ

Наука как социальный институт за последние десятилетия подверглась значительной трансформации, которая затронула все части научной деятельности, но в первую очередь — систему коммуникации. Трансформация практик и норм научной коммуникации происходит в контексте перехода науки на платформу новых медиа, что способствует открытости научной информации и научного процесса обществу на том уровне, который ранее невозможно было представить.

Тенденции последних десятилетий — развитие движения за открытый доступ, все большее вовлечение не-ученых в науку, медиатизация всех сфер человеческой жизни — значительно способствовали тому, чтобы научный мир стал более чувствительным и восприимчивым к общественно-политической обстановке. Развитие «культуры отмены» и массовое вовлечение в политический активизм как обычных граждан, так и коммерческих структур не могло не сказаться на условиях работы исследователей. Именно поэтому необходимо учитывать изменения в системе научной коммуникации, в том числе этических установках и ценностях, которые активно происходили в последние годы.

Культуру отмены, которая так ярко проявилась в научных кругах весной 2022 г., можно считать частью тех процессов, в результате которых нормы научного сообщества все больше сдвигаются в сторону «постнормальной науки», где личные и этические установки могут быть важнее, чем собственно научное знание. Под новые правила вынуждены подстраиваться не только сами представители на-

учного сообщества, но и представители различных общественных институтов и коммерческих компаний, в том числе издательства. Именно на их примере предлагается рассмотреть, как описанные тенденции проявляются на практике.

КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ И АКАДЕМИЯ

В связи со множеством скандалов с участием известных личностей и значением культуры отмены в современном обществе явлению посвящено уже немало литературы, в том числе монографий, предлагающих многосторонний анализ явления [1; 2]. Хотя основная часть источников по теме представляет собой обсуждение культуры отмены с общих позиций или описание отдельных кейсов, существуют также попытки анализа явления с помощью научного инструментария, в том числе в приложении к научному сообществу.

Считается, что культура отмены уходит корнями в традиции комьюнити темнокожих и стало частью коммуникационных практик в новых медиа, когда вышло за пределы «черного» «Твиттера» [2]. Взгляды на явление в научном сообществе разнятся от горячей поддержки [3] до полного неприятия [1], что соответствует и спектру отношения в обществе. Один из ключевых аргументов противников культуры отмены состоит в том, что в случае кампании по отмене «обвинение равняется приговору» — и в отличие от ситуации с традиционными общественными и государственными институтами у обвиненного фактически нет шансов оправдаться [1].

Ранее исследователи уже неоднократно обращались и к проблеме культуры отмены в научной среде, обращая внимание на необходимость защиты академической свободы, без которой невозможно развитие научного знания [4; 5], поэтому критиче-

ски важно, чтобы ученые могли высказывать свою точку зрения на проблему, даже если она не является общепринятой или считается непопулярной [6].

В то же время в связи с тем, что ученые становятся все более активными пользователями социальных сетей, они все чаще и чаще сталкиваются с различного рода нападениями и конфликтами на идеологической почве [7]. Результаты исследований говорят о том, что ученые не чувствуют свободы высказывать личное мнение и вынуждены работать с ощущением постоянного контроля за тем, что они говорят. Причем самоцензура в социальных сетях затем также переходит в самоцензуру уже и в офлайне [7].

Все эти тенденции соотносятся с предложенной еще в 90-е гг. прошлого века концепцией «постнормальной науки», учитывающей ситуацию, в которых ученый не может действовать, а наука не может функционировать в соответствии с традиционными нормативными установками [8]. Концепция не раз подвергалась критике и пересмотру в различных ее аспектах — как систематическом [9], так и в рамках единичных проявлений, знаменующих появление дополнительных ключевых установок (в частности, провозглашение «прозрачности» необходимой составляющей науки и публичной коммуникации одновременно) [10]. Эмпирические исследования, подходы которых основываются на концепции PNS, в основном посвящены происходящему в климатологии [11; 12], в том числе на примере коммуникационных практик ученых в социальных сетях [13].

Культура отмены фактически невозможна в рамках нормативных концепций науки прошлого века, так как предполагает довольно определенную этическую и политическую позицию, которой требуется

соответствовать. В то же время концепция постнормальной науки как раз оставляет много пространства для личной позиции, личного отношения и конфликта в публичном пространстве

«Отмена» российской науки и международные научные издательства

Весной 2022 г. многие международные научные издательства прервали отношения с российскими организациями, фактически оставив исследователей всей страны без доступа к значительной части актуальной научной литературы. При этом некоторые компании жестко заявили о своей позиции в публичном поле, а другие ограничились лишь выражением поддержки украинским ученым, не заявив о каких-либо санкциях.

Чтобы увидеть, как развивалась ситуация, мы обратились к примеру крупнейших представителей издательской индустрии, которые, по данным WoS, в 2021 г. отвечали за 80% публикуемой литературы. Всего в список попало 31 издательство.

Результаты изучения сайтов издательств показали, что с тем или иным заявлением выступило 74% компаний (Диаграмма 1). Почти половина при этом заявила о полном прекращении каких-либо отношений с российскими организациями, а одно издательство также намерено отказывать в публикации всем исследователям с российской аффилиацией.

Чуть меньше трети издательств высказали свое сочувствие и осуждение, однако никак не прокомментировали влияние ситуации на их операционную деятельность, при этом одно издательство акцентировало внимание на том, что статьи от российских ученых по-прежнему будут приниматься к рассмотрению в общем порядке.

Диаграмма 1. Реакция международных издательств в публичном пространстве

Лишь чуть более четверти издательств никак не заявили о своей позиции и остались в стороне от конфликта, и среди них лишь одна компания из топ-15. Это еще одно свидетельство того, что в со-

временном мире практически невозможно держать нейтралитет, цифровое пространство, в котором «все шаги записаны», вынуждает выбирать сторону и четко показывать свое место в конфликте.

Косвенно это подтверждается и тем, как в течение марта появлялись публикации на сайтах разных издательств с заявлением публичной позиции: к концу месяца уже было невозможно остаться в стороне и не высказаться. Издательства не просто прервали отношения с российскими организациями, а посчитали нужным заявить о своей позиции так, чтобы это было видно всем.

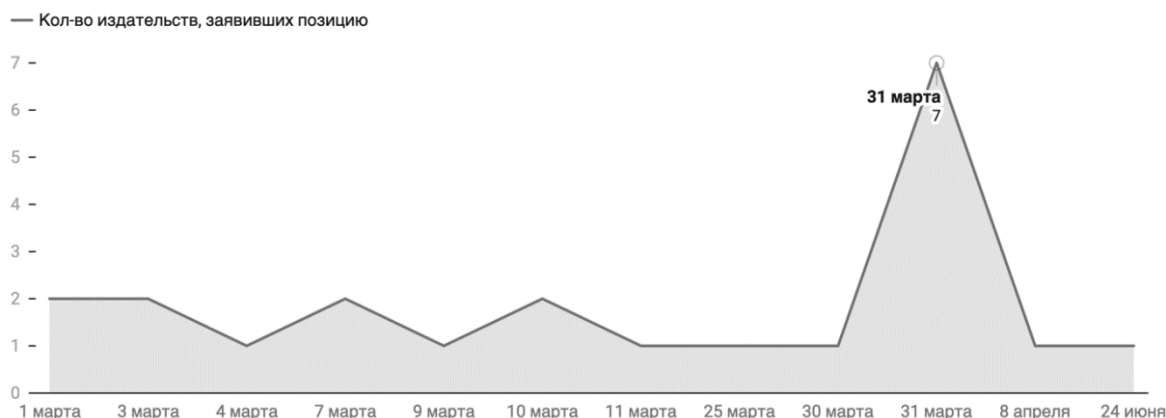

Диаграмма 2. Динамика публикации заявлений о позиции крупнейшими международными издательствами (Данные для 22 издательств, в случае одного из издательств отсутствует дата публикации заявления.)

ВЫВОДЫ

Интеграция системы научной коммуникации с цифровой средой и медиатизация общественно-политической жизни людей влияют не только на технические и правовые аспекты функционирования научного сообщества, но и на нормы науки, представление о том, как должны себя вести те или иные акторы в ответ на события, не имеющие прямого отношения к научному миру.

Именно относительная закрытость научного сообщества во многом способствовала сохранению основ «нормальной» науки, в которой ученый существует в рамках научного сообщества, «внешние» люди не имеют доступа к данным или результатам исследований, а также не могут принимать участия в их обсуждении или верификации.

Ситуацию с «отменой» российского научного сообщества следует рассматривать как то, что полностью укладывается в логику развития научной коммуникации последних десятилетий. Это не отдельный эпизод, а давно развивающийся процесс, который за рубежом, безусловно, шел гораздо активнее, чем в отечественной практике, поэтому российское научное сообщество еще не успело воспринять перемены. Однако очевидно, что в дальнейшем влияние общества на научный мир будет только усиливаться, особенно в случае острых социальных вопросов.

В связи с этим представляется перспективным дальнейшее исследование того, какова роль медиа в трансформации системы научной коммуникации и как в дальнейшем будет происходить этот процесс, если ее акторы будут следовать логике медиа, а не на-

Такое поведение связано в том числе с бурной реакцией на события самих ученых и ожиданиями научного сообщества, требовавшего от издательств внятной реакции. В некоторых случаях баннеры со ссылками на соответствующие заявления размещены на главных страницах сайтов издательств, что дополнительно подчеркивает значимость наличия публичной позиции.

уки. Также по-прежнему остается вопросом то, насколько широко распространены нормы постнормальной науки и проявляются ли они только в случае тем, связанных с социально значимыми вопросами, или же это общая для научного мира тенденция.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dershowitz A. *Cancel Culture: The Latest Attack on Free Speech and Due Process* / A. Dershowitz. — New York, Hot Books, 2020. — 155 p.
2. Ng E. *Cancel Culture: A Critical Analysis* / E. Ng. — Palgrave Macmillan, 2022.
3. Clark M. *Drag Them: A brief etymology of so-called «cancel culture»* / M. Clark // *Communication and the Public*. — 2020. — № 5. — P. 88–92.
4. Bartel R. *Academic freedom and an invitation to promote its advancement* / R. Bartel // *Geogr. Res.* — 2019. — № 57 (3). — P. 359–367.
5. Dzenis S. *Political correctness: the twofold protection of liberalism* / S. Dzenis, F. Nobre Faria // *Philosophia*. — 2020. — № 48 (1). — P. 95–114.
6. Teixeira da Silva J. *How to shape academic freedom in the digital age? Are the retractions of opinionated papers a prelude to «cancel culture» in academia?* / J. Teixeira da Silva // *Current Research in Behavioral Sciences*. — 2021. — № 2.
7. Rotolo A. *Cancel Culture in Academia: Social Media Self-Presentation in the Context of Imagined Surveillance* / A. Rotolo // *Grand Canyon University ProQuest Dissertations Publishing*. — 2022.
8. Funtowicz S. *Science for the post-normal age* / S. Funtowicz, J. Ravetz // *Futures*. — 1993. — № 25 (7). — P. 739–755.

9. Macfarlane B. Communism, universalism and disinterestedness: Re-examining contemporary support among academics for merton's scientific norms / B. Macfarlane, M. Chen // *Journal of Academic Ethics*. — 2008. — № 6. — P. 67–78.
10. Weinberger D. Transparency is the new objectivity / D. Weinberger // *Joho the Blog*. — 2009. — Режим доступа: <https://www.hyperorg.com/blogger/2009/07/19/transparency-is-the-new-objectivity/> (дата обращения: 04.09.2022)
11. Bray D. The Normative Orientations of Climate Scientists / D. Bray, H. von Storch // *Sci Eng Ethics*. — 2017. — № 23. — P. 1351–1367.
12. Wilke A. Climatologists' patterns of conveying climate science to the agricultural community / A. Wilke, L. Morton // *Agric Hum Values*. — 2015. — № 32. — P. 99–110.
13. Walter S. Scientific networks on Twitter: Analyzing scientists' interactions in the climate change debate / S. Walter, I. Lörcher, M. Brüggemann // *Public Understanding of Science*. — 2019. — № 28 (6). — P. 696–712.

*Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук
Трищенко Н. Д., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
E-mail: trishchenko.nataliia@yandex.ru*

*State Public Scientific and Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Trishchenko N. D., Candidate of Philology, Senior Researcher
E-mail: trishchenko.nataliia@yandex.ru*

ИЗМЕНЕНИЯ ТЕМАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СПОРТИВНЫХ ТЕЛЕКАНАЛОВ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

В. В. Тулупов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 сентября 2022 г.

Аннотация: в статье рассматриваются изменения тематической структуры отечественных спортивных телевизионных каналов, делается вывод о том, что в ближайшее время стоит ожидать переориентирование российских каналов на трансляции спортивных соревнований и лиг из «дружественных» стран, стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Ключевые слова: спортивный телеканал, эфирная сетка, Матч ТВ, политическое ток-шоу, рейтинг.

Abstract: the article examines the changes in the thematic structure of domestic sports television channels, concludes that in the near future we should expect the reorientation of Russian channels to broadcast sports competitions and leagues from “friendly” countries, countries of Asia, Africa and Latin America.

Keywords: sports TV channel, broadcast network, Match TV, political talk show, rating.

Влияние внешнего общественно-политического фактора на современную российскую журналистику крайне велико: начиная с 2014 года, когда после известных событий на Украине и в Крыму нашу страну поочередно накрыли шесть волн так называемых западных санкций, тематика и проблематика журналистских выступлений заметно изменились. На характере публикаций в прессе, на телевидении, на радио, в интернет-СМИ очевидно сказалось воздействие актуального политического дискурса. Так, самые популярные общедоступные телеканалы поменяли эфирную сетку, и большую часть дневного эфирного времени отдали под политические ток-шоу: «Время покажет» (1 канал), «60 минут» и «Большая игра» (Россия-1), «Место встречи» (НТВ) и др. Отразилась новая ситуация и на функционировании отечественных спортивных телеканалов.

После запуска в 2015 году нового общедоступного спортивного телеканала «Матч ТВ» и платных каналов, входящих в его сетку («Премьер», «Страна», «Футбол», «Боец», «Планета» и др.), структура программного постоянно эволюционировала. В самом начале своей работы спортивное телевидение делало ставку на сугубо спортивный контент, состоявший из прямых репортажей с соревнований, аналитических программ, развлекательных и утренних ток-шоу на спортивную тематику, обзоров. Однако, когда из-за санкций российские федерации, команды и спортсмены стали отлучать от участия в международных соревнованиях под флагом своей страны, подход к формированию эфирной сетки поменялся. В течение шести лет тематическая структура спортивных телеканалов оставалась достаточно

стабильной, хотя и подвергалась постоянной критике. Например, за то, что в стремлении заработать на платном контенте «Матч» перевел большинство матчей российского чемпионата футболу на канал «Матч Премьер», а эфир основного общедоступного канала заполнял кинофильмами — боевиками, триллерами, комедиями.

Как отмечал ранее нынешний заместитель генерального продюсера телеканала «Матч ТВ» Василий Конов, такая ситуация возникла по причине дороговизны прямых трансляций, которые зачастую приносят показатели по охвату на уровне или даже ниже, чем, например, у «Свадьбы в Малиновке». При этом чтобы показать фильм, достаточно приобрести право на его использование единожды, а далее запускать кино нажатием одной кнопки. По схожей причине желающим посмотреть прямые включения с ключевых спортивных событий необходимо было покупать подписку на платный контент (в скобках заметим, что такая практика является общепринятой в мире).

Критике подверглось и появившееся в сетке телеканала политическое ток-шоу «Есть тема», поскольку оно, во-первых, фактически копировало передачу «60 минут», во-вторых, ориентировалось, по сути, не на целевую аудиторию, а на зрителей, предпочитавших контент общественно-политических программ. Хотя следует признать, что благодаря скандальности (ведущие и участники передачи, живо обсуждавшие мировые спортивные события, не стеснялись в выражениях и оценках) программа приобрела популярность у зрителей. Тем не менее, одна из зрительниц, обращая со своим комментарием к ведущему Антоне Анисимову, написала: «Я пожилой человек, и мне бывает неловко и стыд-

но слышать, как Вы в программе «Есть тема» беспардонно оскорбляете спортсменов Украины, Польши, Чехии... Это не делает Вам чести. Например, сегодня говорили о Доменике Гашеке. И то, как Вы в заключение обругали его, повторю, было стыдно слушать. В интервью Гашека я не услышала каких-то оскорблений ни в Ваш адрес, ни в адрес наших спортсменов. Он достаточно корректно изложил свою позицию, свое видение ситуации. Вы же по существу ничего не ответили, а в конце и вовсе использовали почти нецензурное слово. Таким способом правоту не докажешь. Отвратительно, когда Вы Ярославу Могуних назвали «мразью», когда футболистов называли «подонками», проклинали сборную Польши» [1]. То есть налицо явное нарушение журналистской этики, и очень важно, чтобы девиантное поведение корреспондентов получало необходимую оценку профессионального сообщества [2].

С марта 2022 года тематическая структура спортивных телеканалов начала резко меняться. Произошло это из-за того, что большинство международных провайдеров и лиг закрыли доступ для своего контента на территории России, а спортивные федерации практически полностью исключили возможность для отечественных спортсменов участвовать в соревнованиях вне нашей страны. Теперь эфирная сетка переориентировалась с международных соревнований на российские: «Матч ТВ» включил трансляции со «Всероссийской спартакиады 2022», добавил прямые репортажи с матчами «МЕЛБЕТ-Первой Лиги» (новое название ФНЛ) и чемпионатов России по различным видам спорта.

Из-за санкций в отношении России и ее спортсменов, а также лиг контент спортивного ТВ стало более национально-ориентированным и разнообразным — в сетку вещания общедоступных каналов добавились репортажи с женских турниров по футболу, хоккею, регби, плаванию, гимнастике и т.д.

При этом в эфире по-прежнему находится место и для наиболее популярных трансляций с матчами Лиги чемпионов УЕФА, Лиги Европы, чемпионатов мира по хоккею и прочим видам спорта. Так, по данным компании *Mediascope*, самой рейтинговой программой (охват — 2,6%) в канале «Матч ТВ» стал прямой репортаж матча Лиги чемпионов между «Баварией» (Мюнхен) и горожанами из «Барсело-

ны». Помимо этого, на каналах по-прежнему транслируют игры европейских футбольных лиг Италии и Германии.

По понятным причинам, российское спортивное телевидение отказывается от прежних дорогостоящих контрактов на прямые включения с главных международных форумов, которые будут привлекать минимум аудитории из-за отсутствия там отечественных спортсменов. Консолидация общества на фоне санкций требует от каналов оперативно реагировать на текущую общественно-политическую ситуацию в мире и находить иные пути для наполнения эфирной сетки.

В то же время стоит отметить, что из-за резкой смены контента, рейтинг спортивных каналов снизился. Например, сегодня канал «Матч ТВ» занимает лишь 21-ю строчку в рейтинге телеканалов России с показателем рейтинга по времени просмотра на уровне 1,79%. Канал уступает по популярности детской «Карусели» и киносети «Мосфильм. Золотая Коллекция». Правда, такие низкие показатели связаны в связи с интересом аудитории к событиям вокруг СВО (специальной военной операции) и, соответственно, уходом людей на общественно-политические каналы, а также на кино- и сериальные программы, где они могут расслабиться и морально разгрузиться.

Прогнозируя будущее российского спортивного телевидения, можно констатировать, что в ближайшее время стоит ожидать переориентирование каналов на трансляции спортивных соревнований и лиг из «дружественных» стран. Вероятно, российскому зрителю откроют удивительный мир спорта Ирана, Китая, Вьетнама, а также африканского и латиноамериканского континентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ты каждый раз оскорбляешь людей, свинья и урод // Kick! — URL: <https://kick-or-die.ru/2022/06/02/ty-kazhdyj-raz-oskorblyaesh-lyudej-svinya-i-urod-samyj-skandalnyj-efir-match-tv-ob-ukraine/> (дата обращения 2.09.22).

2. Кузнецова Н. Е. Профессиональные стандарты в политической тележурналистике (на примере программ «Первого канала» и канала «Россия 1»). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Н. Е. Кузнецова. — Воронеж, 2021.

Воронежский государственный университет

Тулупов В. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна научный сотрудник

E-mail: tulupov_vv@mail.ru

Voronezh State University

Tulupov V. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Public Relations, Advertising and Design Researcher

E-mail: tulupov_vv@mail.ru

КОРОТКИЕ ВИДЕО ТЕЛЕКАНАЛА «CGTN-РУССКИЙ» КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ ОБРАЗА КИТАЯ В СОЗНАНИИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

Чжан Мэн

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 18 мая 2022 г.

Аннотация: в статье рассматривается китайский русскоязычный телеканал «CGTN-Русский». Анализируется коммуникативная стратегия на материале коротких видео сайта «CGTN-Русский». Особое внимание обращается на стратегию контента коротких видео для международной аудитории как инструмента продвижения образа Китая.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, «CGTN-Русский», международные СМИ, медиаобраз, пропаганда.

Abstract: the article considers the Chinese Russian-language TV channel «CGTN-Russian». The communicative strategy is analyzed on the material of short videos of the «CGTN-Russian» website. Particular attention is paid to the content strategy of short video for international audience as a tool to promote the image of China.

Keywords: communication strategy, «CGTN-Russian», international media, media image, propaganda.

В настоящее время стратегия СМИ в построении образа страны среди и ее собственного населения, и населения других стран является актуальной проблемой для исследования. Короткие видео телеканалов, как и любое другое средство массовой информации, формируют общественное мнение и являются важными инструментами пропаганды образа страны в сознании аудитории.

В последние годы китайские СМИ активно продвигают позитивный образ страны за рубежом, в том числе и в России. Несомненно, в культурном сотрудничестве между Китаем и Россией СМИ играют важную роль. Целью внешней пропаганды любых национальных медиа является формирование положительного имиджа своей страны на международной арене [1]. Ученый Х. Цзян предлагает четыре типа мышления, которые необходимы Китаю в международной коммуникации: глобальное мышление, локальное мышление, цифровое мышление и деловое мышление [2]. При этом в медиакоммуникации есть место как для традиционных форматов ТВ, так и для адаптированных под TikTok новостных сюжетов [3].

В 2018 г. платформы коротких видео Китая, представленные Douyin, определили продолжительность коротких видео менее 4 минут в соответствии с атрибутами своей платформы [4]. Автором статьи были изучены все короткие видео продолжительностью менее 4 минут, вышедшие под рубриками «Культура» и «Природа» телеканала «CGTN-Русский» в период с декабря 2021 г. по март 2022 г. Всего было изучено 52 материала.

«CGTN-Русский» — китайский международный телеканал, вещающий на русском языке. Основной аудиторией являются зрители, чьим родным или вторым языком является русский язык. В ходе продвижения контента для русскоязычной аудитории глобальное мышление и локальное мышление являются наиболее важными коммуникативными стратегиями телеканала. На сайте «CGTN-Русский» всего восемь разделов, включая главные новости, новости Евразии, новости мира, видео, фото HD и др. Видео представлено тремя тематическими направлениями: общество, культура и природа. Большинство из них это короткие видео.

На «CGTN-Русский» направление «Общество» представлено в основном социальными новостями продолжительностью около 3 минут, но, поскольку здесь меньше коротких видео о КНР, мы не анализируем его материалы. Направление «Природа» демонстрирует сюжеты о великих реках, горах и животных Китая, «Культура» рассказывает о традиционной культуре, обычаях страны и т.д. Мы разделили 52 коротких видео на семь категорий в зависимости от их содержания: природа, искусство, спортивная информация, официальное поздравление, музыкальное видео, культурный туризм и интервью (табл. 1).

Из таблицы видно, что помимо коротких видео о природе, большое количество видео посвящено искусству. Например, в 34-секундном видео «Детенышей панд пытаются сфотографировать»¹ показа-

¹ Детенышей панд пытаются сфотографировать // CGTN на русском. 2022. 29 Jan. URL: <https://russian.cgtn.com/t/VfjIA-EA-NEA/EIeIEA/index.html> (дата обращения: 17.04.2022).

ны национальные достояния Китая — панды. Видео об искусстве знакомит с китайским музыкальным инструментом гуцинь, китайскими шахматами и т.д. Некоторые короткие видео также сочетают в себе местную информацию, знакомящую российскую аудиторию с китайскими выставками, которые проходят в России. Например, видео продолжительностью 2 минуты 33 секунды «Выставка “В поисках сливы”»² через показ экспонатов и интервью с посетителями показывает, как московский Государственный музей искусства народов Востока представил выставку, посвященную китайскому Новому году. «CGTN-Русский» также выпустил видео о русском искусстве — «Изготовление матрешек»³.

Многие короткие видео посвящены спорту, так как с 4 по 20 февраля 2022 г. в Пекине прошло международное спортивное мероприятие — зимние Олимпийские игры. Правительство Китая придавало большое значение продвижению этого форума. Во время Олимпийских игр огромное внимание уделялось спортсменам из России. На этих видео можно увидеть таких российских спортсменов, как Евгения Медведева и Евгений Плющенко. Например, Евгений Плющенко обратился к аудитории по-китайски в ролике «Когда “Лебединое озеро” встретилось с зимней Олимпиадой в Пекине»⁴. В ролике «Песня-лозунг Олимпиады 2022 с Евгенией Медведевой»⁵ Евгения Медведева приняла участие в съемках видео на песню, которая посвящена зимним играм в Пекине.

Помимо Олимпийских игр, широко освещался еще один значимый праздник — китайский Новый год. Видео «Посол России в Китае Андрей Денисов поздравил жителей Китая с Новым годом по лунному календарю»⁶, «Посол Беларуси в Китае Юрий Сенько поздравил жителей Китая с Новым годом

по лунному календарю»⁷ стали официальными поздравлениями (хронометраж — от 44 секунд до 1 минуты 56 секунд).

Принцип сочетания глобального и локального мышления проявляется и при демонстрации музыкального видео «CGTN-Русский». Например, музыкальное видео продолжительностью 3 минуты 45 секунд — «Вместе ради общего будущего»⁸. Ведущие CGTN, известные блогеры, спортсмены и музыканты из разных стран исполнили песню «Вместе ради общего будущего». Запись проходила более чем в 10 городах мира, в том числе Пекине, Москве, Санкт-Петербурге и т.д. В ней приняли участие китайские фигуристы Чэнь Лу, Пан Цин, российская фигуристка Евгения Медведева, казахский певец Димаш Кудайберген и сотни людей из разных уголков мира. Также на платформах Медиакорпорации Китая и ряда зарубежных СМИ появились версии клипа на разных языках. В Weibo, TikTok и других соцсетях был запущен челлендж с хештегом #TogetherforBeijing2022#. Челлендж проводился по инициативе Медиакорпорации Китая. Его цель — объединить людей из разных стран и выразить наилучшие пожелания организаторам и участникам Олимпийских игр в Пекине.

Видео о культурном туризме привлекают аудиторию, демонстрируя уникальную культуру и фестивали китайских городов. Например, 42-секундное видео «Фестиваль фонарей в Сиане»⁹. Видео рассказывает о том, что в городе Сиань проходит фестиваль, приуроченный к празднику фонарей, который в Китае отмечают 15-го числа первого месяца по лунному календарю. Это один из самых древних праздников в стране.

Поскольку большинство видео CGTN с интервью длиннее, есть только одно видео с интервью короче четырех минут. Таким образом, автором было выбрано видео продолжительностью 1 минута 31 секунда как типичное представление интервью — «Певец Димаш Кудайберген: “Вместе ради общего будущего”»¹⁰. В интервью Димаш рассказал CGTN, как участвовал в записи песни, посвященной Олимпийским

² Выставка «В поисках сливы» // CGTN на русском. 2022. 28 Mar. URL: <https://russian.cgtn.com/t/BfjIA-cA-HAA/EbFbAA/index.html> (дата обращения: 25.04.2022).

³ Изготовление матрешек // CGTN на русском. 2022. 15 Feb. URL: <https://russian.cgtn.com/t/BfjIA-IA-DcA/EJJaGIA/index.html> (дата обращения: 17.04.2022).

⁴ Когда «Лебединое озеро» встретилось с зимней Олимпиадой в Пекине // CGTN на русском. 2022. 1 Feb. URL: <https://russian.cgtn.com/n/BfjIA-IA-EA/EJAdcA/index.html> (дата обращения: 17.04.2022).

⁵ Песня-лозунг Олимпиады 2022 с Евгенией Медведевой // CGTN на русском. 2022. 2 Jan. URL: <https://russian.cgtn.com/t/BfjIA-EA-IA/EHcEEA/index.html> (дата обращения: 17.04.2022).

⁶ Посол России в Китае Андрей Денисов поздравил жителей Китая с Новым годом по лунному календарю // CGTN на русском. 2022. 30 Jan. URL: <https://russian.cgtn.com/t/BfjIA-EA-HIA/EIfcA/index.html> (дата обращения: 17.04.2022).

⁷ Посол Беларуси в Китае Юрий Сенько поздравил жителей Китая с Новым годом по лунному календарю // CGTN на русском. 2022. 30 Jan. URL: <https://russian.cgtn.com/t/BfjIA-EA-HIA/EIfcA/index.html> (дата обращения: 17.04.2022).

⁸ Вместе ради общего будущего // CGTN на русском. 2022. 3 Jan. URL: <https://russian.cgtn.com/t/BfjIA-EA-cA/EHdFEA/index.html> (дата обращения: 25.04.2022).

⁹ Фестиваль фонарей в Сиане // CGTN на русском. 2022. 15 Feb. URL: <https://russian.cgtn.com/t/BfjIA-IA-DcA/EJffIA/index.html> (дата обращения: 25.04.2022).

¹⁰ Певец Димаш Кудайберген: «Вместе ради общего будущего» // CGTN на русском. 2022. 1 Jan. URL: <https://russian.cgtn.com/t/BfjIA-EA-EA/EHbeAA/index.html> (дата обращения: 17.04.2022).

играм 2022 и о том, какой вид зимнего спорта является его любимым.

По сравнению с новостными видео контент коротких видео шире и имеет более длительное воздействие. По сравнению с телесериалами и документальными фильмами короткие видео привлекательнее и обновляются быстрее. С точки зрения настройки контента CGTN принимает дифференцированную коммуникационную стратегию для разных аудиторий и разных регионов, начиная с локальных событий и выделяя локализованные услуги. На русскоязычном канале Китая основное внимание уделяется динамике русскоязычных стран, которая формирует эксклюзивный контент для местной аудитории (например,

использование видео российских спортсменов для продвижения зимних Олимпийских игр в Пекине).

Важными коммуникативными стратегиями «CGTN-Русский» являются глобальное мышление и локальное мышление. Помимо продвижения важных международных мероприятий, для русскоязычной аудитории канал «CGTN-Русский» использует позитивный язык и контент для продвижения уникальной культуры и природы, включая видео об искусстве, которое знакомит с китайским музыкальным инструментом гуцинь, китайскими шахматами, китайским древним ремеслом и проч. В целом показан положительный образ Китая и позитивные отношения между КНР и РФ.

Таблица 1

Тематическая классификация видео в разделе «Культура» и «Природа» телеканала «CGTN-Русский»

Тематика	Количество	%	Общая продолжительность	Средняя продолжительность
Природа	14	27	14 минут 28 секунд	1 минута 2 секунды
Искусство	9	17	15 минут 21 секунда	1 минута 42 секунды
Спортивная информация	8	15	11 минут 16 секунд	1 минута 25 секунд
Официальное поздравление	8	15	7 минут 22 секунды	55 секунд
Музыкальное видео	7	14	10 минут 7 секунд	1 минута 27 секунд
Культурный туризм	5	10	3 минуты 53 секунды	47 секунд
Интервью	1	2	1 минута 31 секунда	1 минута 31 секунда

ЛИТЕРАТУРА

1. Цюй Ц. О позитивном репортаже в зарубежном вещании / Ц. Цюй // Современная коммуникация. — 1991. — № 2. — С. 58
2. Цзян Х. Расширение и укрепление международного общения в новую эру / Х. Цзян // Журнал коммуникационного университета Чжэцзяна. — 2018. — № 5. — С. 62–65.
3. Chobanyan K. Testing the waters: Tiktok's potential

for television news / K. Chobanyan, E. Nikolskaya // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. — 2021. — Vol. 3. — P. 62–88.

4. Чжан Я. Исследование факторов, влияющих на короткий видеоконтент и распространение новостей Kuaishou / Я Чжан, С. Вэй, Я Инь // Телевизионные исследования. — 2020 (08). — С. 73–76.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Чжан Мэн, аспирант

E-mail: 1065704486@qq.com

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Zhang Meng, Postgraduate Student

E-mail: 1065704486@qq.com

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ИНОСТРАННЫХ БРЕНДОВ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СВО

М. А. Шилова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 22 сентября 2022 г.

Аннотация: *Статья посвящена анализу коммуникативной политики российских и иностранных брендов в период проведения специальной операции на Украине в 2022 г., включая оценку ребрендинга и постинга в социальных сетях (на примере «VKontakte»).*

Ключевые слова: *ребрендинг, ренейминг, рестайлинг, мимикрия, аббревиация, субституция, транслитерация, коммуникативная политика.*

Abstract: *The article is devoted to the analysis of the communication policy of Russian and foreign brands during the special operation in 2022, including the assessment of rebranding and posting in social networks (using the example of VKontakte).*

Keywords: *rebranding, renaming, restyling, mimicry, abbreviation, substitution, transliteration, communication policy.*

С февраля по сентябрь 2022 г. в отношении Российской Федерации и ее резидентов было введено шесть пакетов санкций от Евросоюза, отдельные санкции от Канады, США, Японии, Южной Кореи, Австралии и Новой Зеландии [1], а также иные ограничения и запреты в связи с ситуацией на Украине.

На этом фоне одни иностранные компании объявили о приостановке бизнеса в России, отказе от оплаты в рублях или даже полном уходе с российского рынка; другие — взяли «тайм аут», изменили маркетинговую стратегию, провели комплексный ребрендинг и вернулись на российский рынок; третьи — остались на рынке, реорганизуя и реструктурируя работу предприятия, скорректировали свою коммуникативную политику и продолжили коммерческую деятельность в условиях снижения конкуренции. В отношении отдельных зарубежных компаний, в частности *Meta Platforms* (социальные сети *Instagram* и *Facebook*), было вынесено судебное решение о запрете деятельности на территории РФ в силу пропаганды экстремизма. Таким образом, иностранные бренды выбрали приемлемую для себя линию поведения: нейтралитет в отношении сложившейся политической ситуации либо поддержка санкций и осуждение действий РФ. Вторая позиция не всегда связана с политическими взглядами иностранной компании, а зачастую продиктована законодательными ограничениями и санкционными мерами, выдвинутыми в отношении России в странах происхождения бренда.

Российские компании, не имеющие иностранных активов, тоже по-разному реагируют на сложившуюся политическую ситуацию. Многие компании выражают открытую поддержку специальной операции на Украине и оказывают помощь беженцам. Так руководство и сотрудники госкорпорации «Ростех» собирают средства для беженцев Донбасса, перечисляя заработную плату за 1–5 рабочих дней в фонд помощи пострадавшим.

В знак поддержки российских военных воронежская компания «Робин Сдобин» разместила на части продаваемых кондитерских изделий шоколадные медальоны с буквой Z. Многие перевозчики воронежского городского пассажирского транспорта также выразили свое отношение к ситуации на Украине, разместив на лобовых стеклах автобусов стикеры в виде буквы Z.

Другие российские компании придерживаются нейтральной позиции в своей коммуникативной политике, используют традиционные маркетинговые приемы и не добавляют в свое инфополе политическую повестку.

С конца февраля 2022 г. на российском рынке прекратили, приостановили или сократили операционную деятельность более 1 тысячи западных компаний. Однако уже летом 2022 г. некоторые из них возобновили работу. Не последнюю роль в принятии данного решения сыграла инициатива депутата Госдумы Евгения Федорова о десятилетнем запрете на ведение бизнеса в РФ ушедших иностранных компаний.

Вернувшиеся компании обозначили новый этап своей деятельности в России ренеймингом, рестайлингом и ребрендингом.

Таблица 1

Бренд	Новое название	Сфера	Что происходит
McDonald's	Вкусно — и точка	Общепит	Активы компании в России приобрел франчайзи сети ресторанов Александр Говор. Открытие под новым названием состоялось 12 июня 2022 г.
L'Occitane	Л'Окситан	Косметика	Французский косметический бренд переименован в «Л'Окситан» (кириллическое написание). Магазины возобновили свою работу.
Cropp	Cr	Одежда	Магазины, принадлежавшие польской компании LPP Group, проданы консорциуму из Китая и открылись под новым названием.
Sinsay	СИН	Одежда	
Reserved	RE	Одежда	
Levi's	JNS	Одежда	Магазины проданы. Сменилось юрлицо. Торговые точки открылись в Москве под новым именем.
Rebook	Sneaker box	Одежда	Открытие магазинов под новым названием в России запланировано на сентябрь-октябрь. Поставку товара Rebook будет осуществлять турецкая компания FLO Retailing.
Shell	Teboil	Автозаправки	Бывшие заправки англо-нидерландской компании Shell в России продолжают работу под финским брендом Teboil (новое имя), который принадлежит ЛУКОЙЛу.
The Ritz-Carlton	The Carlton Moscow	Отели	Отель переименован и продолжает работать независимо от международной сети гостиниц класса люкс Ritz-Carlton Hotel Company.
Crowne Plaza Moscow WTC	Plaza Garden Moscow WTC	Отели	С июля 2022 отель Crowne Plaza Moscow WTC перестал быть частью сети отелей IHG Hotels & Resorts и работает под новым именем в составе Центра международной торговли Москвы
Cosmopolitan	Voice	Журналы	ИД Independent Media перезапустил издания, отказавшись от партнерства с Hearsrt, под новыми названиями. Сохранил главных редакторов и основной состав креативных команд.
Домашний очаг	Новый очаг	Журналы	
Men's Health	Men Today	Журналы	
Valio	Viola	Продукты питания	Российское подразделение финского концерна Valio было продано группе компаний «Велком». Продукция продается под новым названием.
Fazer Group	Хлебный дом	Продукты питания	Финская компания Fazer сменила в 2022 г. юридическое наименование и продолжила работу на территории России как ООО «Хлебный дом». В конце апреля появились сообщения о приобретении российских активов финской компании холдингом «Коломенский». В настоящее время продукция реализуется под названием «Хлебный дом».
Coca-Cola	Добрый Cola	Продукты питания	В конце августа Coca-Cola HBC заявила, что будет продавать в РФ напиток под брендом «Добрый Cola». Подразделение компании в РФ переименовано в Multon Partners (ООО «Мултон партнерс»).
Extreme	Sunreme	Продукты питания	Концерн Nestle объявил о смене названия трех брендов мороженого на территории РФ.

*Данная таблица актуальна на 20.09.2022 г.

О феномене ренейминга и его причинах написано множество научных публикаций известных исследователей: Л. В. Балахонской [2], М.Е Новичихиной [3], Н. М. Ступниковой [4] и др.

Маркетинговые коммуникации в период кризиса становятся трансляторами взглядов и ценностей коммерческих структур.

Примеры брендов иностранных компаний и компаний с иностранным участием, которые подверглись ренеймингу, представлены в таблице 1.

Проанализировав таблицу, можно сделать вывод о том, что использовались следующие языковые и маркетинговые приемы ренейминга:

Транслитерация, или побуквенная передача отдельных слов и текстов одной графической системы средствами другой системы.

Аббревиация — образование сокращений от словосочетаний и слов.

Усечение — образование новых слов путем сокращения.

Субституция (от позднелат. *substitutio*, от лат. *substitutio* — «ставлю, назначаю вместо») — это группа способов словообразования, при которых происходит замена частей слов. При этом усекаться и добавляться может не только морфема, но и неморфемный сегмент.

Полная смена названия бренда.

Мимикрия бренда — копирование имени и визуальной айдентики известного бренда с внесением незначительных изменений, что приводит к сходству с оригиналом до степени смешения.

Синергия — использование нескольких приемов одновременно; усиливающий эффект взаимодействия двух или более факторов, характеризующийся тем, что совместное действие этих факторов существенно превосходит простую сумму действий каждого из указанных факторов.

Очевидно, что в рамках ренейминга основной коммуникативной задачей большинства компаний было сохранение преемственности названий, существование легкой идентификации товаров знакомого бренда под новым названием представителями целевой аудитории и сохранение бренд-лояльности.

В современных реалиях мимикрия приобрела новое значение. Если прежде под ней подразумевали подделку под продукцию известного бренда, маскировку одного продукта (часто худшего качества) под другой (более качественный) при помощи цветовой гаммы, формы и графических элементов, то сейчас — это способ сохранения идентификации одних и тех же брендов и продуктов, прошедших процедуру ребрендинга в силу ряда политико-экономических причин.

Рекламная кампания вернувшейся на российский рынок под новым названием «Вкусно — и точка» сети ресторанов *McDonald's* является наглядным подтверждением нашей гипотезы. В середине июня 2022 г. в интернете и на центральном телевидении появился первый рекламный ролик. В нем был сделан акцент на том, что всё осталось «тем самым» — качество, сотрудники и поставщики. Над кампанией работали известное креативное агентство Leo Burnett (Москва) и медийное агентство Starcom (Москва).

Текст коммуникативного послания был четко выверен: «Есть места, которые мы хорошо знаем. И куда идём за тем самым. Тем самым вкусом. Той самой улыбкой...И качеством, за которым стоят десятки поставщиков. И стоят стеной. Название меняется, любовь остается. Те самые 162 тысячи человек уже ждут, чтобы миллионы снова сказали: «Вкусно — и точка». Несмотря на то, что прежнее название сети ресторанов в ходе новой рекламной кампании не упоминалось, у потребителей возникла четкая позитивная ассоциация со старинным другом или давним знакомым.

Очевидно, что в кризисной для иностранных и российских брендов ситуации, коммуникативная политика компаний имеет сверхважное значение. Традиционным каналом коммуникации являются социальные сети, ключевой из которых в настоящее время стала сеть «ВКонтакте».

В начале специальной военной операции многие иностранные бренды, приостановившие свою дея-

тельность в России, явно не имели стратегии на случай кризиса и прекратили публикации в социальных сетях. Лишь немногие оповестили свою аудиторию о решении уйти из России. В сообществе бренда ZARA «ВКонтакте» последний пост был датирован 22 февраля и не содержал каких-либо упоминаний о решении компании уйти с российского рынка. Об этом аудитория могла узнать только на официальном сайте компании (<https://www.zara.com/ru>).

McDonald's вышел на связь со своей аудиторией «ВКонтакте» на следующий день после заявления руководства о приостановке деятельности, однако ограничил комментарии под последней записью и закрыл эту возможность для предыдущих постов. Интересно, что, несмотря на это, прирост аудитории за следующий месяц составил более 20 тысяч человек. Последним летним постом *McDonald's* было сообщение «Ждем возвращения нашей компании на территории России» (<https://vk.com/mcdonaldsrussia>). А 12 июня появилось новое сообщество «Вкусно — и точка» (https://vk.com/vkusno_itochka) с постами, приглашающими посетить новые рестораны сети. В настоящее время в сообществе размещается интерактивный контент о Бигфесте и ведется работа с негативными отзывами. Модератор помогает сориентироваться пользователям в названиях новых бургеров. Например, подсказывает, что «Биг Хит» (или «Биф Хит») будет аналогом хорошо знакомого «Биг Мака», а «Айс де Люкс» — мороженого «Макфлурри».

Компания KFC деятельность на отечественном рынке не прекращала, однако, в сообществе с конца февраля остановила постинг и возобновила его только в начале июня (<https://vk.com/kfcrussia>). При этом никаких объяснений трехмесячному молчанию не последовало. Компания предложила подписчикам попробовать летнее меню с «Чикен питой». При этом в период полного отсутствия постинга в сообществе наблюдался небольшой рост аудитории (+2185 человек).

Burger King снизил частоту публикаций, но не прекратил ведение социальных сетей в целом. В основном, посты были посвящены праздничному меню (23 февраля и 8 марта), позднее — введению «Волпер — пиццы». В марте компания разместила информацию о хакерских атаках на сайт и инфраструктуру мобильного приложения Бургер Кинг Россия. Иногда подписчики задавали вопросы о том, собирается ли компания уйти из России, как некоторые ее коллеги по общепиту. При этом *Burger King* потерял за короткий период порядка 5 тысяч подписчиков. На наш взгляд, это могло быть связано с ростом цен на продукцию ресторана, о чем также свидетельствуют многочисленные гневные комментарии подписчиков (<https://vk.com/burgerking>).

Безусловно, события на Украине и последовавшие санкции повлияли на деятельность многих российских компаний: у одних возникли проблемы с по-

ставщиками и выросли цены на комплектующие, у других поменялся ассортимент, у третьих возникли глобальные сложности с оказанием услуг. К примеру, авиакомпания «Победа» (<https://vk.com/pobeda.aero>) с 24 февраля стала информировать подписчиков о введении ограничений на полеты и корректировке расписания авиарейсов, связанных с событиями на Украине. Авиакомпания сразу взяла курс на эмпатичный маркетинг, делая упор на общезначимые ценности. Появились публикации, обращенные к теме семьи и дружбы. К примеру, пост от 24 марта имеет призыв «Полетели к любимым!». А видео от 13 апреля размещено под заголовком «Пилоты Победы — о карьере и дружбе». В качестве альтернативы международным полетам компания предлагает обратить внимание на направления внутри страны. Раз в неделю выходят посты, посвященные привлекательным туристическим местам России. В сообществе много негативных комментариев, связанных со сложностями при возврате билетов и ростом цен на пассажирские перевозки.

Резюмируя, отметим, что в кризисной ситуации для сохранения доверия целевой аудитории необхо-

димы непрерывный контакт (постинг и т.п.), открытое обсуждение сложных вопросов (непосредственно касающихся работы компании и ее клиентов), дружеский тон сообщений (вне зависимости от пользовательских комментариев). Многие компании это понимают, что мы и наблюдаем в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Путеводитель по санкциям и ограничениям против Российской Федерации (после 22 февраля 2022 г.) / информационный портал Гарант.ру — URL: <https://base.garant.ru/57750632/#friends> (дата обращения 01.09.2022).
2. Балахонская Л. В. Основные причины корпоративного ренейминга / Л. В. Балахонская // Век информации. 2015. — № 3. — С. 219–221.
3. Новичихина М. Е. О некоторых причинах ренейминга (на примере ренейминга в банковской сфере) / М. Е. Новичихина // Бренддинг как коммуникативная технология XXI века. — СПб., 2020. — С. 60–62
4. Ступникова Н. М. Национальная специфика коммерческой номинации как одна из причин ренейминга / Н. М. Ступникова // Язык и национальное сознание: Межвузовский научный сборник. — М., 2009. — С. 138–141.

Воронежский государственный университет

Шилова М. А., доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна

E-mail: maria_prtep@mail.ru

Voronezh State University

Shilova M. A., Associate Professor of the Public Relations, Advertising and Design Department

E-mail: maria_prtep@mail.ru

ИСПРАВЛЕНИЯ

В №2 «Вестника ВГУ. Серия: Филология. Журналистика» 2022 г. в заглавии статьи Г. А. Шпилевой, В. А. Бондаренко, У. Ю. Борисовой (С. 91) была допущена ошибка.

Следует читать:

Поэтика и проблематика произведений Л. Г. Прыгунова: нарративные и жанровые аспекты современной прозы и поэзии.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Вниманию иногородних авторов! Статьи, высланные по почте ценной бандеролью, к печати приниматься не будут. Статьи должны направляться простым письмом.

Журнал «Вестник Воронежского государственного университета» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Полные статьи принимаются объемом до 40 000 символов с пробелами, краткие статьи – до 25 000 символов с пробелами.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

1) текст статьи, УДК, таблицы, рисунки и подписи к ним (на русском языке); аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах: инициалы и фамилии, их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (на русском и английском языках) в распечатанном виде (в 2 экз.);

2) файлы всех представляемых материалов на электронном носителе или по электронной почте редакции.

Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

СТРУКТУРА ПУБЛИКАЦИЙ

Публикация статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следуют: заглавие статьи, инициалы и фамилии авторов, развернутые названия научных учреждений. Далее

приводятся: дата поступления материала в редакцию краткие аннотации и ключевые слова – на русском и английском языках.

Список использованной литературы озаглавливается словом «Литература», нумеруется в порядке цитирования (а не по алфавиту).

В конце статьи помещается информация об авторах (место работы, фамилии, инициалы, ученая степень, должность, контактные данные – на русском и английском языках).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСИ

Текст статьи должен быть напечатан через 1,5 интервала на белой бумаге формата А4, поля стандартные, размер шрифта – 14 (Times New Roman).

Все страницы рукописи следует пронумеровать. Формулы, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Рисунки прилагаются отдельно. Формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей. Подрисуночная подпись должна быть самодостаточной, без апелляции к тексту. На обратной стороне рисунка следует указать его номер, фамилию первого автора, пометить, если требуется, «верх» и «низ». Полутонные фотографии (используются только при крайней необходимости) представляются на белой глянцевой бумаге, ксерокопии не принимаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ

Основной текст статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word. Таблицы являются частью текста и не должны создаваться как графические объекты.

Электронная версия каждого рисунка должна быть оформлена как отдельный файл формата TIFF, JPEG, BMP, WMF, EPS с разрешением не менее 300 dpi. Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы было понятно, к какой статье они относятся и каким по порядку рисунком статьи являются. Каждый файл должен содержать один рисунок.